

ЧАСЫ, ИДУЩИЕ НАЗАД

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

ЧАСЫ, ИДУЩИЕ НАЗАД

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова

Часы, идущие назад

Об остальных и горевать не стоит? Они нужны вам не больше пряжки, которая оторвалась от вашей туфельки в раннем детстве? Мы – путники, которые должны удерживать весь свой скарб в руках. Выроним – подберут те, кто идет следом... Наш путь долог, а жизнь коротка. И на этой дороге накапливается весь скарб человечества. Ничто не пропадает бесследно.

Том Стоппард «Аркадия»

© Степанова Т. Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*** * *Глава 1**

Стрелки и циферблат. Логово

Тихо и сыро. Предрассветная мгла. Жемчужный свет летних сумерек. Диск луны – над речкой. Над башней.

Луна выглядит плохо. Луна похожа на лик после долгой изнурительной болезни или безумия, прижатый к толстому оконному стеклу *с той, другой стороны*.

Луна пялится сверху и не отражается в реке. Мглистая дымка июня одеялом укутывает чахлую речку и берега, заросшие кустарником и осокой.

Острый шпиль башни черен на фоне больной безумной луны. Тусклые блики лунного света – словно потеки светящейся краски на белом круге циферблата башенных часов.

Черные стрелки часов похожи на ножницы.

Сколько времени до рассвета?

Нисколько.

Часы на башне не знают. Они молчат так давно, что разучились считать минуты и мгновения.

Громада высокой квадратной башни, увенчанной шпилем, заслоняет небо. На фоне приземистых кирпичных фабричных корпусов башня с часами смотрится органично и монолитно.

Но с берега реки, на фоне вяло текущей воды, башня с часами выглядит как чужеродный предмет. Как древний замок – заброшенный с начала времен, где хозяйничают лишь ночные тени, старые грехи, кровавые грезы, могильная тишина и неисполненные желания.

Тысячи тысяч теней, детей ночи, иллюзий, кошмаров, обещаний,

надежд.

Тысячи тысяч всхлипов, криков... Содранные до крови о железную решетку пальцы... Остатки яда в кофейной чашке саксонского фарфора, следы рвоты... Кровь на белом пикейном покрывале девичьей постели... Кровь на персидском ковре, ошметки плоти, вырванной из трепещущего тела...

Никакой ремонт, никакая перепланировка помещений, никакие новые пластиковые окна не могут изгнать то, что помнят кирпичные стены башни.

То, что не знают точно, но о чем догадываются мертвые стрелки.

У мертвецов – сложности с теорией относительности.

Категории *времени* – в избытке. А вот категория *пространства* ограничена могилой на городском кладбище, такой старой, что и сам след ее потерял.

В городе поговаривают, что в лунные летние ночи... такие как эта... и в зимние вьюжные ночи, и в осенние безлунные ночи, насквозь пропитанные северным ветром, башня с часами становится убежищем... *логовом* для мертвецов.

Слышите?

Разве вы не слышали? Вот сейчас...

Что это было?

Кваканье лягушек в реке? Многоголосый хор озерных лягушек, мечущих икру в юной изумрудной ряске?

Прислушайтесь...

Это голоса не реки.

Это на башне – там, наверху, под часами, где часовой механизм.

Хрип...

Кто-то глухо хрипит, словно не может вздохнуть.

Лунный свет косо льется в пластиковое окно.

В лунном свете на фоне кирпичной стены пляшет тень.

Дикая пляска – пятно на стене дергается, мечется, дрожит.

Потом судорожная пляска постепенно сходит на нет.

На каменном полу валяются окровавленные предметы. Их впоследствии будет пристально, весьма дотошно изучать местная полиция.

А если взглянуть вверх, на высокий потолок, можно увидеть чрево башенных часов – старый часовой механизм. Зубчатые колеса, валики, медные трубы...

На медной трубе в петле висит тело.

Пляска смерти окончилась. Лишь ноги висельника как-то странно

дрожат. Внезапно по телу проходит сильная судорога, и оно выгибается так, что позвоночник чуть не переламывается пополам. Голые ноги сгибаются в коленях. Подол платья обнажает ляжки. Ноги по-паучьи вздергиваются, сучат в последней агонии.

А тело в петле начинает раскачиваться, вращаться, вращаться, вращаться, вращаться.

Мертвец всем своим весом в петле давит на металлический поршень, как будто пытается привести его в действие и завести механизм башенных часов.

Но зубчатые колеса, шестеренки, поршни и валики не подчиняются мертвому телу.

Механизм не включается. Часы на башне не возобновляют свой ход.

Мертвец в петле все еще раскачивается, как маятник.

А луна медленно тает, растворяясь в утренних сумерках.

По пустынной улице мимо фабричных корпусов проезжает оранжевая машина городских коммунальных служб. Ее черные щетки тихонько щекочат разбитый асфальт проезжей части.

Кроме урчания мотора в предрассветной мгле – больше никаких звуков. Лягушки в реке молчат. Их что-то сильно напугало.

Глава 2

Дом у реки

– Молодой. Жить бы да жить парню.

Это сказал полковник полиции Федор Матвеевич Гуцин, стоя над трупом. Катя – Екатерина Петровская, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, не произнесла ни слова. Она вообще решила пока помалкивать, потому что происходящее ей совершенно не нравилось.

А дом, где нашли тело, вообще пугал. Что было странно, ведь с виду это была обычная заброшенная провинциальная развалюха – старинный кирпичный особняк с мезонином и тремя пузатыми ампирами колоннами на входе.

– Голову размозжили в лепешку. Это с какой силой надо было бить. – Полковник Гуцин, кряхтя, наклонился.

– Не один удар – минимум два. Били, добивали. – Патологоанатом из межрайонного бюро экспертиз – женщина средних лет, незнакомая Кате, – работала в паре с местным экспертом-криминалистом.

– Крови много. – Полковник Гуцин хмуро заглядывал в лицо трупа.

Черная лужа крови растеклась из-под тела по полу, представлявшему собой свалку из щебенки, битого кирпича, мусора и темных деревянных

плашек – остатков наборного дубового паркета. В луже крови валялись два увесистых кирпича и какой-то металлический предмет.

Катя разглядывала железку с содроганием. Что-то вроде «кочерги» – часть арматуры с прилипшими к ней темными волосами и мелкими осколками черепной кости.

Эксперт-криминалист начал делать снимки, патологоанатом сама брала образцы с ран на голове. Помощь ей оказывал местный сотрудник розыска. Они молча возились над телом, как стая падальщиков в саванне.

Полковник Гуцин повернулся к трупу спиной и медленно пересек помещение, взгляд его скользил по облупленным стенам. Под подошвами новых щегольских ботинок Гуцина хрустел щебень. Катя двинулась за ним. Сразу же нога ее попала в выбоину в полу и почти по щиколотку утонула в сгнившем мусоре. Катя вздрогнула от отвращения. Вязкое вонючее месиво пружинило и одновременно засасывало – кажется, еще миг – и провалишься куда-то вниз, в темный подвал.

– Что это за развалины? – спросил Гуцин, вроде бы ни к кому не обращаясь.

Ответил ему один из местных полицейских, стоявший у двери и хмуро изучавший «вид с трупом» издали:

- Дом у реки.
- Чей дом? – уточнил Гуцин.
- Сейчас ничей. Памятник городской архитектуры.
- Это памятник?! – Полковник Гуцин обозрел стены и потолок.

Катя тоже огляделась. В потолке зияли дыры. Выщербленные стены были исписаны граффити, исчерканы углем, заляпаны чем-то подозрительно похожим на окаменелые экскременты. Дом представлял собой анфиладу комнат. В большинстве из них двери были сорваны с петель и отсутствовали. И лишь в этой, центральной комнате дома, где лежало тело, дверь все еще сохранилась. Местный полицейский постучал по ней костяшками пальцев – тук, тук.

– Памятник истории города Горьевска, Дом у реки, – повторил он. – Сломать нельзя, он в списках Архнадзора. Перестроить и надстроить тоже нельзя. Инфраструктуры никакой давно не осталось – ни водопровода, ни канализации. На отшибе расположен. Трижды на аукцион выставляли для продажи и реставрации. Никто не хочет вкладываться. Он всегда стоял заколоченным и пустым. Я еще пацаном здесь по улицам гайкал, и Дом у реки уже тогда пустовал.

Катя глянула на говорившего – почти ровесник Гуцина, за пятьдесят. В штатском, не в форме. Брюхо пивное переваливается через ремень, и

амбре за километр.

Выходной сегодня, суббота. Понятно, что выдернули толстяка на убийство прямо из дома, может, даже из-за обеденного стола. Но ощущать пивной дух в месте, где лежит окоченевший труп с размозженной в лепешку башкой, – это чересчур. От этого не просто коробит, это вызывает ярость.

Данная деталь была лишь одной в череде весьма странных обстоятельств, открывшихся Кате в городе Горьевске почти сразу, едва машина полковника Гущина остановилась у Дома у реки.

И не собиралась Катя ни на какое убийство! Да, в эту субботу пришлось поработать, но ехала Катя не в Горьевск, а в тихие Озеры, где в уютном лесном отеле собралась на подведение итогов Ассоциация частных детективов Подмосковья. Катю как своего криминального обозревателя пресс-центр ГУВД отрядил освещать это событие – среди членов ассоциации было немало недавних полицейских из области. И связи всегда сохранялись. Полковник Гущин ехал на совещание как лицо официальное, представитель Главка. И Катя тут же, естественно, прилипла к нему, как рыба-прилипала к киту – не пилить же в такую даль, в Озеры, на своей машине, если можно с комфортом расположиться на заднем сиденье служебного внедорожника шефа криминальной полиции Подмосковья.

Ну, в общем, все как обычно. В лучших традициях совместной плодотворной работы, когда она как криминальный репортер путалась под ногами хмурого, хрипатого, лысого, часто нелюбезного полковника Гущина.

На слет детективов полковник Гущин нарядился, как на свадьбу. Надел свой лучший черный костюм, яркий галстук, до блеска начищенные дорогие ботинки. Кроме парадного прикида, он вез с собой также теплую куртку и туго набитую спортивную сумку. Посиделки ассоциации планировалось продолжать все выходные: в субботу – доклад и перевыборы руководства, а в воскресенье – отдых на природе, рыбалка, банкет.

Катя подозревала, что Гущин, кроме официальной части и рыбалки, хочет навести в ассоциации личные мосты. Какая рыбалка в конце октября?! В Главке давно говорили, что Гущин вот уже который год собирается на пенсию. Возможно, он хотел понаблюдать жизнь частных детективов в неформальной обстановке, встретиться с «зубрами», потолковать о перспективах организации своего собственного частного агентства после отставки.

Но все эти планы канули в небытие.

Гущин сидел за столом президиума в конференц-холле отеля, когда у него в кармане пиджака завибрировал мобильный. Он тогда не ответил. Но сигнал повторился снова, и он, извинившись, достал телефон. Глянул на дисплей. И сразу же встал и направился к выходу.

По его лицу Катя, отчаянно скучавшая на этом токовище, поняла: что-то случилось.

И моментально тоже выскользнула из зала.

Гущин в холле отеля у кого-то уточнял по телефону:

– Точно убийство?

Потом лицо его перекосилось так, словно он хлебнул чего-то кислого и отвратного.

– Ну, это же Горьевск, – молвил он загробно. – Ладно, ждите, я тут неподалеку. Выезжаю лично.

Катя покрепче ухватила свою сумку и помчалась на стоянку отеля, к гущинскому джипу. Встретила полковника уже там, молча, преданно пялясь в глаза.

– И я, я, я с вами тоже, Федор Матвеевич!

– А твоя статья про этих хмырей как же? – спросил Гущин, кивая на отель, где продолжался глухариный ток частных детективов Подмосковья.

– А, там все уже ясно. Я сочиню некролог.

– Ловкачка.

– Я хочу с вами, Федор Матвеевич! Это намного интереснее. Там убийство, да? А кого убили? В Горьевске, да? А где это? И потом, мы же вернемся сюда, в Озеры, вечером. И завтра здесь целый день.

Гущин ничего не ответил. Кате показалось – в тот момент он ее даже не услышал.

Вот так Катя и оказалась в подмосковном городе Горьевске вместо ведомственного уик-энда с банкетом и отдыхом в загородном отеле.

Горьевск... Нет, не от слова «горы» название городка. А от слова «горе». Почему-то в Главке над городом Горьевском всегда измывались – ну, типа «Если смешать Рязань с Москвой». Или даже хуже: «Какого свекольного хрена мешать Рязань с Москвой». Или уж совсем гадкое, нетолерантное, стебное: «Туалеты на этажах на ключ закрывайте, а то как понаедут из Горьевска и Луховиц, не то что ручек дверных – унитазов недосчитаешься».

Это все лживые сказки для обывателей-простецов, что полиция нынешняя, как встарь, единый, сплоченный ведомственный организм. Все печали и конфликты нашего времени, вся злость, весь стеб социальных сетей, насмешек, оскорблений, презрительных прозвищ – «нищеброды»,

«лохи», «деревенщина», «быдло», «понаехавшие» – словно чума, проникают и в полицейскую среду. И на этом фоне всеобщего презрения всех ко всем и тотальной озлобленной травли по любому, самому пустяковому бытовому вопросу особенно отчего-то в Главке доставалось несчастным Луховицам и Горьевску.

Луховицы, бедные, вообще никого никогда не трогали, жили себе, были. А Горьевск...

Возможно, что-то было не так с самим этим подмосковным городком. Что-то неладно.

Но до поры до времени Катя прояснить это для себя не могла.

Одно ее сразу же поразило при осмотре места убийства: в Доме у реки был лишь полковник Гуцин да горстка – вялая и какая-то неадекватная – местных полицейских. И приезжий патологоанатом. И никого из местного руководства – ни из ОВД, ни прокурора. Следовательно, правда, дежурный нарисовался – стажер лет двадцати двух. Он тыкался, как глупый щенок, ко всем, а его все игнорировали.

Это настолько было не похоже на обычную, привычную для Кати, четкую и слаженную работу на месте такого серьезного происшествия, что она лишь диву давалась.

– Дверь входную видели, Федор Матвеевич? – обратился к Гуцину пузатый полицейский «под мухой». – Вроде как следы взлома.

Гуцин через анфиладу комнат зашагал к входной двери. Он оглядывал толстые стены заброшенного здания. Пару раз подходил почти вплотную к стене. Трогал осыпавшуюся штукатурку, выбоины. Растирал крошку кирпича и штукатурку в пальцах, даже нюхал.

Они вышли на крыльцо. Уже смеркалось. В быстро накатывающих на Горьевск осенних промозглых сумерках Катя видела полицейские машины с мигалками, берег реки, заросший высохшим ковылем, что-то вроде мусорной свалки.

Слева во мгле мерцали огни городских кварталов. Узкая речка плескалась в десяти шагах от ступеней разбитого крыльца. Справа вдалеке выстроились старые кирпичные фабричные корпуса. Над ними небо выглядело темным, почти по-ночному черным. И на фоне мрака что-то возвышалось, устремляясь к тучам. Что-то большее, нелепое и громоздкое.

Но дверь Дома у реки выглядела новой и... действительно взломанной. Дешевая филенчатая дверь, приткнутая к старинной, источенной жучком дубовой дверной раме. На филенках четко выделялись следы ударов. На дверном косяке – свежие ссадины. Дверь пытались отжать. На битом кирпиче валялся сорванный дешевый дверной замок. Подошедший

эксперт-криминалист поднял его и аккуратно убрал в пластиковый пакет.

Возле крыльца – прислоненный к стене мужской велосипед, весьма дорогая модель. На ступеньках – монтировка. Эксперт и ее поднял, начал упаковывать как вещдок.

– Дверь взломали. Парня убили, – сказал полковник Гуцин. – Велосипед потерпевшего?

– Там, в комнате, еще и сумка, а в ней тоже разный инструмент, – сообщил полицейский «под мухой».

– У парня забрали мобильный, – Гуцин, сопя, осматривал следы взлома на двери. – Ограбление?

Его собеседник пожал плечами.

– Портмоне в заднем кармане брюк, – Гуцин сказал это сам себе.

И снова направился через анфиладу в комнату, где в луже крови лежало тело.

– Давность смерти? – спросил он эксперта.

– Не менее двадцати часов. Его убили здесь, в доме, в этом самом помещении – в этом нет сомнений. И произошло это ночью, часа в два или в половине третьего, – подала голос патологоанатом. – Вскрытие я проведу завтра, но уже сейчас можно сказать, что причина смерти – черепно-мозговая травма.

– Лицо не изуродовано? – спросил Гуцин.

– Смотрите сами, – патологоанатом и эксперт начали осторожно поворачивать тело набок.

Катя ощутила спазм в желудке. Лицо убитого было густо вымазано кровью. Кровь налипла на щеки, вокруг рта образовалась спекшаяся черная кайма, словно мертвец в последней агонии пил собственную кровь, вытекшую из его проломленного черепа.

Однако черты лица от увечий не пострадали. Убитый был действительно молодым – лет двадцати семи. Тощий короткостриженный brunet невысокого роста и с маленькими, почти женскими ступнями и кистями рук. Он был одет в зеленую толстовку, серые джинсы и поношенные, но очень дорогие и модные кроссовки. Поверх толстовки – короткая куртка, старая и потрепанная, что не вязалось с другой, простой на вид, но стильной одеждой.

Полковник Гуцин снова наклонился и провел рукой, на которую надел взятую у эксперта резиновую перчатку, по куртке – растер в пальцах.

Кроме крови, пропитавшей одежду, была еще и...

– Кирпичная крошка, известка. У него вся одежда спереди в строительной пыли. – Гуцин очень осторожно дотронулся до волос

убитого. – И здесь, в волосах, тоже пыль и опять каменная крошка.

– Он же тут всю ночь лежит, на этой помойке, – сказал подошедший сбоку полицейский «под мухой».

– Возьмите обязательно образцы почвы с пола, образцы всего этого мусора и сделайте соскобы со стен, – приказал Гуцин эксперту-криминалисту. – Я хочу, чтобы вы сравнили результаты.

– А чего вы на стены так смотрите? – спросил его толстяк.

– Что за инструмент у него в сумке? – вопросом ответил Гуцин.

– Мы уже этот вещдок упаковали, – откликнулся эксперт.

– Но что там было?

– Долото, молоток, ручная дрель. Еще небольшой лом. Все, что можно использовать для взлома замка.

– Уголовник, что ли? Вор? – тихо спросила Катя. Она наконец-то обрела дар речи. – Но что здесь красть? И не похож он. Хипстер.

Гуцин взял у эксперта пластиковые пакеты и сам начал надевать их на кисти убитого. Затем, уже в пластике, внимательно осмотрел ладони и пальцы, ногти.

– У него известка под ногтями.

– В агонии пол царапал, – сказал эксперт.

Гуцин снова оглядел анфиладу комнат.

– Вор? – снова спросила Катя.

– Проверим по базе данных отпечатки. Нам необходимо установить его личность. Кто он такой. Документов при нем никаких.

– В портмоне – две кредитки и две купюры по пятьсот, – заметил патологоанатом. – На деньги не польстились, может, мобильного убийце-грабителю хватило.

– Проверка по базе ни черта не даст. Нет его там. Он несудимый, – сказал со вздохом, словно сожалея, полицейский «под мухой».

– Вы что, его знаете? Он вам знаком? – резко спросил Гуцин.

– Знаю его, – полицейский глядел на тело. И взгляд этот Кате не понравился. Он был лишен сострадания. В нем вместе с алкогольным остеклением мешалось, как в коктейле, холодное любопытство и... Что-то было еще в этом взгляде, что-то неуловимое. – Он не местный, не наш, не из города. Это фотограф.

Глава 3

Фотограф

11 апреля 1903 года

– С дороги! Чего рот раззявили?!

Кучер проорал это хрипло и зло, не стараясь даже натянуть вожжи и сдержать лошадь. Большой шарабан громыхал колесами по разбитой уездной дороге. Орловский рысак не сбавил хода, шустро перебирая точеными ногами. С середины дороги на обочину шарахнулись две бабы в лаптях и овчине, закутанные в теплые платки, с котомками крест-накрест на груди. Застыли, пляясь на экипаж и великолепного рысака.

– Потихе, Петруша, – урезонил кучера доверенный правления фабрики, инженер-технолог Александр Найденов и бросил быстрый взгляд на свою спутницу в шарабане. – Скоро приедем, Елена Лукинична.

– Я знаю, что скоро. Я же не впервые здесь.

Елена Лукинична Мрозовская – спутница инженера-технолога – оглядела окрестности.

Поля, поля... Снег уже стоял. Даже в низинах и оврагах днем журчали ручьи. На придорожных кустах набухали толстые коричневые почки. Весна пришла, грачи прилетели...

В Петербурге, откуда она приехала, все еще ночами выл северный ветер и часто шел снег с дождем, а здесь, в провинциальной глубинке, в Горьевске, природа готовилась к новому циклу. Но по ночам пока что случались заморозки. И сейчас, рано утром, среди стылости полей ей было зябко. Она даже жалела, что не взяла с собой шубку. Ехала в Горьевск уже налегке, в дорожном суконном костюме и весеннем пальто. Она придерживала на голове парижскую шляпку цвета лаванды – плохо приколола к волосам, шпилька потерялась.

Инженер-технолог Найденов встретил ее в Москве на вокзале с петербургского поезда, нанял носильщиков и помог выгрузить весь ее весьма объемный багаж, все кофры и саквояжи, все оборудование, что она привезла из своего фотографического ателье. Целый день они ждали в гостинице ночного поезда, следовавшего через Горьевск, обедали в Купеческом клубе.

И все это время Елена Мрозовская не могла сдержать невольной дрожи, которая охватывала ее с головы до пят, едва лишь мысли начинали вертеться вокруг того, что ждало ее там, на фабрике купцов Шубниковых. Того, что случилось так внезапно полтора года назад. Когда никто этого не ожидал и все впали в глубокий шок от ужаса происшедшего.

– Нет, нет, Елена Лукинична, – уверял ее инженер-технолог Найденов. – В этот раз – ничего даже близкого к тому, что было тогда. Все как в телеграмме, что Игорь Святославович вам послал. Будет назначено новое врачебное освидетельствование в клинике. И не одно. Там же в перспективе каторга пожизненная светит. А так врачи дадут заключение о

невменяемости. Но нужны помимо освидетельствования и слов свидетелей еще и другие реальные доказательства – ваши фотографии станут ими. Вы сделаете фото, ну... так скажем... текущего состояния. Которое... Ну, вы сами все увидите.

Елена Мрозовская снова поежилась. И на этот раз не от апрельского холода. Игорь Бахметьев прислал телеграмму-молнию. Посыльного с телеграммой сопровождал курьер – кассир из принадлежащего Бахметьеву Русского Промышленного банка, доставивший ей четыре тысячи рублей наличными, без всякой банковской бюрократии и расписок. Игорь Бахметьев заплатил из своих денег, хотя теперь как опекун и управляющий всего огромного состояния исчезнувшего с лица земли, вымершего рода Шубниковых имел право снимать деньги со всех счетов.

Ну, скажем, почти исчезнувшего, вымершего рода...

Кое-кто из Шубниковых все же остался.

Елена Мрозовская ощутила внезапную тошноту.

Но четыре тысячи рублей! На эти деньги можно арендовать роскошное помещение на Невском под фотоателье. Она уже получила широкую известность, вошла в моду, но позволить себе настоящий, как в Париже, где она училась у знаменитого фотографа-художника Гаспара Надара, оборудованный по последнему слову техники салон, пока еще не могла. Ее ателье на Невском все еще было скромным, маленьким, темным, пропахшим химикатами, с которыми она увлеченно возилась в своей тесной захлавленной фотолаборатории.

Женщине всегда трудно пробиваться. Суфражистки, феминистки неустанно призывают на страницах женских журналов вести активный образ жизни, добиваться всего своей энергией и трудом, учиться, получать образование, придерживаться передовых взглядов. Это все хорошо для актрис Художественного театра господина Станиславского, для дам, безумно влюбленных в поэтов Блока и Брюсова, для тех, кто возится с земским благоустройством школ и больниц, для тех, кто хочет поступить на какие-то там высшие курсы.

Но для женщины, горячо интересующейся *техникой*, последними достижениями науки в области химии и фотографии, для такой женщины, как она, – первой в России женщины-фотографа, пробиваться – означает организовывать все с нуля в тех областях, куда прочие женщины даже не суются.

Да, ей повезло, она представляла свои работы на Всемирной выставке, она училась в Париже у мэтра фотографии. Она вложила все свое фамильное наследство в покупку фотографического оборудования. Она

работала как лошадь без отдыха.

Этим, возможно, она и привлекла внимание Игоря Бахметьева полтора года назад, когда он так активно готовился к своей свадьбе.

Но кто мог знать тогда, во что это выльется!

Свидетелями какой дикой катастрофы станут они все в мгновение ока! И она в том числе – она, приглашенный модный петербургский фотограф, которая должна была заснять всю эту пышную свадьбу для семейного родового архива. А вместо этого сделала такие снимки, что...

Приступ тошноты едва не перешел в позыв рвоты. Елена Мрозовская быстро прикрыла рот рукой в лайковой перчатке.

Тихо, тихо, тихо...

Она ведь думала, что как-то изгнала это из своей головы. Но нет, все вернулось в этих полях на пути к *фабрике*.

На пути к этой чертовой бумагопрядильной фабрике, которую она возненавидела с тех пор. И этот город... Горьевск...

Ей казалось – она может справиться со всем этим горьевским мраком, который вобрал ее в себя помимо ее воли. За эти полтора года произошло столько всего! Она снова работала как лошадь и преуспела в делах. О да!

Ее теперь даже приглашали ко двору! На зимнем костюмированном балу, ставшем таким знаменитым из-за обилия драгоценностей, жемчугов, великих князей и великих княжон, обряженных в почти сказочные костюмы времен старой Руси, она сделала такие удачные фотопортреты! О них говорил весь Петербург и Москва. Фотографии с костюмированного бала печатали в журналах за границей. Она стала по-настоящему знаменитой. Первая русская женщина-фотограф...

Фотограф-мэтр Прокудин-Горский – этот жалкий завистник и ретроград в области женского равноправия – даже прислал ей букет роз.

Она думала, что все теперь так и будет – прекрасно, отлично. А проклятый Горьевск с его кошмарами и кровью остался где-то там...

Но Игорь Бахметьев прислал ей телеграмму-молнию.

И... она поехала к нему. Побежала, как собачка по щелчку пальцев.

Ему исполнилось сорок два. Полтора года назад он хотел жениться на семнадцатилетней Прасковье Шубниковой, одной из наследниц угасшего в одночасье знаменитого купеческого рода владельцев бумагопрядильной и ткацкой фабрики.

Вон ее корпуса... Уже видны. Огромные кирпичные здания в несколько этажей. И разбитая уездная дорога оживилась. Здесь рядом грузовая станция, фабричная железнодорожная грузовая станция. Свистки паровозов слышны, грохот груженных телег. Телеги с товаром, с продукцией

бумагопрядильной фабрики – ткани, знаменитый миткаль. Телеги с грузом из пришедших вагонов – хлопок индийский и американский, хлопок, хлопок, новые английские станки, новая техника, до которой были всегда охочи Шубниковы.

Часы на фабричной башне гулко и мелодично пробили одиннадцать раз.

Звук башенных колоколов накрыл собой все пространство, все окрестности. Инженер-технолог Найденов вытащил собственные часы на цепочке. Сверился.

– Точность, как в аптеке, – сказал он одобрительно.

Елена Мрозовская смотрела на башню.

Какая она все же огромная.

И к месту она здесь...

И не к месту она...

Ей бы стоять на площади, в городе, и не в таком заштатном, как Горьевск...

Часы ее не похожи ни на кремлевские куранты, ни на часы церковных колоколен. Этот европейский... нет, английский стиль. Башню, как и всю фабрику, в середине прошлого века строили англичане. Старый Шубников был большой англофил. Его младший сын Мамонт учился в Кембридже и проходил производственную инженерную практику на фабриках в Бирмингеме. А старший сын Савва не учился в Англии. Говорят, что он вообще не мог...

Мимо шарабана прогромыхали тяжело груженные мануфактурой телеги. На этот раз кучер Шубниковых придержал рысака. Хозяйское добро везут, можно и посторониться.

На бумагопрядильной и ткацкой фабрике трудилось почти пять тысяч рабочих. Фабрика кормила всю округу, всю губернию. Однако в последние годы то и дело вспыхивали забастовки. На фабрику пригоняли казаков, и они пороли непокорный народ как сидоровых коз. В Горьевске людей никогда не жалели. Строптивых – уволить к черту, новых набрать. Рязань пришлет ходоков на производство, ведь на бумагопрядильной фабрике *заработок на полтора рубля выше, чем на кирпичном заводе Рязани*. А за лишние полтора рубля народ окрестный, даже побунтовав, побазарив, охотно подставит голый зад под казачьи нагайки.

Придут к крыльцу управляющего фабрикой. Встанут на колени.

Бунтуют...

День стоят, два стоят. Батюшка, барин... да кака така... Да мы рязанские, стаяяпнаяааа...

Да это... того... мы царю... Царь, чай, не дурак, добрый... По монастырям вон ездит... Все с иконами да попами, такой богомол стал, все про исконные традиции... Все на Валаам норовит...

Где-то она слышала или читала этот печальный *анекдот про народ*. От этой овечьей народной тупости у Елены Мрозовской порой сводило челюсти. А что тут сделаешь?

– А лучше, что ли, если они во время стачки, бунта все здесь поломают, изгадят, разрушат к черту?

Это спрашивал у нее он... Игорь Святославович Бахметьев. Игорь... Она увидит его снова через полтора года. Через эти полтора страшных года, перевернувших его жизнь.

Шарабан свернул с разбитой проселочной дороги на дорогу фабричную. И покатился ровно и быстро. Дорогу к фабрике и железнодорожным путям проложили хорошую. На повороте инженер-технолог Найденов придержал один из больших тяжелых кофров Мрозовской. Из-за оборудования им вдвоем еле хватало места в просторном шарабане. В кофрах Елена Мрозовская везла с собой складной фотоаппарат Адольфа Мите на увесистой треноге и одну из своих самых любимых моделей – новую репортерскую пресс-камеру, тоже на треноге. Она решила использовать оба этих новых фотоаппарата. Складной фотоаппарат Мите делал невероятно продвинутые вещи: последовательную съемку через один объектив на удлиненную фотопластину. Венские ортохроматические пластины Мрозовская тоже везла с собой – солидный запас. Она всегда теперь с ними работала. Они обладали сверхчувствительностью и не подводили даже при недостатке освещения.

А там ведь будет мало света... Окна они, наверное, закрывают ставнями... Там же что-то вроде больницы или тюрьмы... Они же не в особняке держат... В особняке Шубниковых электричество. А там только керосиновые лампы...

Игорь Бахметьев попросил в телеграмме взять максимум оборудования для фотографирования и печатания снимков. Ей придется работать в Горьевске в той же лаборатории, которую Бахметьев сразу же организовал в особняке. Он ей принес туда кое-что из семейного архива Шубниковых. Старые монохромные фотопластины-негативы. И ей пришлось тогда повозиться...

С чем же мы имеем дело?

Сколько раз тогда Елена Мрозовская задавала себе этот вопрос, чувствуя, что внутри нее все сжимается и леденеет.

Что же происходило и происходит здесь, в Горьевске, тогда и сейчас?

Шарабан въехал на фабричный двор, заполненный рабочими. Инженер-технолог поднял кожаный верх, скрывая себя и Мрозовскую от любопытных взглядов рабочих.

– С дороги, с дороги! – снова пронзительно крикнул кучер.

Рысак фыркал и бил копытами. Они рассекли толпу и помчались мимо башни с часами.

– В город? Неужели это в особняке? – удивилась Мрозовская.

– Нет, здесь неподалеку есть дом. – Инженер-технолог Найденов указал куда-то вперед.

Блеснула узкая речка в сухих, оставшихся еще с зимы камышах.

Елена Мрозовская увидела приземистый одноэтажный дом с белыми колоннами. Сам он был выкрашен в ядовито-желтый уездный цвет.

Шарабан въехал во двор. На крыльце выстроились мужчины в прекрасно сшитых черных суконных костюмах. Не врачи.

Мрозовская узнала их всех. Руководство фабрики. Управляющий мануфактурой Бэзил фон Иствуд – англичанин, именуемый на русский манер «Василь Василичем», управляющий ткацким производством немец Иосиф Пенн. Они работали на фабрике и управляли производством много лет, с тех пор когда все еще были живы – и Мамонт Шубников, и его брат Савва, и его жена Глафира, и Прасковья, и...

– Елена Лукинична, с приездом! – приветствовал ее Игорь Бахметьев.

Он спустился с крыльца первым, а управляющие вслед за ним. Елена Мрозовская глянула на него из-под вуали. Он изменился за эти полтора года, осунулся. Но был все так же привлекателен и силен – и духом, и телом.

Взгляд...

Легкая седина на висках, как иней. Широкие плечи. Крупные руки. Он никогда не чурался тяжелой работы. Хоть и банкир, финансист, промышленник, купец, но по образованию тоже инженер. Техник... Они все были помешаны на технике. Они верили в прогресс.

Они не верили в дьявола.

Как же случилось, что дьявол заглянул им всем прямо в глаза?

– Елена Лукинична, спасибо, что приехали так быстро, – он взял ее руку и поцеловал.

Она в этот миг увидела себя как бы со стороны: крупная, молодая, физически здоровая и сильная женщина, способная таскать на своих плечах тяжелые деревянные треноги для фотоаппарата. Полная для своих лет – в корсет приходилось буквально утягиваться, чтобы тела не выпирали. Да, у нее прекрасная кожа и отличные волосы, темные как смоль. И она умна

как черт, болтает по-французски и по-немецки. Учит английский, потому что надо читать технические инструкции американской фирмы «Кодак». Она первая женщина-фотограф в России и теперь знаменита, да...

Но достаточно ли всего этого для того, чтобы он увидел в ней не просто технический персонал, профессионала-фотографа, которого нанял для дела за столь высокую плату? Достаточно ли всего этого, чтобы он увидел в ней женщину, влюбленную... О, черт!

Ведь она приехала сюда к нему и готова была снова окунуться в здешний кошмар лишь потому, что это он позвал ее.

– Я получила вашу телеграмму, Игорь Святославович, – произнесла она сухо и деловито. – Произошло что-то экстраординарное, да?

– Мне нужно, чтобы вы сфотографировали ее такой, как... Какой она порой бывает.

– Для врачебного освидетельствования? И только?

– Не только.

– Мне надо выгрузить и наладить оборудование.

– Это потом, – он как джентльмен помог ей выйти из экипажа. – Сначала вы должны увидеть... Это может занять какое-то время. Весь процесс фотографирования. Мы же не знаем точно, когда и как это произойдет.

– Когда накатит, – сказал управляющий мануфактуры фон Иствуд мрачно и без всякого иностранного акцента.

Елена Мрозовская взглянула на дом с колоннами. Он стоял почти у самой реки.

Внезапно там, в глубине дома, в анфиладе комнат, кто-то протяжно и страшно закричал, словно дикий зверь, словно чудовище, посаженное на цепь.

Глава 4

Горьевское горе

– Это фотограф, – повторил толстяк-полицейский. – У него фотоателье в доме быта – каморку там снимает, закуток. И фамилия его Нилов.

– Почему вы сразу мне не сказали? – рассердился полковник Гуцин.

– Он не из города, – гнул свое толстяк, дыша чесноком. – Месяца три всего работает. Но уже успел прославиться, накуролесить.

Катя, до сих пор не проронившая ни слова, хотела было спросить, как это – накуролесить. Но полковник Гуцин опередил ее, сказал громко и вроде как совсем не по теме:

– Дайте мне взглянуть на его сумку с инструментами.

Эксперт кивнул на патрульную машину – упакованные вещдоки складывали туда.

Полковник Гуцин, не снимая резиновых перчаток, возился с обычной на вид сумкой-рюкзак – и так и так можно носить, а внутри звякают железки. Он осмотрел ручную дрель, долото и еще какой-то инструмент типа зубила.

– Фотограф, не слесарь же, – заметила Катя. – Взломал замок... Зачем? Там, внутри, ничего нет, кроме мусора. Клад, что ли, искал в заброшенном доме?

– Следы известки на инструментах, – констатировал Гуцин. – Однако уложены они в сумке так, словно ими не пользовались.

Он подошел к толстяку, закутившему на вольном воздухе сигарету и молчаливо наблюдавшему за оперативной суетой, словно он не участник процесса, а уличный зевака.

– Кто сейчас исполняет обязанности начальника ОВД? – спросил Гуцин.

– Назначенный приказом из Главка Борис Первоцветов. Он по званию всего лишь капитан, откуда-то с гражданки пришел в экономический отдел несколько лет назад. Ваши же его и прислали нам, главковские. Он розыска настоящего и не нюхал никогда.

– А с эпопеей вашей что?

– С эпопеей? – Глаза толстяка блеснули. – С горем-то нашим, злосчастьем? А то типа вы не знаете?! Чего притворяться-то? Вся область знает.

– Новости есть? – тихо и настойчиво осведомился Гуцин.

– Какие новости, если посадили их всех скопом? Всю эту нашу, как она называется... элиту... головку властную на хрен. Борьба с коррупцией. – В глазах толстяка теперь плясали чертики – веселенькие такие, хищные. – Зараз приехали сами знаете кто, сами знаете откуда – хватать за жопу начальника ОВД, и обоих замов, и начальника розыска, и его замов. Чего-то там крышевали, мол, махинациями занимались. Говорят, прокурор настучал. А начальник розыска Толбаев молчать в отместку не стал – показал на допросе, что жена прокурора спит с начальником нашего ГИБДД. Прокурор хлебнул валерьянки с виски, достал табельный из сейфа и поехал разбираться. Пулю в жену вогнал, пулю в гаишника – прямо их там, на рабочем месте, в управлении, порешил. И в себя стрелял. Гаишника убил наповал, жена жива, а сам в реанимации к аппарату подключенный лежит, бревно бревном. Начальников ОВД дважды уже назначали – так рапорты все на стол кидают. Увольняются на хрен. Никто не хочет в такой

обстановке пахать. Никто руководить не желает. И мой рапорт давно подписан. У меня выслуги тридцать лет. На черта мне все это надо?

– Борьба же с коррупцией, – нейтрально заметил Гуцин.

– Угу. А кто «против»? Все «за». Тремя руками. Только бегут все из ОВД. У нас тут сто первый километр. До Москвы хоть и долго, но все же как-то допрешь, можно устроиться, работу нормальную найти. А здесь при таком отношении скоро шаром покати в смысле кадров будет. И в смысле элит тоже. Ну ладно, я пошел, бон суар... Вы тут раскрывайте, а меня это уже не касается.

– Как это не касается? Убийство же! – воскликнула Катя.

– У меня рапорт на увольнение подписан, и удостоверение у меня первым делом отобрали, как рапорт подписали. Я свою службу закончил.

– Где найти нынешнего нового начальника ОВД Первоцветова? – мрачно спросил Гуцин.

– Был здесь. Покрутился, повертелся, а что он соображает в осмотре убийства? Поехал домохозяйку фотографа допросить. Фотограф комнаты снимал.

– Какой адрес?

– Пятнадцатое домовладение, это частный сектор. Нилов жил у Добролюбовой Маргариты. У Маргоши. Отсюда в сторону города и поворот на частный сектор. Улица Труда.

Полковник Гуцин все так же мрачно кивнул Кате – идем. Они сели в машину, оставив разобщенную и неслаженную команду горьевских полицейских отрабатывать старый дом.

– Что, совсем никакого начальства нет? – спросила Катя, пока они на внедорожнике месили грязь проселочной дороги.

– Всех посадили. Прокурор застрелил соперника. Процент увольнений в ОВД подскочил до шестидесяти процентов.

– Но убийство же, Федор Матвеевич!

– Что ты ко мне пристала?

Катя прикусила язык. Она даже на окрестности не смотрела. Видела лишь мельком вдаль, в сгустившихся сумерках, что-то высокое, темное. Что-то нависшее над плоским Горьевском, словно гора.

Частный сектор представлял собой запутанный лабиринт почти дачных улиц, где добротные большие дома за аршинными заборами чередовались с развалюхами в три окна, а кирпичная кладка и новые автоматические ворота торчали напротив заросших палисадов с покосившимся штакетником и сеткой-рабицей.

Еле-еле отыскиали эту улицу Труда. И дом пятнадцатый. И то лишь

потому, что возле него застыла полицейская машина с мигалкой. И еще одно авто – серебристая иномарка-пикап, в салоне которой на месте пассажира скучал молодой парень – почти мальчик на вид с темными кудрявыми волосами.

Дом из белесого силикатного кирпича выглядел неприветливо: тусклые немытые окна, старый шифер. А двор, огороженный сеткой-рабицей, напоминал не убранный на зиму огород-помойку. Грядки, обрамленные битым шифером и кусками ржавого железа, грядки, грядки. Черная земля. Чеснок еще не выкопали. На дорожке валяется старая обувь, обрезанные пластиковые бутылки, железные банки из-под краски, которые используют в деревне для рассады. Не дачный, нет, нищий деревенский быт.

У настежь распахнутых ворот – трое. Пьяная вдупель женщина в спортивном костюме и замызганной болоньевой куртке – растрепанная, опухшая, за пятьдесят, еще одна женщина – трезвая, гораздо старше, под семьдесят, с темными крашеными волосами, ярко и густо покрашенная сама, благоухающая духами, одетая в дорогую итальянскую накидку-капу из черного сукна, узкие джинсы и щегольские рокерские сапожки не по возрасту. И худощавый, даже изящный, но крепкий капитан полиции в форме.

– Маргоша, я тебе продуктов привезла. Мы с рынка едем с Макаром, – наряженная, надушенная пожилая дама совала в руки растрепанной пьянице туго набитые сумки-пакеты. – Бери, бери. Надо есть. А то пьешь все. Это, конечно, ужасно, что квартиранта убили. Но ведь сейчас время такое. Всех не оплачешь. Маргоша, ты слезы-то вытри, пойди лучше поешь. Я там колбаски тебе купила.

– Да жалко его, Мария Вадимовна, Маша, у меня сердце болит! Парень вежливый, безобидный. За месяц вперед мне за комнаты заплатил, – пьяная Маргоша начала рыдать в голос. – Убийииииии! Вот людиииии... Скотыыыыы.

– Успокойтесь, пожалуйста, – увещевал ее капитан полиции. – Комнаты его можно осмотреть?

– Капитан Первоцветов? – окликнул его полковник Гуцин.

Вся троица уставилась на них с Катей. Гуцин официально представился.

– Ох, хорошо, что вы приехали! – Лицо капитана Первоцветова выразило облегчение. – Из Главка помощь. Нам помощь здесь так нужна!

– Еще менты? А пошли вы... – Маргоша всхлипывала, давилась рыданиями.

– Фотограф Нилов у вас снимал жилье? – сердито спросил полковник Гущин.

– Ну, снимал. Что, нельзя, что ли?

– Можно. Как давно он у вас поселился?

– Три... Нет, три с половиной месяца. Летом приехал.

– Кто его убил? – спросила пожилая нарядная дама. – Я соседка, живу в конце улицы. У меня здесь дачка. Меня зовут Молотова Мария Вадимовна. Маргарита – моя давняя знакомая. А квартиранта ее я видела лишь мельком, редко. Он в городе работал, в фотоателье.

– Мы занимаемся расследованием убийства, – вежливо ответил ей полковник Гущин. – Велосипед у вашего квартиранта имелся?

– Имелся, – Маргоша все пьяно плакала. – С собой его привез. Из Москвы.

– Он московский?

Пьяная не ответила, лишь зарыдала сильнее.

– Он до Горьевска вроде как жил и работал в столице, – ответил капитан Первоцветов. – Но это еще предстоит выяснить. Сейчас сотрудники приедут, надо провести обыск в его жилище. Нам нужен его паспорт. Для официальной идентификации. Там, на месте убийства, при нем ведь никаких документов не оказалось.

– Вы когда его видели в последний раз, Маргарита? – спросил Гущин.

– Вчера.

– Когда точно? Днем, утром, вечером?

– Утром он ушел, как обычно, уехал на велосипеде на работу. Вернулся к вечеру. Повозился, повозился и снова отчалил на велосипеде. Стемнело уж.

– Он у вас инструменты не брал?

– Инструменты? А, это... От мужа разный хлам остался, он сам что-то выбрал в чулане.

– Он уехал поздно вечером на велосипеде и взял с собой инструменты? Дрель, да? Долото?

– Да не знаю я! Я спать уже легла.

– Можно взглянуть на его комнату?

Марго, пошатываясь, двинулась к дому, они за ней. Нарядная дама осталась у калитки, глядела им вслед.

В доме пахло перегаром, пылью и нестираной одеждой. Но сам дом оказался просторным – некогда обжитым, но сейчас крайне запущенным и грязным. Катю поразила одна деталь: на комоде стояло множество фотографий в изящных рамках в окружении вазочек с засохшими цветами.

Все это не вязалось с остальной разрухой и бедностью – эти стильные дорогие рамки из дизайнерского магазина и эти вазочки, столь же стильные, дизайнерские, недешевые. Среди засохших цветов Катя увидела даже орхидеи, упакованные в пластиковые коробочки. Пластик давно помутнел, орхидеи скукожились. Но сам вид этих дорогих цветов в этой халупе...

Впрочем, вид двух комнаток, которые снимал фотограф Нилов, оказался гораздо приятнее. Собственный вход со двора, как на дачах – что-то вроде прихожей, в которой одежда и две большие спортивные сумки. Много мужской обуви. Жилая комната чистая, убранная, пол подметен. Деревянная кровать, на ней новый матрас из ИКЕА и чистое постельное белье оттуда же. Небольшой телевизор, кофеварка на столе, электрическая плитка, пакеты с соком. И на старом диване – сумки, чехлы с фотоаппаратурой.

– Это все его добро? – спросил Гуцин.

– С собой привез, – домохозяйка Маргоша всхлипнула. – Тихий, как мышонок, был. Запрется и что-то там на компьютере себе гоношит.

Катя увидела на столе рядом с кофеваркой ноутбук.

– Здесь надо тщательно все осмотреть, – сказал Гуцин капитану Первоцветову.

– Я позвонил, они уже едут.

И действительно, у дома остановилась еще одна полицейская машина. Из нее вышли оперативник и тот самый эксперт, что работал на месте убийства в доме.

Гуцин ни до чего в комнатах фотографа дотрагиваться не стал. Казалось, его интересовало сейчас нечто совсем иное.

– Кто тело обнаружил? – спросил он.

– Братья Шишины.

– Бомжи, что ли?

– Дети. Старшему десять лет, младшему восемь, – вздохнул Первоцветов. – Я с ними разговаривал. Они шастали возле дома, у реки. Понесло их к этому самому дому. Зачем – сказать не могут. Сказали лишь – дверь была открыта, они зашли, а он там. Мертвый. Дети сильно испугались.

– Вы раньше никогда не работали в уголовном розыске, капитан?

– Нет. Я семь лет проработал в банке. А потом поступил в полицию, в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Финансы и аудит, компьютерные базы. Я здесь, в городе, всего третий месяц.

– Но Дом у реки уже знаете.

Капитан глянул на Гущина. В глазах у него, как и у бывалого пропитого толстяка-профи, появилось странное, очень странное выражение, которое невозможно описать словами, можно лишь подивиться.

– Это здешняя достопримечательность.

– Давайте вернемся туда, еще раз осмотрим эту вашу достопримечательность, – предложил ему Гущин. – Здесь с обыском и осмотром ваши подчиненные и без нас справятся.

Они все втроем погрузились в машину Гущина. Пьяница-домохозяйка осталась в доме с прибывшими полицейскими. А вот нарядная дама по имени Мария Вадимовна Молотова проводила их долгим любопытным взглядом. Затем она ловко угнездилась на водительском сиденье своей иномарки, завела мотор и сказала что-то ожидавшему ее юному красавцу.

Серебристая иномарка развернулась и поехала в конец улицы Труда, скрылась за поворотом.

Глава 5

Вспоротая обшивка

Тело фотографа Нилова уже погрузили в пластиковом мешке в «Скорую», но черная кровавая лужа осталась. Кате, когда они снова вошли в Дом у реки, показалось даже, что лужа увеличилась в размерах, стала больше. Но это, конечно, был оптический обман. Уже стемнело, и внутри дома катастрофически не хватало света. Два мощных фонаря в руках полицейских не могли прогнать тьму, которая гнездилась в углах и почти осязаемо наполняла собой анфиладу комнат.

Полковник Гущин спросил капитана Первоцветова, как звали фотографа Нилова.

– Денис, – ответил тот, не отводя взгляда от желтого круга света полицейского фонаря, что скользил по замусоренному полу.

Полковник Гущин взял у полицейского фонарь и, направив его в сторону темной анфилады, прошел в глубь дома. Катя следовала за ним как тень. Она видела: Гущин на чем-то сосредоточен и никак не может выбросить это из головы.

– Остатки голландкой печки, – объявил он вдруг, направляя свет в угол одной из комнат.

Катя увидела серую, покрытую паутиной и выщерблинами трубу, утопленную в стене. Угол загромождала груда битого кирпича, и среди кирпича белели осколки кафельной плитки.

– Дымоход сохранился, остальное все разрушено. Старинная вещь – голландка, облицованная плиткой. – Гущин подошел к стене, постучал. –

Ничего не замечаешь?

– Нет, Федор Матвеевич, – призналась Катя. – Жутко здесь.

– Голландки порой строились в особняках так, чтобы одновременно нагревать смежные комнаты. Здесь дымоход и то, что осталось от самой печи, но там, – Гуцин вернулся в комнату, соседнюю с той, где было обнаружено тело, – никаких признаков, что за стеной печь. Да и сама стена...

– Сама стена – что? – Катя замороженно следила за светом гуцинского фонаря.

– Неужели не видишь? Присмотрись. – Гуцин махнул рукой в сторону анфилады. – Эта комната значительно у́же, чем та, где печь, чем все остальные в этом доме, кроме той, где лежал труп.

Если честно, Катя ничего такого не заметила ни в первое посещение дома, когда все ее внимание было сосредоточено на трупе с разmozженным черепом, ни сейчас, когда в Доме у реки становилось все темнее и темнее.

– Это же дом с мезонином, – продолжал Гуцин. – Центральная часть и как бы два флигеля. Комната, где нашли Нилова, и соседняя – как раз центральные в анфиладе, и они уже остальных.

Он вернулся в первую комнату, старательно обошел лужу запекшейся крови и вплотную приблизился к стене.

Провел по ней ладонью, точно гладил. Он водил по стене ладонью, ощупывал. Внезапно его рука застыла на месте.

– Выбоина. Нет, это дырочка, и здесь, и здесь. Примерно на равном расстоянии. В стене высверливали дырки.

– Нилов? – спросил Первоцветов. – Но его инструменты находились в сумке, когда мы начали осмотр. Сумка с застегнутой молнией. Я решил, что он убрал инструменты в сумку, как только взломал на двери замок.

– У него вся одежда спереди в строительной пыли, известке и кирпичная крошка в волосах, – ответил Гуцин, продолжая ощупывать стену. – И здесь отверстие, а вот здесь выбит кусок кирпича. Это уже не дрелью, а зубилом поработали и молотком. Он тут шуровал, возле стены, когда его убили.

Капитан Первоцветов постучал по стене.

– Не слышно пустот. А инструменты находились в закрытой сумке.

Гуцин сунул ему полицейский фонарь и молча развернулся к выходу. Катя опять устремилась за ним. Ее охватило дикое любопытство.

«Он думает, что фотограф приехал сюда ночью искать старинный клад. А с какой стати его еще могло принести в эти развалины? Инструмент, строительная пыль... Он искал тайник!»

Гущин вместе с шофером рылись в багажнике внедорожника. Катя знала: гущинский водитель, наученный оперативным опытом, возит с собой много всего. Шофер извлек из багажника тяжелый молоток, нашел еще какую-то короткую железку.

Они с полковником вернулись в дом. Гущин попросил Первоцветова и полицейских светить на стену. Взял в руки железку и начал стучать по стене, ощупывая высверленные отверстия рукой.

– Здесь... Нет, здесь... Вот здесь, – он кивнул водителю.

Тот размахнулся и ударил молотком в стену. Посыпались пыль, осколки кирпича.

– Дай я сам. – Гущин выхватил у него молоток и с силой саданул по стене.

Пятна фонарей дергались на темном фоне, лицо Гущина излучало азарт. Кате показалось, что в этом неверном свете, который через силу боролся с ночной тьмой, черты лица полковника, да и черты лица капитана Первоцветова, искажаются. Слишком бледные на фоне мрака, как маски, и словно у масок – черные провалы глаз и черные линии...

Удар по стене!

Еще удар!

Выскочил кирпич.

Еще удар со всего размаха.

По лицу Гущина струился пот, лысина блестела. Он тяжело дышал от усилий, и лупил, и лупил по кирпичной кладке.

Во всем этом было что-то... первобытное. Не совсем нормальное. Катя никак не могла отделаться от этого чувства.

Удар по стене!

С шорохом посыпалась старая штукатурка, сразу три кирпича выскочили из стены. И в образовавшейся дыре луч полицейского фонаря наткнулся на чернильную тьму.

Капитан Первоцветов не выдержал – он подскочил к стене и начал руками расшатывать кирпичи, цепляясь за край образовавшейся дыры. Станный, нездоровый азарт словно и его заразил. Он буквально вырвал из стены еще один кирпич.

И в этот момент Гущин засадил молотком в стену с такой силой, что там, внутри, что-то треснуло, и кирпичи градом посыпались на пол.

Образовалось отверстие, достаточно широкое, чтобы туда можно было просунуть голову.

Кате отчего-то от этой мысли стало зябко.

В одном лишь Гущин не ошибся: за стеной скрывалась пустота.

Тайник?

Все они сгрудились возле зияющей дыры. Катя держалась за спиной полковника Гущина, выглядывая, как белка из дупла. Оба полицейских фонаря направили в отверстие.

– Комната, – сказал Гущин, – замурованная комната.

И точно, это была комната, и весьма внушительных размеров. Первое, что бросилось Кате в глаза, когда луч фонаря уперся в противоположную стену этой тайной комнаты, – заложённое кирпичом, забранное заржавевшей решеткой окно. На подоконнике – толстый слой пыли. Свет фонаря скользил по полу – здесь все еще сохранился наборный дубовый паркет, но он сгнил и почернел от сырости и весь, словно коростой, был покрыт плесенью. Стены комнаты покрывала штукатурка, тоже вся в пятнах плесени, в углу еще сохранились остатки старых обоев – некогда темно-синих, с узором из королевских лилий. В середине комнаты что-то громоздилось.

Фонарь осветил это – развалившийся, сгнивший от времени большой диван, некогда обтянутый черной лайковой кожей. Пухлые валики с «гвоздиками», кожаные подушки. Мебель начала прошлого века. Кожа на спинке дивана висела клочьями. Она была разодрана – на темной поверхности четко выделялись пять параллельных борозд, вспоровших кожаную обшивку.

На паркете рядом с диваном валялись скомканные тряпки – истлевшие и покрытые плесенью, они все еще хранили на себе темные пятна, потому что были буквально пропитаны чем-то...

– Ну и воняет здесь! – заметил капитан Первоцветов.

Запах был действительно ужасный. И какой-то вкрадчивый – вьевающийся и в стены, и в пол, и в распоротую, словно когтями, кожу дивана, но не резкий, не шибящий в нос сразу, а словно дурманивший вязким древним смрадом, вызревшим от времени, как дьявольские духи.

В углу, рядом с заложённым кирпичами окном с решеткой, в этой пустой заброшенной комнате находился еще один предмет – деревянное кресло-каталка. Грубое и нескладное, похожее на нелепый трон.

С обеих сторон к спинке кресла и поручням были приделаны широкие, некогда очень крепкие ремни из сыромятной кожи, ныне истлевшие, как и пропитанная бурой жидкостью ткань старых тряпок. Ремни с медными пряжками, чтобы удерживать того, кого, усаживая, усаживали в это кресло, привязывая намертво к дереву.

Полковник Гущин смотрел на кресло с ремнями, на сгнивший диван со вспоротой обшивкой.

– Это очень старые вещи. Но это мусор. Здесь нет ничего ценного, – сказал он. – И тем не менее ваш фотограф Нилов искал здесь, в доме, именно это. Высверливал дырки, ища место, где удобнее сделать пролом. За этим занятием его и застал убийца. И он постарался, чтобы на дырки в стене никто не обратил внимания. Уложил инструменты Нилова обратно в сумку, словно ими здесь, в комнате, и не пользовались.

Глава 6

Комната

11 апреля 1903 года

В доме пахло куриным бульоном, жасминовой эссенцией и чем-то гадким – словно только что пронесли по анфиладе комнат не закрытый крышкой фарфоровый ночной горшок.

Игоря Бахметьева, управляющих, инженера-технолога Найденова и Елену Мрозовскую встретила в дверях молоденькая горничная в крахмальном фартуке и наколке на волосах – Мрозовскую поразил ее затравленный вид. Она приняла у Мрозовской пальто и шляпку. Кроме вешалки, в комнате не было никакой мебели. Как, впрочем, и в соседней.

В третьей комнате у стены стояла кожаная банкетка, а у окна – бюро-конторка. Здесь пришедших встретили две крепкие на вид сиделки, выписанные Бахметьевым из московской клиники. Они походили на переодетых мужчин – с грубыми лицами, широкими плечами и сильными руками. Рукава их форменных серых платьев были засучены до локтей.

Из глубин дома все сильнее и сильнее пахло куриным бульоном. Где-то там обустроили кухню.

Елена Мрозовская настороженно прислушивалась. Тот жуткий крик, что она слышала на крыльце. И не человек то вовсе кричал, человеческое горло не может исторгать таких криков. Так, верно, ревели доисторические ящеры с ужасными зубами, которых она видела на картинках в альбомах, когда делала фотографии в Музее естественной истории в Париже.

– Все-таки я сразу хочу наладить оборудование, – сказала она окружающим ее мужчинам.

Они все сами несли ее кофры с фотоаппаратурой, в этом доме обходились без прислуги. Кофры поставили на пол у банкетки. Мрозовская открыла их и начала собирать фотоаппарат Мите. Она вначале хотела воспользоваться именно им – последовательная съемка, сразу несколько кадров. Высокая светочувствительность. После яростного вопля, который потряс ее, она хотела быть готовой к тому, что увидит – и вживую, и через фотообъектив. Инженер-технолог Найденов и управляющий фон Иствуд

помогали ей.

Когда фотоаппарат был готов и водружен на тяжелую треногу, Игорь Бахметьев указал в глубь анфилады. И в этот момент дом накрыл...

Нет, не новый невообразимый крик, а мелодичный гул башенных колоколов.

Часы на башне бумагопрядильной фабрики купцов Шубниковых пробили один раз.

Словно начало начал...

Начало времен...

Елена Мрозовская подумала это про себя и пошла за Игорем Бахметьевым туда, куда он звал ее.

В следующей комнате первым, что увидела Мрозовская, было деревянное кресло-каталка – новенькое, с тугими сыромятными ремнями, какие используют во всех психиатрических больницах. Здесь же у стены стоял шкаф с лекарствами. Комната имела чудной вид – посредине шла кирпичная переборка с крепкими дубовыми двустворчатыми дверями, окованными железными скобами и снабженными двумя английскими замками и засовом.

Мрозовская взяла у инженера Найденова тяжелый фотоаппарат и установила в шаге от дверей. И лишь сейчас обратила внимание на окна во всех комнатах – на них внутри стояли крепкие решетки. Дом-тюрьма... Дом у реки...

– Павлина, откройте. – Игорь Бахметьев кивком указал сиделке на дверь. – Как она сегодня?

– Как и вчера. Не слишком хорошо.

Вторая сиделка тут же заняла место у дверей, рядом с коллегой. Звякнул засов. Двустворчатые двери распахнулись.

Елена Мрозовская прильнула к фотоаппарату, готовясь сразу снимать – все, все, что обнаружится там, в комнате.

Серый свет пасмурного дня, льющийся в окно, забранное толстой решеткой. Резкий запах жасминовой эссенции, смешанный с тошнотворной, но едва уловимой вонью невымытого ночного горшка. Огромный шкаф с распахнутыми дверями, набитый... платьями разных фасонов – от утренних, пастельных тонов, до вечерних, из бархата и шелка. По паркетному полу разбросаны шляпки. Здесь же, на полу, валяются жемчужный браслет и скомканные нижние юбки. С оконного шпингалета свисают черные ажурные шелковые чулки. В глубине комнаты – широкая кровать с атласным покрывалом, замаранным желтыми пятнами мочи, подушки, подушки. На полу у кровати – дорогой персидский ковер. На нем

разбросаны книги. Некоторые с вырванными страницами, другие вообще выдранные из переплетов, но третьи – аккуратные на вид, словно их только что читали, раскинувшись на ковре.

Бок кафельной голландской печи, вделанной в стену.

Посреди комнаты – не у стены, как в обычных домах, а именно в центре – большой кожаный диван, обтянутый тончайшей черной лайкой. Дорогой, роскошный предмет обстановки. Но кожа на спинке дивана висит ключьями – она словно вспорота острыми когтями. Пять параллельных борозд.

На диване, откинув на пухлый валик голову, лежала девушка, совсем юная на вид. Лет семнадцати. Она устроилась головой к дверям и так, через голову, глядела на вошедших. Волна густых прекрасных русых волос струилась вниз, падала на ковер.

Елена Мрозовская как фотограф разом оценила мизансцену и кадр и моментально сделала снимок.

– Здравствуй, Аглая, – спокойно сказал Игорь Бахметьев.

Светлые, слишком уж светлые и прозрачные, как слюда, глаза девушки уставились на них, закатившись под лоб. Смазанное движение гибкого тела, почти неуловимое глазу, – и вот она уже сидит на диване, обернувшись к ним.

– Здравствуйте. Сколько же вас сегодня.

Светлые глаза выбрали из всех Елену Мрозовскую.

И она ощутила знакомую тошноту.

Аглая... Полтора года прошло.

Аглая... Семнадцать лет ей теперь исполнилось, младшей сестре. А полтора года назад семнадцать было Прасковье – старшей. И она готовилась к свадьбе с Игорем Бахметьевым.

Аглая... Последняя из рода купцов Шубниковых, хозяев фабрики и башни с часами. Та, что осталась, единственная из всех.

– Господа, проходите, что же вы застыли в дверях! – самым светским тоном прощепетала Аглая. – И вы приехали, Елена Лукинична!

– Да, приехала. Здравствуйте, Аглая, – Мрозовская заставила себя произнести это вежливо и спокойно.

– И это ваша штукавина здесь с вами, – Аглая кивнула на громоздкий фотоаппарат Мите. – Вы снова будете меня фотографировать?

– Если позволишь.

– О, конечно, конечно, – Аглая закивала. – В прошлый раз вы сделали столько фото! И отличных. Только вот показали мне почему-то не все, – она облизнула губы крохотным розовым язычком.

Встала с дивана.

Мрозовская отметила про себя, что, кроме белого кружевного платья, на Аглае нет ничего – ни корсета, ни панталон, ни чулок. Платье надето прямо на голое тело. Ноги босы. Сквозь тонкую ткань среди рюшей и кружев четко проступали круглые, как яблоки, груди Аглаи, и были видны твердые соски.

– В прошлый раз вы говорили, Елена Лукинична, что я похожа на молодую Сару Бернар, только я светловолосая. А помните, вы рассказывали, как Сара Бернар девочкой уговорила мать купить ей гроб и легла в него? И фотографировалась?

Мрозовская ощутила, что ее тошнота усиливается. Да, она рассказывала об этом сестрам Шубниковым. Ох, вот дура, хватило же ума говорить о таком с ней...

Мрозовская стояла возле фотоаппарата, положив руки на штатив, мужчины, пришедшие с ней, хранили молчание.

– Они меня рады живой в гроб упечь и зарыть, – светским тоном пожаловалась Аглая. – Избавиться от меня.

– Аглая, не говори ерунду! – хрипло возразил Игорь Бахметьев.

– Игорь, а что ты на меня так смотришь? Я из гроба-то вылезу. Думаешь, куда мне лучше кол вонзить, да? В живот или сюда? – Аглая положила узкую ладонь на плоский живот, затем на упругую грудь. – Или, может, сюда? Этого ты хочешь, Игорь, да?

Она внезапно ухватила за подол кружевного платья и резким жестом вздернула его вверх, обнажая ляжки и лобок – нежный, как бутон, заросший волосами.

Никто из мужчин не проронил ни слова. Лишь покраснели все как раки. Мрозовская не сочла возможным фотографировать этот непристойный момент. Хотя фото должны были послужить доказательствами будущего врачебного освидетельствования и вывода о невменяемости, но не порнография же!

Кроме того, сейчас Аглая не производила впечатление невменяемой.

Но тот жуткий крик...

Неужели это она так кричит?

А сейчас щебечет, как парижская шлюха.

– Сюда вгони свой кол, Игорь, – Аглая показывала лобок. – Будет сладко и больно. И кровь потечет. А потом закопай меня в красивом гробу. И я вылезу из него, разорву крышку зубами, rrrrrrrразорrrrrrvу...

– Аглая, прекрати, успокойся! – резко одернул ее Игорь Бахметьев.

– Что же вы не фотографируете меня, Елена Лукинична? – весело,

озорно осведомилась Аглая, поворачиваясь к Мрозовской розовой упругой попкой. – Я же стараюсь для фото. Или это для вас чересчур? Шокирует, да? Но я же, по вашим словам, точь-в-точь как Сара Бернар! А это правда, что, когда она играла Клеопатру на сцене театра Шатле, elle a copule avec Anthony sur la scène sur un lit de roses? ^[1]

Ее французский был безупречен.

Дом снова потонул в мелодичном гуле башенных колоколов. Часы на фабричной башне отбивали четверть второго. И под этот звон Аглая, опустив наконец подол платья, начала медленно грациозно танцевать, кружась по персидскому ковру.

– А помните, Елена Лукинична, как мы танцевали тогда? – спрашивала она в такт. – Помните нас? Как мы танцевали... *с ней?* А вы нас фотографировали и фотографировали. Меня и ее. Ее и меня. Игорь, ну что ты опять на меня так смотришь? Я тебе нравлюсь, да? Скажи, скажи это при всех. Осмелюсь наконец признаться, что ты всегда хотел меня больше, чем *ее!*

Башенные часы умолкли. Аглая застыла на месте. Словно завод у механической куклы закончился. Она глубоко вздохнула.

– Ах, Игорь, какой же ты трус! Ты не мог признаться и в том, что был влюблен в мою мать, хотя все это знают. – Ее голосок по-детски обидчиво дрогнул. – Скучно с вами, господа. Такая скука... Ну чего вы явились ко мне? Вы мне неприятны. Лучше почитаю книжку.

Она нагнулась и подобрала с персидского ковра растерзанную книгу.

Елена Мрозовская глянула на Бахметьева. Тот изо всех сил пытался держать себя в руках. Она спросила у него взглядом: снимать ее? Но вроде сейчас ничего не происходит. Ничего такого...

Смазанное движение, опять неуловимое для глаза. Словно дикий хищник... прыжок...

Они даже не успели ничего понять. Сиделки не успели среагировать. Мрозовская не успела сделать снимок.

Они услышали только глухой рев, сотрясший стены, а затем истошный вопль ужаса.

Аглая с невероятной силой и проворством прыгнула через всю комнату и сбила инженера-технолога Найденова с ног. Он шлепнулся навзничь, она, как зверь, накрыла его собой, полосуюя ногтями лицо, и вцепилась в горло зубами.

Фонтан крови.

Аглая укусила инженера-технолога за кадык.

И обернулась к ним, снова впавшим в ступор и шок, как и тогда,

полтора года назад.

Бахметьев и сиделки бросились к ней.

Елена Мрозовская... Она не помнила этот момент четко, но действовала как автомат – она стала одним целым с фотоаппаратом. Светочувствительность... Последовательная съемка...

Снимок!

Еще один!

Жуткий лик человека-демона, человека-людоеда, который вырвался наружу из этого существа – окровавленного, дикого, хищного, терзающего свою жертву.

Аглая вся подобралась перед новым прыжком. Она стояла на четвереньках над телом хрипящего инженера Найденова.

Бросок!

Она пыталась достать Елену Мрозовскую, но ту защитил фотоаппарат на треноге. Мрозовская закричала, отпрянула, фотоаппарат грохнулся на пол. Игорь Бахметьев с силой оттолкнул Аглаю к стене. Но она как-то по-паучьи спружинилась, отскочила от этой стены, покрытой синими обоями в лилиях, теперь забрызганными алым, и, открыв окровавленную пасть, заревела неистово и страшно, так что все они сразу почти оглохли.

А потом все смешалось. Игорь Бахметьев и сиделки набросились на Аглаю. Прижали ее к полу, начали выворачивать руки. Кто-то кричал, чтобы прикатали кресло с ремнями.

Инженер Найденов перевернулся на живот, приподнялся на руках и рухнул ничком. По паркету растекалась огромная лужа крови.

Глава 7

Нежданно-негаданно

Кроме кресла, дивана и тряпок, в комнате не оказалось ничего. Капитан Первоцветов по приказу Гущина вызвал к Дому у реки пожарных из местной пожарной части. Те приехали моментально, и Гущин попросил их расширить пролом в стене, чтобы тайную комнату можно было осмотреть. Пожарные начали крушить переборку.

Удары по кирпичной кладке, пыль, мечущиеся по стенам пятна полицейских фонарей – все это напоминало Кате фантасмагорию, кадр из фильма ужасов. Только вот особых ужасов пока было что-то не видно. Если не считать, конечно, древних тряпок, гнилых, заскорузлых, насквозь пропитанных...

– А ведь это кровь. – Полковник Гущин шевелил тряпки носком щегольского ботинка.

Когда пожарные разломали стену, он вошел в тайную комнату первым.

– И пятно на полу, на паркетной доске. Сколько лет этому паркету и этому пятну?

В этот момент где-то в доме послышался громкий возмущенный голос. По темной анфиладе заброшенных комнат решительным шагом приближался мужчина. Катя разглядела его в свете фонарей: лет за сорок, плотный, невысокий, почти квадратный, с широкими плечами, склонный к полноте, с короткой стрижкой, резкими чертами лица и двойным подбородком.

– Что вы делаете?! Прекратите! – орал он пожарным. – Кто вам позволил? Это самоуправство!

Он растолкал всех, отпихнул капитана Первоцветова и сунулся в пролом.

– Я замглавы городской администрации Казанский Андрей Игоревич! Что здесь творится? Почему вы разрушаете памятник архитектуры?! Мне в администрацию идут лавиной возмущенные звонки. Этот дом охраняется законом как культурное наследие!

– В этом доме произошло убийство. Убили городского фотографа Дениса Нилова, – сообщил ему Гушин, официально представившись. – Мы проводим осмотр места убийства. И в ходе осмотра обнаружено это вот странное помещение.

Замглавы администрации огляделся по сторонам с таким видом, словно только сейчас заметил и пролом, и паркетный пол, и клочья обоев с лилиями, и заложенное кирпичом окно с решеткой, и диван, и кресло с ремнями.

– Я не понимаю вас.

– В памятнике городской архитектуры, более похожем на нужник, обнаружена замурованная комната. – Гушин изучал его. – Это место убийства, Андрей Игоревич, и у нас были веские основания, чтобы начать ломать эту стенку.

– Абсурд какой-то! – Казанский сказал это спокойнее. – Про убийство нам в администрацию тоже сообщили. Конечно, вы полиция, вы должны заниматься своим делом, расследовать. А кто его убил, этого парня?

Катя отметила: судя по тому, как Казанский назвал Нилова, тот ему известен – по крайней мере он в курсе, что Нилов был молод.

– Ведется расследование.

– А что это за комната? – задал новый вопрос Казанский.

– Кирпичной кладке не один десяток лет. Предметы мебели старые, возможно, даже девятнадцатого века. – Гушин угрюмо оглядел вспоротую

спинку дивана, снова подошел к груде тряпок на полу. – Переборка, которую мы проломили, в три кирпича. Если смотреть изнутри комнаты, – он подошел к стене, – видно, что эта сторона отличается от той, что снаружи. Там – сплошная кирпичная стена. А здесь, взгляните – остатки синих обоев. А вот здесь находился дверной проем, – он провел рукой по стене. – Остатки дверной притолоки и дверные петли. Здесь была дверь, вход. Но снаружи выложили кирпичом еще один слой и эту старую переборку скрыли. Комнату замуровали.

– Так что это за комната? – нетерпеливо повторил свой вопрос Казанский.

– Это вы мне скажите, вы же кричали, что это памятник городской архитектуры.

– Не имею понятия. Просто это очень старое здание. Оно составляет единый комплекс с фабричными корпусами – а это памятник промышленной архитектуры. Городская достопримечательность. Кресло какое интересное, – Казанский дотронулся до спинки кресла-каталки. – Ремни... Кого-то привязывали... Что за дикость такая?

На его вопрос никто не ответил. И больше он вопросов не задавал, хотя весь дальнейший осмотр комнаты проходил при нем.

Но смотреть было особо нечего.

И все же Катю не покидало странное ощущение, что комната словно наблюдает за ними, скрыв зоркие недобрые глаза в старых стенах. И словно выжидает.

После осмотра Гуцин приказал закрыть Дом у реки, повесив на входную дверь новый замок. Диван и кресло так и оставили внутри. Эксперты забрали лишь гнилые тряпки и сделали соскобы с дубового паркета, где Гуцину привиделось пятно, чтобы проверить, кровь это или не кровь.

Катя не спрашивала у Гуцина, каков его дальнейший план. Просто молча залезла в его машину. Увидела, как замглавы городской администрации сел за руль новехонького черного джипа и лихо развернулся почти у самой воды. Надо же, в маленьком Горьевске (от слова «горе»), обезглавленном на плахе беспощадной борьбы с коррупцией, осталась все-таки какая-то городская власть, которая покрикивает и качает права.

Капитан Первоцветов тоже сел с ними.

– Осмотрим его офис, Федор Матвеевич? – предложил он.

Гуцин кивнул. Они разворачивались в сторону Горьевска. А он все смотрел на Дом у реки. И Катя поняла: это место лишило его покоя. Точнее даже так: полковник потерял свой покой там, в замурованной комнате,

похожей на тайную тюрьму.

– Неплохо бы побольше узнать об этом здании, – сказал он Первоцветову. – Займитесь этим сами, ладно?

Капитан кивнул, и на лице его снова появилось то самое непередаваемое выражение. В глазах мелькнуло что-то затравленное, тоскливое.

«Что с ним? – удивилась Катя. – Ведь он недавно здесь, переведен из Главка».

Ехали в город по темному шоссе с редкими фонарями. За окнами внедорожника возник новый микрорайон: многоэтажные дома, освещенные остановки рейсовых автобусов, продуктовый супермаркет. Пейзаж несколько повеселел. Но вот они въехали в центральную часть города, и все снова стало унылым и каким-то кривым, кособоким.

Нелепая широкая центральная улица, по краям которой крючились старые купеческие особнячки, выкрашенные желтой охрой, залепленные вывесками «Аптека», «Цветы», «Оптика», вперемешку с мрачными пятиэтажками из силикатного кирпича. Городской сквер – дешевого вида фонтан, выключенный по случаю осеннего сезона, и какой-то чудной памятник – то ли ангел, то ли стрекоза на столбе.

И вдруг – прекрасное здание в стиле классицизма с фасадом жемчужного цвета, окутанным дымкой яркой подсветки. Здание, составившее бы честь даже столице.

– Городской музей, – пояснил капитан Первоцветов.

И Катя поняла: Горьевск, возможно, состоит из таких вот контрастов. Не следует судить об этом городе поверхностно.

Вдали, в свете уличных фонарей, мелькнуло что-то громадное из красного кирпича.

Но Катя не успела разглядеть – они свернули и остановились возле городского дома быта, расположенного напротив торгового центра. Оба здания – громоздкие ангары нового типа. Торговый центр работает допоздна. А вот дом быта уже закрывается, но это не помеха для полиции, потому что...

Катя не закончила свою мысль.

Она увидела возле дома быта Горьевска нечто невообразимое.

Собственную машину.

Крохотный коробочнок – «Мерседес Сمارт» – притулился прямо напротив входа, на парковке. Конечно, мало ли в Москве и области «Смартов», однако...

Катя на негнущихся ногах подошла к машинке. Моя! Точнее... Черт

возьми! Вон и Стивен болтается на зеркале заднего вида – маленький пушистый брелок в виде синей длиннорукой обезьянки. Она сама его водрузила туда, а Анфиса хотела повесить «Глазастика». Вон он притулился на приборной панели – жуткий на вид уродец-циклопик. И хаос в салоне знакомый...

Анфиса Берг – Катина закадычная подруга, с которой они напополам купили эту вот машинку и катались на ней по очереди. В последнее время машина больше требовалась Анфисе. Та моталась по разным местам. Кате приходили sms на телефон: «Зайчик, беру колеса из гаража – качу в...» Анфиса всегда аккуратно указывала пункт назначения.

Но в последнюю неделю посланий про авто Катя не получала и считала, что Анфиса работает в галерее, а крохотун-«Смарт» тоскует в гараже.

Катя секунду разглядывала синенького висельника – талисман на зеркале, а потом огляделась по сторонам. Темная незнакомая площадь, унылая и пустая.

Она ринулась в дом быта, не обращая внимания на тревожный окрик полковника Гущина.

Внутри все перегороджено и поделено на маленькие помещения: чуланчики-мастерские, офисы, магазинчики – точно жалкие соты. «Изготовление ключей», «Ремонт обуви», «Ремонт оправ», «Билетная касса», «Канцтовары», «Ателье».

– Как это не появлялся на работе? Вы его не видели сегодня? Может, знаете, где он живет? Мне очень нужно его увидеть! Я из Москвы приехала! Целый день его ищу!

До боли знакомый голос!

Катя верила и не верила ушам своим, глазам своим!

– Но это же его фотоателье! Но здесь заперто! Он что, уже закончил работу? А где он живет?

Белая дверь каморки с вывеской «Фотоуслуги». Напротив – стеклянный аквариум офиса «Котлы и отопительные системы». Его запирали на ключ хмурый сиделец, не дождавшийся вечерних клиентов. А рядом с ним Катя узрела Анфису Берг.

Та пылко допрашивала сидельца, повышая голос, словно разговаривала с глухим.

– Я из Москвы три часа ехала по пробкам! Мне он очень нужен, это же его фотоателье! Где я могу его найти, а?

– Анфиса, – тихо окликнула подругу Катя.

Та обернулась всем телом и...

Темные глаза Анфисы округлились. Она всплеснула руками.

– Ой, а ты...

– А я здесь. – Катя ухватила Анфису за руку. – Я по срочному делу.

– И я по срочному делу!

Катя быстро в уме подсчитала, сколько же они с закадычной подругой не виделись. Ой, много времени, так много – просто ужас! Последний раз на Анфисином дне рождения... Нет, она туда не попала, подарок отправила с курьерской службой, а сама была по горло занята...

– Анфисочка!

Анфиса тряхнула темными кудрявыми волосами и обняла Катю. От нее пахло тонкими духами. На ней были моднящий мешковатый черный плащ, черные брюки, яркий полосатый шарф от Сони Рикель и, как обычно, увесистая сумка с фотоаппаратурой. Богема чистой воды и тот небрежный врожденный шик, который всегда так восхищал в ней Катю.

Анфиса Берг была известным в узких кругах художником-фотографом. Они с пятью компаньонами содержали галерею на Гоголевском бульваре, снимали там помещение, делали фотовыставки. Но в последнее время дела хипстерской галереи шли плохо. Анфиса фактически не имела постоянной работы и сотрудничала сразу с десятком изданий, пристраивая туда свои снимки, моталась по разным местам, делая рекламные фотосессии.

– Что здесь за шум, а драки нет? – осведомился позади них густой гуцинский бас. – О, знакомые все лица! Анфиса Марковна, вы? Этого только не хватало. Какими судьбами?

Гуцин, капитан Первоцветов и сотрудники Горьевского ОВД, приехавшие к дому быта делать осмотр офиса фотографа Нилова, заполонили узкий коридор.

Катя подумала: Гущину Анфиса знакома и памятна. Но не виделись они, страшно сказать, вечность. Со времен того знаменитого дела Музея имени Пушкина, когда Анфиса так помогла им всем.

– Федор Матвеевич! – воскликнула Анфиса с нескрываемым восторгом. – Как я рада вас видеть! Вы все такой же брюзга и меланхолик.

– А вы, Анфиса Марковна, расцвели. – Гуцин приподнял бровь. – Но это еще не дает вам повод...

– Я здесь по важном делу, – возвестила Анфиса. – Мне надо срочно разыскать одного человека.

– Анфис, кого ты ищешь? – Катя уже знала ответ, она спросила для полковника Гущина.

– Дэна. Он фотограф. Когда-то делал снимки для половины глянца. Для «Сноба», для «Оффисель».

– Его фамилия Нилов?

Анфиса уставилась на Катю.

– Да, а откуда ты...

– Денис Нилов убит, – мрачно изрек полковник Гущин. – Боюсь, Анфиса Марковна, вам предстоит дать нам внятные и четкие объяснения происходящему.

– Убит?! Ой, его же никто никогда у нас не принимал всерьез. Что он там болтает под кайфом!

Гущин принял решение моментально.

– Сначала осмотрим его конуру, – сказал он, кивая на офис фотоателье. – Вскройте дверь. А поговорим потом – обстоятельно и правдиво. Анфиса Марковна, ждите в коридоре. Никуда не уходите.

– Куда же это она уйдет?! – взвилась Катя. – Федор Матвеевич, вы вообще думайте, что говорите!

– Я думаю, – многозначительно ответил Гущин.

В этот момент хрястнул вскрытый полицейскими замок входной двери в офис.

Там было чисто и стерильно – белые стены. Все помещение узкое, словно гробик. Фотооборудование – здесь явно делали снимки на паспорт и документы. Стол, тумба с ящиками и компьютер с монитором. Осмотр занял час. В результате изъяли рабочий компьютер Нилова с клиентской базой и файлами фотографий и обработали все предметы на наличие отпечатков пальцев. Этого добра оказалось в изобилии.

Как только Катя поняла, что в фотоателье смотреть нечего, она вернулась к Анфисе. Вскоре к ним присоединился капитан Первоцветов – он переговорил с менеджером из «Отопительных систем», задержанным полицией для беседы. Тот ничего конкретного не сообщил – Нилова видел вчера утром и днем. Тот работал в фотоателье. Посещали ли его клиенты в тот день, менеджер не имеет понятия. После обеденного перерыва в коридоре с фотографом не сталкивался. Вечером, как обычно, стал закрывать офис. Но его начала расспрашивать про фотографа какая-то девица из Москвы. Он ей сказал, что фотограф сегодня на работу не пришел.

И не мог прийти.

Мертвые не ходят и не фотографируют.

Опрос остальных обитателей мастерских и офисов дома быта отложили до утра – все уже позакрывалось.

Полковник Гущин приказал всем ехать в отдел полиции. Катя села вместе с Анфисой в «Смарт»-крохотун, Анфиса рулила следом за

внедорожником Гущина, помалкивала и выглядела растерянной и подавленной.

Горьевский ОВД встретил их холодно и негостеприимно – большинство кабинетов закрыты. Личный состав так и не мог зализать раны и залатать бреши в своих рядах. А те, кто еще остался, работать в ночь по горячим следам даже из-за убийства явно не собирались. Кроме мрачного дежурного, капитана Первоцветова и горстки оперативников, что приехали с осмотра Дома у реки усталые как черти, – никого. Все это так не похоже на прочие расследования убийств в маленьких подмосковных городках, где сразу пахали всем отделом, просто из кожи вон лезли, чтобы скорее, скорее раскрыть и отчитаться! Кате стало горько от всей этой ведомственной апатии, запустения и равнодушия, с которыми она сталкивалась все чаще.

В тот момент дело об убийстве фотографа представлялось ей достаточно простым. Она и предположить не могла, *с чем они столкнутся в этом городе.*

Что думал полковник Гущин, горевал ли он по поводу всеобщего полицейского локального пофигизма и нежелания работать, было загадкой.

– Анфиса Марковна, я вас внимательно слушаю, – объявил он, когда они сели в холодном, как лед, кабинете Первоцветова на первом этаже.

– Кто убил Дениса, Федор Матвеевич? – вопросом ответила Анфиса. – Когда это произошло?

– А вы когда появились в Горьевске? – Гущин устало потер пальцами глаза и переносицу. – Вы меня знаете, Анфиса Марковна. При некоторых обстоятельствах вопросы задаю только я.

– Ох, ладно, принято. – Анфиса посмотрела на Катю, ища поддержки. – Я сегодня приехала. Как сердце чувствовало! Он... Дэн должен был с меня деньги получить. И не позвонил, и сообщения не прислал – ничего. Представляете? Это он-то, когда деньги светят! Я ему за все пятьдесят тысяч обещала.

– За что?

– За фотоснимки.

– Он что, был папарацци?

– Да, он когда-то был папарацци. А до этого – очень талантливый фотограф. Настоящий художник. Кокс его погубил, понимаете? Кокс и прочая дрянь.

– Наркоман со стажем?

– Это хуже, чем болезнь, Федор Матвеевич.

– Да я знаю, – Гущин вздохнул. – Давно вы с ним знакомы?

– Лет пять. Не приятель он мне и не бывший мой, не думайте ничего такого. Он просто мелькал в одной тусовке – свет, полусвет, работал как папарацци. И у нас в галерее пару раз выставлял несколько работ – так, для души. В свои светлые моменты.

– Он москвич?

– Он откуда-то приехал еще совсем молодым, из глубинки. Но в Москву врос, приспособился.

– Не из Горьевска?

– Этого я не знаю.

– А что за снимки? Компромат на кого-то?

– Да нет, Федор Матвеевич. Это не то, что вы думаете. Это антиквариат. Исторические фотографии, дореволюционные.

– Старые фото? И вы ему пятьдесят тысяч за них собирались заплатить?

– Это фотоработы Елены Мрозовской, – ответила Анфиса. – Она знаменитый русский фотограф. Ее работы стоят гораздо больше, их совсем мало осталось. Но со снимками, что мне Денис передал, было не все так гладко. Там только часть оказалась работами Мрозовской, а другие были сделаны не ею. Не знаю, намеренно или невольно, но Денис ввел меня в заблуждение.

– Обманул? Хотел сбагрить фальшивку?

– Федор Матвеевич, вы все в одном ключе воспринимаете – обманул, обьегорил. Нет, он мог сам не понимать, что к чему. Я просто работами Мрозовской много интересовалась, изучала ее искусство, поэтому могу отличить. Стил, техника фотографирования совсем разная. На тех, что он мне сразу отдал, – это ее стил и метод фотографирования. А те, что я забрала из его ячейки в банке, в большинстве другие. И вообще там все очень-очень странно. Если не сказать больше.

– Фотографии у вас с собой?

– Да. – Анфиса полезла в свою необъятную сумку и достала плотный конверт крафтовой бумаги, протянула Гущину.

Тот достал пачку фотографий, мельком глянул. Одно фото разглядывал дольше остальных. Брови его удивленно полезли вверх. Он хмыкнул, нахмурился и спрятал фото в конверт.

Катя успела разглядеть лишь то, что снимки черно-белые и один вроде раскрашен. Фотобумага очень плотная, почти как картон.

– Давайте все по порядку и с самого начала, – попросил Гущин. – Итак, когда вы встретились с Ниловым?

– В тусовке он был просто Дэн. Это случилось две недели назад, он

подошел ко мне на улице, выглядел плохо, весь дерганный. Я тогда подумала еще: без дозы мучается, но это не только ломка была, понимаете? Мне сейчас, когда я все снова вспоминаю, кажется, что он нервничал. Сказал, есть фотки на продажу. Может, ваша галерея купит? Я сказала – мы на мели, нет. Я думала, он на дозу собирает. Но он потащил меня в кофейню на бульваре и там вытащил три фотографии. И я... Я только взглянула на них, Федор Матвеевич, и сразу поняла, что... Это работы Елены Мрозовской! А там еще на обороте снимков были ее автографы, надписи, сделанные ее рукой!

Катя не вмешивалась в разговор. Она видела: Анфиса сильно волнуется. Имя Елены Мрозовской Кате ничего не говорило. Правда, она была в курсе, что Анфиса увлекается дореволюционной фотографией. А по нынешним временам антиквариат – лучшее вложение для маленькой частной галереи, идущей ко дну.

– Короче, я сразу решила купить эти снимки. Сняла деньги с карточки в банкомате, заплатила пять тысяч за каждый снимок. Это я его наколола, Федор Матвеевич. Каждое подлинное фото Мрозовской, сделанное ею лично, стоит в десять раз больше. А я ему всего пятьдесят тысяч пообещала за все. Потому что он сказал мне – у него еще есть.

– И что было дальше?

– Я сказала ему: мне надо проверить подлинность снимков. Хотя уже уверена была, что... Ох, это такая удача! – Глаза Анфисы блеснули. – Но эти три снимка... Я потом покажу какие, они уж очень... как бы это сказать... Снято великолепно, но мурашки по коже. Денис взял номер моего мобильного, сказал, что позвонит через пару дней – узнать, куплю ли я остальное. И позвонил. Я сказала – да, да, галерея купит все. Я с компаньонами это не обсуждала. Решила вложить свои деньги.

– Понимаю, бизнес, – усмехнулся Гущин.

– Нет, не понимаете вы! Для фотографа откопать новые неизвестные фото Елены Мрозовской – это то же самое, что найти на блошином рынке настоящего Бакста или Бенуа! – пылко воскликнула Анфиса. – Я сказала, чтобы он привез снимки в галерею. Но он ответил, что не в Москве, далеко от Москвы, в Горьевске, мол, у него временная работа, халтура в фотоателье в доме быта. А снимки он держит в банке, в ячейке.

– В каком банке он держал фото?

– ВТБ, отделение на Земляном валу. Он мне по телефону назвал адрес и продиктовал код шифра ячейки.

– Так сразу все открыл?

– Он сказал: Анфиска, ты не обманешь. Забери снимки, глянь.

Пятьдесят тысяч переведешь мне на карточку, я перезвоню.

– А он не сказал вам, откуда у него эти фото?

– Сказал, еще в первую встречу, когда я в кафе начала допытываться про фотографии Мрозовской. Это от нарика одного знакомого – от какого-то Петруши, который откинулся от передоза. А это, мол, долг его за кокс и наследство одновременно.

– Фамилия Петруши?

– Не знаю, вообще ничего про него больше не сказал. Лишь упомянул, что тот из Горьевска был. В Горьевске посоветовал халтуру. Сейчас же все как волки рыщут, ищут подработку. Ничем не гнушаются. Глянец весь почти накрылся, там чужих, внештатных в штыки встречают. Из папарацци Денис превратился в обычного фотографа из тех, кто снимает на документы.

– И что было дальше?

– Я, конечно, помчалась в банк, вскрыла ячейку. Достала снимки и... Я была готова его убить. Там было только два снимка Елены Мрозовской. Все остальные не ее. Я в галерее и фотомастерской все тщательно проверила, рылась в справочниках. Нет, никаких сомнений: это снимки гораздо более раннего периода, примерно конца семидесятых – начала восьмидесятых годов девятнадцатого века. Антикварные фото неизвестного фотографа. Но... они такие... Вы же сами сейчас видели, Федор Матвеевич! Но вот что необычно: на обороте там везде надписи. Почерк тот же, что на фотографиях Елены Мрозовской. Они сделаны не ею, но она подписала их все, словно... это из ее собрания, коллекции. Я послала Денису сообщение: снимки беру, но это не Мрозовская, поэтому и цена – двадцатка за все. Он мне ответил вчера вечером, прислал sms. Номер шифра банковской ячейки, другой. Написал: «Есть еще, полтинник за все».

– Еще снимки? И другая ячейка?

– Да. Я снова помчалась туда, на Земляной вал, в то же отделение ВТБ. Но там нет ячеек с таким шифром. Мне менеджер банка сказал, что подобный шифр они не используют. Это какой-то другой банк. Я стала опять звонить Денису – его мобильный сначала не отвечал, никто трубку не брал. А потом и вообще отключился. И на сообщения – никакого ответа. Я сегодня с утра все пыталась дозвониться. Мне стало тревожно – не в правилах Дениса исчезать, когда деньга светит! Это совершенно на него не похоже. И я жаждала получить остальные снимки. Невозможно от такого предложения отказаться! Поэтому я села в машину и поехала в Горьевск. В пробке на МКАД проторчала полтора часа. Пока добралась, пока это чертов дом быта нашла, стемнело. Оказалось, он сегодня и на работе не

был. Я из всех местных душу вытрясала – хотела его адрес узнать. А тут вы...

– Как у Высоцкого: «Тут за день так накувыркаешься, придешь домой – там ты сидишь», – Гуцин снова хмыкнул. – Так где вы находились вчера вечером, Анфиса Марковна?

– В галерее на Гоголевском бульваре. Адрес вам отлично известен. Это могут все наши подтвердить, мы новый зал допоздна оформляли.

– Ясно. А с десяти вечера до восьми утра?

– Дома, спала.

– Кто может подтвердить это?

– Плюшевый мишка.

– Вот то-то и оно, – Гуцин покивал головой.

– Федор Матвеевич! – Катя сделала страшные глаза.

– А ты помолчи. Снимки я пока у себя оставлю.

– Нет смысла вам из Горьевска так поздно уезжать, – подал вдруг голос молчавший как рыба капитан Первоцветов. – Завтра с утра уйма работы. И вам, Анфиса... Анфиса Марковна – да? Тоже придется задержаться.

Катя отметила, что изящный сумрачный капитан Первоцветов смотрит на пышную, полную, кудрявую, шумную, модную Анфису как-то сбоку, наклонив голову, как это делает сорока, когда разглядывает блестящую на солнце консервную банку.

– Как здесь с гостиницей? – Гуцин тяжело вздохнул.

– Есть наш знаменитый загородный отель «Бережки-Холл», там свадьбы играют. Есть отель с сауной «Горьевские дали». Есть отель «Комфорт» – в центре, пара улиц до отдела, приемлемо по цене, и я почти рядом жилье снимаю. Я вас туда провожу.

Когда они уже выходили из отдела, неугомонная Анфиса шепнула Кате:

– Какой редкий зануда! Но глаза красивые у капитана. Так смотрит... Кстати, после того как я узнала, что бедняга Дэн убит, я бы и сама так просто из этой дыры не уехала. А ты, Кать?

– Гуцин в Главк позвонит, чтобы твое алиби в галерее проверили, – со вздохом сказала Катя. – А на ночь убийства у тебя алиби нет, мой зайчик. Опять ты, Анфиса, влипла в...

– Какашкуууу, – пропела Анфиса ей на ушко. – А зайчик, а зайчик попал под трамвайчик... опять, опять...ой-ей-ей... Привезли его в домой – оказался он живой! Где наша не пропадала!

– Почему Гуцин сразу нам фото не показал, спрятал? Что там на них?

– Покажет, куда не денется. Там мало что понятно. Вроде старые

фото, а приглядишься – какая-то чертовщина. Капитан Первоцветов, а можно вас спросить? Парковка у отеля своя? Нам машину поставить нужно.

Глава 8

Капитан Первоцветов

Фотограф по имени Анфиса, оказавшаяся главным свидетелем по делу, спросила, как его имя-отчество.

Капитан Первоцветов вспомнил об этом, когда ехал в полном одиночестве по темному спящему городу на патрульной машине. Он назвал ей только свое имя – Борис. Она улыбнулась. Ямочки на щеках...

Если бы она только знала, о чем на самом деле он думал в тот момент!

Приезда полковника Гущина в Горьевск капитан Первоцветов не ожидал. В Главке они редко сталкивались, лишь на общих совещаниях. И никогда не контактировали. Но Первоцветов, как и все в ГУВД, был наслышан о полковнике Гущине и его манере работать. То, что Гущин вечно таскает за собой на места происшествий сотрудницу пресс-службы, служащую для него чем-то вроде талисмана успешного раскрытия дела, тоже обсуждали. Это шло вразрез с правилами. Но Гущин не слишком пекся о правилах. А эта длинноногая корреспондентка Екатерина Петровская вроде никогда не подкладывала ему свиней – не сливала информацию СМИ, не публиковала непроверенных данных из «источников, близких к расследованию», и даже «помогала» Гущину в раскрытии.

Капитан Первоцветов усмехнулся. Помочь в раскрытии... Только не в Горьевске. Что корреспондентка пресс-службы знает о городе!

Что она знает обо всем этом...

И Гущин не знает. Да, он известен, он славен своей оперативной хваткой, своим упорством, умением раскрывать самые запутанные убийства – Первоцветов слышал немало историй об удаче шефа криминальной полиции.

Только он не верил в эти рассказы. Только не в Горьевске. Здесь, полковник, тебе не обломится. Не сможешь ты ничего здесь. И девица твоя – корреспондентка, твой талисман, – не поможет тебе ни в чем. Еще хорошо будет, если унесете отсюда ноги подобра-поздорову.

Потому что Горьевск – он такой. Он порой не отпускает.

Есть города, которым нужны жертвы, как темным божествам.

А Горьевск много чего может рассказать о жертвах.

Капитан Первоцветов ехал по Горьевску, по его улицам – пустым, окутанным ночным мраком, где все спали, где тускло светились лишь вывески жалких магазинов, жалких аптек, жалких кафе – мимо выключенного по случаю холодов фонтана, мимо городского музея.

Улицы и кварталы остались позади, темное шоссе заструилось среди темных деревьев к реке.

Полковник Гуцин, несомненно, задал бы капитану Первоцветову немало вопросов, узнай он, куда тот направляется среди ночи. А как он узнает? Кто ему расскажет?

Патрульная машина сбавила скорость и тихо остановилась у Дома у реки.

Была половина третьего ночи. Где-то в это время фотограф Нилов встретил свою смерть – там, в доме, в загаженной комнате, стену которой хотел просверлить ручной дрелью.

Зачем? Куда ты сунулся, глупый дурак?

Капитан Первоцветов, сидя за рулем патрульной машины, смотрел на запертую на новый замок дверь дома.

Ее уже закрывали прежде. Только это ни к чему не привело.

Он провел рукой по лицу, словно смахивая с него невидимую паутину. Вспомнил, что они обнаружили в замурованной комнате, когда рухнула переборка. Это всегда было там. Всегда. За стеной.

В ночи Дом у реки представлялся скопищем смутных пятен: белели колонны, черными провалами зияли окна, хотя в них сохранились стекла.

Капитан Первоцветов ощутил спазм в горле.

Он нажал на газ, и старая патрульная машина, взвизгнув тормозами, рванула с места. Он ехал почти вслепую, да, он словно ослеп. Ему не надо было видеть дорогу, потому что он знал, куда она приведет.

В Горьевске издавна всего одна дорога: от Дома у реки до...

Это остальные пути – фантомы: федеральное шоссе, улицы, переулки, дорога к отелю «Бережки-Холл», дорога к станции – это все призраки Горьевска. Настоящая дорога в этом городе ведет вот сюда.

Он остановился, вышел из машины.

Приблизился вплотную к кирпичной стене. Дотронулся до нее рукой. Задрал голову и глянул вверх – в ночь.

Над ним возвышалась Башня с часами.

Это грандиозное сооружение для плоского Горьевска было невероятно высоким. Капитан Первоцветов порой прикидывал, сколько метров в высоту башня.

Вокруг не было ни души. Ни охраны из ЧОПа, ни любопытных. Башня

с часами, подсвеченная фонарями, вырастала из фабричных корпусов старой фабрики. Она словно касалась своим шпилем низко нависших над городом дождевых туч.

Порой капитану Первоцветову хотелось, чтобы эту дрянь сломали. Чтобы не было соблазна.

Никакого соблазна.

А потом он ощущал знакомый прилив крови, сердце замирало в груди от предвкушения чего-то невиданного, небывалого, того, что хотим узнать мы все.

Только боимся.

А вот он уже не боялся.

Он порой страстно этого ждал.

И в такие моменты желал, чтобы башня оказалась очень высокой, даже выше, чем по всем его расчетам. И чтобы она простояла еще века, притягивая к себе, соблазняя, как луна соблазняет своей недосыгаемостью и совершенством бедных, безумных, больных ночных мотыльков. **Глава 9**

Любовники

– Это Окорок с фотографом рассчитался. Окорок – мужик мстительный, серьезный. Ты сам говорил, Андрюша, такой позор! Этот приезжий парень-фотограф так его опозорил! Окорок позора не прощает.

Ульяна Антипова шепнула это на ухо Андрею Казанскому – замглавы городской администрации Горьевска, которого Катя видела в Доме у реки. Ульяна и Казанский лежали в постели. Они были любовниками, но вместе не жили, что Ульяну огорчало. Казанский просто навещал ее – вот и в эту ночь приехал поздно.

Ввалился во втором часу ночи, без звонка, без букета, без подарка – она не смогла даже привести себя в порядок, выскочила всклокоченная, сонная, потная из постели. От этого можно было разъяриться, как львица. Но, взглядевшись в мрачное озабоченное лицо любовника, Ульяна прикусила язык.

Она на скорую руку собрала поесть и наполнила ванну горячей водой. Пока Казанский отмокал в ванне, она размышляла. И мысли ее были остры как бритва.

Ульяна пережила трудный день – она работала акушером-гинекологом роддома при местной центральной районной больнице. Целый день провела на ногах – тяжелые роды с осложнениями. Роженица поступила из Куровского, на сорок первой неделе, без схваток, с высокой температурой, с «двойным обвитием» вокруг шеи младенца. Они испробовали все, чтобы

роды начались. Были моменты – роженица так орала, что Ульяне казалось, все кончится плохо. Но ребенок все же вышел. Он не кричал, а как-то сипел, постанывал, но дышал. Дышал!

Сегодня Ульяне было не до постельных игр, но Казанский и сам ничего такого не хотел. После ванны он отказался от еды, залез в теплую постель Ульяны и лежал на спине, глядя в потолок.

Тут-то Ульяна и спросила:

– Что это полиция по городу разъездила, а?

Он промолчал.

– Это потому что фотографа убили? Мне девчонки в регистратуре сказали, когда я домой уходила. Того москвича с приветом. – Она прильнула к горячему телу Казанского и прошептала то самое: – Это Окорок его...

Казанский обнял ее, но взгляд его был все так же пуст, устремлен в потолок. Он о чем-то думал. О своем.

– Ты прочел, что в медкарте Окорока написано? Понял его диагноз? – шептала Ульяна. – Суслин из ординаторской за бутылку коньяка согласился показать мне его медкарту, я отксерила, как ты просил. Только зачем это тебе, Андрюша? Плохой диагноз. Пасмурный. Как прогноз погоды. Шторм предвещает.

– Бурю, – уточнил Казанский. – Ты забудь про это, детка. Может, это вообще – тщетные хлопоты.

Ульяна хотела спросить почему. «Ты же сам меня просил через знакомых врачей, кто на алкоголь падок, достать медкарту! И я сделала это ради тебя, хотя такие вещи грозят увольнением. Впрочем, чего мне бояться – Казанский в городе теперь сила и фактически единственная реальная власть. Он заступится. Он обещал, что очень скоро я получу должность заведующей родильным домом, когда старого главврача сплавят на пенсию».

– А этого фотографа убили в том доме, да? В регистратуре языками мелят. Нет, ну конечно, это Окорок его... Или же... Или это что-то другое? А, Андрюша? Другое?

– Спи, не болтай. Завтра рано вставать. – Казанский повернулся на бок, спрятал свое лицо от нее в подушке.

«Спи, не болтай, не мели языком» – так мать говаривала, когда жива была. Здесь, в этой квартире, в соседней комнате спала, храпела еще год назад. Так храпела, хоть из дома беги. Сердечники все храпуны. А у матери, кроме сердца, еще и астма была, и сосуды.

Что ж, это плата за жизнь, которую она прожила.

Мать высылали из Москвы сюда, в Горьевск, на *сто первый километр, дважды*. При Советах была такая форма наказания – не ссылка, а высылка. Сто первый километр... Горьевск...

Мать его ненавидела. Но как-то прижилась все же в нем. А для нее, Ульяны, городишко стал родным. Она вернулась сюда после мединститута, а могла бы в Москве зацепиться. Но она вернулась. Ведь здесь жила, обрюзгнув и растолстев, ее мать, перенесшая два инфаркта.

Ах, а какая она была в молодости – ее мать... Красотка! Модельная девочка!

Мать была дорогой валютной проституткой, о чем, не смущаясь, любила вспоминать. Тутси-куколка... Тутси-леденец...

При совке таких считали «вредным элементом», паразитами и тунеядцами и высылали в рабочие фабричные города. Ломать хребет на производстве. Отца у Ульяна не имелось. Мать утверждала, что она «нежданчик».

Всю свою тридцативосьмилетнюю жизнь Ульяна Антипова положила на то, чтобы забыть, что она дочь проститутки, и стать настоящей уважаемой «дамой». Может, поэтому она выбрала профессию гинеколога. Хороших гинекологов в маленьких провинциальных городах пациентки боготворят. А именно женщины в провинции поддерживают и формируют негласное общественное мнение.

То, что она наконец достигла высокой планки и вытянула счастливый билет, Ульяна поняла, когда с ней начал встречаться Андрей Казанский из городской администрации. Ей тогда мнилось, что счастье не за горами: удачный брак, муж-начальник, семья, дом – полная чаша.

Но этого не случилось. Прошло несколько лет, а они все продолжали встречаться от раза к разу. И чем дальше, тем больше, тем преданнее и безропотнее Ульяна ему служила.

Тому, кто спал сейчас рядом с ней в ее пышной постели.

От разговоров об убийстве фотографа Казанский уклонился. А она о многом хотела спросить его. Хотя бы о том, что – вот, надо же, этот тип жил в доме у Марго Добролюбовой, снимал комнаты у Марго, которую так хорошо знала некогда ее покойная мать и которая сама была мать и...

Андрей Казанский рядом захрипел во сне так, словно захлебнулся чем-то на вздохе. Или ему кошмар приснился?

Ульяна осторожно потрясла его за плечо;

– Андрюша, ты спишь? Я вот о чем тебя спросить хотела...

Он не открыл глаз. В этот миг он был где-то на границе сна и бодрствования, проваливаясь в какую-то иную реальность. В которой

одновременно существовали и влажные от пота простыни этой двуспальной кровати, что липли к его телу, и... натертый воском паркет. По которому он быстро шел, минуя залитую солнцем длинную стеклянную галерею – зимний сад, где пальмы в кадках распускали зеленые веера, где цвели диковинные заморские орхидеи, где стоял тяжелый влажный аромат оранжереи и одновременно пахло свежим кофе и корицей.

Где-то там, в конце оранжереи, в комнатах бренчало пианино, и два женских голоса пели по-французски. Ошибались и начинали снова, подыгрывая себе. Он шел мимо пальм и орхидей на эти голоса, что звучали для него как песня сирен. Костюм английского сукна сидел на нем как влитой.

Часы на фабричной башне пробили четверть четвертого. И он вытащил из кармашка жилета свои собственные часы – золотые, с монограммой на золотой цепочке.

Буквы монограммы сплелись в причудливый узор: буква Б...

...Я хотела спросить тебя: может, опять снимем номер в «Бережках-Холле»? Там зимний сад, оранжерея, и бассейн, и сауна...

Сквозь приоткрытые веки он увидел...

Ульяна водила по его щеке кончиком наманикюренного пальца и спрашивала про «Бережки-Холл» – гостиничный комплекс с зимним садом, бассейном и оранжереей, который ей так нравился.

Он не ответил, он словно упал назад в постель – рухнул, как это бывает только во сне, когда снится, что летаешь.

Ульяна откинулась на подушки. Какое-то время она еще думала о «Бережках-Холле».

Потом об убийстве фотографа, о котором уже знал весь Горьевск...

Странные то были мысли.

А потом она тоже провалилась в сны, и они оказались не менее странными, чем ее мысли.

Двойное обвитие вокруг шеи младенца, что никак не мог появиться на свет. Это же петля... Это удушение...

Зубчатые колеса и валики, медные штыри и перекладины грандиозного часового механизма. К этой механике привязана крепкая веревка.

Двойное обвитие вокруг шеи, вокруг горла...

Тугая петля...

Висельник проклятый...

Ты опять здесь, висельник, ты снова со мной?!

Нет, нет, не надо, я не хочу! Только не это! Это же так страшно...

Это непоправимо...

Двойное обвитие вокруг шеи...

Голые ноги сучат в агонии. Вербка натягивается. Тень бешено мечется по стене.

Глава 10

Скандал

– Так что там за история приключилась с фотографом Ниловым, Борис? Я от сотрудника полиции слышал, что успел накуролесить он здесь, в городе. Что произошло?

– Скандал, Федор Матвеевич.

Полковник Гуцин спросил это в кабинете капитана Первоцветова, глядя в окно на внутренний двор Горьевского ОВД. Они втроем были в кабинете в это пасмурное дождливое утро: Гуцин, Первоцветов и Катя. Шофера своего Гуцин отпустил, тот уехал в Москву на электричке, оставив шефу служебную машину. В соседнем кабинете молодой бестолковый следователь официально, на протокол, допрашивал Анфису Берг.

Воскресенье... Отдел словно вымер. Казалось, вообще все кабинеты были закрыты. Тем, кто работал вчера на месте происшествия, Первоцветов велел отдыхать. А смены в Горьевском ОВД никакой не имелось. Катя думала: Гуцину на таком безрыбье ничего не остается, как вызвать сюда, в город, оперативную группу из Главка. Но там все и так заняты по горло.

Отель, в котором они обосновались, оказался ничего, сносным – маленьким, уютным, с чистыми светлыми номерами, приличной сантехникой в ванной и хорошим постельным бельем и махровыми полотенцами. Уж куда Анфиса была в этих вопросах привиреда, но и она осталась довольна. Одно неудобство: у них с Катей в номере оказалась только одна кровать – широкая, как футбольное поле. Они махнули рукой на приличия и улеглись рядышком. Анфиса сказала, что еще место осталось для полковника Гуцина – чего ему, мизантропу, одному в номере куковать? Катя стукнула ее подушкой.

Она много о чем хотела расспросить Анфису, но та мгновенно уснула. А утром, после завтрака, когда они с Анфисой брели в отдел полиции (Гуцин отправился туда вообще спозаранку), произошло памятное событие.

Катя увидела Башню с часами.

Они шли по сонной, пустынной в воскресный день улице, и Анфиса вдруг дернула ее за рукав и воскликнула: «Смотри! Смотри! Какое чудо!»

В этой старой части города дома словно расступались, открывая вид на поразительное сооружение – высокую квадратную кирпичную башню с темным шпилем и огромным белым циферблатом часов с черными стрелками. Башня составляла единый комплекс с кирпичными фабричными корпусами. И все это выглядело одновременно старым и новым – старым из-за архитектуры, в которой явно ощущался строгий и лаконичный британский стиль, и новым, потому что и корпуса, и башня были аккуратно выкрашены в темно-карминный цвет. А старые оконные переплеты заменены на новые белые стеклопакеты.

Весь этот великолепный архитектурный ансамбль столь разительно контрастировал с убогой и заштатной реальностью провинциального городка, что приходилось лишь удивляться, как все это очутилось именно там, на окраине – среди полей и перелесков, на берегу хилой узкой речушки, заросшей засохшими камышами.

– Я вчера башню увидела, как в город приехала. Оторваться не могла! Даже про Дениса Нилова забыла. Поехала рассмотреть, что это за чудо такое. Как же она прекрасна, совершенна по форме, эта Башня с часами! Все-таки в старом промышленном дизайне есть нечто, чего не могут предложить никакие дворцы, никакие вычурные стили барокко! – Анфиса зачарованно созерцала башню. – Выпадет минутка – я ее сфотографирую. В разных ракурсах, при разной погоде. Так, при ненастье, на фоне туч, она еще сильнее впечатляет, чем на фоне ясного неба.

Больше мрачности и силы...

Катя согласилась с Анфисой. Она тоже не могла оторвать от Башни с часами свой взор. Надо же, в Горьевске! В этой глуши, над которой так жестоко потешаются в Главке, как над сущей деревней! И такая башня! Такой великолепный стиль... Только вот...

– Окна проклятые все портят, стеклопакеты, – заметила Анфиса. – И кто додумался их туда прилепить? Я когда вчера все здесь осматривала, поняла, что эти здания недавно после большого капитального ремонта. Все так аккуратно сделано, просто вылизано, отреставрировано. И при этом – пустота: ни людей, ни машин на парковке. Все отремонтировано и словно опять заброшено. И часы башенные стоят.

...Сейчас в кабинете, слушая разговор Гущина и Первоцветова, Катя невольно вспоминала башню – белый циферблат и стрелки часов, застывших... в каком положении? Кажется, «двадцать минут четвертого». Самый глухой, ночной, предраассветный час. Или это дневное время?

– Чего это он там делает? Что-то выбросил?

Катя вздрогнула, отвлеклась от *циферблата и стрелок* и почти

назойливого желания узнать, какое время они показывают, застыв на месте.

Гущин подбородком указал в сторону окна.

Посреди внутреннего двора ОВД поставили контейнер для мусора, и сейчас рядом с ним копошился дежурный в форме с пластиковым пакетом в руках и вышвыривал в контейнер... спортивные кубки из тусклого метала.

– Все без разбора кидают, – ответил капитан Первоцветов. – Сначала покидали все тульские электрические самовары, которые на День полиции надарили. По слухам, ведь в эти самые самовары «жучков» напихали, прослушку, ну, когда полковника-то с миллиардами повязали на коррупции и взятках. Повывбрасывали вообще все подарки, кто чего когда-то получал как благодарность, как премию или от руководства – орлов на скале, статуэтки медведей. Никто никаких подарков не хочет и не берет. Курочить не курочат на предмет обнаружения «жучков», но сразу в мусор вышвыривают. Все за борьбу с коррупцией как один. Но никто не желает «жучка»-прослушку в тульском самоваре. Никто не хочет жить под колпаком. Сперва все ходили в конец улицы – там мусорные контейнеры. Но там жилой микрорайон, народ любопытствует: чего это полиция выбрасывает? Я распорядился, чтобы заказали мусорный контейнер и поставили здесь, во внутреннем дворе. И он уже полон, Федор Матвеевич! Не только самовары и орлов, уже и кубки спортивные вышвыривают, вымпелы уголовного розыска – все подряд. Никаких подарков, никаких премий. Ничего не хотят, избавляются. Никогда такого не было, Федор Матвеевич. Никто таких гнусных времен не помнит...

Дежурный за окном с грохотом опорожнил пакет в контейнер. Отделовские спортивные кубки звякали, как ненужный металлолом.

– Так что за скандал с фотографом? – повторил свой вопрос полковник Гущин.

– Он выложил видео в интернет.

– Что-то по поводу этого? – Гущин кивнул на подарочный мусор.

– Видео с банкета у бывшего председателя районного горьевского суда Петра Репликантова.

– Типа свадьба «золотого судьи»? И что, судью поперли с должности?

– Нет, – капитан Первоцветов покачал головой. – Здесь иная, горьевская специфика. Председатель суда Репликантов уходил на пенсию и давал прощальный банкет в «Горьевских далях» – это ресторан при отеле. Репликантов – человек в городе известный и уважаемый, с безупречной профессиональной репутацией. Он почти два десятка лет возглавлял районный суд. И насколько я выяснил, когда разбирался с тем банкетным скандалом, по служебной судейской линии никогда на него не было

никаких нареканий. Только вот одно дело – репутация, а другое – любовь народная. И с ней у Репликантова туго, несмотря на все его заслуги. Его прозвище в городе – Окорок.

– Почему Окорок? Он полный?

– Его дочь владеет свинофермой в окрестностях Горьевска. Судьям ведь бизнес заказан, даже на пенсии они не могут этим заниматься. А этот поступил мудро: свои средства передал дочери, сделал ее владелицей большой свинофермы. Дочь – балерина, танцует в Питере. Понятно, ей до свиней как до лампочки. Окорок фактически распоряжается и делами свинофермы, и доходами. Это в действительности, а по документам все законно. Но от горожан же этого не скроешь. Да и свиноферма так воняет – за километр учуешь. Поэтому судью Репликантова не любят. И когда грянул скандал с роликом в интернете, многие в городе руки потирали от удовольствия.

– Так что за ролик с банкета? Он что там, упился вдрызг или голым на столе плясал? И при чем здесь фотограф Нилов?

– Нилов при том, что он вел видеосъемку банкета. Сам Репликантов его нанял – видео и монтаж фильма на память. Банкет еще закончиться не успел, гости в зале отплясывали. А ролик уже в сети гулял. Там видно, как гости судьи хватают со столов, что от банкета осталось – все с блюд и тарелок метут: ветчину, рыбу, куски поросятины жареной, недопитые бутылки вина, коньяк, тарталетки и прячут – кто в салфетки заворачивает, кто в сумки сует. Банкет оплачен, а в три горла все не съешь. Это раньше оставляли на столах еду, а теперь все хватают – домой, детям, старикам гостинцы.

Катя не могла понять по тону Первоцветова, говорит ли он все это серьезно и горько или же издевается вот так, с каменным усталым лицом, над жадностью, прожорливостью и дурным воспитанием «маленьких глупых людей».

– Ролик получился стебный, сатира в стиле режиссера Гайдая. Выложил его в сеть фотограф Нилов. Судья Репликантов приехал к нему в фотоателье на следующий день разбираться, кричал, голос повышал. Полицию вызывали даже. Я сам приехал туда. Нилов этот лишь зубы скалил, утверждал, что ничего плохого не хотел. Репликантов требовал от меня ролик удалить. А как его удалишь? И потом, там ведь ничего такого – не порно, не насилие, не экстремизм. Одна большая жратва городской элиты и хватание со столов – загребушие руки. Только там многие засветились – из суда, из администрации, даже поп что-то там вкусное в салфетку увязывал, попадье презент...

– А что фотограф Нилов мог иметь против судьи, чтобы его позорить? – спросил Гуцин.

– В этом все и дело – ничего! Банкет в августе состоялся. Нилов лишь в середине июля приехал в Горьевск. Они с судьей Репликантовым до того, как тот видео заказал, даже знакомы не были. Причина могла крыться в другом. В том, что Нилову кто-то специально заплатил, чтобы через сеть опозорить судью. Я это тогда у фотографа спрашивал. Но он от всего откrestился. Стоял на своем: ничего плохого не хотел, просто позабавился. Но то, что он все отрицал, еще ничего не значит. За этой историей мог кто-то стоять.

– Кто?

– Я ведь недавно сюда назначен, в ОВД, – скромно ответил Первоцветов. – Так что слухами лишь оперирую, Федор Матвеевич. А по слухам, за историей этой мог стоять замглавы администрации Андрей Казанский. Тот, что приезжал в Дом у реки.

– А что у него с Репликантовым? Судья ему в чем-то дорогу перешел? Уголовное дело, процесс?

– Нет, там все в какой-то иной плоскости. Гораздо более личное. Только я не в курсе. Скандал тот августовский замяли. Ролик посмотрели и забыли.

– А фотографа прикончили, – хмуро подытожил Гуцин. – Кто может быть в курсе этого конфликта? С кем потолковать?

– Можно с Вакулиным. Он владелец «Горьевских далей», где банкет проходил. Местный. Бизнесмен. Он их круга и давно знает обоих как облупленных. Кстати, присутствовал на том банкете в роли организатора и гостя одновременно. Может, у него есть какая-то полезная информация, если сумеете его разговорить.

– Так, понятно, Вакулин, – Гуцин записал себе. – А та моя просьба – узнать побольше насчет Дома у реки?

– Это легко сделать в городском музее, – ответил Первоцветов. – Музей по воскресеньям как раз открыт. Александра Вакулина в воскресенье утром столь же легко застать в его собственном отеле – он в сауне парится, в бассейне отмокает после загула выходных дней. Пить начал с тех пор, как бизнес его под откос покатился.

– Тогда сначала едем к Вакулину, а то он снова упьется после сауны. – Гуцин глянул на часы. – Музей от нас никуда не убежит.

Трехэтажный особняк-новодел отеля и ресторана «Горьевские дали» располагался напротив Горьевского пассажа – уродливого торгового центра, залепленного вывесками «Головные уборы», «Ювелир», «Обувь»,

«Купеческая пастила» и «Губернский стиль».

Войдя внутрь отеля, Катя сразу поняла, отчего судья Репликантов выбрал для парадного банкета именно это место – подобный тяжеловесный стиль и нелепый дизайн предпочитали силовики. Этакую смесь всего и сразу: бархатных купеческих стульев с гнутыми ножками, тяжелых массивных столов, отделанных «под кирпич» брутальных стен и при этом потолков с лепниной и хрустальных люстр с висюльками (!). И чтобы в меню было много жаренного на гриле и на углях мяса и всего, что пожирней, посытней.

Холл отеля пустовал, пусто было и в сумрачном зале ресторана, где, несмотря на мощный кондиционер, пахло застоявшимся потом и духами. Затем откуда-то из недр здания выскочил менеджер-портье. Узнав, что трое прибывших – Гуцин, Первоцветов и Катя (Анфиса осталась в ОВД, в цепких когтях следственного производства) – не будущие постояльцы, а из полиции, сразу погрузился и промямлил, что «Шур Шурыч у себя, но ему нездоровится».

Первоцветов только рукой махнул – разберемся – и повел их мимо банкетного зала, мимо еще одного холла, мимо небольшого бассейна, где слышался смех и плеск. Там, словно в бирюзовой тропической лагуне, плескались две нимфы-топлес. На бортике бассейна стояли бокалы с шампанским со следами губной помады.

Мимо, мимо нимф – в прокуренный коридор. Первоцветов постучал в белую дверь.

– Кого еще черт несет? Я занят.

Капитан Первоцветов нажал на ручку двери, и она распахнулась, открывая вид на неприбранный «приватный кабинет» ресторана – с бархатным красным диваном и круглым столом на шесть персон, за которым сидел крупный мужчина в одном лишь синем банном халате, с волосатой грудью, хмурый, явно с похмелья. Возрастом далеко за пятьдесят. У него были густые седые волосы и маленькие заплывшие медвежьи глазки, курносое лицо с грубыми чертами – ни дать ни взять типичная карикатура на некогда прославленного анекдотами «нового русского», обрюзгшего и расплывшегося под грузом прожитых лет.

– Александр Александрович, здравствуйте, есть разговор, – с порога возвестил капитан Первоцветов. – Это вот полковник Гуцин из ГУВД, у него к вам вопросы.

Александр Вакулин – «Шур Шурыч» для своей челяди из персонала отеля – бессмысленно заморгал, тяжело вздохнул, распространяя вокруг себя запах перегара.

– Я... это... А по какому вопросу? Это из налоговой?

Гущин официально представился.

– Криминальная полиция, розыск.

Вакулин все моргал.

– А, это... ясно чего... Мне в отеле сказали – мальчишку того убили в Доме у реки. Некоторые в городе скажут – туда ему и дорога, байстрюку, только не я.

В дверь робко заскреблись, затем в щелку заглянуло сильно накрашенное личико нимфы, закутанной в белый банный халат.

– Шур Шурыч, я бутылку возьму. У нас шампань кончилась.

– Брысь, потом. Здесь люди по делу пришли, – Вакулин отбрил нимфу не грозно, устало-добродушно. – Катись отсюда, купайтесь там. А вы это... вы садитесь...

Он указал рукой на бархатные стулья за столом, разоренным поздним ужином, наверняка затянувшимся до самого рассвета.

– Так в городе уже все знают об убийстве фотографа Нилова? – спросил Гущин, усаживаясь поудобнее.

– Еще вчера вечером. У нас как сарафанное радио – ничего не укроется. Это же Горьевск.

– А скандал летний, в который Нилов лепту внес, – ролик в интернете с судейского банкета вспоминают в Горьевске?

– Конечно. Я сам сразу об этом подумал. – Вакулин покосился на Первоцветова. – Да мы тогда сколько это с вами обсуждали! Всю эту мутную канитель.

– Судья Репликантов справлял праздник здесь, у вас в ресторане?

– Весь ресторан снял, пятьдесят гостей. Меню по высшему разряду. Я сам по рынкам вместе с поваром закупаться ездил. Все чин чинарем. А свинину он свою поставил, с фермы дочери. Свежак.

– А фотограф Нилов?

– Так он его сам пригласил, чтобы снимать, фотографировать. Он в зале вертелся как юла.

– Вы его до банкета не знали?

– Нет. Зато потом узнал, когда хайп с роликом поднялся до небес. Мне Репликантов претензии начал предъявлять: как это охрана отеля допустила, чтобы он снимал пьяных гостей и как они жрут все как саранча! А что моя охрана могла сделать? Когда он сам его нанял банкет фотографировать?

– Но ведь Нилов, насколько я понял, незадолго до этого в городе появился. У него не было причин желать судье зла или позора.

– Я понятия не имею. Это когда было-то – летом. Все уже забыли про

эту историю.

– Фотографа Нилова убили.

– Вы что, судью Репликантова, что ли, подозреваете? – хмыкнул Вакулин.

– Но ведь это был единственный конфликт в городе – крупный, с большим общественным резонансом, в который оказался втянут фотограф.

– Это точно, – согласился Вакулин и тут же покачал круглой головой. – Трудно в это поверить. Фантастика.

– В то, что фотографа убили из-за ролика в интернете? Я вот слышал, что за всей этой скандальной историей могло стоять третье лицо, у которого были некие основания желать судье неприятностей.

– Третье лицо? – Вакулин весьма карикатурно изобразил непонимание.

– Казанский, из администрации, – подсказал ему капитан Первоцветов. – Такие ведь слухи тогда по городу бродили.

– Это лишь слухи.

– Но вы сами тогда... Александр Александрович, я уже тогда понял, что в Горьевске слухи ловят, словно радаром.

– Эхолотом от дна, – усмехнулся Вакулин и налил себе стопку водки из початой бутылки с «плечиками».

– Вы здешний старожил, ведете бизнес в городе, кому, как не вам, знать таких людей, как председатель городского суда и замглавы местной администрации? – задумчиво спросил полковник Гуцин.

– Сливной бачок из меня сделать хотите?

– Мы расследуем убийство. Денис Нилов убит. Я официально прошу вас оказать помощь следствию.

– Да я не против, только я ничего такого-всякого про них не знаю.

– Но все же что-то ведь вам известно – по слухам городским, по интуиции, вы умный человек, бизнесмен. Бизнес не ведут вслепую, ведь так? Всегда нужна какая-то дополнительная информация. Они конфликтовали – судья Репликантов и Казанский?

– Вроде да, черная кошка промеж них пробежала.

– По какой причине? Какое-то уголовное дело? Конфликт интересов?

– Я слышал лишь, что к увольнению Репликантова на пенсию Казанский мог руку приложить. У него связи. Хотя, с другой стороны, Репликантов вроде как сам ушел. Ему за шестьдесят уже.

– Причиной конфликта стал какой-то процесс в суде?

– Вроде нет.

– А что тогда могло быть? Дочь судьи владеет свинофермой, но фактически бизнес ведет он сам. Может, это вызвало недовольство

городской власти?

– Нет, на это сквозь пальцы здесь смотрят. Это судейские могут претензии предъявлять, а здешним что? Зачем?

Катя видела, что тон Вакулина – поначалу наигранно простецкий, грубоватый – слегка изменился.

– Может, в личном плане? У вас здесь прокурор застрелил из ревности начальника ГИБДД, любовника жены. Может, и между судьей и Казанским тоже...

– Хотите сказать, что они любовники? Голубки? – захохотал Вакулин, снова превращаясь в «Шур Шурыча». – Ну, вы даете, полиция! Ох, прямо до слез насмешили. Казанский и точно ходок – правда, по части баб. Подбирает себе с умом. А у Репликантова супруга умерла много лет назад. Так что и тут пальцем в небо. Хотя насчет личного...

– Что? Нам любая информация в плюс.

– Они к одному обществу принадлежат.

– К одному кругу общения?

– Нет, к одному обществу – историческому, при музее нашем, – выпалил Вакулин. – Оба историей интересуются.

На лице Гущина было написано разочарование.

– Хобби, что ли?

– Вроде да. Так до ссоры дошло. До скандала публичного.

– Скандала? Еще одного?

– Это раньше было. Давно. Я толком не знаю – только что в городе говорили. Мол, на вечере во время какого-то музейного мероприятия они сцепились чуть не до драки. Репликантов Казанского во лжи обвинял и в этом... в обмане... нет, в подлоге, в искажении истории. Сейчас все как помешались на этом. Как болезнь, вирус. Вот и они заразились. Казанский вроде чего-то там искажал или извращал.

– Чего извращал? – Гущин спросил это скучно. Беседа явно пошла не в том ключе, какой он хотел.

– Понятия не имею.

– Ладно, ясно. Последний вопрос к вам: вы после истории с роликом в интернете с фотографом Ниловым общались?

– Да, – Вакулин кивнул. – Мне для документов фотографироваться надо было, в паспорте менять фото – а то банк по фотографии двадцатилетней давности отказывается узнавать, и для загранпаспорта нового я тоже фотографировался у него. А куда денешься – в городе одно фотоателье. А документы нужны.

– И когда это было?

– Для загранпаспорта – в сентябре. А в паспорте фото велели менять три недели назад. Он хороший фотограф был, аккуратный. Дело свое знал. Старался. Жалко парня. – Лицо Вакулина было серьезным и одновременно равнодушным.

Катя уже успела отметить, что в Горьевске именно так реагируют на чужую смерть – лицемерно и отстраненно. Но это – примета времени. Хотя в Горьевске она отчего-то особенно бросается в глаза.

Глава 11

Вымерший род

До музея от отеля «Горьевские дали» можно было дойти пешком. Однако Катя настояла, чтобы они вернулись в отдел за Анфисой.

– В музей надо идти с ней, Федор Матвеевич, – доказывала она в машине. – Анфиса больше нашего про фотографии знает. Она может такой вопрос задать, который нам и в голову не придет.

– Анфиса Марковна завтра или уже сегодня сядет в эту вашу финтюфлюшку на колесах, и адье! – возразил Гуцин.

– И с кем мы останемся? – спросила Катя. – Вы контейнер во дворе ОВД почаще вспоминайте, Федор Матвеевич. И пустые кабинеты. И не тешьте себя надеждой, что все ваши начальственные ЦУ здесь кинутся моментально исполнять. Некому стало исполнять. Кто явится на ваш зов? – спросила она с непередаваемой интонацией из «Властелина колец». – Эльфы? Люди?

– Контейнер с подарками я не забыл. В смысле морального климата это многое объясняет. «Жучок»-прослушку ведь в кабинете в любом месте можно поставить – не только в подарке или наградном предмете. И все это знают. Про гнусные-то времена я все чаще слышу – и от самых разных людей, из самых разных слоев. Полиция последняя была, где об этом заговорили. Но это еще не повод, чтобы посторонний человек совался в расследование убийства.

– Анфиса не посторонняя. Вы ее однажды сами к расследованию убийства привлекли, со мной на пару!

– Я бы тоже не возражал, чтобы она... свидетельница пока осталась в Горьевске, – подал голос капитан Первоцветов. – Пока нет никакой ясности ни в чем. Фотограф убит, но она же тоже профессиональный фотограф. Возможно, ее присутствие и советы принесут пользу.

– Эльфы явились на подмогу, – хмыкнул Гуцин. – Я фильм-то смотрел. Хороший он, героический, хоть и сказка.

В отделе они нашли Анфису в коридоре, у запертого кабинета. Допрос

закончился, следовательно испарился. Анфиса, судя по лицу, тосковала в бездействии. Пока Катя бодро извещала ее, что сейчас они все вместе отправятся в музей, Гуцин позвонил патологоанатому.

Судмедэкспертизу никто не откладывал, патологоанатом сообщила, что уже приступила к вскрытию.

– Вы на теле еще какие-то повреждения нашли? – спросил Гуцин.

– Кроме черепно-мозговой травмы – следы уколов на руках и бедрах и синяки различной давности.

– Наркоман?

– Со стажем, Федор Матвеевич.

Гуцин посмотрел на Анфису так, словно был удивлен, что та не солгала ему о пагубной привычке фотографа Нилова.

А историко-художественный музей города Горьевска оказался прелюбопытным местом. Это лишь снаружи он радовал взор строгой архитектурой классицизма – жемчужно-пепельным фасадом и подстриженными в виде шаров липами у входа. Внутри посетителей встречало буйство красок и смешение стилей. Катя сразу поняла, что музей, как и Башня с часами, – это старинная достопримечательность, городская гордость.

Пока Гуцин и Первоцветов разговаривали с охранником у рамки металлодетектора на входе, прося пригласить кого-то из музейных хранителей, они с Анфисой через холл прошли в парадный зал, украшенный пышной лепниной и позолотой. Дальше начиналась экспозиция музея, расположенного в залах, декорированных с купеческой пышностью – паркетные полы, хрустальные люстры, тяжелые бархатные шторы, картины в тяжелых золотых рамах, множество бронзовых скульптур небольшого размера, фарфор в витринах.

В одном из залов Катя увидела, что одна часть стены под стеклом – там сохранились старые обои – синие в золотых лилиях, как в Доме у реки.

– Ужасная картина.

Это сказал капитан Первоцветов. Как он вошел в зал, они с Анфисой не слышали – ох уж эта его бесшумная кошачья походка! Он стоял возле картины, висевшей в углу у окна.

– «Портрет купчихи на смертном одре». Неизвестный художник. – Первоцветов прочел это на табличке под картиной.

На полотне была изображена мертвая женщина в пышной постели, на белых подушках – в чепце и жемчугах, с восковым лицом и сложенными на груди руками. Одеяло укрывало ее до пояса – синее, стеганое, в золотых лилиях.

Послышались голоса – в зал вошел полковник Гуцин в сопровождении низенькой толстой хранительницы музея и молодого парня в джинсах, черной толстовке и черном жилете-дутике. Приглядевшись, Катя узнала его – тот самый, что отчаянно скучал в машине на улице Труда, у дома, где Нилов снимал комнаты у местной алкашки Маргоши. Тогда с парнем была спутница – модная пожилая дама. Как же ее звали... она представилась им – кажется, Мария Вадимовна...

– Макар, вы пока сами посмотрите коллекцию фарфора, она в соседних залах, – сказала хранительница юнцу. – Там и фарфоровая рамка в витрине, которая Марию Вадимовну интересует. Вы тот предмет где приобрели?

– На Арбате, в антикварной лавке. – Голос у парня был приятный. – Тете на юбилей. Та рамка – кузнецовского фарфора, с клеймом. Собственно, я в этих вещах совсем не разбираюсь. Это тетя велела мне прийти сюда, в музей, и посмотреть.

– Вы не пожалеете о потраченном времени. У нас прекрасная экспозиция, – заверила его хранительница.

И он поплелся расслабленной походкой в соседний зал. Полковник Гуцин проводил его взглядом.

– Немного у вас посетителей в воскресный день, – констатировал он.

– В летний сезон, когда дачники приезжают, посещаемость больше. Экскурсии. Сейчас кто поедет? Глухая осень, очей очарованье... Так чем мы, музей, можем помочь полиции?

– В городе есть такое место – Дом у реки, – сразу начал капитан Первоцветов. – Мы бы хотели узнать его историю. Кому он раньше принадлежал, что это за здание.

Хранительница скользнула взглядом по его лицу.

– Ах, это... Убийство. Я слышала. В городе говорят, там кого-то убили. Дом у реки – это местное название. Как памятник городской архитектуры он по документам проходит как дом купцов Шубниковых.

Анфиса быстро подошла к ним. Катя увидела, что она насторожилась. Полковник Гуцин прищурился и тоже придвинулся ближе, словно глухой, который хочет лучше расслышать.

– Этот дом купец Шубников – старый Шубников, как когда-то называла его молва, – возвел для себя в то время, когда начал на берегу реки грандиозное строительство своей бумагопрядильной фабрики. Видели, наверное, ее корпус?

– И Башню с часами вашу видели, – кивнула Катя. – Поразительное сооружение.

– Да уж. Наша изюминка – башня с часами. Старый Шубников строил это все в комплексе. Проект заказал англичанам – отсюда такой лондонский стиль у башни и фабричных зданий. Это было в середине девятнадцатого века, строительство шло очень быстро, и уже в середине пятидесятих годов фабрика начала работать. А в шестидесятых годах девятнадцатого века Шубников занял лидирующее место в российском производстве по обработке хлопка и изготовлению тканей. В Доме у реки он жил несколько лет, наблюдая за строительством фабрики – там были и жилые апартаменты, и купеческая контора – все вместе. И касса. Он жил там до тех пор, пока не родились его сыновья Савва и Мамонт. Потом он начал строить для себя большой особняк здесь, в центре, – может, видели, еще одна наша достопримечательность – Дом с башнями.

– Нет, пока не видели, – ответила Анфиса.

– Дом у реки какое-то время служил фабричным помещением – ну, до тех пор, пока после смерти старого купца Шубникова его сыновья... точнее, младший сын Мамонт еще сам лично занимался делами производства и фабрики. Пока не произошла та трагедия в их роду.

– Что за трагедия? – спросила Анфиса.

Катя отметила, что Гуцин словно делегировал ей вести беседу про купцов Шубниковых, но сам слушал очень внимательно и словно что-то вспоминал. Или запоминал.

– Ох, эта история здесь, в городе, хорошо известна. И в интернете о ней можно прочесть – наберите Горьевск, фабрика Шубниковых, сразу выдаст вам кучу ссылок. Семейная трагедия с убийством. Дело в том, что Шубниковы – некогда столь знаменитые и богатые – это вымерший род. И не революция и экспроприация собственности положили конец их процветанию. Когда старый Шубников умер, его сыновья были молоды. Савва как старший имел приоритет в наследстве и распоряжении капиталом. Но он не занимался делами в силу своего слабого здоровья. И младший, Мамонт, изучавший текстильное производство в Англии, закончивший Кембридж, не желал мириться с таким положением вещей. Он отравил Савву. Якобы положил яд то ли в кофе, то ли в вино. Но по трагическому стечению обстоятельств этот яд вместе с братом выпила и молодая жена Мамонта Глафира. Они умерли. А Мамонт застрелился. У него и Глафиры осталось двое детей, две девочки. Они росли с няньками и опекунами. Фабрике было назначено что-то вроде внешнего управления в виде коллегии из менеджеров-иностранцев, отвечавших за производство, и товарища Мамонта еще с университетских времен – Игоря Бахметьева. Тоже промышленника, банкира, председателя Русского банка и сына

знаменитого в Горьевске градоначальника – Святослава Бахметьева, который вместе со старым Шубниковым сделал очень много для развития нашего города. Они провели сюда железную дорогу, построили водопровод и канализацию. Этот музей тоже стал своеобразным подарком рода Бахметьевых. А Шубниковы, они...

– Вымерший род? – спросила Катя. – А как же дочери, девочки?

– Их тоже не стало, – ответила хранительница музея. – Уже к пятому году на фабрике Шубниковых не осталось прежних владельцев и наследников. Это здание музея было выкуплено Игорем Бахметьевым у купцов Никитиных. Глафира Шубникова была из этого рода, и там тоже остались лишь троюродные кузены, которых Горьевск не интересовал. Музей был открыт в 1911 году. Игорь Бахметьев передал сюда коллекцию произведений искусства, собранную Шубниковым, и свои вещи добавил тоже. Но в основном это все из собрания Шубниковых – и знаменитое собрание старообрядческих гуслицких рукописных книг, и книги крюкового распева – поющие, и фарфор, и бронзовые статуэтки. И картины. Взгляните сюда, – она плавно повела рукой на стену, где висела картина, которую капитан Первоцветов счел ужасной. – Жемчужина нашей коллекции. Официальное название – «Жена тропецкого купца на смертном одре». Но есть основания полагать, что на этой картине изображена мертвая...

– Глафира Шубникова? – быстро спросила Анфиса. – Но она же...

– Нет, это картина шестидесятых годов девятнадцатого века. Мы полагаем, что это изображение умершей жены старого Шубникова, основателя рода. Это, возможно, мать Саввы и Мамонта. О ней не осталось никаких сведений, говорят лишь, что ее смерть была трагичной – якобы она скончалась от страха. Нервы... психика... В их роду это вообще имело место.

– В Доме у реки мы обнаружили деревянное кресло-каталку с ремнями, – сказал Первоцветов. – Шубников мог держать там свою жену взаперти?

– Нет. Там он жил лишь до рождения своих сыновей, пока строилась фабрика. Хотелось бы взглянуть на это кресло. Вы позволите нам, сотрудникам музея, осмотреть Дом у реки, когда вы закончите с расследованием убийства?

– Да, конечно. Только это позже. Сейчас это здание опечатано, – ответил Гуцин.

– Как звали девочек? – спросила Анфиса.

– Прасковья старшая и Аглая младшая.

– Как они умерли?

Ее вопрос прозвучал излишне резко.

Хранительница музея поджала тонкие губы.

– Здесь, в городе, до сих пор ходит много историй. Что-то вроде городских легенд. Но все это вздор. Они умерли от болезни.

– Это их держали в том доме взаперти?

– Прасковья трагически умерла накануне свадьбы с Игорем Бахметьевым. Ей было семнадцать, ему сорок. Он хотел жениться на наследнице капитала и фабрики, объединить все, взять все в свои руки уже не в роли опекуна, а по закону. Прасковью не могли там держать. Она собиралась замуж за лучшего жениха Горьевска и всей тогда еще Рязанской губернии.

– А Аглая?

– Она была несовершеннолетняя.

– И что говорят городские легенды? – спросила Катя.

– Вы хотите, чтобы я пересказывала вам безумную чепуху? – хранительница почти обиделась. – Лучше я расскажу вам про экспозицию. Пройдемте в соседний зал. Вы можете увидеть там памятную фарфоровую рамку свадебного банкета. Это рамка для меню. А банкет – это парадный обед в честь свадьбы Прасковьи Шубниковой и Игоря Бахметьева, который так и не состоялся. Рамка уникальная, существует в единственном экземпляре. Ни на каком Арбате, ни в какой антикварной лавке нельзя купить вторую такую же! – она повысила голос, словно обращаясь к находящемуся в соседнем зале парню по имени Макар.

Катя только сейчас уразумела, что он слышал их беседу. Акустика в залах с высокими потолками была превосходная.

Но ей и в голову не приходило, что их разговор – дальнейшие вопросы, которые Гуцин начал задавать хранительнице, – слушает и еще кое-кто помимо скучающего юнца.

– Ладно, бог с ними, с городскими байками. – Гуцин как-то уж слишком быстро отступил. – У меня к вам есть еще несколько вопросов. Я знаю, здесь, при музее, существует какое-то историческое общество.

– Это наша гордость. Известные люди города поддерживают местную отечественную историю, активно интересуются. Мы проводим семинары. Поощряем научно-просветительские проекты, изыскания в области истории города, фабрики.

– А есть в собрании музея старые фотографии? – неожиданно спросила Анфиса. – Из архива Шубниковых или Бахметьевых?

– Есть лишь несколько фотографий их фабричного делового архива –

снимки фабрики в разные годы. Шубниковы, начиная с основателя рода, имели склонность к некой персонализации визуального ряда. О чем, кстати, говорит этот поразительный портрет мертвой жены на смертном одре. Согласитесь, не каждый будет заказывать такую картину живописцу и вешать ее на стену. А Шубниковы это делали. Личный архив рода в музей не передавался. А во время революции вообще многое сгинуло. От фабрики остались лишь старые корпуса и башня с часами. Там несколько лет назад делали реставрацию, ремонт. Хотели приспособить здания под торгово-офисный центр. Но этот проект был остановлен. Энтузиасты городской истории предлагали заново запустить часы на башне. Но это невозможно, потому что механизм очень старый. А заменить его новым, новыми часами, нельзя, потому что это охраняемый законом памятник. Но башня и так внушительно смотрится, даже с остановившимися часами.

– И давно они встали? – спросила Катя.

– По официальной версии – после революции, во время национализации производства большевиками. Тогда все крушили, купцов расстреливали. Но есть основания полагать, что часы перестали показывать время задолго до семнадцатого года, за много лет до этого. Это еще одна городская легенда, связанная с вымершим родом.

– К вашему историческому обществу отцы города принадлежат? – спросил Гуцин, возвращая беседу к интересующей его теме. – Бывший председатель суда Репликантов и Казанский из администрации?

– Да, они оба интересуются историей.

– А что за конфликт был между ними?

– Конфликт?

– Ссора. Я слышал, они из-за чего-то конфликтовали в вашем научном обществе, и было это публично, на каких-то музейных слушаниях.

– Это нельзя назвать конфликтом. – На лице хранительницы появилось замкнутое, настороженное выражение, которое появляется у провинциалов-бюджетников, когда речь заходит о местной власти, от которой они зависят. – И это было давно. Я не помню деталей.

– Припомните, пожалуйста. Что вызвало ссору? Я слышал, речь шла об искажении истории – это сейчас болезненная тема.

– Нет, но... не искажение, но... некоторые вещи не все могут принять.

– Какие именно вещи?

– Ну, приписывание исключительно себе некоторых особенностей. Родственных связей... спорных во многих отношениях, ничем не подкрепленных, кроме каких-то там фантазий и домыслов.

– Пожалуйста, более конкретно. Что стало поводом для ссоры?

– Родословное древо, – нехотя выдавила из себя хранительница. – Андрей Казанский сделал его для себя. А судья Репликантов с его выводами категорически не согласился. Я не знаю подробностей. И деталей не знаю. Но это вылилось в публичную ссору на одном из закрытых семинаров. Репликантов обвинил Казанского в обмане, в подтасовке фактов и... в присвоении родственных связей, которые на самом деле фейк.

– И это стало поводом для разборок?

– Они с тех пор не разговаривают. И общаются лишь при крайней необходимости, – сухо констатировала хранительница. – Это все, что я знаю.

Глава 12

Судья

Возможно, те, кто когда-то жил в этом купеческом особняке, отданном под музей, любили подслушивать. Или внутренняя отделка имела изъян, но он слышал каждое слово, доносящееся из зала коллекций.

Их разделяла только стена, на которой висел портрет мертвой жены купца. А с другой стороны стены к залу коллекций примыкала комната библиотечного фонда, приспособленная для работы, вобравшая в себя черты старой музейной библиотеки и офиса. Здесь стоял удобный стол без тумб и ящиков – у самой стены. Так что слышно было превосходно.

Бывший председатель районного суда Петр Репликантов сидел за столом над раскрытыми старыми конторскими книгами и пожелтевшими чертежами. Но сейчас он отложил все в сторону – он слушал. Говорили о нем. И еще о разных вещах.

Репликантов по договоренности с музеем имел допуск в библиотечное хранилище, но, хотя теперь у него была масса свободного времени, приходил сюда нечасто. Лишь когда сносно себя чувствовал и надеялся продержаться целый день без приступов и лихорадочного приема таблеток. И еще потому, что в библиотечный фонд по будним дням часто, точно гадюка, заползала *она* – Машка Молотова, старая хитрая тварь. Вон и сейчас ее отродье – племянник – как тень бродит по залам.

Судья напряженно слушал, однако голоса стихли.

Но пока и этого было достаточно. Итак, полиция явилась в музей. Вот так сразу. Как только фотограф сдох, они пришли именно туда, куда и надо было прийти.

Хотя имелись и другие места. Но музей всегда фигурировал в списке. И что же это означало? Откуда полицейским стало известно то, чем они интересовались и о чем спрашивали? Не надо быть семи пядей во лбу,

чтобы догадаться: они кое-что узнали, причем сразу. У них имелась некая информация.

А что это значило? Лишь одно: проклятый фотограф успел что-то разнюхать.

Что он узнал? Что нашел?

Судья Репликантов напряженно смотрел на стену, что пока отгораживала, защищала его от вопросов полиции и самих полицейских. Это ненадолго. Они придут и к нему со своими вопросами. Надо подготовиться к этой встрече. Он проработал в правоохранительной системе достаточно и знал, что в некоторых случаях, когда попадаются особо рьяные полицейские, они начинают копать и копать, давить и давить, собирать информацию по крохам и в конце концов узнают, *как оно было на самом деле*.

Хотя это почти нереальная вещь – установление истины. Той самой истины, в ее конечной ипостаси. Он слишком долго проработал судьей, чтобы не сомневаться в этом.

Как судья и профессионал Петр Репликантов ценил себя очень высоко. За его плечами были годы судейства, и он до конца оставался честным и беспристрастным судьей. Он в полной мере выполнял свой долг, служил правосудию ревностно и фанатично, не потому что желал быть честным и беспристрастным, а из чувства полного презрения к окружающему его миру. Он просто не желал становиться частью всего этого распада и тлена. Он не хотел уподобляться им.

Тем, кого видел-перевидел за свою долгую карьеру судьи. Тем, кто умел приспособливаться, ловчить, ползать на брюхе, холопски раболепствовать, держаться мейнстрима под несущееся из всех телевизионных щелей и дыр злобное кваканье, под нескончаемую травлю и словесный понос. И при этом воровать и тырить бабло, прятать, писать доносы, участвовать в провокациях, где одни ублюдки ловили на липовых взятках других ублюдков и при этом лжесвидетельствовали и лгали, страшась, однако, повторить свои обвинения в суде, и даже не скрывали, что надменно, по-хамски презирают и суд, и закон. И при этом снова тырили и стяжали, старались сохранить накопленное, фиктивно разводились с женами. Готовы были ради сохранения своих капиталов и должностей отказаться от детей и родителей, тягали друг у друга то, что еще можно было отнять и поделить. И опять, опять писали доносы и докладные, устраивали провокации, сажали друг друга, корча из себя служивых людей, но при этом оставаясь в душе рабами и дрянью, готовой в единый миг изменить и собственное мнение, и свою жизненную позицию.

Судья Репликантов презирал все это. И он был строгим и справедливым судьей, опираясь на свое презрение. Порой *от них и от их поступков хотелось блевать, а он выносил приговор.*

Но с некоторых пор и это отошло на второй план. Стало неважным. Может, болезнь была тому виной.

С тех пор как врачи сказали ему, мир как-то сузился вокруг него. И все бытие свелось к одной-единственной цели. К одному-единственному желанию. Которое он жаждал исполнить.

Свою отставку в этом свете он воспринял как освобождение от оков. У него просто уже не было времени на все это – на правосудие, амбиции. Он должен был сосредоточиться на самом главном. Жизненно важном.

У судьи Репликантова имелась и еще одна черта: он не испытывал жалости. Когда-то именно это помогало ему быть беспристрастным и справедливым. Он не жалел тех, с кем сталкивался в процессе.

Не жалел он и покойного фотографа Нилова.

Он лишь хотел знать, что стало известно этому молодому идиоту. И как, как он докопался, как сумел?! Почему он?! Где он это нашел?! *Там, в Доме у реки? Значит, он не единожды приходил туда, ошивался там и...* С какой стати именно ему выпал такой шанс, когда он, судья Петр Репликантов, положил месяцы и годы, чтобы...

Это ли не насмешка судьбы?

Судья Репликантов достал из кармана пиджака таблетки. И проглотил две. Он уже давно привык не запивать лекарство.

Он тупо смотрел на пожелтевшие чертежи, которые отыскал в библиотечном фонде музея. Это были старые чертежи фабричных корпусов. И чертежи по строительству башни. Кипа плотной бумаги с пометками на английском языке. Строительные пометки его не интересовали – он все равно ничего не понимал в архитектуре и инженерных штуках. И самое главное в чертежах отсутствовало – та их часть, которая относилась к часам. К устройству часового механизма. Имелся лишь небольшой рисунок гуашью, эскиз циферблата и стрелок.

Они не изменились с тех пор. Он часами их рассматривал, гуляя возле башни.

Гляди-ка, Окорок шествует... На прогулку выполз...

Он знал, как его за спиной зовут в городе. И это он тоже презирал – и кличку, и городских недоносков. Его упрекали в том, что он и его семья – не нищebroды, как остальные, что они сумели хоть что-то сделать полезное, организовали ферму по выращиванию свиней, чтобы кормить этот сучий Горьевск колбасой и сосисками. Они – горожане – смеялись и

упрекали его за то, что он кормил их свежим мясом по сходной цене! Где, в каком месте еще такое возможно – весь этот дикий абсурд, вся эта нищая жлобская зависть!

Но и это тоже отошло на второй план. Его обида на город, его малую родину.

Болезнь учит многое отсекать от себя как уже малосущественное и неважное.

Важной оставалась теперь для Репликантова одна вещь на свете. Он хотел, чтобы его желание – одно-единственное желание – исполнилось. Он искал способ сделать это.

И пока это не представлялось возможным. Он никак не мог найти то, что искал. И фабричные чертежи не помогали.

Не могли помочь и старые конторские книги – это была малая часть фабричного архива, как-то ухитрившаяся не кануть в небытие. Среди расходных и бухгалтерских книг, исписанных приказчиками фабрики, Репликантов нашел распадающуюся на части тетрадь в переплете из телячьей кожи, всю исчерканную чернилами, заполненную колонками цифр – по годам. Он был уверен, что это личная расходная книга старого купца Шубникова. Возможно, он вел ее там, в Доме у реки, когда сидел в помещении своей несгораемой кассы за конторкой и наблюдал в зарешеченное окно, как строятся фабрика и башня.

Среди корявых пометок и бухгалтерии на страницах, относящихся к 1858 году, имелись разводы – словно какие-то записи пострадали от влаги, а может, их намеренно так размазали – замазали. Но среди всей этой неразберихи, синих чернильных разводов и пятен внимательный судья Репликантов, вооружившись лупой и сильными очками, сумел разобрать одну фразу.

«Не подходит. Больной...»

Это было выведено дрожащим неуверенным почерком на полях.

И судья Репликантов не имел сомнений в том, что автор записи – сам старый Шубников, их отец...

Глава 13

Дом с башнями

11 апреля 1903 года. Вечер

Жизнь инженеру Найденову спасли – Игорь Бахметьев сам, лично, вместе с управляющим Иосифом Пенном отвез его в больницу, к хирургу. Кучер Петруша так гнал всю дорогу, что едва не опрокинул шарабан. Инженер потерял много крови и, возможно, навсегда утратил способность

говорить. Но Елена Мрозовская ожидала худшего, и поэтому новость о том, что инженеру сделали срочную операцию под хлороформом на гортани, ободрила ее.

Она не хотела знать, что происходило в Доме у реки после того, как Аглаю привязали к креслу. Управляющий фон Иствуд сразу перевез ее в Дом с башнями – так в Горьевске называли фамильный особняк Шубниковых. Памятное для Елены Мрозовской место. Слишком памятное. Она со страхом переступала порог и этого дома. Она хотела одного: чтобы в данный момент Игорь Бахметьев находился рядом. Но из больницы он сразу уехал на фабрику. А она все ждала его, ждала. Она осмотрела свой фотоаппарат Мите. От удара об пол разбился объектив. К счастью, остальное осталось цело. И можно было извлечь стеклянные пластины-негативы и делать фотографии, чем она и занялась – в одиночестве, в полной темноте, в душной комнате с закрытым ставнями окном, в башне, где была для нее уже оборудована незамысловатая фотолаборатория. Все необходимое фон Иствуд перечислил – указывая на полки с реактивами и химикатами.

Мрозовская работала до самого вечера, прислушиваясь к царившей в Доме с башнями заполошной суете. В особняке сохранилась старая прислуга Шубниковых, которая многое знала и многое помнила из того, что стряслось здесь полтора года назад, да и раньше. Но все хранили молчание, у всех был запуганный вид. Фон Иствуд в отсутствие Бахметьева отправил в Дом у реки здорового лакея на подмогу сиделкам.

В шесть часов вечера в дверь фотолаборатории робко поскреблась горничная, спросила: «Подавать ли обед, мадам?» От еды Мрозовская отказалась. Тошно было подумать о еде после того, что стряслось утром. Да и эти стены... этот особняк...

Она ощущала, как дрожат руки, когда возилась с химикатами, чувствовала, как дрожат колени. Как она замирает от малейшего шороха, от дуновения сквозняка, от скрипа паркета.

Оставив фотоснимки сохнуть, она заперла импровизированную фотолабораторию на ключ. И пошла по анфиладе комнат, присматриваясь к тому, что изменилось в особняке Шубниковых с тех пор, как она в страхе и ужасе покинула его.

Многое изменилось. В некоторых залах почти не осталось мебели. В других кресла и диваны укутали белыми чехлами, и холщовые чехлы обтягивали дорогие хрустальные люстры. Со стен исчезли картины. Нет, Игорь Бахметьев, в чьем ведении как главного опекуна теперь находился особняк, не распродал имуществу и антиквариат Шубниковых – все

ценное паковалось в ящики со стружкой и складывалось во флигеле, соединенном с главным зданием великолепной застекленной галереей, где все еще располагался зимний сад. Произведения искусства решено было переправить в музей, который планировали учредить и подарить городу еще старый Шубников и отец Игоря – тогдашний городничий. Игорь Бахметьев просто выполнял их посмертную волю – выкупил для музея прекрасный дом, настоящий дворец.

Елена Мрозовская видела его из окна гостиной. В будущем музее начали ремонт, но потом, из-за трагических событий, все остановилось. Елена Мрозовская разглядывала из окна двор музея, заваленный кирпичами и корытами с засохшей известью.

Игорю предстоит здесь много работы. Но он упрямый, он доведет все до конца...

Если останется жив...

Эта мысль поразила как молния. Елена Мрозовская не знала, почему подумала об этом. Она ощутила знакомые холод и страх. Отвернувшись от темного окна и медленно прошла в соседний музыкальный салон.

Здесь все как тогда... И пианино... Сейчас крышка его закрыта.

Но она знает: это французское фортепьяно и клавиши его отделаны пожелтевшей слоновой костью. У музыкального инструмента есть секрет.

Они ей о нем не говорили... Сестры Шубниковы... Прасковья и Аглая...

Она как во сне приблизилась к фортепьяно и коснулась его черной крышки. Свечи в бронзовых подсвечниках, вделанных в стенку инструмента, давно оплыли. Звук был всегда немного расстроенным, потому что они... они постоянно на нем бренчали.

И пели дуэтом.

У Прасковьи – старшей – голос фальшивил, Аглая пела гораздо лучше и старалась петь громче сестры. Французские песенки из репертуара Иветт Гильбер. Елена Мрозовская когда-то слушала ее в Париже, когда училась в мастерской Надара. Сестры все спрашивали, какой была Иветт – рыжей, грубой, обаятельной? А Сара Бернар? А тот мальчик, лорд Альфред Дуглас, из-за которого писатель Оскар Уайльд сел в тюрьму? Они спрашивали ее. А она рассказывала им про Париж, устанавливая свой фотоаппарат здесь, в этом музыкальном салоне. И в грандиозной примерочной, полной шкафов, полной платьев самых последних модных фасонов, шляп, безделушек, туфелек, кружев. Прасковья полностью обновляла гардероб к свадьбе. Ловкая болтливая портниха-модистка подгоняла на манекене парижские туалеты. Аглае тоже кое-что шили новое. Но в основном она, как левретка, вертелась возле сестры и портнихи.

А Елена Мрозовская фотографировала их. Она хотела сделать не только парадные свадебные портреты наследницы многомиллионного состояния и ее юной сестры, но и такие вот домашние, камерные снимки девушек, где было много света, много улыбок, много смеха, много моды и кружев и...

Много фальши...

Так много фальши...

Но ее фотокамера не могла этого зафиксировать. Того, что там было, присутствовало всегда – в тени, за кадром.

– Елена Лукинична, а что Блок вам сказал, когда вы его снимали на карточку? Он такой был красивый, а потом взял и женился... ууууууу...

– А Комиссаржевская? Правда, что у нее никогда не было любовника?

– Елена Лукинична, а тот великий князь, который у вас постоянно фотографируется, мы в «Ниве» видели, он тааакой дууушечка...

Звуки фортепьяно...

– Барышни, не заставляйте меня краснеть!

Она отбивалась от них, как кукушка от камышовок. Нет, они никогда не были птахами сизокрылыми, особенно *она... Скорее стервятниками...*

Только и этого фотографии не смогли уловить, передать.

Они пели по-французски. Аглая аккомпанировала. Она бойко играла на фортепьяно.

Но инструмент имел секрет, этого Мрозовская не учла.

Она возилась со своим фотоаппаратом. Устанавливала новые венские светочувствительные пластины. Готовилась сделать парадный портрет Прасковьи в свадебном платье. Его привезли на примерку. Прасковья переодевалась. А Аглая играла на фортепьяно что-то приятное, потом зазвучал старинный французский гавот.

– Аглая, я хочу вас сфотографировать у инструмента! – объявила Елена Мрозовская и, подняв громоздкую и тяжелую треногу, потащила фотоаппарат в музыкальный салон.

Но там никого не было. А пианино играло само. Хитроумный механизм заставлял клавиши вздуться и опадать – тра-ла-ла... Словно по ним скользили руки призрака.

Мрозовская тогда замерла от неожиданности. Она отлично знала про механические пианино, но видела впервые...

Послышался короткий сдавленный стон. Он донесся из стеклянной галереи, из зимнего сада. Мрозовская оставила фотоаппарат, пересекла салон, спустилась по ступеням и...

Сквозь стеклянную крышу лился свет, но внизу все равно было

сумрачно от разросшихся пальм в кадках, лиловых глициний, пышных орхидей и тропических растений с широкими глянцевыми листьями.

Сладкий стон, звук поцелуя...

Елена Мрозовская увидела их в глубине зимнего сада – Прасковью и Бахметьева. Как он появился в тот день в доме Шубниковых, никто не знал. Знала, наверное, лишь Прасковья, потому что это их свидание не было случайным.

Жених и невеста...

И они уже не хотели, не могли ждать до свадьбы.

Он прижимал ее к толстому волокнистому стволу пальмы. На ней был лишь белый атласный корсет. Юбка свадебного платья валялась на полу. Корсет был впопыхах разорван, и ее нежные розовые груди терлись о плотное сукно его черного пиджака. Ее голые ноги обвивали его бедра. Он двигался ритмично и все сильнее вдавливал ее спину в дерево-пальму, а Прасковья запрокидывала голову и стонала и вскрикивала, истекая желанием, отдаваясь своему жениху не как неопытная семнадцатилетняя девственница, а как жадная и пылкая любовница. Он держал ее на весу, в позе «восточного дерева», проникая в ее плоть все глубже, усиливая толчки, пока она снова не вскрикнула в его объятиях, не начала бешено молотить голыми ногами, а потом раскинула руки, запрокинулась и замерла, вся отдаваясь наслаждению и экстазу.

Елена Мрозовская, которая невольно оказалась в роли соглядатая, отшатнулась.

Но разве фотографии – не соглядатаи жизни?.. Разве они не врожденные вуайеристы? Нет, о нет!

Даже спустя полтора года она помнила ощущения, охватившие ее тогда, когда она увидела сцену этого полного страсти, неистового полового акта. Стыд... смятение... горячка... бессилие... томная нега, разлившаяся по всему телу... тупая тяжесть внизу живота... желание... и опять стыд... страх, что они заметят ее...

Но они были слишком заняты друг другом в тот момент. Зато она заметила кое-что еще.

Глаза, блестящие, остекленевшие, в которых застыло такое странное сонное выражение – смесь хищной жажды и любопытства, отвращения и...

Еще что-то жгучее, как огонь...

Мигнул огонь и погас...

Среди орхидей и пышной листвы зимнего сада Елена Мрозовская увидела светлые волосы... мелькнула кружевная оборка... рука с тонким запястьем сорвала глянцевый лист и скомкала его. И все пропало – ни звука

шагов, ни шороха, ничего.

Словно померещилось.

Но она знала, что видела в зимнем саду Аглаю, которая тоже подглядывала за утехами сестры. И за ним, за Игорем... словно потерявшим в тот момент все, все, чем он так гордился – выдержку, хладнокровие, невозмутимость. Все бросившим под ноги пьяной от похоти и счастья Прасковье, которой не терпелось испытать твердость его члена.

Кто мог знать, во что это вскоре выльется? Вся эта пусть и постыдная, но игра с подглядыванием? Вся эта страстная предсвадебная канитель?

Он должен был знать! Он был вхож в их семью с давних пор. Он знал всех Шубниковых! Сестры росли на его глазах. Он был их опекуном. Он знал об их родителях то, чего, возможно, не знали другие. Он должен был принять меры, остерегаться...

А он вел себя как последний кобель!

– Елена Лукинична.

Ее рука соскользнула с закрытой крышки пианино. Она не слышала, как он вошел в музыкальный салон. Вечно он застигал ее врасплох!

Не ревность тогда была всему причиной. Если бы Аглая просто ревновала, это было еще можно понять. Они бы с этим справились. И это не вылилось бы в тот ужас, который...

– Елена Лукинична... Елена...

Игорь Бахметьев пересек салон.

Выглядел он усталым, но решительным. Вся его одежда была грязной – в пыли и... Да, пятна крови. Он же вез инженера Найденова в больницу. И не счел нужным или так и не успел переодеться. Наверное, когда ездил на фабрику, просто надел сверху пальто.

– Фотографии получились, Игорь Святославович.

– Простите, что так вышло. Мы снова вас сильно напугали.

– Вам не за что извиняться. Хотя это было... несколько неожиданно.

Она старалась говорить как можно строже. Она фотограф, профессионал. Ее пригласили сделать съемку для медицинского освидетельствования. И все. Все!

– Аглая больна, – сказал Игорь Бахметьев. – После того случая мы... Шло полицейское расследование, и я хотел, чтобы высказался специалист. Мы пригласили к ней сюда, в Горьевск, профессора Бехтерева из общества Русской патологической психологии. Он осмотрел Аглаю. И счел ее случай интересным. Уникальным. Она больна. Это душевная болезнь. И все, что

вы видели сегодня, – перепады ее настроения, ее сексуальное бесстыдство и даже ее дикая агрессия – это все признаки, симптомы безумия. Это и Бехтерев нам подтвердил. Она душевнобольная. А все остальное, что вы, возможно, сейчас слышали... То, о чем болтает глупая суеверная прислуга...

– Я ничего не слышала. Я ни с кем не разговаривала. Я работала над фотографиями.

– Все, что болтают, – это вздор, суеверный дикий вздор, – он стиснул кулак. И тут же разжал его.

– Она просто стала невероятно сильной, и... она такая быстрая. Я не успела среагировать. Это как-то... это даже глазу не видно. Но фотоаппарат это заснял.

Игорь Бахметьев встретился с ней взглядом. Елене Мрозовской казалось, что он что-то решает про себя.

– Аглая – наследница миллионного состояния. Фабрика, деньги – все до сих пор принадлежит ей, пусть и формально. Она Шубникова. Я не могу позволить отправить ее на каторгу, к убийцам и... И в сумасшедший дом я не могу ее отдать. Если она умрет...

Умри она, и ты лишишься статуса опекуна. И фабрика и капиталы могут уплыть из твоих рук. Назначат торги.

– В это производство было вложено слишком много сил и денег. Ради него шли на большие жертвы, – продолжал Игорь Бахметьев. – Чужим этого не понять. Чем обязан Горьевск фабрике и всему, что с ней связано. Я не могу позволить, чтобы все здесь растащили по кускам на аукционах, чтобы производство развалилось, обанкротилось, чтобы все, чем мы жили... я, и Мамонт, и... его отец, и...

– А Савва? – спросила Мрозовская.

– Он тоже был к этому причастен. Они все... И Глафира, и девочки... Елена Лукинична, Елена, помогите мне.

Он подошел к ней так близко, что в ней сразу смолк голос разума. Лишь сердце билось в груди, как метроном. Он взял ее за руку. Поднес руку к своим запекшимся губам. Поцеловал.

– Елена, пожалуйста...

Обольститель... Он всегда им был... я всегда это знала... О, черт! Я же видела его с ней... я видела его в полном бесстыдстве... Ох, какой же он... Столько силы в нем... столько силы, когда он хочет и берет...

– Лена...

Он целовал ее пальцы. Повернул руку и начал целовать ладонь, запястье. Ее руки фотографа с пятнами на коже, что оставили едкие

химикаты.

Снова прижал ее руку к губам. И этот поцелуй длился так долго, что...

– Не уезжайте, не оставляйте меня сейчас, – прошептал он. – Нам надо сделать фотографии. Что бы ни случилось, мы должны...

Она высвободила руку из его крепкой хватки. Надо остановиться, поставить ему заслон. У нее есть женская гордость. Она никогда не признается ему в том, что влюблена в него. Она устоит.

– Случится что-то еще? – переспросила она. – Вам мало того, что было? Мало того, что мы видели – сегодня и тогда, полтора года назад?

Он как-то сразу весь сник. На его широких сильных плечах словно повис камень. Он не смотрел на нее.

Он вспоминал?

Или он тоже не мог забыть, как и она?

Ничто ведь не предвещало.

Тот эпизод в зимнем саду в галерее был единственным. Неужели он стал причиной, катализатором?

Они все разошлись рано в тот вечер, накануне бракосочетания. Венчание было назначено в городском соборе на одиннадцать утра. Игорь Бахметьев нанес визит в особняк Шубниковых утром и сразу уехал на фабрику. А потом к себе. Его не было в доме в ту ночь. Он появился потом, сразу, как за ним послали лакея.

Елена Мрозовская приняла горячую ванну. И легла в постель. Она помнила все до мельчайших подробностей – мысли текли медленно, словно река. *Завтра трудный день, их свадьба... Надо сделать много хороших фотографий. Жениха и невесты, гостей... Из знаменитостей ждали чуть ли не самого Шаляпина – он должен был дать сольный концерт в честь бракосочетания.*

Елена Мрозовская лежала в постели, листала книгу. «Цветы и травы покрывают зеленый холм, и никогда сюда лучи не проникают. Лишь тихо катится вода. Любовники, таясь, не станут заглядывать в прохладный мрак... Там, там глубоко под корнями лежат страдания мои, питая вечными слезами...»

Блок... Когда он пришел фотографироваться в ее ателье, он ей показался манерным кудрявым гимназистом с капризным женским ртом. Поэт... И вот она лежит в кровати с его стихами накануне свадьбы человека, которого она...

Любовники, таясь, не станут заглядывать...

Где счастье брезжит нам порою, но предназначено – не нам...

Манерный мальчик с капризным ртом – Блок, поэт словно прочел ее,

как книгу, и сделал свой собственный фотопортрет – ее, одинокой, влюбленной в чужого жениха, уже ставшего мужем для своей избранницы в физическом смысле. Можно сколько угодно грезить и страдать...

Чертова феминистка... Ее наняли как технический персонал снимать чужую пышную свадьбу, а она влюбилась в нанимателя. Одного его взгляда хватило, пары слов.

Да, так она думала тогда, полтора года назад, когда все казалось таким горьким, но обычным, житейским! Когда не было столько крови и на полу, и на стенах...

А сейчас он сжимал ее руку в своей и все никак не мог оторвать губ от ее ладони. И ей хотелось коснуться его лица, его обветренной кожи... Столько мужества и силы...

– Игорь, я не уеду. Я останусь. Я сделаю все, чтобы помочь вам.

Он смотрел прямо ей в глаза. В какой-то миг она подумала: мы на грани поцелуя. Но почти сразу же догадалась, о чем он на самом деле думает в этот момент, что стоит перед его взором.

И картина явила себя, словно старый кошмар.

Любовь... Как можешь ты, любовь, цвести среди того, что видели наши глаза?

Тогда, полтора года назад, когда она читала Блока при свете старинной лампы с шелковым абажуром, ночную тишину особняка Шубниковых вспорол крик.

Крик потряс дом до основания. Словно кого-то разорвали пополам... Словно с кого-то заживо содрали кожу.

Дикий вопль боли... Визг...

Что-то грохнуло на пол. А потом снова раздались неистовые вопли. Трудно уже было понять, кому принадлежит этот крик – человеку или зверю, столько в нем было муки.

Елена Мрозовская вскочила с кровати. В ночной рубашке, босая, она даже не накинула халат. Но схватила свою репортерскую пресс-камеру!

Это было что-то вроде инстинкта фотографа. Она сразу поняла: в доме случилось что-то плохое. Жуткое. Но все, что встречалось ей на жизненном пути, она хотела заснять, запечатлеть.

Инстинкт фотографа.

В тот момент она была уверена: в дом, набитый произведениями искусства, столовым серебром и фарфором, проник вор, душегуб. Он убивает кого-то из слуг!

Но когда она выскочила в коридор, крик, оборвавшийся на самой высокой ноте, снова пришел со стороны комнаты Прасковьи. По коридору

бежали заспанная горничная и лакей. Он включил электричество.

Свет ярко вспыхнул.

Прибежал еще один лакей, по старинке вооруженный топором, и ногой выбил дверь спальни, из которой теперь доносились какие-то странные звуки – словно что-то волокли и грызли...

В спальне стоял кромешный мрак. И пахло...

Так воняет на бойне, когда свежую тушу, – запах свежей густой крови и требухи.

Лакей дотянулся до шнура и включил верхний электрический свет. Они словно ослепли все, застыв в дверях, – кровать с пышными подушками была вся залита алым. На светлых шелковых обоях – алые пятна и потеки.

Но сначала они никого не увидели в спальне. Кровать загораживала от них то, что было на полу.

А потом увидели все.

Прасковья лежала на спине – голая, ее ночная сорочка превратилась в лохмотья. Ее живот от грудины до лобка был разодран, и вся окровавленная, осклизлая масса внутренностей была выворочена из огромной зияющей раны.

Полиция позже тщетно искала в спальне орудие, которым было причинено это чудовищное увечье. Полицейские так ничего и не нашли – ни в спальне, ни во всем доме. А врач, делавший осмотр, шептал полицейскому приставу, что это «не разрез, а разрыв тканей».

Что-то зашевелилось в углу за кроватью и выползло оттуда на четвереньках.

Приподнялось, встало на колени, осторожно огляделось, утопая руками, до самых локтей покрытыми запекшейся кровью, в белом атласном одеяле.

Светлые, как слюда, глаза уставились на Елену Мрозовскую и слуг. Рот искривился в гримасе оскала.

Она смотрела на них, вся покрытая кровью своей сестры.

А потом тихонько разжала пальцы. И на атласное одеяло выкатилось нечто, оставляя за собой алый след.

И в этот миг потрясенная Елена Мрозовская сделала снимок своей репортерской пресс-камерой.

Глава 14

Фотографии

– Теперь взглянем на фотографии, – сказал полковник Гуцин, когда они вернулись в Горьевский ОВД и снова заняли кабинет Первоцветова.

Анфиса на этот раз была с ними. Именно ей Гуцин вручил конверт из крафтовой бумаги, словно возвращая. – А вы, Анфиса Марковна, поясните нам некоторые вещи.

Катя не спускала глаз с крафтового конверта. Ясно, что там, в музее, Гуцин услышал нечто, что имеет связь с его содержимым. Шубниковы... вымерший род... Анфиса тоже вся напряглась, едва услышала эту фамилию от хранителя коллекции.

– Да, конечно, я расскажу, что я думаю об этом. Но сначала... – она извлекла из необъятной сумки планшет, нашла какие-то файлы, открыла. – Взгляните на нее.

На планшете открылся снимок – винтаж начала прошлого века: крупная темноволосая женщина в бальном платье и накинутой на плечи бархатной шубке, отделанной мехом. Ее нельзя было назвать красавицей, но черты лица указывали на ум, энергию и одухотворенность. А темные глаза были прекрасны.

– Елена Лукинична Мрозовская, – объявила Анфиса. – Вот такая она была. Это практически единственная ее подлинная фотография, которая сохранилась. Первая женщина-фотограф России. Художник, каких мало. Гений... И это не просто похвала. Вы сейчас сами поймете, – она открыла новые фотографии в Google. – Сохранилось два вида фотоснимков – те, что были сделаны в ее ателье на Невском фотографами, которые у нее работали, – это в основном портретная фотография: дети, супружеские пары, купцы, аристократы, инженеры-путейцы, офицеры. Это фотоснимки отличного качества, и внизу на них всегда есть клише «Helene de Mrozovsky» и памятные знаки и награды фотосалона.

На планшете замелькали снимки: лица начала прошлого века и конца века девятнадцатого.

– Но есть фотографии иного сорта. Уникальные. Неповторимые. Те, что она делала лично. Их не так много осталось. И это в основном знаменитости. – Анфиса начала листать «картинки» и показывать. – Александр Блок... Лиза Дьяконова, феминистка. Менделеев...

– Прозрачный, как лед. – Катя неотрывно смотрела на фото молодого Блока в университетском кителе. – Тонкость черт... Аура как дымка. «Под беломраморным обличем андрогина он стал бы радостью для чьих-то давних грез...»

– Объяснить словами магию портретов, сделанных самой Мрозовской, невозможно. – Анфиса показывала им Римского-Корсакова. – Это можно лишь увидеть, почувствовать. Ощутить разницу между обычным очень хорошим снимком профессионала и гениальной фотографией. Вот, это

Мрозовская сделала портрет Комиссаржевской. Посмотрите внимательно, внизу ее личный автограф.

Полная света, немного расплывчатая фотография, где расплывчатость – не изъян, а лишь дополнительная краска нежного, воздушного образа знаменитой актрисы.

Внизу снимка наискось шла надпись ровными, крупными, округлыми буквами: «Е. Мрозовская».

– Она подписала портрет Комиссаржевской, как художник подписывает картину. Этот знаменитый снимок не имеет цены. Но вы запомните ее почерк. Очень характерный. Будет с чем сравнить. Если надо, я закажу графологическую экспертизу, – продолжала Анфиса. – Но я и так знаю – это ее рука. Это она подписала фотографии. И те, что сделала сама, и те, которые ей не принадлежат.

Она достала из конверта фотоснимки. А капитан Первоцветов в этот миг вернул на экран планшета фото Мрозовской.

– Вы чем-то на нее похожи.

– Только тем, что я темноволосая и не худая?

– Вы на нее похожи, – повторил Первоцветов. – Верите в реинкарнацию?

– Нет. Она гений. Такие рождаются раз в сто лет. Она как Надар в Париже, как Джордж Бересфорд в Англии. Рембрандт и Ренуар от фотографии в одном лице.

– А что с ней стало? – спросил Гушин.

– А никто не знает точно. – Анфиса выбрала из снимков сначала три. – Человек, который фактически запечатлел для нас цвет культуры и науки, музыки, поэзии, как-то словно исчез, растворился после революции. «Следы ее затерялись» – так осторожно пишут исследователи. У нее все отняли, все разорили, все экспроприировали. Все, что она делала, что создавала, над чем она – первая в России женщина-фотограф – трудилась: ее студию на Невском, женский кружок, общество феминисток. Все обратили в пыль, в ничто. В ее ателье на Невском при НЭПе делали снимки какие-то прощелыги. А сама она то ли жила, то ли не жила... То ли умерла и похоронена в Репине перед войной, то ли вообще сгинула – была расстреляна пьяными чекистами в вонючих кожанках. Как же, она ведь снимала знать, великих князей, тот самый знаменитый костюмированный бал зимы 1903 года... «Ателье Мрозовской, где знать на матовом стекле и Северянин в том числе». Это Северянин о ней. Сам еле ноги унес от ЧК, а то бы и его расстреляли... Знаете, они все – даже не унесенные ветром. Они просто положенные под каток, обращенные в пепел. Мы можем

восстановить только какие-то отдельные фрагменты их бытия. Отдельные годы, короткие дни, когда они жили и чувствовали, становились свидетелями каких-то событий и сами в них принимали участие. Это лишь кусочек их жизни. Словно ожившая фотография.

Она положила перед ними на стол три фотоснимка.

– Это ее работы. Ошибиться невозможно. Это снимала она сама.

Черно-белые снимки начала прошлого века на плотном картоне. На первом – молодая девушка, лежащая на диване головой к фотографу. Она смотрела в объектив, запрокинув голову – волна густых светлых волос касалась пола. Шелковистые змеи волос, очень светлые глаза, закатившиеся под лоб.

– Эти три снимка Нилов отдал мне сначала. И это Шубниковы. Там на обороте двух других снимков есть надпись ее рукой: «Прасковья и Аглая Шубниковы, 1901 год».

На втором снимке были изображены две девушки – обе блондинки с пышными подколотыми волосами в стиле причесок, что были характерны для начала прошлого века. На обеих светлые кружевные платья, изящные туфельки. Свет из окна падал на хрупкие фигурки – держась за руки, вскинув ножки, они танцевали. Их лица сияли от радости – такие беззаботно молодые, смешливые. Рядом с окном, у стены, стояло черное пианино. На нем – раскрытые ноты.

– Как живые, – хрипло сказал полковник Гуцин. – А она и точно мастерица, эта Елена Лукинична, первая женщина-фотограф.

На третьем снимке сестры Шубниковы сидели рядом на бархатной банкетке в комнате, похожей на гардеробную, заваленную нарядами. На обеих тоже были кружевные платья – домашние. По ковру разбросаны коробки с лентами. С открытой двери грандиозного платяного шкафа свисала белая кружевная фата невесты. На этом снимке волосы у обеих сестер были распущены. И Катя, взглянув на первый снимок с запрокинувшейся навзничь на диване девушкой поняла, что более юная – это она. Прасковья – старшая, Аглая – младшая. Девушки сидели рядышком, но вид имели серьезный, сосредоточенный. Прасковья чему-то задумчиво улыбалась, словно предвкушала, Аглая смотрела прямо в объектив. Взгляд ее уплывал и был каким-то тусклым.

– В стиле «Дракулы» фото, – хмыкнул Первоцветов. – Вроде наряжаются, шмоток полно, а вид у снимка какой-то загробный. И волосы распущенные по плечам. И губы... Особенно у нее, у младшенькой. Фата свадебная... Но свадьбы ведь так и не было?

– Вы, Анфиса, фамилию Шубниковы, оказывается, еще до музея

знали, – заметил Гуцин. – Наверняка их погуглили, этих здешних купцов-промышленников. Могли бы нас и до музея просветить.

– Вы про Дом у реки спрашивали, а я там не была. – Анфиса выложила на стол остальные снимки.

Катя окинула их взглядом. И...

Кровь гулко застучала в висках. Ее пробрала дрожь. Она разом растеряла все слова.

Две фотографии – самые последние, которые выложила Анфиса...

И остальные...

– Да, да, вижу по вашим изменившимся лицам. Пробрало, как и меня. Я свет включила в галерее, когда их впервые рассматривала. До того стало не по себе. Но сначала взгляните на эти снимки – это не Мрозовская снимала, она лишь подписала их.

Анфиса перевернула первый снимок и указала на подписи все тем же округлым почерком.

Снимок запечатлел темноволосую женщину в пышном платье в полоску. Она сидела, подперев голову рукой, на оттоманке, украшенной цветами – нарядные букеты роз и лилий, китайская фарфоровая ваза, полная цветов. Цветы вколоты в темные густые волосы, собранные в прическу. Фон – тяжелая бархатная штора, и это лишь подчеркивало хрупкость, негу и красоту женщины с цветами. Лицо ее было задумчивым. И нежным. Если и была в нем порочность, то высшего разряда. Снимок был раскрашен в розово-фиолетовые цвета.

– Здесь на обороте написано «Глафира». Это мать девушек, как мы узнали в музее.

– Та, которую муж Мамонт по ошибке отравил вместе со своим братом Саввой, – Катя хорошо запомнила рассказ хранительницы музея.

– Это тоже она, и здесь она, и здесь. Это все ее фотографии. И это не снимки Мрозовской. Это любительские снимки, и при их изготовлении использована галогеносеребряная фотобумага на основе желатина. Это более ранний способ, характерный для фотографии восьмидесятых годов девятнадцатого века, – рассказывала Анфиса. – И мода, платья, что на ней, указывают на это же время. Видите, фотографии раскрашены вручную. Мрозовская этого уже не делала. Она была одержима стилем «живого снимка», репортажного, не фотокартины.

На другом, раскрашенном уже в темно-золотистые тона снимке Глафира Шубникова была запечатлена со спины, смотрящей в небольшое зеркало на стене, оклеенной обоями с лилиями. На снимке она поражала утонченной красотой, но взгляд, отраженный зеркалом, был каким-то

отсутствующим и одновременно пристальным.

На следующем снимке она же... левитировала! Ее запечатлели поднявшейся над землей примерно на метр: тело и ноги вытянуты, руки прижаты к телу. Глаза закрыты.

– Это что же такое? – удивился Гущин. – Летает, как индийский йог?

– Это обманка, монтаж, – уверенно сказала Анфиса, переворачивая снимок. – Видите, и Мрозовская здесь пометила: «Монтаж. Используются технические средства и ретушь».

– Я не вижу ретуши, – возразил Первоцветов. – А вы, Анфиса, как специалист видите, что это обработанный снимок?

– Ну, точно я не могу сказать, это надо изучить оригинал, саму пластину. Но я верю Мрозовской. Да и не могла Глафира левитировать. Все это чушь, выдумки, это невозможно! Она просто легла на стол. Ее сфотографировали, а затем стол заретушировали, закрасили, сделали новый фон. В конце века обожали такие штуки: делали снимки, где у человека нет головы, например. Он ее держит в вытянутой руке. Просто пробовали всякие новые трюки с фотографией.

– Но здесь трюков нет, а фотография какая-то чудная, если не сказать иначе. – Гущин кивнул на следующий снимок.

Катя не сразу узнала Глафиру Шубникову. И немудрено. Ее сфотографировали сидящей на стуле рядом со столиком, на котором лежал большой лист бумаги с каким-то чертежом. Катя не сразу рассмотрела, что там, потому что лицо женщины поразило ее: Глафира то ли кричала, то ли хохотала, широко открыв рот, полный прекрасных белых зубов. Их казалось как-то даже слишком много в этом распыленном в крике рту. А на лице застыло выражение экстатического блаженства – глаза закатились под самый лоб, видны лишь белки. От фотографии веяло какой-то непристойностью, словно от порноснимка, хотя Глафира была полностью одета в наглухо закрытое темное платье с плиссированной юбкой и плоеными рукавами.

Позади нее сидела крупная черная собака, похожая на дога. Она словно пряталась за фигуру женщины.

– Ну и ну, – подал голос Гущин. – И не скажешь, что это она – та, что с цветами, как Офелия. Это прямо ведьма какая-то. А что там, на ватмане под ее руками изображено? Чертеж... Круг? Нет, циферблат. Это вроде часы.

– А вот там – рука и нога, – Анфиса ткнула в снимок. – Больше ничего не разберешь, она локоть положила на изображение.

– Чего она так бесится? Чему радуется? – Гущин глядел на остальные фотографии. – Уж точно не тому, что там снято.

Анфиса положила на стол последние два снимка.

– На обороте – лишь даты: 1901 и 1903. Выходит, снимки сделаны с интервалом в полтора-два года. И сделаны они Еленой Мрозовской. Это снимки репортерской пресс-камерой. Мрозовская использовала ее в салонной фотографии одной из первых, она любила все новинки. Но этот ужас...

Тот снимок, что крупнее, был расплывчатый, как фотография Комиссаржевской. Казалось, его сделали, почти вплотную поднеся объектив к лицу. Или нет, скорее лицо, эта перекошенная яростью хищная харя метнулась прямо к фотоаппарату, чтобы перегрызть и объектив, и горло фотографу. Вставшие дыбом светлые волосы, огромная масса волос, глаза с расширенными зрачками и рот, разверстый в крике, как и рот матери Глафиры. Но на этом фото рот был похож на черную яму. Губы, щеки, подбородок, скулы – все было измазано чем-то черным, густым.

На снимках так выглядит лишь одна вещь на свете – кровь.

А другой снимок был еще хуже.

Можно было увидеть постель с белым атласным покрывалом, всю залитую потеками. За постелью, словно прячась от фотографа, скорчилось то же самое белесое существо – бледное, тощее, со светлыми спутанными волосами. Оно упиралось руками в кровать, приподнималось с пола. И руки тоже были измазаны до самых локтей чем-то черным. Кровью.

А посреди одеяла лежал предмет.

Катя поднесла ладонь ко рту, ощущая позыв рвоты. Все было так четко зафиксировано на этом старом фото гениальной художницы.

– О, черт! – хрипло воскликнул капитан Первоцветов. – Это же...

На одеяле, словно окровавленный шарик на ниточке, валялся вырванный человеческий глаз.

– Аглая Шубникова, – хрипло назвал Гуцин имя страшного существа со снимка. – И там и там – она. Это более раннее – 1901 года. А второй снимок Мрозовская сделала позднее. Касса... Несгораемая касса купца, ее деда...

– Какая касса? – не поняла Анфиса.

– В музее сказали – в доме Шубникова, у реки, где он жил, когда строилась его фабрика, была и контора, и касса. Железные двери, окно с решеткой. Там потом и держали Аглаю Шубникову. После таких дел... Таких кровавых художеств. Та замурованная комната – это бывшее помещение фабричной кассы. Они не нашли ничего более подходящего. И держали ее там, подальше от всех.

Глава 15

Вопрос на засыпку

– Если бы мы послушали местные байки, то скорее всего узнали бы, что Аглая зверски убила сестру Прасковью перед ее свадьбой с этим самым Игорем Бахметьевым, который основал местный музей, – проговорил капитан Первоцветов, разглядывая фотоснимки.

– А вы уже слышали местный фольклор? – спросила Катя.

Он лишь плечами пожал. А ей показалось, что он как-то уж слишком уклончив и немногословен. Хотя в Горьевске он человек новый, однако...

– Однако все эти прекрасные и ужасные картинки мало что дают нам для нашего расследования убийства фотографа Нилова, – заметил полковник Гущин. – Снимки эти как-то попали к нему от третьего лица. Он их запрятал в ячейки разных банков. Где остальные фотографии? Мы должны их найти. Однако его убили, не когда он клал снимки в банк или извлекал их оттуда, а в заброшенном доме, в котором он пытался просверлить в стенах дыры. Мы пришли к выводу, что он искал ту самую замурованную кассу – комнату, где, возможно, держали это вот создание, последнюю из рода Шубниковых – явно не в своем уме, судя по ее виду, – он кивнул на снимки. – Но что это нам дает для расследования? Что в этой комнате, в этих фотографиях и даже в этой давно сгинувшей сумасшедшей купеческой дочке-убийце есть такого, чтобы из-за всего этого кто-то через сто лет захотел убить человека? Разве это причина? Я понимаю, если бы его пытали и заставили выдать шифр ячейки, если бы хотели присвоить ценные и дорогие фотографии самой Елены Мрозовской. Так ведь нет этого! Ему просто размозжили голову в лепешку и бросили тело в заброшенном доме. Если бы хотели скрыть тайну дома, то отволокли бы к реке и утопили. Там же два шага до воды. Но не сделали и этого. Так в чем же причина? Ничего не складывается пока.

– Надо отыскать другие снимки и банк, куда он их спрятал, – заметила Анфиса. – Ничего пока не понятно с Денисом Ниловым, но я чувствую, что наследие Мрозовской ко всему этому причастно. Эти фотографии словно рассказывают нам о чем-то. Но пока мы, пусть и призрачно, в виде догадки, знаем лишь историю сестер и этого Бахметьева. Что нам известно еще? Что Мрозовская была в Горьевске дважды. Почему она снова приехала? Ее вызвали из Петербурга делать снимки сумасшедшей убийцы? И зачем она отыскала, подписала и сохранила фотографии Глафиры Шубниковой – при чем тут мать сестер? Потому что она тоже стала жертвой убийства? Жертвой отравления собственного мужа – пусть и по ошибке? Снимков Мамонта Шубникова и его брата Саввы нет. И еще меня очень интересует,

кто делал фотографии Глафиры. Техника снимков очень хорошая. Использован монтаж, технические новшества в снимке с левитированием...

– Может, она и взаправду летала? – хмыкнул Гуцин. – Ладно, ладно, молчу. Мне только этот снимок отчего-то не нравится. И еще меньше нравится фото с собакой, где она хохочет.

– Здесь нарисованы циферблат и стрелки часов. И фрагмент человеческого тела, – поправила Катя, снова внимательно разглядывая фото.

Они замолчали. Слишком много вопросов витало в голове у каждого. Катя поняла: не покинут они с Гуциным Горьевск ни сегодня, ни завтра. Надо позвонить утром в понедельник шефу пресс-центра. Из всего этого убийства со старинным колоритом может получиться чистой воды сенсация. Глупо упускать такой шанс.

Она и подумать не могла, что на самом деле подготовил для них этот тихий, заморенный жизнью городок.

Полковник Гуцин достал мобильный и позвонил в Главк. Там, в отличие от Горьевска, опергруппа дежурила и по воскресеньям. Гуцин начал перечислять вопросы, которые его интересовали, сыпал ЦУ. Приказывал связаться с управлением по борьбе с наркотиками и попытаться выяснить, нет ли у них материалов на Дениса Нилова – наркомана со стажем из светской тусовки. Пусть и не уголовное дело, но, возможно, какие-то оперативные материалы, раз он вращался в мире наркодилеров и нариков. Он поручил установить прежний адрес Нилова в Москве и выяснить, какие банки имеются в районе, где он проживал, и по маршруту следования городского транспорта. Обзвонить их все и опросить на предмет пользования кодом шифра – Анфиса продиктовала цифры. Она хранила их в своем мобильном.

Он также поручил сыщикам из Главка установить московский круг общения Нилова, его дружеские и деловые связи. Не было ли среди его знакомых некоего Петруши, который вроде как приказал долго жить от наркоты.

– Надо и в Горьевске попытаться найти следы этого самого Петруши, – обратился Гуцин к Первоцветову. – Раз он, по слухам, отсюда, здесь и копать.

– Судью Репликантова Петром зовут, – тут же вспомнила Катя. – Хотя абсурдно предположить, что это он самый.

– Уж постарайтесь найти завтра сотрудника и посадите его на проверку домохозяйств, списков жильцов, налоговой по ИНН, владельцев

автотранспорта – всех мужчин по имени Петр возрастом от восемнадцати до сорока лет, – перечислил Гущин. – Работа не пыльная, но муторная, скрупулезная. Кого угодно найдите в этой вашей богадельне, хоть пенсионера привлечите, мы заплатим за работу.

И потенциального пенсионера – того самого пузатого полицейского, появившегося на месте убийства в Доме у реки и опознавшего фотографа, – они узрели в коридоре отдела, когда Гущин, устав командовать, предложил всем найти место, где можно пообедать.

Толстяк брел по коридору.

– Что, уже соскучились по работе? – съязвил Гущин. – Тянет обратно?

– В дерьмо-то здешнее? Нееет, – потенциальный пенсионер злорадно улыбнулся. Ему явно было скучно дома в воскресенье. И он, уже снова солидно приняв на грудь, явился туда, где прошла большая часть его полицейской жизни. – Это уж вы без нас. Сами колупайтесь, – он вызывающе глянул на капитана Первоцветова. – Что-то невеселые вы все какие-то. Что, розыск туго продвигается? Не арестовали еще никого, а? Ой, как же так? А у нас ведь с этим не заржавеет. Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно, дни и ночи часовые стерегут мое... говно.

– Идите домой, Мурин, – непередаваемым тоном посоветовал ему Первоцветов. – Отдыхайте. Телевизор посмотрите. Какой-нибудь очередной «соловьиный помет». Про Царьград что-нибудь, про духовные скрепы.

– Иду, иду, не посылайте, – толстый полицейский поднял ладони вверх. – Только это... вопрос на засыпку. Вам не кажется странным, умники, что парень этот... фотограф, явившись сюда к нам и имея возможность преспокойненько снять за гроши комнату в самом центре города, в двух шагах от своего места работы, почему-то выбрал именно улицу Труда у черта на куличках? И дом, где уже когда-то убили человека?

Глава 16

Макар

Макар Беккер – тот самый молодой человек, которого Катя видела в машине у дома, где жил покойный фотограф Нилов, а затем и в музее, – приходился племянником Марии Вадимовне Молотовой по линии ее третьего мужа.

Он тоже, как и судья Репликантов, слышал, о чем говорили полицейские с хранительницей музея, хотя, сидя на музейной банкетке, в это время был занят своим мобильным – проверял Фейсбук и электронную почту. Видел он и судью, когда тот спешно покидал музей. Тетка судью

терпеть не могла. И не только потому, что он входил в тот прошлый круг «причастных к 101-у километру», как тетка это называла.

Причина неприязни к судье крылась в ином. Не в столь отдаленных временах, о которых Макар имел мало понятия, потому что тогда еще не появился на свет. Причина лежала где-то гораздо ближе. И, в общем-то, Макар догадывался. Потому что тетка часто об этом упоминала, пусть и намеками.

После скоропостижной смерти отца от инфаркта он остался сиротой – мать его умерла родами. Кстати, здесь, в Горьевске. Они с отцом приехали к родственникам – тетка с дядей только построили свою горьевскую дачу и настоятельно приглашали отдохнуть на природе. Роды у матери начались преждевременно – он родился семимесечным и был помещен «под колпак» в инкубатор, как рассказывала тетка. А матери занесли в родильном доме какую-то заразу, и она умерла в горячке.

Тетка в детстве занималась его воспитанием весьма рьяно. Она уже давно не снималась в кино, увлекалась общественной деятельностью, сотрудничала с газетами и журналами, работала сразу в нескольких фондах. Но в Горьевск, «на дачу», постоянно ездила и летом, и весной, и осенью. А после смерти мужа вообще стала проводить на даче большую часть года.

Макар сначала гадал, чем это привлек тетку город, где она, по ее собственным словам, в молодости хлебнула столько лиха. А потом он понял. Горьевск имел немало тайн, возможно, даже одну главную тайну, сотканную из каких-то темных материй. И эта тайна неудержимо влекла к себе женщину, которую он любил, несмотря на ее уже солидный возраст.

Да, она вырастила его, но он любил ее не как мать. И грязного, пошлого ничего не было в этой любви. Просто ему всегда нравилось, что она бывшая актриса кино и в прошлом известная диссидентка. Что она умна. Что она была редкой красавицей в молодости, и даже ссылка на сто первый километр в самом расцвете кинокарьеры и славы не разрушила ее столичного лоска, не превратила ее в жалкую пьяницу, как многих. Что она знала и любила всех этих знаменитых и великих – и Тарковского, и Нуриева, и Солженицына, и Любимова. Что она была смелой и плевала и на условности, и на угрозы власти.

Он любил ее и был готов на очень многое, если бы она его только попросила.

Когда она позвонила ему в сентябре и позвала к себе «на дачу», он поехал, не задумываясь. Институт, в котором он учился вот уже три года, платя за обучение немалые деньги, внезапно закрылся из-за отзыва

лицензии – к этому были не готовы ни студенты, ни преподаватели. Он испытывал по этому поводу гнев и отчаяние. А тетка словно подслушала его мысли и позвала к себе в Горьевск. Она собиралась прожить «на даче» до зимних холодов. Макар Беккер, когда приехал, понял, что тетку интересовали некие обстоятельства, связанные с домом на улице Труда, где жила старая знакомая тетки – из бывших ссыльных на сто первый километр. Марго, Маргарита Добролюбова.

И жильца ее он видел – фотографа Нилова, того, что теперь мертв. Тот был старше его, Макара. Макар все гадал, что он за человек. У них даже имелась одна общая черта: оба ездили по Горьевску на велосипеде. Макар привез свой из Москвы. Он не водил автомашину, а вот тетка рулила как дальнбойщик.

За рулем авто он и увидел ее, когда покинул музей и добрался до их большой комфортабельной дачи со спутниковой антенной и отличной ванной. Тетка ничего не покупала в здешних супермаркетах. Она ездила за продуктами на местный рынок и еще к поставщикам, которые снабжали продуктами отель и ресторан Александра Вакулина – ее прежнего старинного знакомого и любовника.

Вот и сейчас громоздкий «Тойота Лендкрузер» Вакулина припарковался у ворот их дачи рядом с теткинм авто. Вакулин стоял у машины, а тетка, опустив окно, разговаривала с ним милостиво и оживленно. Вакулин смотрел на нее с улыбкой.

Макара всегда поражала эта давняя связь. Они имели разницу в возрасте в пятнадцать лет. Вакулин – этот по виду недалекий и хамоватый, часто пьяный «новый русский» из анекдотов девяностых – менялся на глазах, когда общался с теткой, которая уже приближалась к порогу семидесятилетия.

Как она сама рассказывала, она была первой любовью Вакулина. Она, известная столичная актриса и правозащитница, «сосланная на 101-й километр за антисоветскую деятельность» при Андропове, стала предметом обожания хулиганистого семнадцатилетнего горьевского парнишки.

Впрочем, затащить в постель молодого провинциала, деревенщину для тетки, которая кружила головы и режиссерам, и дипломатам, и диссидентам, была пара пустяков. А Вакулин так и не смог ее забыть. Когда она вернулась в Горьевск уже в конце девяностых – маститая и признанная в своем кругу, свободная и богатая, – когда стала строить дачу, он помогал ей всем, чем мог. Он тогда только раскручивал свой бизнес. Был силен, молод и полон амбиций. Они возобновили связь тайком – дядя Макара ведь

был тогда жив.

А потом дядя умер. А тетка начала стареть, и ее отношения с бывшим любовником перетекли в иную плоскость. Они уже не спали вместе. Вакулин просто почитал и восхищался ею. И, наверное, любил...

Разве можно любить морщины, вставные зубы и дряблость тела? У тетки все это уже имелось, несмотря на все ее ухищрения и косметические процедуры.

Но ведь любил же ее сам Макар, и не сыновней любовью. Поэтому он относился к хамоватому и громогласному Александру Вакулину с пониманием. И порой подшучивал над ним в разговорах с теткой.

Богатство Вакулина расточилось в пыль – он вложил много денег в один крупный проект в Горьевске и потерпел фиаско. Тетка утешала его, как могла, и умоляла поменьше пить.

Вот и сейчас она что-то ласково зудела ему. А он пошел к машине, открыл багажник и достал из него ящик винограда «дамские пальчики» – презент из закров ресторана «Горьевские дали». Макар заметил: сейчас многие стали дарить друг другу продукты, чего раньше, когда он был мальчишкой, не наблюдалось.

Заметив Макара на велосипеде, Вакулин поманил его и, поздоровавшись, всучил тяжелый ящик.

А сам попрощался с теткой, сел за руль внедорожника и уехал.

Честно говоря, Макар Беккер так и не понял, для чего тетка послала его сегодня, в воскресенье, в музей сравнивать какую-то там фарфоровую рамку, которую они вместе купили на Старом Арбате в антикварном. И не похожа была их рамка на ту, что некогда украшала приглашение на парадный обед в честь несостоявшейся свадьбы Прасковьи Шубниковой и Игоря Бахметьева.

Сама тетка часто посещала музей и рылась в тамошних фондах – историческом и библиотечном. Она ведь тоже принадлежала в местному историческому обществу – вступила в него вопреки возражениям судьи, пожертвовав на ремонт музея деньги из какого-то фонда, с которым сотрудничала.

Макар подозревал, что его просто под благовидным предлогом отослали из дома. Возможно, тетка хотела на досуге поразмыслить – она с некоторых пор стала необычайно задумчивой. Известие об убийстве фотографа лишь усугубило ее отрешенность и нервозность. А может, она хотела потолковать наедине с Марго – Маргаритой Добролюбовой. Им было что обсудить. Хотя с Марго это давалось нелегко из-за ее постоянного беспробудного пьянства.

Макар знал, о чем тетка может беседовать со своей старой товаркой по сто первому километру.

Насчет того дела... Насчет несчастья.

Это же случилось летом три года назад. Макар тогда тоже гостил у тетки на даче – готовился к вступительным экзаменам в институт.

Как все тогда страшно закричали...

Он сразу подумал, что кто-то умер.

Глава 17

Убийство

Полковник Гущин ринулся в дежурную часть. Они все устремились за ним.

– Список выезда оперативных групп, – он ткнул в компьютер дежурной части. – Ищите по адресу: улица Труда, пятнадцатое домовладение.

Дежурный кликал мышью, открывая файлы дежурной части и графики выездов на происшествия.

– Ничего нет, – сказал он.

«Вот лгун!» – подумала Катя, ища гневным взглядом толстого пьяницу Мурина.

– Тогда по фамилии домохозяйки фотографа Нилова ищите. Как ее там?

– Маргарита Добролюбова, Федор Матвеевич, – подсказал капитан Первоцветов.

Дежурный открыл новый файл.

– Опять ничего нет.

Полковник Гущин побагровел от злости. Кажется, «лгун» и его достал.

– А, нет, подождите. Мелькнула фамилия. Добролюбова... Есть выезд. Убийство! Три года назад – 30 июня опергруппа выезжала на обнаружение трупа. Только здесь имя другое, не Маргарита, – дежурный бесстрастно кликал мышью.

– Какое другое имя? – Гущин полез за очками.

– Аглая Добролюбова.

– Аглая?! – не удержалась Катя.

Она прилипла к пуленепробиваемому стеклу дежурки, стараясь разглядеть, что там на мониторе. Гущин наконец-то отыскал очки.

– Потерпевшая – Аглая Добролюбова, 19 лет, адрес места происшествия – улица Фабричная, строение девять... Башня с часами. – Гущин сдернул очки с носа. – Уголовное дело приостановлено. Так, надо

сейчас же поднять это дело трехлетней давности в вашем архиве.

Капитан Первоцветов зашел в дежурную часть и углубился в долгий спор с дежурным – тот не хотел отдавать ключи от архива ОВД в отсутствие ответственного сотрудника, которого в воскресенье днем с огнем...

Капитан Первоцветов его переспорил, и через пять минут они уже спустились в подвал ОВД, где рядом с изолятором временного содержания находилась душная нора без окон, с железной дверью и металлическими стеллажами – картотека и висяки, отправленные в архив.

Он нашел год и месяц и вытащил два толстых тома уголовного дела. В кабинете наверху, куда они все вернулись, Гущин подвинул тома к Кате.

– У тебя скорочтение развито. Быстро вникай и излагай суть дела.

Катя открыла том с осмотром места происшествия и фототаблицей.

Снова фотографии. Теперь цветные.

Тело женщины висело в петле на фоне какого-то сложного механизма из металлических кругов, зубчатых колес и труб.

Катя читала протокол осмотра места происшествия. Она испытывала странный трепет. Ее поразило совпадение имени девятнадцатилетней девушки с той, чей лик на фотографиях Мрозовской был столь вариативен – от ангельской анемичной красоты до маски кровожадной Медузы Горгоны.

– Коротко, сжато. Что там?

– Убийство. Асфиксия, – излагала Катя, скользя взглядом по строчкам протокола и снимкам. – Место происшествия – помещение в исторической части фабричного здания, известное как Башня с часами. Замок на двери помещения отсутствует, свободный доступ. Многочисленные следы ремонта на этажах, лестницах и в самом помещении башни. Труп висит в петле – тут так написано – на расстоянии двух метров от пола. Капроновая веревка... веревка перекинута через медную трубу в системе часового механизма. Узел обычный, скользящий. На полу в полутора метрах от трупа лежит лестница-стремянка. На полу следы крови в виде пятен и мазков. Возле стремянки на полу – женская летняя сандалия-«вьетнамка» из резины, тоже со следами крови. Окна в помещении часового башенного механизма отсутствуют. Этажом ниже, откуда ведет лестница на площадку перед этим помещением, окна закрыты, новые стеклопакеты. То же самое и на всех нижних этажах башни с часами. Опять про следы ремонта написано... Внешняя нижняя дверь на башню не имеет замка – доступ свободный.

Анфиса за ее плечом испуганно сопела, разглядывая новые ужасные

фотографии повешенной.

На одном снимке ее лицо закрывали густые спутанные светлые волосы. Но второй был страшен. Снимок шеи крупным планом, куда врезалась петля веревки.

– Кроме следов крови на полу – обильные следы мочи, – прочла Катя тихо. – Из одежды на потерпевшей – платье-сарафан и хлопковая кофта-кардиган, «трусы и лифчик отсутствуют» – здесь так написано в протоколе.

Гущин вперился в капитана Первоцветова.

– Три года назад дело было, Федор Матвеевич, я пас, – сказал тот и развел руками.

Тогда Гущин ринулся в коридор. Толстяк Мурин не ушел «смотреть воскресный телевизор». Он словно ждал Гущина, облокотившись на подоконник.

– Вы выезжали на место происшествия в Башню с часами? – спросил Гущин.

– Я в расследовании не участвовал, я лишь дежурил в тот день. Кто участвовал, те уже далеке отсюда – на посадку пошли, – он невесело усмехнулся. – Что-то всколыхнулись вы из-за этой девчонки повешенной.

– Там написано – следы крови на полу под телом.

– Угу. Была кровь. И на обуви. И лицо у нее было все разбито, нос, губы. И на плече синяки. Поэтому сразу убийство поставили во главу угла. С такими травмами.

– Кого-то задержали?

– Конечно, я лично задержал двух – работяги из Таджикистана. Нелегалы. Они там на стройке обретались. Мы их в фабричном корпусе среди контейнеров с окнами пластиковыми обнаружили, ховались они от нас, от полиции.

– И что? Они признались в убийстве девушки?

– Нет, не признались. Сидели под арестом два месяца – так и не признались ни в чем. Сказали, что прятались, потому что работали нелегально. На них и одежде никаких ее следов не нашли – ни крови ее, ни ДНК. И отпустили за недоказанностью. А дело приостановили за неустановлением лица.

– Почему вы сразу мне не сказали?

– Забыл, – толстяк смотрел на Гущина. – Но странное совпадение, а? Девчонку повесили. А через три года прикончили того, кто явился что-то здесь в городе вынюхивать. И поселился у ее матери – случайно или не случайно?

– Что вынюхивать?

– А это вы уж сами найдите, если сможете. Я не знаю.

– Кто обнаружил труп?

– Приятельница ее мамы – Молотова. Она спозаранку явилась исторический памятник осматривать, там был доступ открыт, пока ремонт шел капитальный и реставрация. Старуха пришла ни свет ни заря, пока рабочие шебуршить не начали. И нашла ее в петле наверху, внутри часов.

– А кто проводил реставрацию? Городские службы?

– Предприниматель. Вакулин – небезызвестный тут у нас толстосум. Он в аренду тогда взял весь фабричный комплекс, хотел переделать все под офисы и торговый центр и продать с выгодой.

– Вакулин?

– Меня сразу к нему начальник послал, только я его в больнице обнаружил. После операции. Там что-то произошло у них на стройке подозрительное. Вроде как несчастный случай – за три дня до того, как девчонку вздернули.

Они громко разговаривали в коридоре. Катя слышала все это вполуха – она листала дело, впитывала информацию.

– Аглая, – шепнула ей Анфиса. – Надо же... Что-то мне не нравится все это. Такие совпадения во времени и пространстве...

Катя в этот момент зацепилась за фразу, которая снова ее поразила.

– Федор Матвеевич, знаете, где она работала?

– Где? – полковник Гуцин оставил Мурина и вернулся в кабинет.

– В городском суде. Младшим секретарем.

Гуцин секунду раздумывал.

– Едем к ее матери на улицу Труда, – скомандовал он. – Дело из архива забираем.

Они все втиснулись во внедорожник Гуцина. Катя всучила два тома Анфисе.

– Ты таскай. Дело может понадобиться во время беседы со свидетелями. А у меня руки должны быть свободны.

Поглядев, как Анфиса неловко прижимает к пышной груди тяжелые тома, капитан Первоцветов молча забрал их у нее.

Домчали до улицы Труда – тихо было, как на кладбище, на этой заросшей деревьями дачной улице, засыпанной палой октябрьской листвой. Калитка дома оказалась незаперта. Во дворе – тот же нищий бардак. И дверь в дом не на замке. Постучали, никто не отозвался. Тогда они вошли в выстуженный осенним холодом дом.

– Маргарита! – окликнул хозяйку полковник Гуцин. – Надо поговорить с вами, срочно. Где вы?

Никакого ответа. Они миновали комнату и кухню, полную немытой посуды, мусора. Везде пыль и грязь – в доме не убирались месяцами. Но среди этого домашнего хаоса Катю снова поразила, как и в прошлый раз, одна вещь.

На комодe – множество засохших цветов в изящных дизайнерских вазах из прозрачного стекла. И даже орхидеи в пластиковых коробках, питающие корни из капсул с раствором. А среди цветов – фотографии в рамках.

Катя глазами указала на них Анфисе. Они подошли к комоду. На фотографиях в рамках была изображена юная девушка – полная курносая блондинка с веснушками и круглыми щеками. На некоторых фото она улыбалась. На других глядела серьезно и важно. На Аглаю Шубникову она была абсолютно не похожа. И это Катю отчего-то обрадовало.

Две Аглаи в Горьевске с разницей в сто лет...

– Маргарита, да где же вы?! – гремел на весь дом полковник Гуштин.

В углу, на тахте, от его крика что-то заворчало, как собака на цепи, зашевелилось под грудой засаленных одеял. На вошедших пахло ядреным перегаром. И всклоченная, опухшая Маргарита Добролюбова, оторвав от подушки голову, бессмысленно уставилась на вошедших.

На полу рядом с тахтой – батарея пустых водочных бутылок.

– Мы хотим поговорить с вами о вашей покойной дочери, – начал Гущин.

– Шшшшшшшшшш... Пшеллллллл... Я кому сссссыказала...
Пшшшшел от меня... Не тронь!

— Да я вас не трогаю. Я хочу спросить вас об Аглае.

– Не тронь меня! Закричу! – заорала вдруг Маргарита Добролюбова. – Никогда не была твоей и не буду, гааааад!

– Невменяема. В стельку, – констатировал капитан Первоцветов. – Как это Нилов жил в этом хлеву?

– Наркоман и пьяница. – Анфиса с жалостью глядела на Добролюбову. – Дочь убили... Запьешь тут с горя... Это как у Достоевского – она на вдову Мармеладова похожа.

– Уйди от меня, не касайся! – Маргарита Добролюбова продолжала истерически кричать на Гущина. – Не твоя, пусть и шлюха... И сссстучать для тебя не буду, ссссука надзорная!

– Что она плетет такое? – Гущин аж растерялся.

Маргарита бухнулась на подушку и захрапела.

Во дворе дома жертв двух убийств, откуда их немилосердно выгнали, Гуцин принял новое решение.

– Снова опросим этого Вакулина. Надеюсь, он все еще у себя в ресторане торчит.

Александра Вакулина в его собственном ресторане «Горьевские дали» не оказалось. Это сообщил им менеджер за стойкой: «Уехал по делам». Но им повезло: когда они снова в глубоком расстройстве садились в машину, к ресторану подрулил черный внедорожник. И Вакулин вывалился из него, как медведь из дупла.

– Чегой-то вы зачастили. – Он выглядел недовольным и встревоженным. – Чего полиции опять от меня нужно?

– Убийство Аглаи Добролюбовой трехлетней давности на Башне с часами. Вы реставрационные работы на башне и на фабрике проводили в то время? Ваша фирма?

Вакулин хлопал глазами. Наконец сообразил.

– А, это... А чего вы это... А, ну ладно... Да, я. Мы весь ремонт сделали – и в корпусах, и на самой башне. Полный ремонт со всеми требованиями архнадзора. Все соблюдали, старались. Тогда работы в самом разгаре были. Откуда же я знал, что такое случится? Меня, как мешок, потом несколько месяцев трясли – все проверяли, зачем я нелегалов-таджиков нанял. А где рабочих-то взять – корыта таскать и стены чистить? Откуда мы могли знать, что эту бедолагу там повесят?

– В здание башни все время был свободный доступ?

– Ремонт же. Там даже переборки меняли, лестницы укрепляли, окна меняли на стеклопакеты. Стройка же капитальная была. Я весь в нее вложился, до последнего рубля!

– Те задержанные рабочие из Таджикистана – вы их знали?

– Сто раз меня спрашивали об этом. Прораб их нанимал, не я. Да и ни при чем они. Отпустили их потом.

– А вы сами... Вы где находились в момент убийства?

– Опять двадцать пять! – Вакулин хлопнул себя по бедрам. – Сто раз объяснял, в больнице все проверяли. Я в травматологии лежал, мне только операцию сделали на ноге тогда. Стопу всю по кускам врачи собрали – поклон им низкий. А то мог без ноги остаться.

– А что произошло? Я слышал, что-то странное случилось у вас там во время ремонта. За три дня до убийства.

– Уж не знаю, странное или не странное, а контейнер на меня свалился, ногу придавил. – Вакулин указал на левую ногу в кроссовке. – Контейнер со стройматериалами, с утеплителем стен – мы же офисы там оборудовали, проводку вели, коммуникации. Все в штабеля уложено было, а этот верхний ящик, видно, плохо закрепили. Я мимо проходил – он шмяк!

В результате раздробление стопы. Я потом полгода еще в ЦИТО лечился, на процедуры ездил с ногой.

– Могли и намеренно на вас ящик столкнуть, – заметил Гуцин. – Эти ваши таджики. Или еще кто-то.

Вакулин посмотрел на него.

– Нет никаких соображений? Вас, хозяина стройки, из дела выводят, в больницу отправляют. А через три дня на вашей стройке убийство Аглаи Шубнико...

Вакулин уставился на Гуцина. Катя тоже была поражена – он перепутал фамилии! Вот о ком он сейчас на самом деле думает!

О ней!

Той, что с окровавленным ртом, похожим на пасть...

О той, что вырвала у сестры глаз...

– Аглаи Добролюбовой, – поправился Гуцин. – Вы знали эту девушку?

– Знал, что она дочка моей давней знакомой, Марии Вадимовны, – тихо ответил Вакулин. Он выглядел серьезным. – Так жаль, такая молодая... Мне наши со стройки сказали тогда – ее повесили прямо на часах, внутри. Какая-то невообразимая дикость.

– Я бы хотел сейчас осмотреть Башню с часами. Вы не могли бы мне помочь открыть ее и экскурсию провести?

– Экскурсию провел бы – там столько нашего пота, столько денег! А открыть не могу. Я теперь никто на этой фабрике. Контракт со мной город расторг. Мне даже компенсацию затрат на ремонт не полностью выплатили – так, какие-то крохи бросили. Придрались ко всему, к чему только можно было придраться. В нарушениях договора на реставрацию обвинили. Нет у меня ключей. Город все забрал. А фабрика и башня уже полтора года пустуют. Мы по судам бродим, правду ищем, а там снова все обращается в ничто. Все наши труды.

Глава 18

101-й километр

– Если пока не получается поговорить с матерью, тогда надо встретиться с подругой матери – Молотовой. Она и труп девушки на башне обнаружила, – полковник Гуцин кусал губы. – Она ведь живет где-то неподалеку от этой самой улицы Труда. Катя, найди мне в деле протокол ее допроса и адрес.

Катя быстро начала листать страницы первого тома. Главный свидетель, нашедший труп, допрос всегда в самом начале подшивается, после протокола осмотра места происшествия.

– Молотова Мария Вадимовна. Адрес московский и местный. Тупик Труда, владение 3. Федор Матвеевич, мы ее уже видели с вами у Добролюбовой. Правда, странную они пару представляют. Молотова, кажется, о ней заботится, продукты вон привозила, не пить уговаривала.

– Была такая актриса кино в семидесятых – Мария Молотова, – сказала Анфиса. – Даже у Тарковского в эпизодах снималась. А потом исчезла из кинематографа. Я фотографии московских красавиц разных лет для выставки в галерее отбирала. Обратила внимание – очень красивая женщина, а судьба в кино, видно, не сложилась.

Капитан Первоцветов показывал дорогу до тупика Труда. Тихая загогулина, застроенная солидными кирпичными домами за высокими заборами, примыкала к улице Труда и выходила прямо на берег речушки.

Верхние этажи кирпичных коттеджей глядели прямо на Башню с часами и фабричные корпуса, красовавшиеся вдаль.

Гущин громко постучал в калитку дома номер три. Катя видела: полковник словно впал в лихорадку. Все скорей, скорей, все наскоком. И эта оговорка с фамилией, чисто по Фрейду... Странное совпадение – две девушки по имени Аглая – видимо, сильно его задело, обескуражило и насторожило. И, возможно, там было что-то еще. Предчувствие? Объяснять все это своим спутникам Гущин категорически не желал. Но Катя видела: он сам не свой. И это не оперативный азарт. Это какое-то иное, не слишком приятное, почти болезненное для полковника чувство.

Калитку на их звонок открыл молодой парень по имени Макар – тот, что встречался им уже дважды. На лице его отразилось удивление, и опять же – там было что-то еще. Как у них у всех в этом Горьевске – у толстяка Мурина из розыска, у капитана Первоцветова, у хранительницы музея и даже у того городского воротилы из администрации – Андрея Казанского.

– Полиция области, – Гущин громко официально представился. – Нам необходимо видеть Марию Вадимовну Молотову.

– Тетя, к нам полиция! – закричал Макар на весь двор. – Тетя ванну принимает, я не знаю, удобно ли сейчас... Впрочем, проходите в дом, я спрошу ее.

Он оставил их на просторной теплой террасе с плетеной мебелью. Катя оглядывалась по сторонам – да, это не хлев, в который превратился изначально приличный дом Добролюбовых. Это место, где живут обеспеченные люди с хорошим вкусом. Не дача – загородный дом с хорошей мебелью, модными диванами с чехлами из некрашеного льна, жалюзи на окнах, яркими любительскими картинами и постерами на стенах. Где-то в глубине открылась и закрылась дверь, заплескалась вода.

– Я иду, иду, подождите! – сообщил им приятный грудной женский голос.

И через пять минут на террасу вплыла Мария Вадимовна Молотова в белом банном халате, полотенце-тюрбане вокруг головы и с маской из крема на лице.

Но, несмотря на весь этот камуфляж, Анфиса восторженно ойкнула и объявила:

– Это же вы! Вы в кино снимались! У Тарковского! Только по кастингу в «Солярис» тогда не прошли, но зато в других фильмах...

– Кинематограф – это сон, иллюзия. – Молотова усмехнулась, разглядывая их столь разношерстный квартет. – А вы, полиция, что-то зачастили в наши пенаты. Я уже объясняла вам: я абсолютно не знала того юношу – Дениса, фотографа, – который жил у Маргариты. Я его лишь мельком видела.

– Мы к вам по поводу дела трехлетней давности. Убийства дочери Маргариты Добролюбовой Аглаи, – сказал Гуцин.

Что-то в лице под белой маской крема изменилось. Голос пожилой дамы чуть осип, когда она сказала:

– Присядем, – указывая на плетеные кресла и диван с подушками.

– Я узнал, что именно вы утром 30 июня три года назад обнаружили в башне тело Аглаи.

– До смерти не забуду это зрелище. Она висела в петле на часах. Синяя вся. Ужас! У меня крепкие нервы, я многое повидала в жизни. Но там я чуть в обморок не упала. Стала кричать, прибежали рабочие. Вызвали сразу полицию, а я все думала – как сказать Марго...

– Нам сейчас не удалось побеседовать с Маргаритой Добролюбовой. Она в сильной степени опьянения.

– С этим уже невозможно бороться. Она хроник. Алкоголь разрушил ее. Жизнь ее поломала всю, а гибель дочери окончательно добила. Я ее жалею, стараюсь как-то поддержать. Она не заслужила такой участи. – Голос Молотовой дрогнул.

– А где отец Аглаи? Как нам его найти? Они в разводе?

– Он в могиле. Попал в ДТП десять лет назад. Справки о нем можете навести в вашем отделе полиции – он же был полицейский, правда, потом на пенсию вышел, работал охранником, тоже попивал – было дело.

– Отец Аглаи полицейский? А она сама работала в городском суде? – уточнил капитан Первоцветов.

Молотова задержала взгляд на его лице. Снова ее черты под маской крема изменились, словно смягчились.

– В суд Аглаю взяли работать именно потому, что она дочка полицейского, – пояснила она. – А ее отец... Это такая романтическая история, которая, наверное, возможна лишь здесь, на сто первом километре. Она – Марго – ведь была из высланных сюда. Из тех, кому в восьмидесятых, при Андропове, запрещено было проживать в крупных городах. Слали на сто первый километр. Здесь фабрика тогда еще работала ткацкая, прядильная. Их заставляли трудиться на фабрике, черпать пролетарскую жизнь из общественного котла, перевоспитываться трудом. А ее будущий муж – тогда еще тоже совсем молоденький милиционерик – осуществлял за ней административный надзор. И за ее подружкой Тоней – Тутси – тоже.

– Вы давно знаете их семью? – спросил Гуцин.

– Я знаю Марго почти сорок лет. Я ведь тоже из ссыльных, из сосланных на сто первый километр. Статьи разные – суть одна: запрет на въезд в крупные города, поражение в правах. Мы всего этого тогда хлебнули вместе. Правда, за мной надзор осуществлял не ее будущий муж – наивный лейтенантик-милиционер. Меня курировал товарищ из КГБ – персонаж местного разлива, некто Кучин. Он и в судьбе Марго и ее семьи сыграл свою роль.

– За что Маргариту Добролюбову тогда выслали на сто первый километр? – спросил Гуцин.

– За проституцию. Интердевочка. Ресторана «Националь» – «уголок».

– А вас? – тихо спросила Анфиса.

– За подрывную деятельность против советской власти, как диссидентку.

– За Тарковского, да?

– Нет, тогда еще не за него. В первый раз – за академика Сахарова. Мы письма писали в его поддержку, вышли как дураки на Красную площадь в пикет – «за свободные выборы и Конституцию». Думали, это что-то изменит. А потом Сахарова выслали в Горький, где он, академик с мировым именем, получил должность лаборанта и... Мы опять вышли на Красную площадь. Потому что все уже тогда нас достало.

– И вас отправили в Горьевск? – спросил Гуцин.

– Не на Колыму же, – засмеялась Молотова хрипло. – Мне так этот товарищ из КГБ Кучин и сказал тогда: чего нос повесила, сучка антисоветская? Кино твое медным тазом накрылось, но не на Колыму же тебя, не в ГУЛАГ. Они тогда, при Андропове, в силе были, ГУЛАГом уже просто бредили. Они сила – мы прах. Как и сейчас. Ничего не меняется в Датском королевстве, да? Словоблудие и пиар. И запреты. И сто первый

километр. Я познакомилась с Марго тогда же. Мы жилье вместе снимали, здесь неподалеку, в частном секторе – комнатку на троих у одной доброй местной бабы. Марго и ее подружку Тутси, Тоньку Антипову, на фабрике заставили работать. А я устроилась машинисткой в городской музей, в фонды. Фабричный цех меня миновал. Но это очень давно было. Аглая тогда еще не родилась даже. Да и вы тех темных времен «великого и могучего» не помните. Может, вы только что-то помните, вы в возрасте уже, – Молотова глянула на Гущина.

– Как же вы теперь, после всего, после ссылки, снова здесь живете? Дачу построили какую красивую, – спросил капитан Первоцветов.

– А это Горьевск, молодой человек. Это такое место. Оно не отпускает. Дачу построил мой третий муж – он у меня был известный искусствовед и занимался реставрационным бизнесом. Сама не знаю, как это случилось, но я вернулась в Горьевск. Здесь так тихо... Здесь какая-то особенная атмосфера.

– Два убийства... – капитан Первоцветов опустил глаза. – А этот Кучин вас больше не донимал?

Катю удивил этот вопрос. Он был далек от темы, их интересовавшей.

– А его убили в девяностых. Нашли в лесу с дыркой от пули в черепе. Они тогда, эти кагэбэшники, наши надзиратели, все, как тараканы, в бизнес полезли. Набивать карман, богатеть. Говорили, что это братки его пристрелили – деньги не поделили, общак. Но слухи ходили, что это он его пристрелил как собаку.

– Кто – он? – спросил Первоцветов.

– Муж Марго, ваш коллега, милиционер. Это тоже такая романтическая история – драма сквозь слезы. Кучин во времена нашей ссылки пытался Маргошу завербовать, чтобы она на меня стучала ему, поставляла информацию: кто из знакомых ко мне приезжает, не езжу ли я сама украдкой в Москву и тому подобное. Что говорю. Диссидентствую ли. А Марго его послала. И он ее изнасиловал – жестоко, без пощады. Власть свою утверждал. Они всегда этим пользовались – принуждали интердевочек давать им, угрожали и заставляли спать с ними. Тутси – Тонька Антипова – ему давала, откупалась таким образом. А Маргоша его послала на три буквы. Она любила меня, мы дружили, были как родные. Кучин ее избил и изнасиловал. Но время тогда уже иное было. Андропов сдох, тот, который у Любимова гражданство отнял, тоже сдох, настали другие времена. Я Маргошу уговорила написать на Кучина заявление в прокуратуру об изнасиловании. Она написала. А тогдашний молодой помощник прокурора Репликантов – потом он судьей стал здесь,

в Горьевске, – заявление на наших глазах порвал. Потом наша ссылка окончилась. Перестройка – ба, не ждали! Мы уехали из Горьевска. Я на годы потеряла Марго из вида. А когда мы с мужем вернулись сюда, чтобы строить нашу дачу, встретила вновь. Оказывается, тот лейтенантик-милиционерик, осуществлявший за ней административный надзор, разыскал ее. Надо же, любовь не ржавеет, да? Ах, любовь... Они поженились, и он привез ее сюда уже своей женой. У них долго не было детей. Стресс от изнасилования покалечил Марго и физически, и духовно. А потом родилась Аглая. В год ее рождения Кучина нашли с дыркой в черепе – по городским слухам, это муж Марго, ваш коллега полицейский, ему отомстил. За все. За нее. За зло. За старые грехи.

– Все это – что вы нам так подробно сейчас рассказали – могло иметь отношение к убийству Аглаи? – спросил Гуцин.

– И да, и нет. Это же Горьевск. Здесь все вперемешку. А что вы хотите – сто первый километр! Говорят, сто километров – это еще Москва. А сто первый – это уже Россия. Здесь иная жизнь. И счет здесь иной – и времени, и событиям, и грехам. Здесь ничего не забывают. А порой валят все в одну кучу.

– Какой была Аглая? Вы же ее знали с детства, да?

– Какими бывают в девятнадцать лет? Наивными, глупыми, пылкими, верящими в разные невероятные странные вещи и несбыточные желания.

– У вас есть какие-то подозрения? Кто мог ее убить?

– Не знаю. Я лишь испытываю ужас от происшедшего.

– Были обвинены в ее убийстве рабочие-мигранты.

– Это чушь.

– А почему ее повесили в башне с часами? – Гуцин выдержал паузу. – Это ведь бывшая фабрика купцов Шубниковых?

– Совершенно верно. Это городская достопримечательность. Исторический памятник Подмосковья.

«Вот сейчас он спросит ее, знает ли она что-нибудь о той старой жуткой истории об Аглае Шубниковой, убийстве ее сестры и фотографиях Елены Мрозовской, – подумала Катя. – Ну, давай же, спроси ее!»

Но Гуцин спросил о другом:

– Парень у Аглаи имелся?

– Не в курсе. Со мной она не делилась. Марго тоже ничего мне об этом не говорила.

– А ваш племянник? – Гуцин указал глазами на дверь, в глубь дома. – Он, судя по возрасту, ее ровесник?

– Он не особенно интересуется девушками. Все больше со своим

смартфоном занят, с ноутбуком, – Молотова усмехнулась.

– Но он был здесь, в Горьевске, три года назад?

– Да, я пригласила его к себе на дачу. Он готовился к экзаменам в институт. Он мне как родной. У нас с мужем не было детей.

– Тогда, три года назад, 30 июня, почему вы оказались в башне так рано? Что вы там делали?

– Я это объясняла полиции еще тогда. Там шел ремонт, они открыли старинную кладку стен, старые интерьеры фабричного цеха и башни. И впервые за много лет был открыт доступ на самый верх, к часовому механизму, который давным-давно не действует. Я всегда интересовалась историей города, и не забывайте – мой покойный муж занимался реставрационным бизнесом, писал книги по искусству. Я сейчас сотрудничаю с различными фондами, поддерживающими гражданское общество. Фонды выделяют гранты, в том числе на поддержку нашего наследия. Я хотела осмотреть башню и часовой механизм. Ведь долгие годы, с девяностых, когда фабрика развалилась и прекратила свое существование, доступ туда был закрыт. Все было захламлено, замусорено, настоящая свалка. Ремонт дал возможность оказаться внутри. А почему я рано пришла – так, опять же, ремонт: они там шлифовали стены, выламывали старые оконные переплеты. Пыль, грязь, грохот несусветный. Я пришла пораньше, еще до начала рабочего дня. Хотела все там осмотреть в тишине. Мне Саша Вакулин разрешил туда подняться. Его фирма делала на фабрике полную реконструкцию под торговый центр и офисы. Только сам он в то время в больницу угодил.

– Это мы уже выяснили, – кивнул Гуцин. – А тогда, в июне, когда вы видели Аглаю в последний раз?

– Где-то дня за два до ее гибели. Я вечером возвращалась на машине на дачу из Москвы – ездила к косметологу. И увидела Аглаю на автобусной остановке. Она вышла из машины и пошла пешком сюда, к себе домой.

– Из какой машины? – спросила Катя.

– Солидный такой внедорожник, как ваш. Большие люди сейчас на таких гоняют. Важные персоны. Водитель высадил Аглаю на остановке, далековато. Не подъехал к дому, мне тогда показалось, он не хочет, чтобы соседи заметили. Здесь народ любопытный и языкастый.

– Кто бы это мог быть? – Катя вносила свою лепту в допрос.

– Понятия не имею. – Молотова ей светски улыбнулась. – Важные персоны гоняют на «Гелендвагенах».

– Это была машина этой марки?

– Нет. Я запомнила лишь внедорожник черного цвета. Я давно за

рулем, но знаете, все эти фишки с моделями как-то не секу.

Глава 19

Аплазия

– Что там в заключении судебно-медицинской экспертизы о телесных повреждениях Аглаи Добролюбовой? – спросил полковник Гущин у Кати в машине, когда они покидали тупик Труда.

Катя нашла среди документов дела заключение патологоанатома.

– Гематомы лица, повреждение переносицы, гематомы в области левого виска, ссадины на левой скуле. Гематомы на левой ключице и предплечье.

– А что насчет признаков изнасилования?

Катя внимательно читала дальше.

– Внешних признаков полового насилия не обнаружено – ни синяков на ляжках, ни травм половых органов, ни разрывов тканей.

– Но ведь белье отсутствовало, даже трусы!

– Из одежды – сарафан, кофта и вьетнамки. – Катя заглянула в протокол осмотра трупа, затем вернулась к заключению медэкспертизы. – Здесь написано – аплазия. Врожденное отсутствие у Аглаи девственной плевы.

– А такое разве бывает? – спросил Первоцветов.

– Здесь приложена выписка из ее медкарты, диспансеризация у гинеколога. Аплазия. – Катя читала выводы эксперта. – Ввиду этой врожденной особенности она никогда не была девственницей.

– Ей девятнадцать, не несовершеннолетка же, – хмыкнул Гущин. – Это та, другая была...

Он осекся. И Катя отметила: снова оговорка по Фрейду. Анфиса переглянулась с Первоцветовым – их тоже это поразило.

– Надо осмотреть то помещение в Башне с часами, где ее нашли, – Гущин обратился к Первоцветову. – Как бы это устроить прямо сейчас?

– Сейчас никак невозможно. Воскресенье, – ответил капитан. – Надо обращаться в отдел культуры при городской администрации. Это возможно только завтра. Сегодня мы никого не найдем.

– Тогда, Борис, займитесь этим завтра прямо с утра, – распорядился Гущин. – И надо что-то сделать, чтобы мать Аглаи протрезвела. Нам необходимо расспросить ее.

– Запой – дело тонкое, Федор Матвеевич, – изрекла Анфиса с видом знатока.

Наступил вечер, стемнело. Они проголодались. И в голове как-то все

перемешалось. Кате хотелось на время прекратить эту гонку по Горьевску от свидетеля к свидетелю. Первоцветов предложил пообедать – или, возможно, уже поужинать в местной пиццерии.

В кафе Катя отметила еще одну странность – по поводу Гущина. Он практически ничего не ел, когда они сидели за столом. Катя и Анфиса умяли полторы пиццы, а он лишь поковырял в своей тарелке вилкой. Полный Гущин любил поесть и обычно не отказывал себе в таких маленьких радостях, как сытный ужин, даже во время самых сложных и страшных дел. А тут в кафе он лишь молча пил горячий имбирный чай, чашка за чашкой, и о чем-то думал. О чем-то о своем.

Капитан Первоцветов от пиццы тоже отказался. В кафе практиковали смешанное меню, и он выбрал Восток – заказал себе чашку жареного риса с овощами и зеленый чай. И все.

Катя на их фоне ощущала себя какой-то обжорой. Но ела с аппетитом и старалась изгнать из головы ужасные образы – той Аглаи и другой Аглаи.

После ужина Гущин взял два тома уголовных дел и поехал в ОВД – читать и вникать во все лично. Катю и Анфису он отвез в отель. При этом настоятельно посоветовал Анфисе завтра утром вернуться в Москву.

– Я не поеду, Федор Матвеевич, – отрезала она. – Вы можете в расследование меня не посвящать, как хотите. Я заставить вас не могу. Но и вы не можете меня заставить уехать отсюда – вот так взять и все бросить, когда Денис убит, когда такие дела, мои фото и еще одно убийство – повешение на башне. Я Башню с часами тоже намерена изучить как фотограф. Сфотографировать все там завтра. Можете гнать меня вшаей, – она обидчиво надулась. – Я не уеду из Горьевска.

– Я вас не гоню. Просто я хочу вас уберечь. Вы не полицейский. Чего ради вы станете...

– Уберечь от чего? – Анфиса удивленно воззрилась на Гущина.

Но он не ответил. Лицо его было мрачным и печальным. И Катя снова терялась в догадках: да что же это с шефом полиции?

В отеле она сразу поднялась к себе в номер. Анфиса задержалась в маленьком холле, где по утрам накрывали постояльцам континентальный завтрак. Капитан Первоцветов тоже не торопился в ОВД вслед за Гущиным. Анфиса заказала кофе – в холле работала кофемашина – и села за столик. Капитан Первоцветов от кофе отказался, как и от пиццы, но сел напротив.

Они о чем-то негромко разговаривали. Катя, направляясь к лестнице, услышала лишь обрывки: «Меня тоже поразило это совпадение имен...» – и потом: «Они тогда жили здесь, в Горьевске, сами по себе, без нынешней оглядки на Москву – производство здесь, их фабрика, их особняки здесь,

музей основали. Это было родовое гнездо. Они благоустраивали город. А потом вдруг все исчезло – остался лишь сто первый километр...»

Катя приняла душ, нырнула в кровать, уже начала дремать – Анфиса все не приходила. Катя вяло размышляла о ней и капитане Первоцветове. Ну да, капитан, капитан, улыбнитесь...

Сколько раз уже на ее памяти Анфиса пыталась как-то зацепиться за эту самую личную жизнь, наладить что-то. В прошлом даже имелся некто подобный капитану Первоцветову – только не такой задумчивый, словно рыцарь печального образа, а, наоборот, из «крутых», ну просто «герой». Тоже сотрудник полиции. Катя сама была причастна к этому знакомству подруги с коллегой по профессии. И даже какое-то время надеялась, что все закончится счастливой свадьбой. Разбитному коллеге нравились поначалу пышные формы Анфисы, он просто шалел от любви – и такое было. А затем все как-то скукожилось. Интеллект Анфисы – ее острый ум, талант, насмешливость, независимость характера, пылкость и смелость – все, что так любила и ценила в ней Катя, стало «героя» поначалу напрягать, а затем и раздражать. Появились какие-то кекелки-блондинки-разлучницы, неночевки дома, частые отлучки в командировки. А потом они расстались.

Анфиса плакала горько-горько. Она любила поганца. А Катя готова была разорвать его на куски. Но что можно сделать с разбитым сердцем? С угасшей любовью?

Она не хотела, чтобы здесь, в Горьевске, Анфиса снова увлеклась – мол, любовь зла, а одиночество еще злее. На ее взгляд, капитан Первоцветов абсолютно не подходил Анфисе. Катя не могла сказать, что он ей антипатичен, но было в нем что-то очень закрытое. А закрытость ее всегда настораживала. Здесь же, в Горьевске, закрытость и отчужденность просто пугали.

Проснувшись уже глубокой ночью, Катя обнаружила Анфису сладко сопящей рядом с собой в их общей широкой кровати.

Осенняя голодная луна светила сквозь незашторенное окно. Катя смотрела на лунное пятно.

В какой-то момент ей остро, до боли захотелось уехать – из этого отеля, из этого города, подальше от...

Башня с часами...

Там она висела...

В петле...

В следующую минуту она уже спала. И не видела снов.

Глава 20

Башня с часами

Башня с часами поразила Катю и снаружи, и внутри. Одно дело – видеть ее издали, на фоне других городских зданий, и совсем иное – приблизиться к ней и разглядеть во всех деталях. В это пасмурное утро понедельника, при накапывающем дожде и свинцовых небесах, Катя получила полное представление об этой городской достопримечательности – по крайней мере так ей тогда казалось.

Как же она ошибалась...

Разрешения от городских властей на внутренний осмотр фабричных помещений они ждали все утро в ОВД. Капитан Первоцветов отправился улаживать этот вопрос и добывать ключи. Он звонил Гущину из городской администрации дважды: ключи полиции отдавать отказывались, ссылаясь на какие-то прежние «инструкции». Этот вопрос находился в личной компетенции замглавы Андрея Казанского – а тот уехал в Москву на совещание. Первоцветов по телефону жаловался, что все как-то «тянут резину», не желая решать этот, в общем-то, простейший вопрос без Казанского, который на звонки не отвечал.

Волокита закончилась лишь к одиннадцати часам, когда Первоцветов все же отыскал ответственного за хранение ключей чиновника в городском отделе культуры, и тот согласился открыть им фабричные помещения и сопроводить в башню.

С чиновником они встретились уже на месте. Полковник Гуцин прихватил с собой том уголовного дела с фототаблицей и протоколом осмотра места происшествия. Анфиса была увешана двумя фотокамерами Nikon с широкоугольными объективами, которые она так любила при съемке памятников архитектуры. Одна Катя шла в башню с пустыми руками и сумбуром в голове.

Но главная достопримечательность Горьевска вблизи вызвала у нее восхищение. Весь комплекс фабричных зданий выглядел как новый, так аккуратно и стильно: карминные стены старинного кирпича, тщательно отреставрированные и покрашенные, обрамленные по углам белым. И даже новые стеклопакеты казались сейчас не каким-то пошлым новоделом, нет, они добавляли в дизайн новизны и одновременно намекали на старинное происхождение башни «от англичан» – высокие окна с переплетами сеткой в шесть квадратов. Белое на темно-красном в сочетании с верхом башни, где белое преобладало. Часы особенно четко выделялись на этом фоне. Циферблатов было несколько – по сторонам башни. Белый круг, казалось, светился даже в пелене осеннего дождя. Черные стрелки опущены вниз, стоят на той самой отметке в двадцать минут четвертого.

Башню венчал темный шпиль в виде округлой пирамиды. Наверху, над часами, была устроена смотровая площадка с оградой. Там располагались прожекторы ночной подсветки – они выглядели ультрасовременными.

Чиновник из отдела культуры, приехавший с Первоцветовым, повел их мимо фабричного корпуса к дверям – в башню можно было попасть лишь через фабрику.

Анфиса отстала. Она с упоением снимала и кричала Кате: «Подержи надо мной зонт!» Боялась, что дождь испортит камеры.

Но Катя следовала за Гущиным как нитка за иголкой.

Внутри фабричный корпус выглядел слишком ново и чисто. Все здесь было переоборудовано ремонтом и подготовлено для коммерции. Просторный торговый зал, галерея наверху, лестницы, отделанные камнем. Только стеклянных лифтов не хватало! Катя пыталась вычислить высоту башни – корпуса имели по четыре этажа, причем потолки были очень высокие. А в башне, если считать со шпилем – никак не менее девяти этажей. Часы же располагались примерно на уровне восьмого.

Они шли по пустынному помещению, шаги гулко отдавались в тишине. Внутри фабрики до сих пор пахло ремонтом. Трудно было представить себе, что здесь когда-то стояли громоздкие ткацкие и прядильные станки, сновали работяги. Но еще труднее отчего-то было представить это место обиталищем «белых воротничков», яппи. Да и какие яппи в Горьевске?

– Размахнулись широко с ремонтом и реставрацией, – констатировал Гущин. – Только это не Москва. Какие фирмы поедут на сто первый километр, какие брокеры?

Чиновник молча повел их к лестнице, и они начали свое восхождение вверх, к часам.

– Значит, внутрь башни можно попасть только так, это единственный вход? – спрашивал провожатого Гущин.

Чиновник кивал.

Катя вспоминала фотографии Аглаи Добролюбовой. Ее избили, скорее всего оглушили. А затем убийца потащил ее на седьмой этаж. Сильный, должно быть, человек. Правда, он мог что-нибудь использовать – взять, например, брезент, это же стройка... И соорудить что-то типа волокуши. Волочь тело, а не тащить на себе. Это намного легче. Хотя седьмой этаж...

Она запыхалась от быстрого подъема.

Анфиса догнала их. И теперь ползла следом, беспрестанно фотографируя. Чиновник несколько раз неодобрительно оглядывался на нее, но молчал. Это же не музей, где фотосъемка запрещена. Он

воспринимал Анфису тоже как полицейского – только с фотокамерами. А она не опровергала.

В башне помещения явно предназначались под офисы – с английскими окнами. Лестница здесь была намного у́же.

И вот они попали в помещение часов, где окна отсутствовали вовсе. Чиновник щелкнул выключателем, и вспыхнул электрический свет.

Катя озиралась по сторонам. О, здесь реставрация шла совершенно иным путем. Никаких новомодных панелей обшивки, как в фабричном корпусе, никакого ламината. Пол из темно-красного кирпича, такие же стены. Потолок не менее пяти метров. И в самом верху располагался часовой механизм.

Катя задрала голову. Когда-то ржавые, но теперь тщательно отчищенные металлические детали – зубчатые колеса, что-то похожее на валики, трубы, длинные штыри. Некоторые, похоже, и ржавчиной задеты не были, несмотря на возраст, потому что их изготовили из меди. Она тускло блестела в электрическом свете.

– Грандиозно! – восхитилась Анфиса.

Здесь она висела в петле – подумала Катя и... наткнулась на взгляд капитана Первоцветова.

Он выглядел больным. Так, словно у него начинался грипп. Катя заметила, еще когда они поднимались: он подолгу зависал возле каждого окна в башне и смотрел вниз. А здесь, наверху, он едва взглянул на часовой механизм и тут же начал изучать каменный пол под ногами.

А вот Гуцин повел себя так же, как и в той замурованной комнате. Он двинулся по периметру помещения, касаясь стен. Затем вышел на середину и уставился вверх, на часовой механизм.

– Давность смерти на момент ее обнаружения составляла восемь часов, – сообщил он. – Ее нашли в четверть девятого утра. Значит, она была убита где-то около полуночи, плюс-минус минут пятнадцать. Полночь...

– Когда бальное платье превращается в лохмотья, а парадная карета в тыкву, когда бьют часы...

– Что? – Гуцин оглянулся на сказавшего это капитана Первоцветова.

– Сказка. Колдовской час.

Камера Анфисы издавала почти живые звуки, точно разумное существо, снимающее и одновременно изучающее незнакомый вид и ландшафт.

– Часы стоят, – произнесла она. – Ох, какое же все тут... Класс! А зубчики на колесах! И все такое большое, массивное!

Полковник Гуцин открыл фототаблицу в томе и начал сверяться с

фотографиями места происшествия.

– Здесь, это было здесь, – он ткнул куда-то вверх, в глубь механики. – Высоко. Ну да, здесь же стремянку нашли. Все равно надо было забраться почти на самый ее верх, чтобы веревку перекинуть через эту медную балку и закрепить... И следы крови...

– На полу, – подсказала Катя. – Рядом с упавшей стремянкой. Она, наверное, ее толкнула в агонии.

– Кровь и на медных трубах была обнаружена. – Гуцин постучал пальцем по фототаблице. – Наверху, в самом механизме.

Катя задрала голову, рассматривая.

– Убийца же ее бил перед тем, как повесить. Испачкался.

– Да. – Гуцин глядел на часовой механизм.

В этот момент Анфиса не удержалась и сфотографировала его на фоне внутренностей часов. А затем их всех.

– Три года прошло, – сказала она. – Но здесь до сих пор как-то странно пахнет. Не чувствуете?

– Нет вентиляции, наверное. – Гуцин закрыл том дела. – Чтобы влага часы не портила. Часы всегда влаги внутри боятся. Тело провисело здесь почти девять часов. И потом, когда шел осмотр... Его же не сразу убрали.

– Федор Матвеевич, а одна деталь не совпадает с тем, что я читала в осмотре, – заметила Катя.

– Какая деталь?

– Внутренняя дверь, ведущая с нижних этажей башни сюда, в помещение часового механизма. В протоколе осмотра про нее написано. Тогда, на момент убийства Аглаи Добролюбовой, она была открыта и не имела замка. Свободный доступ. А сейчас ее нет вообще, – Катя показала на дверной проем, ведущий на лестницу.

– Сняли, наверное, – сказал Гуцин. – Хотя по идее дверь здесь должна быть. И, наверное, всегда была. Это же автономное закрытое помещение, здесь механика. Хоть и старинная.

– Казанский распорядился год назад эту дверь ликвидировать. Когда на смотровой площадке установили подсветку, – скрипучим голосом известил их чиновник отдела культуры. – МЧС требования противопожарные предъявляло при установке. Там же силовые электрические кабели. Нельзя, чтобы верхнее помещение было наглухо на замке. Они не давали разрешения на установку подсветки. А город хотел сделать наш памятник архитектуры освещенным по ночам.

Анфиса начала спускаться на нижний этаж. Через минуту она уже снимала из окна виды, дали.

Серое свинцовое небо, черные поля, леса с облетевшей листвой. Мокрый и стылый пейзаж.

– А окно здесь как открывается? Поднимается, что ли, скользит, совсем по-английски? – громко спросила она. – Мне надо снимки сделать не через стекло.

Капитан Первоцветов спустился за ней следом. Не ответил, лишь встал прямо у нее за спиной.

Глава 21

Латынь

11 апреля 1903 года. 21.15

Они сидели в большой столовой, отделанной дубом, за столом, рассчитанным на двенадцать персон. Когда-то здесь, в доме с башнями, Шубниковы устраивали знатные приемы, но это время безвозвратно ушло. И теперь лишь вычурные бронзовые канделябры арт-деко напоминали о былом великолепии.

Елена Мрозовская по-прежнему не хотела есть, кусок не лез в горло. Но Игорь Бахметьев «покорнейше пригласил ее отужинать» с ним, и она согласилась. И в этом она не могла ему отказать! Она вспоминала, как он целовал ее руки, и щеки ее розовели. Сидя в ярко освещенной столовой напротив него, она все еще переживала тот момент – он просил ее остаться и помочь. И вот она снова с ним. Наедине.

Они были на грани поцелуя там, в комнате...

А здесь – холодная ветчина, холодный ростбиф, вино, которое Бахметьев разливал по бокалам сам, отослав лакея.

Они почти не разговаривали за ужином. Бахметьев переоделся, сняв запачканные кровью несчастного инженера пиджак и рубашку. Под глазами его залегли тени, скулы обозначились резче. Елена Мрозовская вспоминала, как непринужденны были поначалу обеды в этой дубовой столовой с китайскими вазами на буфете, когда она только приехала сюда к ним, к Шубниковым, полтора года назад. Тогда подавали кулебяки и расстегаи и отличное жаркое. Сестры Прасковья и Аглая ели с аппетитом – они обе любили мясо...

– Игорь Святославович, лакей прибежал оттуда, вас спрашивает срочно, – в столовую вдруг, постучав, заглянула испуганная горничная. – Пустить его?

Следом ввалился лакей – тот самый, которого послали помогать сиделкам в доме у реки.

– Что еще? – тихо спросил Игорь Бахметьев.

– Нехорошее что-то, – лакей был бледен как полотно. – Уж мы и не знаем. Только это... того... чудное. Вам бы самому поехать взглянуть, ваше благородие.

Игорь Бахметьев глянул в темное окно столовой. Ночь. И поднялся.

– Я с вами, – сказала Елена Мрозовская. – Я возьму пресс-камеру.

У черного хода особняка их ждала пролетка. На козлах восседал все тот же кучер Петруша. Он не выказывал признаков беспокойства и страха, когда Бахметьев приказал ему ехать ночью в Дом у реки и сопровождать их внутрь. Мрозовская обратила внимание, что кучер Петруша крепок и силен физически, хотя еще очень-очень молод. Видно, на труса-лакея Бахметьев уже не надеялся.

В Доме у реки, когда они домчали до него по темному городу, тускло светились лишь два окна. Войдя, Елена Мрозовская сразу попросила зажечь дополнительные керосиновые лампы. С такой тьмой не справились бы никакие светочувствительные пластины самой последней модели «Кодак».

Их, как и утром, встретили обе сиделки и юная горничная, которая чуть не плакала от страха.

– Что еще случилось? – процедил Игорь Бахметьев.

– Нам пришлось отвязать ее от кресла, – доложила сиделка. – Она сделала под себя по-большому. И нам пришлось отвязать ее, чтобы убрать.

Кресло с ремнями стояло у шкафа с лекарствами. Оно было сырым от мытья горячей водой.

– Ухаживать за ней – ваша работа. Зачем вы нас позвали так поздно ночью?

– Я не знаю... Мы растерялись... испугались. После того как она напала на него... Она стала такой тихой. И вела себя смирно, когда мы ее отвязали. Но сейчас... Вы послушайте, взгляните сами!

Сиделка подвела их к запертой двери узилища Аглаи. Приложила палец к губам.

Стало очень тихо в Доме у реки. И в этой тишине Елена Мрозовская внезапно услышала голоса. Два голоса – они разговаривали. И ни один из них Аглае не принадлежал. Один голос – очень низкий, сиплый. Вроде даже как старческий. Второй – более высокий, резкий. Мужские голоса. Они вели оживленную беседу. И Елена Мрозовская не понимала ни слова.

– Там никого, кроме нее, – прошептала сиделка. – Мы смотрели в глазок. Она одна. И она... что она делает, мы не знаем. Только по голосам там двое, слышите? И это не она, это кто-то другой.

В крепкой двери, словно в тюремной камере, оказывается, был

просверлен глазок. Но фотографировать через него было невозможно. Да видно, и подглядывать за сестрой своей невесты Игорь Бахметьев считал ниже своего достоинства.

– Откройте, – приказал он.

Кучер Петруша встал сбоку от двери. В кулаке он сжимал кнут. Бахметьев покачал головой, и тот отложил кнут на банкетку. Но приготовился дать отпор, если что.

Елена Мрозовская быстро установила свою пресс-камеру на треноге. Она ощущала сильное головокружение. Заскрежетали замки и засовы, двери комнаты Аглаи распахнулись.

Голоса моментально смолкли.

В нос ударил тяжелый запах экскрементов.

Комната была тускло освещена. Елена Мрозовская подумала: как же это они оставляют ей свет на ночь – керосинку или свечи, не боятся пожара? А потом увидела керосиновую лампу под самым потолком, в металлической клетке для канареек. Это было такое абсурдное зрелище, что она едва не упустила самое главное, глядя на эту клетку и лампу.

Аглая Шубникова стояла прямо перед дверью. И рядом с ней кто-то был. Так в первый миг показалось Мрозовской, припавшей к своей камере на треноге. А затем через объектив она увидела рядом с Аглаей манекен.

Ее комната ведь была набита нарядами, и не все они хранились в огромном шкафу из бывшей гардеробной. Портновский манекен попал сюда оттуда же. На нем когда-то портниха-модистка подшивала парижские платья Прасковьи. Манекен из дуба сейчас был раскрашен. В свете керосиновой лампы через объектив Елена Мрозовская видела на его голове-болванке намалеванные алыми румянами глаза-дырки и алый огромный рот. В центре его в дерево с силой всадили карандаш и повесили на него жемчужный браслет. Тот самый, который Мрозовская еще утром заметила на полу среди шляпок. Манекен словно держал жемчуга во рту. Или то были белые зубы... Он хищно улыбался гостям. Его венчала парижская шляпка с цветами и вуалеткой. Из одежды – лишь кое-как зашнурованный корсет. Юбка отсутствовала.

Мрозовская вспомнила давнюю горячую сцену в зимнем саду, в стеклянной галерее, когда Игорь Бахметьев и Прасковья любили друг друга так страстно. Там ведь тоже был лишь корсет...

Аглая стояла рядом с манекеном, положив ему руку на «плечо» – спиной к ним.

– Открываю и закрываю. Это просто. Лишь надо отдать.

Голос ее звучал глухо. Но это был ее голос. Совершенно не похожий на

те два, что они слышали за запертой дверью.

– Аглая, что ты делаешь? – спросил Игорь Бахметьев.

В ночи часы на фабричной башне пробили полночь. Башенные колокола... Гул накрыл собой и город, и речку, и дом на ее берегу.

Аглая медленно повернулась на звук – то ли башенных часов, то ли его голоса.

Елена Мрозовская сделала снимок: она... размалеванный манекен... браслет в его пасти... Карикатура на убитую сестру? И... ее рот. Вокруг губ все было черно от запекшейся, засохшей крови инженера Найденова, которую она не стерла и не слизала.

– Quod quaeris? ^[2]

– Аглая, я... я ничего не хочу. Что ты делаешь?!

– Faciam impleat ^[3].

Голос Бахметьева дрожал. А ее звучал уверенно. Даже нежно, призывно.

– Время живет. – Аглая повела рукой, словно указывая на звуки башенных часов, которые затихали в апрельской ночи. – Время умирает. Сейчас – время. Время – это я.

Она словно ждала, что он ответит. Но Игорь Бахметьев молчал. Тогда она улыбнулась и снова сделала быстрый смазанный жест. Вроде легонько толкнула манекен в корсете и шляпке. Вроде очень легко.

Тяжелый дубовый манекен с грохотом отлетел к противоположной стене.

Кучер Петруша ринулся вперед и заслонил собой Бахметьева и прильнувшую к камере на треноге Мрозовскую. Но Аглая снова повернулась к ним спиной, легкой походкой заскользила по комнате и уселась на диван, свернулась, как кошка, в углу, подтянув к подбородку острые колени.

Мрозовская сделала еще один снимок. Ее лицо... Взгляд, устремленный на них. Там было что-то странное, дикое.

Сиделка захлопнула дверь. Заперла ее на все замки и засовы.

– Это не припадок, – сказал Игорь Бахметьев. – Она просто... оригинальничает. Завтра утром уберите оттуда манекен. Чтобы его там не было. И браслет заберите. Это ее матери. Он дорогой.

На обратном пути они молчали в пролетке довольно долго.

– Что это было? – не выдержала наконец Елена Мрозовская. – Я все сфотографировала, но ничего не поняла.

– У нее сейчас ничего вообще не поймешь. Она же сумасшедшая. Но

она не была сейчас агрессивной – это уже хорошо.

– Язык, на котором она говорила...

– Латынь. – Он устало потер лицо ладонью.

– Она знает латынь? Гувернантка учила ее латыни вместе с французским?

– Гувернантка не учила, она сама учила, по учебнику. Я сам слышал однажды, как она просила фон Иствуда заказать для нее по почте из Москвы гимназический учебник и книжку «По-латыни между прочим». Она способна к языкам. А вы что подумали, Елена Лукинична?

– Ничего. Просто мне и это показалось странным. Латынь в ее устах.

– Она учила латынь самостоятельно. А это несложные фразы. Вы что-то подумали, но не хотите мне сказать.

– А голоса, которые мы слышали? Мужские?

– Она безумна. Почти все сумасшедшие слышат голоса. И порой разговаривают с разной интонацией. Это болезнь.

– Она что-то говорила о «времени». И о том, что исполнит... Что исполнит?

– Я не знаю, – он отвернулся.

Была уже глубокая ночь, когда они вернулись в Дом с башнями. Елена Мрозовская сразу же направилась в фотолабораторию. Она до крайности устала, но ей не терпелось проявить снимки того, что она видела только что.

И там, в фотолаборатории, перед тем как погрузить ее в полный мрак, она сделала для себя еще одно тревожное открытие.

Возможно, потому, что сейчас все ее чувства обострились и она подмечала малейшие штрихи, детали.

Пятна от химикатов на дубовых полках фотолаборатории... Она взглянула на них по-новому. Полтора года назад, когда она приехала снимать свадьбу, управляющий фон Иствуд сказал, что для нее подготовлена эта комната – лаборатория в башенке особняка – маленькая, но оснащенная всем необходимым. И она особо не приглядывалась – ни к стеллажам, ни к пятнам. После убийства Прасковьи она очень быстро покинула Горьевск. Но сейчас...

Даже без электрического света, который она погасила, в свете керосиновой лампы с выкрашенным в красный цвет стеклом она заметила эти пятна. И они выглядели очень старыми. Химикаты въелись в дерево, которое вокруг пятен даже изменило свой темный цвет. Сама Елена Мрозовская в прошлый раз этих пятен оставить не могла – она работала за столом с проявителем. Да и сами стеллажи... Это мебель старая, добротная.

И она уже служила кому-то.

Этой комнатой-лабораторией пользовались раньше. Именно поэтому и фотопластины в доме имелись, которые Игорь Бахметьев отдал ей в прошлый раз, чтобы она попыталась сделать с них фотографии. И она сделала. А сейчас поняла: пластины-негативы не просто хранились в архиве. В доме Шубниковых и раньше, много лет назад, увлекались фотографированием. Когда еще техника была довольно примитивной.

Она возилась с проявителем, позабыв о времени. А когда покинула лабораторию, поняла, что слуги давно легли спать. Час был совсем поздний. Но в зимнем саду горел свет. И пахло оттуда гаванской сигарой.

Она направилась к стеклянной галерее – той самой. Игорь Бахметьев – без пиджака, в одной крахмальной рубашке с засученными до локтей рукавами, без галстука – вышел на звук ее шагов.

– Вы закончили? – спросил он.

– Через час все будет готово. Можно смотреть.

– Вы устали, Елена. Вам надо отдохнуть.

– Фотолаборатория... Ею ведь кто-то пользовался раньше, задолго до меня?

Игорь Бахметьев выпустил дым кольцами.

– Фотопластины, что вы отдали мне в прошлый раз, были старые, низкого качества, – она подошла к нему близко. – Кто фотографировал на них?

– Одно фото сделал я.

– Вы?

– Глафира... Она уселась среди цветов. Я просто сделал фото, ткнул пальцем, куда надо в фотоаппарате. Я не умею фотографировать. Она меня попросила. Это было очень давно. Мамонт в тот день завалил ее цветами, когда узнал, что она ждет ребенка, первенца.

– А остальные фото делал Мамонт Шубников? Он снимал свою жену?

– Нет. Он был далек от всего этого. Сначала он не придавал этому значения. Относился как к причуде, капризу. Потом это стало для него проблемой.

– Я не понимаю вас, Игорь.

– Стало его пугать. – Игорь Бахметьев снова взял Елену Мрозовскую за руку. – Он не фотографировал.

– А кто? Кто делал снимки? Его брат Савва?

– Савва порой забывал, какой сегодня день и что на дворе – лето или зима. – Бахметьев криво усмехнулся. – Вы не видели его, Елена, а я видел. В некоторые моменты он не узнавал ни отца, ни брата. Конечно, были и

светлые минуты... Но они быстро заканчивались, и он снова становился невменяемым. Он родился с заячьей губой, с кривыми ногами, горбатый. Но и ум его был затронут недугом. Видимо, это у них в роду. В этом отношении болезнь Аглаи показательна. И объяснима.

– Если Савва был болен, Мамонт чурался фотографирования, а вы им тоже не занимались, тогда кто же снимал?

– Она.

– Она? Вы хотите сказать...

– Глафира.

– Но как же это...

– Вам обидно, что не вы – первая женщина-фотограф? – он снова как-то болезненно усмехнулся. – Возможно, навыки фотографии она получила в Париже, как и вы. Но вы там усердно учились, постигали ремесло. А она проводила время – вроде весело после смерти отца и матери, тратила деньги без счета. Однако не любила нам об этом рассказывать. Даже Мамонту. Мы были так молоды тогда. Наивные дураки. А Глафира была старше. Она всегда знала, что она хочет. И у нее был острый ум, как у вас. Возможно, она в своем любопытстве докопалась до вещей, до которых не следовало докапываться. Но это было давно, более двадцати лет назад. И возможно, все это чушь. Она попросила выписать и доставить из Москвы фотоаппарат – тогда они уже широко вошли в моду – и все необходимое для изготовления снимков, когда узнала, что она беременна. И Мамонт с радостью исполнил ее каприз. Тогда я и сделал тот ее снимок – она сама все подготовила и уселась среди цветов. А я ее, как у вас говорят, «щелкнул». Вспышка!

– А другие снимки она делала сама, лично? Тот, с ретушью и комбинацией кадра, где она якобы летает, левитирует?

– Она готовила фотоаппарат. Там же у вас можно как-то замедлить вспышку. И фотографировала сама себя. Но я не специалист. Это вы знаете все технические аспекты. Мне известно лишь, что после рождения Прасковьи она как-то сразу потеряла интерес к фотографии. Было не до того, наверное, первенец... Забот у молодой матери хватало. Но ее занятия фотографией возобновились, когда она опять забеременела. И когда родилась Аглая. Она даже снимала ее. Мне Мамонт рассказывал.

– И где же эти фото?

Не выпуская ее руки из своей, он повел ее через зимний сад во флигель, в котором Елена Мрозовская никогда прежде не бывала. Там располагались фабричная контора, техническая библиотека и кабинет Мамонта Шубникова. По пути Бахметьев зажигал электричество, и они

шествовали среди ярких огней.

Игорь Бахметьев вошел в кабинет своего покойного друга. Елена Мрозовская сразу поняла – здесь ничего не менялось в обстановке с того самого дня, когда...

Бахметьев достал из кармана брюк ключи и открыл несгораемый английский сейф. Долго искал там что-то.

Елене Мрозовской стало неприятно. Вот они бродят, словно тени, и одновременно – словно незваные гости по дому, который разом лишился своих прежних хозяев. Осиротевшему дому, полному трагедий и тайн. Конечно, у Игоря Бахметьева есть законное право как у опекуна распоряжаться здесь всем. Но рыться в сейфе приятеля, который четырнадцать лет назад в этом самом кожаном кресле у стола из охотничьего ружья выбил себе мозги...

Игорь Бахметьев извлек из сейфа тяжелую картонную коробку. Поставил ее на стол.

– Это тоже фотопластины. Я их лишь недавно обнаружил. Мамонт хранил их здесь, в сейфе, под замком. Попробуйте сделать снимки.

– Займусь, как только в лаборатории можно будет снова зажечь свет.

– Лучше завтра утром.

– Нет, сегодня. Я все равно не усну.

Он подошел к ней вплотную.

– Елена Лукинична... Лена, вы столько делаете для нас... для меня...

Он взял ее за обе руки. Крепко, слишком крепко сжал ее кисти в своих и притянул ее к себе. Его зрачки стали темными. Елена Мрозовская не могла оторвать взора от его глаз, в которых так ясно читалось, чего он хочет...

– Игорь, Игорь... А Мамонт...

– Что Мамонт? – он наклонился к ней. К ее губам.

– Я расспросила о Шубниковых. Мне рассказали эту ужасную историю.

– Наводили справки в Петербурге? – он сразу отстранился.

И Мрозовской стало горько. Захотелось, чтобы он снова был рядом, но... слова уже слетели с ее губ!

– В Москве. Сразу, как вернулась из Горьевска. Я была перепугана. Поймите... это убийство... А в Москве мне раскрыли всю подноготную Шубниковых. Об отравлении Саввы ядом. О том, что Глафира по трагической случайности тоже выпила тот яд, как королева Гертруда в «Гамлете». Но я...

– Что, Елена? – Он отпустил ее.

– Я как-то не верю. В голове не укладывается. Сказали – все произошло из-за денег, чтобы единолично распоряжаться капиталом, наследством. Но Мамонт – он же и так всем занимался здесь, на фабрике. И он ваш друг, ваш близкий друг. Он был прекрасно образован, интеллигентен. Как он мог пойти на хладнокровное убийство душевнобольного брата? Который и так... вы же сами сказали, был невменяем, не мог ни в чем конкурировать?

Игорь Бахметьев засунул руки в карманы брюк.

– Что произошло на самом деле? – тихо спросила Мрозовская.

– Я не знаю. И никто не знает.

– Но... он же был ваш товарищ. Друг детства. Неужели вы...

– Что я? Чего вы от меня добиваетесь?

– Неужели у вас нет никаких догадок? Предположений? Что случилось с ними в этом доме? Как все было – так, как рассказывает молва, или иначе?

Он не ответил. Он так долго молчал, что она почувствовала себе лишней. Чужой. Глупой. Навязчивой. Нежеланной.

Она повернулась и пошла прочь от него – коридором, ведущим назад из флигеля в апартаменты, через зимний сад, через галерею.

Там, в зимнем саду, у пальмы, среди увядших орхидей Игорь Бахметьев догнал ее.

Глава 22

Браслет

Спустившись с башни, Катя решила позвонить своему шефу – начальнику пресс-службы – и сообщить ему, что она в Горьевске с полковником Гуциным, раскрывающим убийство, из которого, кажется, может получиться отличный репортаж. В общем-то она храбрилась – странным образом комната без окон наверху башни, где застыл в безмолвии часовой механизм, бесстыдно обнаживший свои механические внутренности, среди которых когда-то висела в петле *та, другая Аглая*, подействовала на нее угнетающе.

Она постоянно возвращалась мыслями к одному вопросу: зачем убийца сделал это? Для чего приложил столько усилий, чтобы притащить тело наверх башни, рискуя быть замеченным рабочими? Ведь многие рабочие-мигранты спали прямо в фабричных корпусах. Убийце просто повезло, что его никто не видел в ту ночь – в уголовном деле присутствовали протоколы допросов всех занятых в стройке. Никто ничего не видел и не слышал до тех пор, пока Мария Молотова, поднявшаяся на

башню для своей ранней экскурсии, не начала кричать, призывая на помощь.

Катя спрашивала себя: для чего все было сделано? Какую цель преследовал убийца, повесив девушку внутри часов?

Она видела: с Гущиным на эту тему говорить пока бесполезно, он наверняка сам задавал себе тот же вопрос. Но обсуждать эту тему не хотел.

Анфиса с упоением фотографировала башню снаружи. Она всучила капитану Первоцветову зонт, и тот джентльменски следовал за ней – они скрылись за углом башни.

Катя достала мобильный, проверила, есть ли сигнал, начала набирать номер шефа пресс-центра...

И тут увидела одинокого велосипедиста – он подъехал со стороны дороги, спешил и, казалось, наблюдал за ними издали. Это был Макар, племянник Молотовой. Заметив, что его засекли, он сел на свой велосипед и...

– Эй, подождите! – Катя ринулась за ним. – Постойте! Да остановитесь же!

Закралась мысль: уж не послала ли пожилая дама – бывшая киноактриса – своего юнца, чтобы проследить за ними? Но Катя тут же возразила себе: откуда она могла знать, что они поедут к башне?

Макар остановился и спрыгнул с велосипеда. Он ждал, пока Катя подойдет к нему.

– Добрый день, – поздоровался он вежливо.

– Катаетесь в одиночестве?

– Здесь тихо. И машин нет. И вид впечатляет.

– Мы осматривали место, где убили Аглаю Добролюбову.

– Я догадался. Иначе зачем полиции карабкаться на башню с часами?

– Макар, вы ее знали?

– Мы были знакомы. – Он смотрел на Катю, склонив голову набок. – Она же дочка Маргоши. Когда мать запивала, она приходила к тете, та ее кормила – это в детстве, когда ее отец погиб в ДТП. Но я ведь наездами здесь. В основном летом, как на даче. В общем, мы не особо с ней общались.

– Но все же вы знали ее много лет, с детства. Какая она была?

– Хорошая, – Макар сказал это совершенно равнодушно. Или то было напускное равнодушие? – Звезд с неба не хватала. Порой бывала очень доверчивой. И часто странной.

– Как понять – странной?

– Верила во всякую ерунду. Что ей скажут, в то и верила. Никакой

критики разума.

– Значит, как девушка он вам не нравилась?

– Не в моем вкусе.

– А вы ей? Столичный студент, племянник актрисы?

– Нет, – он усмехнулся. – Нас там никогда не стояло. В последнее время она вообще была какой-то заикленной.

– Как понять?

– Ну, заикленной, сосредоточенной. Словно думала о всякой хрени. И потом, мне кажется, у нее кто-то был.

– Вы ее с кем-то видели?

– Я ее не видел. Но после ее смерти... Это был уже август. Я снова сюда к тете приехал, уже сдав экзамены в институт. Жил до начала семестра. И однажды тетя послала меня сделать новые ключи в мастерской, что в доме была. А там ломбард. И я увидел ее мать, Маргошу, – она на ногах не держалась. После смерти дочери стала дико пить. Мужик из ломбарда пытался ее выставить, а она кричала, что пришла продать одну вещь. «Это браслет золотой! – объясняла она, в сумку полезла. – Взгляните, оцените, хочу продать. Это не ворованный, не подумайте. Это дочке моей несчастной подарили. Я дома его держать больше не хочу – он одни беды приносит». Это я запомнил – ее слова. Согласитесь, после убийства многое запоминаешь.

– А браслет вы видели?

– Нет. Этот тип, из ломбарда, тут же затолкал ее внутрь и закрыл дверь.

– Макар, а раньше, в июне, когда вы видели Аглаю в последний раз?

– Я не помню. Я был занят подготовкой к экзаменам. У меня голова пухла.

– А ваша тетя...

– Ее вообще не было в тот день здесь. Она уехала в Москву.

– В Москву?

У Кати едва не вырвалось: «Опять?» Она четко помнила слова Молотовой о том, что та видела Аглаю выходящей из внедорожника на остановке за два дня до убийства, когда сама Молотова возвращалась на машине вечером из Москвы.

– По делам фонда и к косметологу. Я ее ждал допоздна, но она сказала, что МКАД намертво стоит, пробки километровые на выезд в область, что она даже не знает, когда доберется.

– И во сколько она в ту ночь вернулась?

– Ни во сколько. Она утром поехала прямо сюда, осматривать

башню. – Макар подбородком указал на фабричные корпуса.

Велосипедист уже скрылся в полях, а Катя, вернувшись к машине, рассказывала Гущину и остальным о том, что от него узнала.

– Внедорожник плюс дорогой подарок – золотой браслет, – капитан Первоцветов констатировал факты. – В сумме получается любовник. И не бедный. Девушка была не так проста, как кажется на первый взгляд.

– Ломбард в доме быта все еще действует? – спросил Гущин.

– Вроде я видел ломбард, когда мы начали опрашивать насчет фотографа... Но там же все уже было закрыто.

– По пути в отдел заглянем туда, если лавочка до сих пор функционирует, возможно, владелец вспомнит браслет. А может, еще что-то.

Вывеску «Ломбард» в доме быта они нашли, проплутав по лабиринтам переходов среди конурок, на другой линии – дальней от фотоателье покойного Нилова. Внутри сидел пожилой печальный армянин. У двери застыл армянин молодой, в форме охранника.

– А что, какие-то проблемы с ювелирным изделием? – сразу насторожился владелец ломбарда, едва лишь Гущин задал ему вопрос о женщине, три года назад в августе пришедшей продавать или заложить золотой браслет.

– Нет-нет, мы просто наводим справки.

– Помню я отлично. Это та бедняга, у которой убили дочь. Вот люди! В страшное время живем.

– Вы купили у нее браслет? – спросил Гущин.

– Купил.

– И продали потом?

– Нет. Она его не выкупила. А мне пришлось снять его с продажи.

– То есть вы хотите сказать – он до сих пор у вас?

– Запри дверь, – скомандовал армянин охраннику.

И когда тот выполнил просьбу, с печальным видом поднялся и ушел куда-то вглубь, где, возможно, располагались сейфы. Через пару минут он вернулся и выложил перед ними на стол браслет из тусклого золота с плетением и фиолетовыми камнями – очень красивый и по виду явно старинный.

– Ого! – воскликнула Анфиса. – Это же девятнадцатый век! Плетение золотых нитей.

– Мы как лом золото покупаем.

– А камни – аметисты? – не унималась Анфиса. – Это же дорогая вещь, чудесная работа, антиквариат!

– Мы золото как лом покупаем, на вес, – повторил армянин грустно. – Я так ей и сказал тогда, этой бедняге. Заплатил деньги.

– Наверняка одну треть стоимости, – хмыкнула Анфиса.

– Это она меня обманула! – армянин сверкнул глазами. – Я эту вещь еще на витрину не выставил, а ко мне уже покупательница пришла за браслетом. Я ей по правилам мог продать браслет уже как ювелирное изделие, но для этого нужны оценка и экспертиза в пробирной. Я все заказал. И что? Она надула меня, эта женщина!

– То есть как надула? – спросил Гуцин.

– Золото золотом, а камни – стекляшки, – армянин постучал черным ногтем по фиолетовым камням. – Подделка под аметисты. Просто стекло. Кто-то давно выковырял все эти штуки и продал отдельно, а сюда поставил обманку. Может, и не аметисты то были раньше, а другие камни.

– Но вы-то не переплатили продавшей вам браслет женщине, – не унималась Анфиса. – Так что вы квиты. А кто хотел купить у вас этот браслет так быстро?

– Я ее тоже знаю. У нее дочка моей сестры рожала, – армянин вздохнул. – Она врачиха из роддома. Дочка сестрина хвалила ее очень – роды хорошо приняла. Мы ей потом всей семьей подарок преподнесли.

– Фамилию врача помните?

– Антипова Ульяна, да ее все знают в Горьевске. Я одного лишь не пойму: как она про браслет узнала, я ведь никому не говорил о нем и на витрину не выставил. А она пришла ко мне и прямо сказала: хочу выкупить у вас браслет с аметистами. Но с таким заключением пробирной я его как ювелирку продать не могу – посадят за подделку и обман. Так что надо либо расплавить его совсем, либо новые драгоценные камни вставить. А где их взять? Это деньги. А расплавить жаль, больно уж красивая вещь, старинная работа.

Глава 23

Свиноферма

– Постарайтесь осторожно узнать все об этой Ульяне Антиповой из роддома, – попросил полковник Гуцин капитана Первоцветова, когда они вернулись из ломбарда в ОВД. – Что это ей так вдруг приспичило получить этот браслет-подделку?

– Думаете, это она подарила его Аглае? Мы же о любовнике говорили.

– Одно другому не мешает. Впрочем, она могла видеть, как Маргарита Добролюбова сдавала браслет в ломбард. Макар же это видел. Могли и другие. Но все равно насчет этого поддельного браслета надо все выяснить.

Как и насчет всего остального. – Гуцин погладил глянцевую лысину. – Когда мать ее наконец протрезвеет? Нам ее показания нужны. Что она там плела про браслет, что Макар сказал? Что не хочет держать эту вещь в доме?

– Что это подарок ее дочери, – напомнила Катя.

– Матери обычно трепетно хранят все вещи умерших детей. Порой годами обстановку в доме не меняют. А она спустя два месяца пошла украшения продавать.

– Она же алкоголичка, деньги на водку нужны, Федор Матвеевич.

– Я съезжу к ней на Труда, проверю, как там дела. Может, нарколога вызвать? Попробовать вытрезвление? – спросил Первоцветов.

– Насильно? Нет. – Гуцин покачал головой. – Она насилия в жизни хлебнула с лихвой. Я на это не пойду. Это такая встряска для организма, столько дряни ей вколят. Нет. Пусть уж само собой как-то. Может, сама в ум войдет, очухается.

Катя и Анфиса молча следили за этим диалогом. Анфиса делала вид, что просматривает на своей камере снимки, сделанные на башне.

– Мать Аглаи допрашивали тогда, три года назад, – заметила Катя. – Только я не дочитала в деле до ее допроса. Федор Матвеевич, что там?

– Про золотой браслет со стекляшками как раз ни слова. Не упоминала она, чтобы кто-то чего-то дочери дарил. И про любовника тоже ни гу-гу.

– А что она вообще говорила?

– Каялась, переживала.

– Как это каялась? – не выдержала Анфиса.

– Полиция спрашивала, как Аглая провела тот день перед смертью – была ли дома, во сколько из дома ушла, не звонил ли ей кто-то на мобильный. Кстати, интересная деталь: мобильный ее нашли дома, но сим-карты в нем не оказалось. Даже не удалось установить оператора мобильной связи.

– И это наводит на мысль, что убийца побывал в доме девушки? – спросила Катя. – А что мать говорит? Кто к ним приходил?

– Маргарита Добролюбова назвала лишь Марию Молотову и ее племянника. Она приходили часто – они же старые знакомые. А он заходил пару раз по ее поручению. Но насчет того самого дня – последнего в жизни дочери – она ничего сказать не могла по той же причине, что и сейчас: она пила тогда. В этом и кается – мол, пила сильно и ничегошеньки не помнит. Ни когда Аглая из дома ушла – вечером ли, днем ли, ни как одета была. Не может вспомнить, звонил ли кто дочери по мобильному. Пришла в себя, протрезвела лишь тогда, когда Мария Молотова прибежала к ней и

сообщила о смерти Аглаи.

– Страшная вещь – женский алкоголизм, – вздохнула Анфиса. – Это изнасилование на нее так подействовало. И брак не спас. А смерть мужа и дочери все усугубила.

– Это банальные рассуждения, – заметил капитан Первоцветов.

– У вас иное мнение на этот счет?

– Все могло быть сложнее.

– Мы как-то про фотографа Нилова вдруг позабыли, – спохватилась Катя. – С этой башней, с этим браслетом... Знал он об убийстве Аглаи? Наверняка. Только вот вопрос: он узнал об этом, уже поселившись у Добролюбовой, или кто-то ему раньше об этом рассказал? Может, тот же самый человек, от которого он получил фото? Оба убийства пока что косвенно связаны лишь одной этой нитью – местом, где жил фотограф Нилов.

– Не только местом его проживания, – возразил Гущин. – Судья Репликантов – вот еще одно связующее звено. Его конфликт с фотографом и место работы Аглаи Добролюбовой – суд, где он был председателем. Кажется, настал момент навестить «вашу честь». Можно как-то с ним связаться? Он не все контакты обрубил, уйдя на пенсию?

Капитан Первоцветов узнал номер мобильного судьи Репликантова в дежурной части. После чего позвонил ему сам и вежливо попросил о встрече «в связи с расследованием дела об убийстве».

Судья что-то коротко ему ответил.

– Он готов с нами встретиться через час, – сообщил Первоцветов. – Только он занят. Он на их семейной свиноферме. Сказал – полиция может приехать прямо туда.

– Черт с ним, пусть будет свиноферма, – согласился Гущин со страдальческой гримасой.

– Это он нарочно, Федор Матвеевич, – заметила Катя.

– У меня дела в отделе накопились, – Первоцветов явно уклонялся. – Надо с текучкой разобраться. Документы подписать. Найти хоть кого-то, кто работать станет по делу, ваши указания исполнять. Вы это место сразу найдете: из города по шоссе в сторону Куровского. И через семь километров увидите ферму. Почувствуете аромат.

– Я на свиноферму не поеду, – испуганно затрясла головой Анфиса. – Нет, нет, только не бросайте меня в терновый куст... Федор Матвеевич, я город пофотографирую, пока вы там, поброжу по Горьевску. Может, еще что-то интересное в кадр попадет.

– Анфиса Марковна, у вас есть мой сотовый? – спросил Гущин. – Если

не желаете покидать нас в нашем расследовании, ехать в Москву, тогда пусть хотя бы я буду уверен, что вы здесь всегда на связи. Если что.

– Если что? – Анфиса удивленно воззрилась на него. – Диктуйте свой телефон, я в память вобью.

– На всякий случай, – нейтрально ответил Гуцин.

Катя поняла: нет, не флиртует старикан с ее подругой. Это совсем иное. Просто он хорошо помнит обстоятельства давнего дела Пушкинского музея, когда Анфиса, помогая им с Гуциным, подверглась серьезной опасности. Едва не была покалечена. Он помнит об этом деле и до сих пор винит себя.

Но чем его пугает тихий сонный Горьевск?

Аромат, о котором предупреждал Первоцветов, они ощутили уже в двух километрах от фермы. А вскоре и она сама открылась взору среди полей: безупречной чистоты белые ангары, заасфальтированная подъездная дорога. Все новенькое, как с иголочки, современное. Но тяжелый смрад, пусть и слегка приглушенный хлоркой и моющими средствами, все равно витал над этим местом.

Так воняют тайны Горьевска...

Все грехи, все смерти, что накопились за сто лет...

Катя твердила себе это, борясь с жестоким желанием завязать рот и нос своим модным шарфом. Гуцин, «нюхнув» пару раз, выглядел – краше в гроб кладут. Именно поэтому он дико разозлился на судью Репликантова за то, что тот согласился принять их лишь в этом месте.

Первое, что Катя увидела, когда они въехали в ворота фермы, – длинную закрытую фуру с деревянными мостками. Из одного из ангаров рабочие в оранжевой униформе выкатили пять больших клеток на колесиках, битком набитых свиньями.

Пронзительный визг потряс двор. Катя оглохла. В клетках яблоку было некуда упасть, свиней набили туда так плотно, что металлическая сетка клеток глубоко врезалась в бока несчастных животных, в их пяточки, оставляя на них кровавые полосы. Клетки одну за другой по настилу покатали в фуру.

– На бойню везут.

– На мясокомбинат.

Катя оглянулась. Судья Петр Репликантов подошел к ним сзади. Среди визга и хрюканья они не расслышали его шагов.

Окорок...

Катя внезапно вспомнила прозвище судьи, озвученное в первый день капитаном Первоцветовым. Тогда она еще подумала: судья, наверное,

толстый, дородный мужчина.

Но Окорок поразил ее. Высокий, костистый – когда-то, наверное, весьма импозантный, сейчас он был похож на скелет. Землистый цвет лица, впалые щеки. Крупные шишковатые кисти, выступающие из рукавов серого шерстяного свитера и рыжей кожаной куртки. Куртка висела на нем как на вешалке. И все же в облике судьи чувствовалась сила. Он был лыс. Глаза его тускло блестели сквозь модные очки в темной оправе.

– Надеюсь, вы не вегетарианцы? Любите покушать – и отбивные, и сосиски? Здравствуйте.

Именно в таком порядке он приветствовал их. Полковник Гуцин официально представился, представил Катю.

– Жалко их, – не выдержала она.

– Хрюшек? А ну да. Конечно. Но лицемерие – тоже порок, знаете ли.

Гуцин незаметно крепко сжал Катин локоть: «Молчи. Не дискутировать по поводу этичности забоя на мясо мы сюда приехали».

– Мы расследуем убийство здешнего фотографа Дениса Нилова, – сказал он сухо. – У нас к вам вопросы, Петр Владимирович.

– Насчет убийства вопросы? Ко мне?

Свиньи из последней клетки визжали так, что Катя чувствовала: еще минута – и она кинется их спасать, открывать клетки.

Она стиснула в карманах кулаки, ногти впились в ладони. Отбивные, сосиски... убийства...

Спокойно. Только в обморок грохнуться не хватало на глазах этого Окорока, похожего на старого ящера.

– У вас и Нилова незадолго до его гибели был конфликт.

– Задолго. Все это непотребство, которое он сотворил с роликом в интернете, случилось летом. И я, и моя семья были глубоко этим оскорблены, – судья сурово поджал губы. – Но мы никогда не желали зла этому молодому человеку. Глупому и самонадеянному. И тем более уж не желали ему смерти.

– Охотно верю. Тем не менее Нилов убит в Доме у реки, как у вас тут называют этот заброшенный дом. А мы выяснили, что до инцидента на банкете, когда вы сами наняли Нилова снимать на видео и фотографировать гостей, вы даже не были с ним знакомы.

– Совершенно верно.

– Возможно, кто-то хотел спровоцировать скандал? Нанял Нилова, чтобы тот сделал то, что вас оскорбило? Так в городе говорят. У вас есть по этому поводу какие-то соображения?

– Ни малейших.

– Но кто-то ведь мог желать вам зла?

– Я был судьей. – Репликантов развел руками. – Возглавлял суд. Конечно, мои решения и моя служебная деятельность кому-то могли быть не по вкусу. За двадцать лет службы – столько приговоров, столько обвиняемых, подсудимых. Что вы хотите? Это жизнь. – Он обернулся к Кате: – И это тоже жизнь, – он указал на фуру, где скрылась последняя клетка, – такая, как она есть на самом деле. А не в лицемерных фантазиях.

– Кроме вашей профессиональной деятельности и что-то другое могло вызвать чей-то гнев и желание вам отомстить. Что-то в иной плоскости. Возможно, личной. Возможно, научной.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы ведь член музейного исторического общества?

– Да, а при чем здесь это?

– Ролик с вашего банкета, который фотограф Нилов выложил в сеть, мог быть ему проплачен. И в связи с этим в городе упоминают некий конфликт, происшедший между вами и замглавы здешней администрации Казанским.

– У нас тут одни сплошные идиоты и сплетники.

– Но у вас ведь неприязненные отношения с Казанским.

– Не хочу эти сплетни даже обсуждать.

– А в городском музее только об этом и судачат, – Гуцин произнес это тоном завзятого сплетника. – Поминают какой-то конфликт в историческом обществе, когда вы назвали Андрея Казанского лжецом и обманщиком.

Что-то промелькнуло на землистом лице судьи.

– Вы каким-то образом хотите приплести меня к убийству фотографа?

– Нет, я просто разбираюсь в деталях. – Гуцин теперь выглядел наивным простаком. – Но о вашем конфликте с Казанским и его возможном желании вам отомстить мне сразу все уши прожужжали. Итак, что же между вами произошло?

– Мы просто поспорили.

– Разругались?

– Не сошлись во мнениях.

– Я бы понял, если бы это был какой-то профессиональный конфликт. Конфликт интересов, наезд на вас как на судью, нажим. Но вопрос какой-то частный... Вроде малосущественный, а столько шума и сплетен...

– Я не называл Казанского лжецом. Я просто сказал ему, что он заблуждается сам и нас всех вводит в заблуждение.

– Насчет чего заблуждается?

– Насчет своих исторических изысканий. Своих домыслов. Я

высказался о его упорном намерении приписать себе то, чего никогда не было, никогда не происходило, не могло произойти! – судья неожиданно вспыхнул. – Зачем врать людям в глаза? Ладно, сейчас это модно – искать свои корни, плести какую-то чушь из своих родословных. Мол, не от крестьян мы, не от нищевородов. Мы белая кость!

– А что Казанский себе приписывает?

– Родство с весьма знаменитыми здесь, в Горьевске, историческими личностями, к которым он не может иметь никакого отношения!

– Он приписывает себе родство с купцами Шубниковыми? – спросил Гуцин.

Судья пристально посмотрел на него.

– Какое полиции до всего этого дело?

– Я просто спросил. О них мне в музее рассказали, они строители фабрики и башни. А Казанский, выходит, их прямой потомок?

– Черта с два он их потомок! Самозванец чертов! Обманщик! – судья повысил голос. – Очковтиратель и лжец. Не могло этого быть, никогда!

– Ну да, они же вымерший род – так нам сказали в музее, – быстро вернула Катя. – Их никого не осталось. И свадьба последней Шубниковой, Прасковьи, с Игорем Бахметьевым не состоялась. Ее же убили накануне свадьбы. Никаких детей, никаких потомков.

Судья тяжело и недобро глянул на нее сквозь очки. И Катю поразила его реакция.

Вопрос-то какой-то призрачный мы обсуждаем... Что же ты меня так за это ненавидишь, Окорок?

– Казанский в своем обмане дошел до того, что ему не стыдно признать, что он потомок бастарда. Незаконнорожденного ребенка.

– Ребенка Прасковьи Шубниковой и Игоря Бахметьева? – Катя решила все же дожать эту странную тему до конца.

– Все, что он говорил нам на том собрании, – ложь и небылицы. Даже его утверждение, что у него есть какие-то материальные подтверждения своих слов о родстве.

– Короче, вы повздорили на историческую тему. Пусть и чувствительную для вашего города, – подытожил Гуцин. – А молва приписывает Казанскому месть вам через фотографа Нилова.

– Я судья, я никогда не стану обвинять человека без достаточных тому доказательств.

– Молва настолько глупа, что приписывает вам возможность поквитаться с оскорбившим вас фотографом.

– Вы что, смеетесь надо мной? Я что, подозреваемый в убийстве?

– Нет, нет, просто это все как-то перепуталось одно с другим, – Гуцин примирительно улыбнулся. – Стали мы копаться в этом убийстве – наткнулись на еще одно, трехгодичной давности. Убийство некой Аглаи Добролюбовой. Нилов как раз у ее матери комнату снимал. Но он приехал уже после убийства. А мы выяснили, что девушка Аглая работала у вас в городском суде.

– Не у меня. В секретариате. Ах вот вы о чем, – судья кивнул головой. – Да, это ужасная трагедия. Весь коллектив нашего суда был на ее похоронах. Она же наш сотрудник.

– Как вы могли бы ее охарактеризовать?

– Тихая, аккуратная. Она всегда работала хорошо, без нареканий. Старалась. Она работала не судебным секретарем, а в канцелярии. Но если бы изъявила желание учиться на юриста, мы бы... я бы как председатель суда пошел ей на встречу. Но учеба была ей неинтересна, кажется. Да и профессиональная карьера тоже.

– Чем же она интересовалась?

– Понятия не имею. У девушек ее возраста туман в голове. Мы нечасто сталкивались в суде. У нас много сотрудников. Но когда стало известно об обстоятельствах ее убийства, мы все испытали глубокий шок.

– Мать Аглаи, Маргариту Добролюбову, вы знали?

– Нет.

Лжешь и глазом не моргнешь. – Катя изучала бесстрастное худое лицо судьи. – *Лжешь нам в этом, а в чем еще?*

– Вы опытный судья, прекрасный юрист, знакомый с криминалистикой, что, по-вашему, означает способ убийства девушки?

– Нечто из ряда вон, да? Повешена на нашей знаменитой Башне с часами? По моему глубокому убеждению, это свидетельствует о психопатических, не совсем нормальных чертах характера ее убийцы. Ищите психопата, который... ну, скажем, твердо верит в то, что он творит, как бы фантастично это ни выглядело. Ищите фанатика, раба своей идеи. Ищите того, кто живет в мире своих фантазий, причудливого бреда, где реальность переплетается с вещами, которые никогда не происходили. Никогда.

– Хороший совет. Только нужны пояснения, – заметил Гуцин. – Вы кого-то конкретного имеете в виду?

– Если бы я знал об этом убийстве что-то конкретное, давно бы узнали и вы от меня – полиция, – твердо ответил судья. – Нет, это лишь догадки. Но вы же к моему профессиональному опыту взываете.

– Нам в музее сказала сотрудница, что имя Аглая на слуху в Горьевске.

Что когда-то давно здесь тоже жила некая Аглая, сосредоточение местных легенд и страхов.

– А, это... Да, конечно, порасскажут вам. Но вы же юристы, как и я. В каких уголовных делах старые легенды фигурировали в качестве доказательств? Сущность же в том, что нет ничего более материального, чудовищного, несправедливого и примитивного, чем смерть... лишение человека жизни, потому что...

Судья Репликантов не договорил. К воротам ангара подъехала еще одна крытая фура, и рабочие фермы начали выкатывать новые клетки, набитые визжащими свиньями. Катя снова оглохла. Она не могла уже больше этого выносить. И судья Репликантов заметил ее состояние – одновременно близкое к панике и к взрыву.

– Слышите? – спросил он громко и повелительно, его каркающий голос прорвался сквозь дикую какофонию визга и хрюканья. – Это не мольба к небесам. Это вопль из самого нутра, самых потаенных уголков души. Последнее, самое жгучее инстинктивное желание любого существа – жить. Не умирать. Но вопрос в том, тщетны, наказуемы или же оправданны наши попытки найти то, что исполнит наше желание. Вопрос в цене.

Набитые клетки грохотали по настилу. Рабочие выкатывали из ангара все новые и новые, Катя уже сбилась со счета.

На мясокомбинате будет праздник. Пир на весь мир.

Кто-то нажрется свининой до отвала...

Она ощущала лишь тошноту. Она почти ненавидела Горьевск в этот момент.

А потом она увидела то, на что смотрел полковник Гуцин.

Фура, подъехав к ангару, открыла стоянку машин на территории фермы, которую до этого загораживала от взора. В дальнем конце стоянки, у здания фермерского офиса, стоял черный внедорожник. Неновый, забрызганный грязью. Катя сразу узнала знаменитые «углы» кузова и капота – «Гелендваген».

Глава 24

Городские сплетники

– Закрытый и неискренний, – вынес свой вердикт полковник Гуцин в машине на обратном пути. – Нам этого судью Репликантова необходимо прояснить.

Он позвонил Первоцветову и попросил срочно уточнить в ГИБДД, является ли судья владельцем автомобиля «Гелендваген Брамбус» черного цвета.

– Борис, мне с вашим мизантропом Муриным надо снова переговорить. Как бы его отыскать?

– Нечего искать, Федор Матвеевич, – ответил по телефону капитан Первоцветов. – Он в отделе кадров документы оформляет. Я скажу ему, чтобы вас дождался.

– Думаете, Молотова нам на судью намекала, когда говорила, что видела Аглаю, выходящей из «Гелендвагена»? – спросила Катя.

– Она тут же оговорилась, что точно марку машины не помнит.

– Когда про внедорожники речь заходит, то обычно люди говорят – «джип». Это у всех на слуху – название «черный джип». Черных внедорожников полно – здесь, в Горьевске, и этот деляга, который фабрику ремонтировал, Вакулин, на черном внедорожнике катается. И Казанский в Дом у реки на черном джипе приезжал. Но Молотова сказала нам «Гелендваген».

– Это название сейчас – притча во языцех, – Гуцин хмыкнул. – Меня другое интересует. Видела реакцию судьи на вопросы о конфликте с Казанским? До этого – напускное или настоящее равнодушие при ответах про фотографа и девушку. Но он просто весь взъелся, когда я Казанского упомянул и о его генеалогических изысканиях насчет родства с купцами!

– Да, Федор Матвеевич, и я тоже это заметила. Он пятнами весь покрылся, так взъярился, хотя пытался не подать вида. Вопрос вроде настолько... далекий. Чего это он? Может, все дело в фабрике? Может, Казанский пытается свое прямое родство с Шубниковыми доказать, чтобы заявить свои права на фабрику? Поэтому судью это так бесит?

– А какие у него могут быть права на фабрику, пусть даже он родственник купцов? Реституции нет. Кто кому чего отдал и вернул? – Гуцин опять хмыкнул. – Да и фабрика пустая стоит – ни офисов не снимают, ни торговых залов. Никому ничего не нужно стало. Приплыли.

В ОВД он сразу же направился к отделу кадров. Хмурый толстяк Мурин ждал их в коридоре. Был он трезв и печален.

Катя оглядела коридор. Понедельник. А в ОВД все та же тишина. Лишь возле отдела кадров – ажиотаж и очередь. Ни оперативок, ни штаба по раскрытию убийства фотографа. Полковник Гуцин от всего этого развала, кажется, даже растерялся. Но из Главка подмогу не зовет. Интересно почему? Что он чувствует в этом деле такого, что сначала пытается разобраться во всем сам?

– С кем бы потолковать про вашего бывшего председателя суда Репликантова, в смысле негласной информации? – тихо спросил Гуцин у Мурина. – В смысле сплетен, слухов, такого-всякого?

– Такого-всякого? – Мурин с прищуром изучал «начальство из Главка». – Из наших, кто чего мог бы порассказать, опять же все далече. В «Матросской Тишине» кукуют. А вот не черта сажать людей! – вспыхнул он. – Так и вообще все обрубить можно! Всю преемственность.

– Сплетни, Мурин. Сами-то знаете чего про судью?

– Нет. И не интересовался никогда.

– Даже после убийства Аглаи Добролюбовой?

– Он ее начальник был.

– Так кто может посплетничать?

– Клюквина Тамара. Ее спросите.

– Это кто?

– Начальница судебной канцелярии. – Мурин прищурился еще хитрее. – Вам ведь дрянь всякая нужна, так? На судью? Так у Клюквиной дряни полно на него. Она канцелярией суда при нем двенадцать лет заведовала. А потом он попер ее на пенсию. Успел до того, как Казанский из администрации выпер его из судебных председателей. Тоже на пенсию. С почетом.

– Суды вроде независимы у нас от властей, – заметил Гуцин с ухмылкой.

– Вроде в огороде. У Казанского связи. Он мужик крутой. Много чего может.

– Где найти Тамару Клюквину?

Мурин глянул на наручные часы.

– Торговый центр на Советской видели? Вывеска там угловая – «Головные уборы». Она там в закутке сидит – зять ее коммерсант мелкий, торговую точку открыл, шапками меховыми торгует. А ее заставил товар стеречь, когда он куда отлучается. Она ж теперь пенсионерка. А не судебный клерк. Может, повезет – застанете ее в этих «уборах».

Им повезло. В «Головные уборы» Гуцин отправился сразу же, поблагодарив Мурина. Катя, естественно, увязалась следом. Ей было любопытно: компромат на судью! Первоцветов догнал их уже во дворе ОВД – они собирались идти пешком, до торгового центра на Советской улице было рукой подать.

Первоцветов подтвердил: «Гелендваген Брамбус» принадлежит судье. Начал говорить, что подключил к розыскам неизвестного Петруши сотрудника из числа дознавателей – раз в розыске пустыня и некомплект. Гуцин покивал – да, да, да, хорошо, старайтесь там, ищите.

Первоцветов остался в отделе. А они уже через пять минут вошли в просторный ярко освещенный торговый центр и двинулись в сторону

«Головных уборов».

Шапки...

Шапку выбирай осенью, а сани летом...

Среди уродливых ушанок из не пойми какого клочкастого меха и норковых беретов, похожих на меховые блины, восседала толстая женщина с двойным подбородком и невообразимой укладкой на голове в виде «шиша», который носили еще в семидесятых в провинции, подкладывая внутрь пучка из волос старые рваные колготки и чулки «для пышности и объема».

Однако женщина была не старой – чуть за шестьдесят. Она уставилась на удостоверение Гущина, когда тот тихо, приватно представился ей, стараясь не привлекать внимания покупателей торгового центра.

– А почему вы ко мне? Это по поводу магазина? Это к зятю вопросы, он владелец. Я даже не продавец здесь. Они обедать пошли. Скоро вернутся.

– Нам бы хотелось поговорить с вами о вашем бывшем начальнике Репликантове, – таинственным тоном начал Гущин.

– А чего он вам?

– В связи с убийством фотографа – может, слыхали, в городе было убийство?

– Конечно, слышала. В теленовостях местных передали. В «Горьевском курьере».

– И по поводу убийства вашей сотрудницы Аглаи Добролюбовой.

Пенсионерка из канцелярии суда глянула на них с любопытством.

– Ой, да... А что судья-то?

– Это вы нам о нем расскажите. Вы же долгие годы были коллеги.

– Я в канцелярии корпела. Потом на должность назначили. А он председатель суда.

– Вам что-нибудь известно о его конфликте с Андреем Казанским из городской администрации?

– Не слышала ничего. А был конфликт?

– Был. Судья ведь – член вашего городского исторического общества, которое в музее собирается.

– Я по музеям не хожу.

Гущин выглядел обескураженным. Ну и информатор... Кажется, снова мимо.

– Чего он в музее-то забыл? – хмыкнула Клюквина. – Ему не по музеям, по больницам надо. Он же одной ногой в могиле.

– Судья Репликантов болен?

– Плох. Чего-то то ли с печенью у него, то ли с поджелудочной. Хуже рака. На куски распадается. И это при том, что он ни рюмки в рот во все годы, что мы работали вместе. Трезвенник! Вот тебе и трезвенник. Лучше бы пил, как некоторые судьи. Тогда еще понятно – излишества. А тут – на ровном месте. Его болезнь очень изменила. Это другой человек теперь. Не тот, что был раньше.

– А в чем заключаются перемены?

– В отношениях с людьми. Он всегда такой был... суровый. А сейчас и вовсе закаменел душой. Но это мое мнение. Не подумайте, что я в обиде на него за увольнение. У меня ведь тоже возраст. На госслужбе пожилые не нужны. Молодежи работать негде. Но все же... хотелось бы человеческого отношения.

– Про историю с фотографом вам что-то известно?

– Слышала что-то смутно. Какой-то скандал на прощальном банкете. Вроде гости подрались, да? А фотограф это заснял? Или нет? Меня же на том банкете не было. Уволил он меня. Да если бы и работала, вряд ли бы позвал. Там же одни шишки городские собрались. Элита. А кто мы? Офисный планктон.

– Аглая Добролюбова, убитая три года назад, она же у вас в канцелярии работала?

Клюквина кивнула, поджала губы.

– О ней ничего плохого не скажу. Хороший она была работник. Впрочем, чего там работать-то? Это же не в судебном заседании как секретарь вести протокол. Она просто набивала тексты на компьютере – что нужно в картотеку занести, в архив. Чисто механическая работа. Но она старалась. У меня еще три такие девчонки в канцелярии сидели. По клавиатуре стучали, мышками кликали.

– А судья...

– Судья-то... А, вы про это. – Глаза Клюквиной вспыхнули.

– Про что?

– Она вроде как ему...

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вроде как приглянулась, что ли. Он же вдовый. И на моей памяти за все годы ни с кем из наших в суде не того... Ну, вы понимаете. Опасался, наверное, за карьеру. Шуры-муры... А может, просто фригидный. Аглаю же он отличал.

– Как именно отличал?

– Ну, попросил меня, чтобы почту для него она разбирала и носила ему. То есть заходила бы к нему в кабинет ежедневно. Характеристику ей

написал – наверное, думал, что она захочет в вуз поступить заочно. И вообще... Ну, она идет по коридору, а он ей вслед смотрит... У мужиков же это не скроешь.

– У него были отношения с Аглаей Добролюбовой? – прямо спросил Гущин.

Катя вся обратилась в слух – ну, сплетница, давай же рожай!

– Нет. Этого не скажу. Этого я не замечала. Знаю лишь, что он ее отличал. В суде много девчонок молодых – в канцелярии, секретари, даже судьи – молодые женщины. Он со всеми держался одинаково. А ее отличал. Хотя вроде там, уж простите, ни кожи особой, ни рожи. Одна молодость да глупость. Но, возможно, именно поэтому... Из-за ее молодости и непосредственности она была...

– Что?

– Он ею интересовался. Он с ней о чем-то разговаривал. И это, кажется, не касалось служебных вопросов. Меня как ее начальницу это всегда настораживало – о чем может говорить пятидесятивосьмилетний мужик с девятнадцатилетней девчонкой?

– На своей машине «Гелендваген» он Аглаю не подвозил?

– Не видела никогда. Ох, если бы такое случилось, весь суд бы на ушах стоял. Но врать не стану – такого не видела. Но когда ее убили...

– Продолжайте.

– Он был сам не свой. У него отпуск недельный был оформлен – он в клинику собрался ложиться на обследование. Так он все это забросил. Сам выглядел – краше в гроб кладут.

Глава 25

Ребенок

Марии Вадимовне Молотовой позвонила ее старая приятельница – хранительница коллекции из музея, взволнованная, в крайнем возбуждении. Молотова поначалу даже не поняла, о чем она та толкует.

«У Капитолины Афанасьевны из отдела новых поступлений сноха работает в полиции экспертом-криминалистом... Она проговорила по секрету – в Доме у реки полиция возьмет новые образцы для исследования. Это значит...»

– Дом ненадолго откроют, Мария Вадимовна! Полиция там будет копать, а мы... мы, музейщики, хоть одним глазком... Там ведь тайную комнату нашли и какие-то вещи. Мне полицейский сказал, который в музей приходил. Надо ехать туда прямо сейчас! Вы поедете? Если да, захватите меня из музея, и Капитолину, и Суржанскую, и Нелли Исааковну. Мы все

поедем. Упросим этих экспертов, чтобы дали взглянуть, что там, в этой замурованной комнате.

Молотова на мгновение замерла и сразу начала лихорадочно собираться. С музейщиками она всегда чувствовала себя как своя среди своих. А древних музейных старух Суржанскую и Нелли Исааковну знала еще со времен своей ссылки на сто первый километр. Это они тогда помогли ей устроиться машинисткой в фонды музея, чтобы ткацкий фабричный цех не заграбастал ее на трудовое перевоспитание.

На Горьевск накатывали ранние сумерки, когда битком набитая музейщиками машина Молотовой подъехала к Дому у реки, где уже скучала дежурная полицейская машина.

Полиция сняла замок и открыла дверь. Эксперты – молодая женщина и парень – сначала запричитали: «Куда вы? Куда? Нельзя!» Но когда увидели всю «делегацию», особенно Суржанскую – с ходунками, но настроенную крайне воинственно и громогласно объявляющую: «Мне девяносто два! Я, может, завтра коньки откину! Мне ждать недосуг. Я должна увидеть, что вы здесь нашли. Это важно для истории города!» – то лишь махнули рукой и пригласили: «Заходите, только осторожно, ничего не трогайте. И по дощечкам, по дощечкам!»

Через заваленную мусором анфиладу грязных комнат заброшенного дома, словно утлый мостик, полиция перекинула деревянные доски к открытой ныне тайной комнате.

Суржанская с ходунками шествовала первой. За ней, словно косяк рыб, все они. Молотова медленно шла последней.

Окно с решеткой...

Вспоротый старый сгнивший диван...

Деревянное кресло для буйнопомешанных с остатками ремней...

Столь немногое...

Она прикинула в уме: комнату, поначалу служившую фабричной кассой, а затем палатой-тюрьмой, заложили кирпичами уже *после того...*

После того, что случилось...

О чем до сих пор помнит, но не любит говорить Горьевск.

Но не тайная комната интересовала Марию Вадимовну Молотову, в отличие от сгоравших от любопытства музейщиц.

Дом у реки...

Он прежний, совсем не изменился. Снова он весь подозрительно тихий, окутанный сумерками.

Мария Вадимовна Молотова вернулась по мосткам в комнату, где эксперты что-то соскабливали со стен.

Она озиралась по сторонам. Все так же грязно и страшно здесь. И темные тени таятся по углам. Как и в тот, прошлый раз...

В тот день...

В ту ночь...

Тогда был ливень. И она промокла в ту ночь – много лет назад – до нитки.

Нет, не укрытия от дождя она искала тогда здесь. Она искала нечто совсем другое. Весь город искал. Но нашла именно она.

Она ощутила в сердце внезапный спазм. Захотелось выйти на воздух, покинуть Дом у реки уже навсегда.

Она помнила тот ливень так ясно!

Луна не светила на небе, от туч и дождя сгустился мрак. И снаружи, и в доме. Лишь косой желтый луч из окна падал на замусоренный пол. Это включился прожектор на крыше фабричного корпуса. Фабрика тогда еще работала, там начиналась ночная смена.

Косой луч ложился рваным пятном на пол. И в этом тусклом свете Мария Молотова – тогда еще полная сил, решимости, но уже познавшая странный неясный страх – увидела его.

Это же чувство она испытала сейчас, заново переживая тот момент. Но тогда оно было иным – ощущение, предчувствие *того, что идет, приближается, но еще далеко... очень далеко...*

А сейчас она ощущала, что то, далекое, неизбежное приблизилось уже вплотную. И скоро явит себя.

Тогда, в ту ночь, похожую на вселенский потоп, она нашла его – того, кого искала.

Ребенок сидел на полу.

Мальчик.

На какой-то миг ей тогда показалось, что она видит призрак.

А потом она увидела его глаза, полные страха.

Спотыкаясь о горы мусора, она бросилась к нему и схватила на руки. Он был такой маленький, худенький, почти невесомый.

Он ничего не говорил. Не плакал. Не мог.

Он лишь сильно дрожал и судорожно цеплялся за нее, словно прося защиты от того, что предстало его детскому взору. **Глава 26**

В темноте – багровый свет

12 апреля 1903 года. 1.30

Он догнал ее в оранжерее у пальмы. Не схватил, не дернул за руку, не повернул к себе – нет, он как-то оказался впереди, преградил ей путь.

И Елена Мрозовская наткнулась, налетела на него. Когда их тела соприкоснулись так плотно, она ощутила, как вся кровь бросилась ей в лицо, в ушах стоял гул. Ее словно волной накрыло.

А он стоял, опустив руки – не касался нее. Преграждал путь собой, своей грудью. Она ощущала сквозь его крахмальную рубашку горячее тело, твердое как камень, как гранитный утес. Мускулистое, сильное тело мужчины, который удерживал ее без оков и объятий.

– Не уходите. Прощу вас.

– Игорь, мне надо проявить... те негативы... ваши фотопластины... ее, Глафиры.

Пальма... они у той самой пальмы... чертова оранжерея... Орхидеи все еще цветут и гниют на узловатых стволах лиан.

– Это подождет.

– Нет, Игорь, надо сейчас.

– Что такое «надо», Елена Лукинична?

Она глядела на него. Она пыталась сказать самой себе: «Это он нарочно вот так... говорит, смотрит – это все нарочно, чтобы я не спрашивала, чтобы не задавала вопросов, что случилось с ними, с теми, кто жил здесь. Что произошло? Как они все умерли? Он нарочно вот так со мной... смотрит на меня, а я не могу дышать, и не могу найти слов... Он манипулирует мной, затыкает мне рот, пресекает все расспросы на эту тему. Возможно, он сам как-то во всем этом замешан и пытается скрыть. А глаза его сияют сейчас, как звезды. И он сам как демон. Но он ведь ничего такого и не делает – не искушает, не лезет с объятиями, как дворник... Он просто преграждает мне путь собой. И я... я не могу... уйти не могу... От него не уйти... Но и остаться с ним... Он обращается со мной не так, как с ней – с той своей юной шлюшкой-невестой у этой чертовой пальмы. Значит ли это, что дорожит мной больше, чем ей и...»

– Фотографии должны быть уже готовы. Игорь, мне надо вернуться в фотолабораторию. Я сейчас хочу проявить ваши... то есть ее, Глафиры, пластины.

Она почти выкрикнула ему это. Обошла его и направилась в апартаменты – прочь из чертовой оранжереи. Она не слышала его шагов за собой. Ковры толстые, нога тонет в них по щиколотку. Но когда обернулась у дверей лаборатории, он стоял позади нее.

– Не оставляйте меня за порогом. Пожалуйста, – сказал Игорь Бахметьев. – Можно мне с вами?

– Погасите свет в коридоре. Он слишком яркий. Мне надо открыть лабораторию и зажечь там красный свет.

Он повиновался. Дернул за бархатный шнур электровыключателя, висящий на стене. Электричество. Прогресс. Новый, двадцатый век.

Свет погас. Елена Мрозовская ключом открыла дверь лаборатории. И зажгла керосиновую лампу, стекло которой выкрасили алым. Это ее фонарь, Глафиры...

Здесь все не твое, а ее...

Это она была первой. Только об этом никто не знал.

Игорь Бахметьев вошел в лабораторию и плотно закрыл дверь. Мрозовская начала проверять оборудование. Мысли ее путались. Так... ничего не забыть бы... Фарфоровая ванночка для проявки, другая ванночка – из чистого полированного цинка. Стеклянная вертикальная кювета из йенского оптического стекла, вещь превосходного качества и полезная для «очувствления» – придания четкости изображению на фотопластинах. Гуттаперчевая крышка для кювета. Реактивы, химикаты... Смешать, но не взбалтывать...

Смешать, но не...

Игорь Бахметьев приблизился к ней вплотную сзади и встал у нее за спиной. Она ощущала его дыхание на своей шее. Она одну за другой извлекла фотопластины из картонной коробки. Потянулась к полке за реактивами. И в этот момент он накрыл ее кисть своей ладонью. Она сжала пузырьки с химикатами, а он сжал ее руку. Отпустил... Легкое нежное прикосновение, пока она готовила раствор. Они словно делали это вместе – его сильные пальцы касались тыльной стороны ее руки.

– Вы обожжете руки о реактивы.

– У меня сердце обожжено.

– Игорь, пожалуйста...

Его губы касались ее волос. Она смотрела, как проявляется изображение на пластинах. Медленно возникают – сначала линии, затем расплывчатые очертания... предметы... лица... рисунки.

– О боже... что это? И это она тоже фотографировала? Глафира?

На долю секунды Елена Мрозовская забыла о его присутствии – настолько ее удивило увиденное, пока еще смутное и нечеткое.

– Это похоже на какой-то ритуал.

В этот момент он за плечи повернул ее к себе, настойчиво и властно. Свет керосинки с выкрашенным в красное стеклом отбрасывал на его лицо багровые блики. Его губы были плотно сжаты, а ресницы трепетали. Глаза казались такими темными, бездонными.

Елена Мрозовская как профессиональный фотограф знала: время красного света для фотографий истекло. Лабораторию теперь надо

погрузить в полный мрак и действовать на ощупь. От этого зависит качество фотографий. Если она не хочет потерять все, надо погасить свет. Сейчас. Но остаться с ним наедине в темноте...

Много раз впоследствии она спрашивала себя: что это было? Что произошло с ней в тот миг, когда она протянула руку к красной лампе и завернула фитиль? Она сделала это сама. По своей воле. Воспринял ли он тот ее жест как приглашение, разрешение, или он даже не обратил на него внимания, пьяный от страсти? Был ли он пьян от страсти в тот момент? Любил ли ее, как она его?

Багровый свет погас. Его руки сомкнулись вокруг нее, он поцеловал ее в губы.

Он пил ее дыхание, ласкал ее рот, он почти истязал ее своим поцелуем – таким долгим... страстным...

Никто никогда не целовал ее так! Бедная, бедная феминистка, первая женщина-фотограф, самоуверенная, передовая, лишенная предрассудков... Что она знала о мужских поцелуях, о мужских прикосновениях, от которых твердеют соски и грудь наливается, как виноградная гроздь! О прикосновениях и ласках в полной темноте, когда сплетаются руки и ноги, когда пальцы исследуют каждый сантиметр влажной кожи. Когда комкается легкая послушная ткань, когда отлетают пуговицы и застёжки и рука скользит по его обнаженной груди и ласкает мускулистый живот. И он, застонав, с силой двигает вашу руку вниз и вкладывает вам в ладонь свою гордость, свой пыл, свой горячий, твердый... Жаждающий вашей трепетной плоти, вашего сока, ваших вскриков в темноте, вашего жара и полной, сладкой покорности неизбежному чуду.

– Игорь, Игорь...

– Я люблю вас... Я полюбил вас сразу, как увидел тогда...

– И я... Но вы хотели жениться... ваша свадьба...

– Ничего нет. И не было. Кроме вас.

Он поднял ее на руки – растрепанную, в расстегнутой английской блузке. Он сам уже был без своей крахмальной сорочки, наполовину обнаженный.

– Игорь... не здесь...

Он приник к ее губам в долгом поцелуе, зажал ей рот своими губами, выпил, как вино, все ее тщетные, запоздалые слова и просьбы, весь этот глупый женский лепет возражений. Она никогда не была ни хрупкой, ни легкой, но он нес ее легко.

Ударом ноги распахнул дверь фотолаборатории и вступил во мрак коридора.

Дверь с грохотом закрылась за ними, оставляя там, в ванночках из фарфора и цинка, в вертикальном кювете из йенского оптического стекла, все тайны проявки.

Он нес ее как свою добычу по темному дому с башнями, где перепуганные слуги либо спали, либо прятались по углам, либо истово молились у образов при свете лампад.

На полу, среди подушек персидского ковра. На подоконнике незашторенного окна. Сверху, снизу, сзади, верхом, стена, извергая сперму, целуя, сжимая, лаская, утопая в сладости момента, летя в бесконечную пропасть, отрачивая крылья... На широкой брачной кровати, покрытой пыльным парчовым одеялом, – голые, оглушенные страстью, сплетаясь членами, проникая друг в друга все глубже, они познавали совсем иные тайны, утратив разом и чувство времени, и чувство стыда, и чувство реальности. Они становились единым целым, обнаженной жадной возбужденной плотью, горячей кровью, диким наслаждением, что поглощало их обоих целиком, изменяя уже безвозвратно.

Глава 27

«Нет имени тебе, мой дальний»

Весь короткий путь от торгового центра до отдела полиции полковник Гущин разговаривал по мобильному. Звонили оперативники из Главка – они установили московский адрес фотографа Дениса Нилова: тот жил в Новогирееве, в собственной однокомнатной квартире в новостройке. Оперативники проверили, какие отделения банков находятся поблизости от его дома – Сбербанк, ВТБ, банк «Уралсиб», банк «Промышленный». Ни в одном из них в хранилищах с ячейками не использовали тот код, что Нилов передал Анфисе.

На пороге отдела Катя вспомнила о ней и забеспокоилась – где ее носит? Смеркается уже, сумерки как серая вата. Какие фотографии при таком освещении?

Она набрала номер мобильного Анфисы, и мелодия звонка заиграла где-то рядом. Анфиса с мобильным показалась из-за угла отдела.

– Там собачка служебная скучает в вольере во дворе, я ее погладила, – сказала она невинно. – Где вы шляетесь? Я уже давно вернулась, а вас нет. Слушай, Кать, а он ничего, недурственный.

– Кто? – Катя была уверена – Анфиса это про капитана Первоцветова.

– Горьевск. Такие фотки подарил, такие впечатления! Тлен и нега, осенние просторы и мертвая зыбь... Так атмосферно! И такой дом опять в кадр мне попал – закачаешься! Тоже местная достопримечательность – Дом

с башнями. Как раз позади музея, в парке. Бывший особняк Шубниковых. Там табличка с пояснением латунная. Прямо замок в английском стиле. А сейчас там банк.

Они вошли в отдел. Катя хотела спросить Анфису про банк, но их оглушил гневный вопль полковника Гущина:

– Кто разрешил, я вас спрашиваю?!

Он разорвался на весь коридор на двух грустных оробевших экспертов-криминалистов, которые что-то бубнили в свое оправдание.

– Кто разрешил пускать музейных работников на место преступления? Что за бардак! Никому доверить ничего нельзя, даже простейший сбор улик – тут же толпа любопытных набегит! Вы по крайней мере узнали фамилии тех, кто явился в Дом у реки?

Эксперты что-то тихо утробно вещали.

– И Молотова с ними? – Гущин, выслушав перечень музейных старух, поутих. – И ее принесло. Борис, позвоните этой музейной ехидне – той, что водила нас по экспозиции, – обернулся он к подошедшему капитану Первоцветову. – Узнайте, состоит ли Мария Молотова членом городского исторического общества. Раз она с музейщиками на такой короткой ноге, что они ее с собой позвали на место убийства.

Первоцветов достал мобильный, отыскал номер музея.

– Чего вы орете, Федор Матвеевич? – с наивным любопытством поинтересовалась Анфиса.

– Потому что это я решаю, я, я! Кого пускать на место происшествия, а кого гнать.

– Молотова во время ссылки в фондах машинисткой работала, – напомнила Катя. – Сама нам об этом сказала. А музейной ехидне вы сами обещали показать замурованную комнату, и диван, и кресло с ремнями.

– Молотова – давний и почетный член общества, – лаконично сообщил Первоцветов, заканчивая консультации с «ехидной».

Гущин развернулся и направился к выходу.

– Едем к ней. Сейчас, – бросил он на ходу. – Пусть платит за то, что прорвалась туда, где ее быть не должно. Пусть расскажет нам всю подноготную скандала между Казанским и судьей. Уверен, что старуха в курсе.

– Заодно и Маргариту Добролюбову навестим, может, протрезвела, – Первоцветов, звеня ключами, вел их к патрульной машине.

Он сам сел за руль и включил мигалку.

Так с мигалкой и покатили, но до тупика Труда не доехали, потому что Марию Молотову увидели выходящей в сумерках из калитки дома ее

старой товарки Добролюбовой.

– Добрый вечер, Мария Вадимовна, – вежливо поздоровался Гуцин. Он притих. – Подругу опять навещали? Как она?

– Все так же. Пьяная. – Молотова горестно вздохнула. – Я протопила у нее немного. Котел боюсь оставлять включенным на всю ночь – мало ли. А она не топит сама. Лежит в лежку под одеялами. Я ей поесть оставила. Искала все ее заначки – бутылки. Но она хитрая, так ловко их прячет.

– Нам необходимо ее допросить.

– Я понимаю, но что же делать?

– И долго так она в запое?

– Иногда неделю, бывает, и больше. – Молотова шла к своему дому – походка ее была медленной и усталой, они провожали ее всей командой.

– Понравилось вам то, что мы обнаружили в Доме у реки? – прямо спросил Гуцин.

– Ох, вы уже знаете. Это все музей... Нет, конечно, как такое может нравиться?

– Вы ведь принадлежите к историческому обществу музея? Вы присутствовали на том собрании, когда произошел скандал? Когда судья Репликантов публично обвинил замглавы администрации Казанского во лжи и подлоге?

Молотова обернулась. С минуту разглядывала их так, словно что-то обдумывала, решала про себя.

– Да. Собственно, и собрание было назначено, потому что я делала доклад по поводу обнаруженного мной в архивах одного интересного документа. Обычно на таких собраниях три с половиной человека сидят, зевают, а тут вдруг собрался весь музей, и эти были тоже – судья и Казанский. Я еще удивилась такому аншлагу.

– О чем был ваш доклад?

– Общество работает исключительно с документами и реальными задокументированными фактами. Мы не рассматриваем ни слухи, ни сказки, ни легенды, каких немало бродит в городе. Я имею разрешение работать в фонде, которым заведует Суржанская Анна Васильевна, ей девяносто два, и в силу возраста она уже... Короче, все там перепутано. Я копалась в бумагах и наткнулась на очень необычный документ – добрачное врачебное освидетельствование. Это вообще случай небывалый для конца семидесятых годов девятнадцатого века. Настолько поразительная вещь, что я решила сделать доклад на эту тему, внесла в расписание собраний – это все появилось на сайте музея. Оттуда все и узнали – из интернета. И я уверена, что судья Репликантов и Казанский

пришли именно поэтому. Они хотели знать.

– Что?

– Детали добрачного освидетельствования. Его проводили весьма уважаемые врачи. Как я понимаю, терапевты и гинекологи, хотя тогда эти термины не употреблялись. Провели его Глафире Никитиной – дочери купцов Никитиных, которая впоследствии вышла за Мамонта Шубникова.

Катя напряженно вслушивалась. О чем это Молотова?

– Но тогда, в семьдесят восьмом году, Глафира собиралась замуж за наследника рода купцов Хлудовых – тоже очень известный в текстильной промышленности род был в России. Добрачное врачебное освидетельствование на гербовой бумаге с печатями клиник констатировало факт, что она страдает врожденной аплазией плевы.

– Как? Что вы сказали? – воскликнул Гуцин.

– Аплазия – врожденное отсутствие девственности. Это бывает, но крайне редко. Видно, родственники Глафиры хотели подстраховаться этим освидетельствованием, чтобы не вспыхнул скандал, что невеста... Ну, вы сами понимаете, тогда очень большое внимание уделяли этим вопросам. Честь семьи, позор... Несмотря на гербовую бумагу и печати, заключение врачей, купец Хлудов на Глафире не женился. Она уехала в Париж. Жила там. А по возвращении вышла замуж за Мамонта Шубникова. И понимаете, когда я читала свой доклад, у него было такое странное лицо...

– У Мамонта? – тихонько спросила Анфиса. – Призрак пришел вас послушать?

– У Андрея Казанского. Он... я даже не могу вам описать, как он смотрел, как слушал. Это, конечно, тема жареная, и документ очень любопытный, но честно – я не ожидала такой реакции. Я даже еще не закончила читать, а он вдруг вскочил. И сделал публично то свое заявление, за которое Репликантов немедленно обрушился на него как на лгуна.

– Мы в курсе, в чем суть этого заявления. Что Казанский – потомок рода Шубниковых и... как его там еще... а, Бахметьева – сына градоначальника, столько сделавшего для Горьевска, вплоть до канализации и водопровода, – сказал Гуцин.

– Игорь Бахметьев – интересная личность. Казанский объявил себя их потомком. Сказал, что у Шубниковых был внебрачный ребенок, что линия родства продолжилась. И он потомок. И у него есть какое-то тому доказательство. И тут судья вдруг начал кричать и разоряться, что этого быть не может, что он лжет и приписывает себе липовое родство. Мы все там опешили. Никто такого просто не ожидал. Я даже растерялась. Я была уверена, что этот мой доклад об аплазии Глафиры Никитиной как-то

спровоцировал, вынудил Казанского сказать все это. Вроде он и не собирался, не делал заявлений, а тут словно его прорвало вдруг. И судью прорвало. И они начали друг друга оскорблять. И все это так странно было слушать. Тем более от Казанского. Я его давно знаю. Он человек сдержанный, хладнокровный. Он фактически глава города сейчас. Не скрою, раньше я к нему лучше относилась. Теперь он в моих глазах много потерял, но все равно...

– Почему потерял? – спросил Гуцин.

– Он поступил подло и незаконно с человеком, которого я уважаю.

– С кем?

– С Вакулиным Александром... Сашей... Фактически разорил его. Отнял контракт, в который тот вложил почти все, что имел. И сделал это в обход закона, используя свои связи, свою административную власть. Вакулин арендовал у города здания фабрики и башни, отреставрировал там все, подготовил к открытию в качестве офисно-торгового центра. И бумаги, разрешения у него имелись. А Казанский все это зарубил на корню. Придрался ко всему, к чему можно было, обвинил в нарушении контракта, в нарушении работ с историческими памятниками, в незаконной перепланировке и бог знает еще в чем. Короче, наложил запрет на все начинания Вакулина. И это на глазах всего города. Такое почти византийское коварство и самоуправство. И я изменила свое прежде хорошее отношение к Казанскому. Так люди не поступают, какими бы причинами они ни прикрывались.

– А в этой ссоре Казанского с судьей, – гнул свою линию Гуцин, – кто прав, по-вашему? Они же вымерли все, как мамонты, эти Шубниковы. И Мамонт. Мы вон в музее историю слышали, как он отравил всех – и брата своего за деньги, и жена яд выпила по ошибке. И свадьбы никакой не было у Игоря Бахметьева с наследницей Прасковьей Шубниковой. Ее же вроде убили перед свадьбой. Причем родная сестра убила – Аглая. Откуда тогда взялся какой-то ребенок – продолжатель рода?

– Ну, их же было две сестры.

– То есть вы хотите сказать... то есть Казанский имел в виду...

– Внебрачного ребенка Игоря Бахметьева и Аглаи Шубниковой.

– Аглаи? – произвольно вырвалось у Кати. – Он хочет, чтобы его считали потомком этой сумасшедшей убийцы? Этой кошмарной твари с окровавленной пастью?!

Молотова резко обернулась к ней. Глаза ее блеснули. Или это на миг показалось Кате в сгущающейся темноте тупика Труда. *Мигнул огонь и погас...*

– Как вы живописно... Как вы охарактеризовали ее... А откуда вы... У вас что, есть какая-то информация об этом?

Она как судья. Тот тоже про информацию спрашивал. Их всех интересует, что нам известно. А у нас лишь фото. То, что дал нам покойный фотограф Нилов...

Как и на ферме, полковник Гущин сжал Катин локоть – молчи, ни слова больше.

– Мы просто разбираемся, – спокойно ответил он Молотовой. – Большое спасибо, что прояснили нам некоторые вопросы. Поздно уже, не буду вас больше задерживать, Мария Вадимовна.

В патрульной машине они молчали.

– Аплазия. Отсутствие девства, – хмыкнул капитан Первоцветов. – Такие совпадения через сто лет. Впрочем, такая аномалия, наверное, раз в сто лет и встречается.

Гущин молчал. А затем попросил Первоцветова отвезти их в пиццерию – они опять ведь круглый день маковой росинки...

Ужинать с ними в пиццерии капитан Первоцветов не остался. Его ждали еще дела в отделе.

Но он приехал в половине девятого в отель, куда они нога за ногу добрались из пиццерии. Гущин сразу ушел к себе в номер спать. Кате хотелось поболтать с Анфисой, обсудить все, что они узнали. Но капитан Первоцветов полностью завладел Анфисиним вниманием.

Они снова устроились в маленьком лобби, где варили кофе для постояльцев. В этот раз Первоцветов заказал кофе сам. Катя поплелась в номер.

Она уже клевала носом при свете лампы, Анфисы же все не было и не было. Наконец она тихо как мышка проскользнула в дверь, начала раздеваться.

– Вижу, появился для тебя магнит здесь попритягательней, чем наше расследование, – ворчливо, как старуха, упрекнула ее Катя.

– Не спишь? Ты о чем?

Катя погрозила ей пальцем.

– О нем? Да нет... брось... это так просто.

– О чем воркуете по три часа?

– Ни о чем. Так. – Анфиса чему-то мечтательно и тихо улыбалась, расстегивая лифчик. – Он меня о галерее расспрашивал. О моей работе. О фотографировании. Где я этому училась. Он умный парень. Хорошо образован. Встретяся мы при других обстоятельствах, я бы решила – он яппи такой весь... из какой-то компании, фирмы... консалтинг, IT. Даже

трудно представить себе, что он...

– Полицейский?

– Начальник полиции в захудалом городке на сто первом километре.

– О чем еще речь шла?

– Ну, я все про наши фотографии... Пыталась сказать ему, что это как мозаика. Что мы можем как угодно все это интерпретировать, а реальность – то, как все было на самом деле, – может оказаться совсем иной. И он со мной согласен в этом. Но сила фотографий... Пусть даже все это приукрашено и... Взгляни на мой аккаунт в Фейсбуке, какие там мои фотки – я же их постоянно редактирую, стараюсь выбрать, что попригляднее. И все так делают сейчас. Век селфи... И тогда тоже старались... Это все выборочно, что мы имеем. Правда – она может оказаться совсем другой. Так что надо быть осмотрительными и осторожными и не полагаться слепо...

Катя повернулась на живот и спрятала лицо в подушке. Ее душил смех. Заговаривайте, заговаривайте друг-другу зубы...

Анфиса разделась, завернулась в полотенце и пошла в душ. Среди шума воды Катя услышала, что она то ли поет, то ли декламирует. Она всегда пела в душе, когда на душе ее было светло.

Нет имени тебе, мой дальний... Но счастье было безначальней. И тишина. Была весна... Мгновение в зеркале старинном я видела себя, себя... И шелестела платьем длинным встречать тебя. И жали руку эти руки...

Нет имени тебе, мой дальний... Блок. Господин поэт. Пение стихов в душе – квинтэссенция счастья. Приплыли. Капитан Борис Первоцветов... Только этого нам здесь не хватало.

Осенняя луна снова пялилась в окно номера. У нее был еще более голодный, алчный вид, чем вчера. Катя закрыла глаза – лишь на миг. Так ей казалось.

Глава 28

Шифр

Открыла глаза... Ночь прошла мимо. В номере плавали утренние сумерки, делая все предметы обстановки еще нечеткими, как на расплывчатом фото.

Катя проснулась от боя часов во сне.

Часы на башне пробили один раз.

Банг!

Словно начало времен, начало начал...

Банг!

Катя резко приподнялась на локте на подушке. Это сон. Но с чем связан этот звук?

Банг... Банк...

Банк!

Анфиса сладко сопела в их общей гостиничной кровати. Она разругнулась во сне, темные кудрявые волосы разметались по подушке. Ей явно снилось что-то хорошее.

Банк...

Катя начала ее немилосердно трясти – просыпайся, просыпайся!

А потом, еще осовевшие от сна, они, голова к голове, разглядывали в цифровой камере снимки, сделанные Анфисой в городе. И Катя металась по номеру – плескалась в душе, погоняла Анфису, натягивала шмотки, скатывалась вниз по гостиничной лестнице в холл, где немногим постояльцам отеля накрывали утренний завтрак.

Восставший от сна полковник Гуцин с помятым лицом в полном одиночестве за их столиком меланхолично поглощал яичницу-глазунью из трех яиц. Фастфуд действовал на него угнетающе. Полковник явно мечтал о тушеном мясе с густой томатной подливой, которое дома готовил сам вследствие фактического разъезда с женой.

– Банк, Федор Матвеевич! – прошипела Катя, одновременно волоча за собой Анфису с камерой в руках и стараясь соблюсти конфиденциальность темы. – Банк в бывшем особняке купцов Шубниковых! Анфиса его сфотографировала – это так называемый Дом с башнями! Мы все банк искали, где Нилов спрятал остальное. Надо проверить!

Анфиса показала Гуцину снимок в камере. Тот глянул, вытер губы бумажной салфеткой и приказал им сначала поесть.

– Рано еще по времени, – объявил он спокойно. – И банк закрыт. И в суде судья дежурный... Нам же разрешение официальное потребуется на вскрытие ячейки, если шифр подойдет... так судья еще не появился. Ешьте, трещотки! Не раздражайте меня!

Получили разрешение в суде, известили капитана Первоцветова и двинули в Дом с башнями.

Внушительный особняк из красного кирпича с двумя угловыми башнями округлой формы располагался за городским музеем, в маленьком тенистом парке, засыпанном палой листвой. Особняк огораживала чугунная решетка, призванная защитить от посягательств место бесплатной банковской парковки. Над входом в особняк красовалась огромная вывеска: «Банк «Кредит». А само здание имело флигель – вросший в землю

кирпичный кубик в два этажа с окнами, забранными решетками и закрытыми железными рольставнями. Флигель соединялся с особняком фантастического вида галереей со стеклянным потолком, какие бывают лишь в ботанических садах.

Внутри из старинной обстановки и декора сохранилась лишь мраморная лестница да витражи в стиле ар-деко в виде павлинов, все остальное было переделано в стиле обычного банковского офиса.

Их встретил менеджер, капитан Первоцветов предъявил постановление судьи, полковник Гуцин показал запись шифра.

– Да, это наш код. Номер ячейки в хранилище и код доступа, – менеджер закивал головой. – Хранилище во флигеле.

– Мы вскроем ячейку, – сказал Гуцин.

Менеджер повел их в глубь здания. Катя оглядывала помещение. *Здесь они жили... все... И те, кто на фотографиях, и те, кого мы не видели, но знаем их имена и деяния. Вымерший род... И она была здесь – Елена Мрозовская. Ходила по этим залам и коридорам. Что здесь случилось тогда?*

Она видела – Анфиса занята схожими мыслями. Ищет взором, куда бы прицепиться, нацелить объектив. Здесь нельзя фотографировать – тут банк. Фотограф Денис Нилов оставил часть своего архива здесь. Ведь он жил в Горьевске... Он воспользовался местным банком, но часть фотографий затем забрал с собой в Москву – ведь он хотел их выгодно продать.

Менеджер вел их стеклянной галереей.

– Не слишком практично для банка, – заметил Гуцин. – Потолок и тот стеклянный. Влезут.

– Заложить здесь все кирпичом не в нашей власти – это памятник архитектуры и истории. Дом Шубниковых. Здесь когда-то располагались оранжерея, зимний сад. Говорят, ананасы к столу выращивали, лимоны, дыни – купцы богатые. И цветы. Мы эту часть отреставрировали на средства нашего банка как дар городу. А в плане защиты от проникновений приняли свои меры.

Катя смотрела под ноги – пол в бывшей оранжерее новый. Итальянская терракотовая плитка.

Вход во флигель преграждала железная дверь с электронным замком. Менеджер коснулся сенсора. Им открыл охранник в форме.

Они прошли к стойке.

– Посмотрите в файлах: Нилов Денис, – попросил Гуцин.

Глянули в компьютере.

– Есть. Он арендовал ячейку. Номер его паспорта.

– Когда это случилось?

– Пятнадцатого сентября. Он был еще раз в хранилище – почти через месяц. Либо что-то забрал, либо положил.

– Забрал, – шепнула Анфиса Кате. – Накануне того, как явился ко мне в галерею с предложением о продаже. Наверняка о нашем мероприятии в интернете отследил.

– У вас есть записи камер? – спросил Первоцветов.

– В самом хранилище, где ячейки, камер нет. Полная конфиденциальность для клиентов. Наружные уличные камеры и камеры в зале работают всегда, как того требует безопасность.

– Мы изыдем пленки для просмотра.

Охранник открыл для них дверь зала ячеек. Полковник Гуцин сверился с шифром. Он шел вдоль ряда маленьких стальных боксов.

– Замок без ключа?

– Электроника. У арендатора считывается биометрия, отпечаток пальца. Или по шифру. Вводите цифры.

Гуцин потыкал толстым пальцем панель. Пискнуло, замок щелкнул. Гуцин открыл дверь сейфа.

Они все сгрудились за его спиной. Внутри лежало два больших конверта из коричневой крафтовой бумаги.

Смотреть, что внутри, в банке, на глазах любопытных менеджеров, естественно, не стали, вернулись в отдел.

И там, в кабинете, полковник Гуцин взвесил оба конверта на ладонях. Один был гораздо толще, и Гуцин решил начать с него. Аккуратно ножницами отрезал край и вытряхнул на стол содержимое.

Фотографии. Старые, как и прежние. Много фотографий.

– Анфиса Марковна, слово вам. Вы у нас спец. – Гуцин сделал приглашающий жест.

Анфиса уселась за стол, начала раскладывать снимки, пристально рассматривать их, переворачивать, чередуя в каком-то лишь ей ведомом порядке.

Капитан Первоцветов подошел к ней вплотную и встал у нее за спиной. Катя поймала его взгляд – он смотрел не на фотографии, а на затылок Анфисы, на завитки ее темных волос.

– Вот. Это Мрозовская снимала. Ее стиль. – Анфиса подвинула к Кате и Гуцину два снимка.

И Катя тоже узнала руку гения фотографии – та же немного расплывчатая манера, что и на знаменитом снимке актрисы Комиссаржевской. Но если там этот прием способствовал воздушности и

свету образа, то здесь – зеркально наоборот. Темные тени, стена и на ее фоне – выхваченный призрачным ночным светом керосиновой лампы силуэт.

– Аглая Шубникова, снова она, – сказал Гущин.

Аглая на фотографии Мрозовской сидела, скрючившись, в углу кожаного дивана – того самого, испорченного. Взгляд ее был обращен на зрителей. Светлые волосы разметались по плечам. В глазах застыло странное выражение, словно зрачки ее жадно впитывали в себя лица тех, кто смотрит. Хрупкость, уязвимость девичьего образа – и при этом что-то недоброе, взгляд газели – и одновременно тигра перед прыжком.

– Глазастая какая тварь! – не удержался Гущин. – А тут она чего? Это что с ней рядом? Манекен?

Манекен. В модной шляпке с вуалеткой и атласном корсете. Он стоял рядом с Аглаей на другом снимке. Она выпрямилась в полный рост и положила манекену руку на плечо. Она снова смотрела в объектив в упор. Лицо ее напоминало белую маску. А лик манекена пугал – размалеванный, с кругами вместо глаз и нарисованным ртом.

– Что там во рту? – Гущин снял очки и как сквозь лупу начал разглядывать фото. – Непонятно.

– Браслет, – сказал капитан Первоцветов. – Белые камни. Жемчуг.

Анфиса достала свой фотоаппарат и пересняла снимок. Затем подключила камеру к ноутбуку Первоцветова, который тот подвинул к ней. Вывела снимок на экран, укрупнила. Все расплылось.

– Вроде браслет. И он на чем-то висит, приколот в центре этого лица манекена.

– Что все это может значить? – спросил Гущин.

– Ну, если по Фрейду эту позу Аглаи толковать, ее тандем – что-то вроде двойника, – сказала Анфиса. – Скрытого альтер-эго. Двойственность. Но я не психолог, могу ошибаться.

– Двойственность натуры. – Гущин изучал снимок. – Это Мрозовская снимала?

– Да, это она.

– А остальные фото?

– Нет. Другая техника, снова была использована галогенсеребряная фотобумага на основе желатина. С венских ортохроматических пластин, которые использовала Мрозовская, такая печать не получится. И там пояснения на обороте. Ее рукой. Она опять оставила нам свои автографы и... свои выводы.

Катя напряженно всматривалась в снимки, выложенные Анфисой один

под другим.

На первом был изображен...

– Ребенок! – воскликнул Гущин.

Они все уставились на фото.

Девочка лет трех в коротком платьице, белом переднике и башмачках. Она цеплялась рукой за ствол пальмы в кадке. А за ее спиной раскинулся грандиозный зимний сад – оранжерея со стеклянным потолком и стенами. Растения в кадках и горшках. Маленькая фигурка почти терялась на фоне этих джунглей. Но взгляд ее был пристален и тяжел – совсем не детский взгляд. Умный, взрослый, злой.

– Это та самая стеклянная галерея из банка, – сказал Гущин. – Точно она. Оранжерея в особняке Шубниковых. А девочка... Ну, вот вам и ответ – был все же ребенок у этой сумасшедшей Аглаи и этого... как его... фамилию постоянно забываю...

– Игоря Бахметьева, – подсказал Первоцветов.

– Получается, правду сказал Андрей Казанский, не солгал. – Гущин разглядывал фото. – Он потомок купцов-фабрикантов и сумасшедших... Есть чем гордиться. Только девчонка какая-то...

– Это не ребенок Аглаи и Бахметьева, – возразила Анфиса. – Это сама Аглая Шубникова в детстве.

Она перевернула фотографию. И Катя сразу узнала знакомый округлый почерк. Елена Мрозовская написала на обороте синими чернилами: «Глафира фотографировала дочь Аглаю. И остальные снимки – ее работы».

– То есть как это? – Гущин снова сдернул очки. – Эта жертва отравления... Глафира, их мать... Она что, тоже была фотографом?

– Елена Мрозовская написала. Наверное, она что-то узнала. Ей видней, Федор Матвеевич. – Анфиса указала на снимки. – Вы лучше взгляните на это. Если Глафира делала эти снимки тогда, в восьмидесятых годах девятнадцатого века, я перед ней просто шляпу снимаю!

На следующем фото была изображена...

Башня с часами.

Но она на фото была маленькой, словно уменьшенной до человеческого роста. А вот циферблат часов выглядел непропорционально большим. Он таращился на зрителей, словно выпученный глаз. Напротив маленькой башни стояла сама Глафира, одетая в изящное темное платье, отделанное кружевами. В руках ее была гигантская лупа, поставленная на ручку. Глафира держала ее обеими руками за увеличительное стекло и сквозь эту огромную призму разглядывала башню и циферблат.

– Фотоколлаж. Тройной монтаж, – восхитилась Анфиса. – И это в то

время, когда художественная фотография еще делала первые шаги! Глафира была мастером, ничего не скажешь. Три снимка совмещено здесь, увеличение кадра, уменьшение и все с соблюдением пропорций.

– На снимки картин Дали похоже, – заметил Первоцветов.

– Дали тогда еще не родился. И Глафира бы его поучила сюрреализму. – Анфиса восхищенно разглядывала фото.

Гущин мрачно уставился на остальные снимки.

На первом Глафира сфотографировала картину, не слишком искусно написанную маслом. Дитя в длинной ночной рубашке, с темными распущенными волосами, мрачное, с раскрытой книгой в руках. А за ней – словно темная тень, огромная. Некто косматый, с глазами, пылающими как уголья.

– Дитя и демон. – Анфиса глянула на Гущина.

– Это из какой-то книги иллюстрация переснята. И не поймешь, мальчишка изображен или девчонка. – Гущин опять водрузил очки на нос. – А это похоже на гравюры.

Да, на двух других фотографиях были запечатлены старинные гравюры.

На одной – силуэт человека с анатомическими подробностями, какие любили изображать художники Возрождения: вены, артерии, мышцы, кости, словно пособие по анатомии. Человек был распялен на фоне циферблата, представлявшего собой открытый часовой механизм – вся механика тоже обнажена, как и человеческое тело без кожи: зубчатые колеса, шестеренки, валы.

Человеческая фигура была словно повешена на часах. И она имела одну особенность – несколько пар рук и ног. Сведенные агонией, они застыли в разных положениях, как стрелки часов, показывающие разное время.

Последний снимок тоже был сделан со старинной гравюры: часовой циферблат, расколотый посередине. В трещину выбиралось в мир что-то невообразимое – извивающееся, лишенное глаз, с зубастой пастью, раскрытой в крике то ли боли, то ли торжества. Будто кто-то рождался из скорлупы часов. Или прорывался в образовавшийся портал.

Полковник Гущин, внимательно рассмотревший все это, выглядел крайне разочарованным.

– Оккультизм какой-то дряхлый. Я думал, что-то дельное. У Елены Мрозовской все намного интереснее. Сама жизнь, пусть и страхи засняты, ужасы, убийство. Но это реализм, мастерство. А это какая-то темная фантазмагория.

– Манга, – усмехнулся капитан Первоцветов. – Тогда тоже люди рисовали и фотографировали комиксы.

– *Похоже на какой-то ритуал*, – заметила Анфиса. – Давайте вскроем второй конверт, что, интересно, там?

Полковник Гуцин аккуратно ножницами отрезал край второго крафтового конверта фотографа Дениса Нилова. Заглянул внутрь и...

Он мгновенно опустил руку в карман и достал пакет с резиновыми перчатками, которые всегда имел при себе.

Катя привстала со стула. Что в конверте?

Полковник Гуцин, уже в перчатках, извлек из крафтового конверта другой, из когда-то белой, а теперь пожелтевшей бумаги.

Он был запечатан. На лицевой его стороне стоял выцветший штамп.

– УКГБ по Москве и Московской области. Переподчинен 26 сентября 1991 года. Гриф «Для служебного пользования», – прочитал Гуцин. – Здесь запись: «Выдано из архива 27 сентября 1991 года». И подпись... неразборчивая... Подпись того, кто получил.

Катя разглядывала штампы, гриф и подпись – кудрявые завитки.

– Первая буква «К», Федор Матвеевич. Остальные...

– Остальные эксперт-графолог прочтет. – Гуцин пощупал конверт. – Там тоже снимки – один или два.

Он опустил конверт в другой, крафтовый, и сразу достал мобильный. И позвонил в Экспертно-криминалистическое управление Главка.

– Пусть бросают все дела, выезжают в Горьевск. Сейчас не могут, пусть приезжают вечером, ночью, мне срочно нужно. Займутся завтра с утра. Да, да, срочно... Нужны эксперт-графолог и специалист по архивному делопроизводству, оформлению документов. Надо выяснить подлинность, был ли вскрыт конверт, когда... недавно или же его вскрывали и снова запечатывали... И роспись... Есть ли подчистки в датах... Да, вся информация. И что там внутри.

Катя поняла, что Гуцин в этом случае хочет играть по всем правилам. И не упустить ни единой возможной улики.

– Как вы думаете, Борис, что все это значит? – тихо спросила Анфиса. – При чем здесь вообще это?

Первоцветов сел с ней рядом.

А потом он улыбнулся растерянной Анфисе. Ободряюще и вежливо.

Глава 29

Горничная

12 апреля 1903 года. 6.30

Ее разбудил солнечный свет.

Елена Мрозовская открыла глаза – потоки утреннего света лились в спальню через высокое окно с незадернутой бархатной портьерой.

Широкая кровать, вся влажная от их пота, со скомканным бельем, упавшим на пол парчовым покрывалом. Покрывало синее, в лилиях, и шелковые обои такие же. Эти ткани делали на фабрике, Шубниковы любили синий и золото.

Она ощущала на себе его тяжесть. Он лежал на ней, прижимая ее к влажной простыне, закрывая собой и все еще был в ней. Они заснули мгновенно, сладко обессиленные. Но вот во сне он повернулся на бок, выбросил руку в сторону, словно отпуская ее на волю.

Елена Мрозовская отстранилась, приподнялась на локтях. Все было новым в это солнечное утро. И ее тело, и мысли, и мечты. И он... Игорь...

Она тихонько встала и сразу увидела себя в огромном зеркале спальни – обнаженную, с рассыпавшимися по плечам темными волосами. Отражение походило на хороший фотоснимок. Свет окутывал тело золотистой дымкой. В этот момент Елена Мрозовская не критиковала себя, не искала, как обычно, во всем изъяны, а любила себя и любовалась собой. А когда ее взгляд упал на него, ее затопила волна восхищения.

Мужское обнаженное тело... Античный торс, сильные руки, бедра, линия спины, бугры мускулов. Да, почти античная красота, мощь. Фотогеничность потрясающая. Когда-нибудь время придет и для таких фотографий, портретов натуры, где все обнажено и прекрасно. Новый, двадцатый век откроет новые грани человеческой красоты и сделает доступным то, что было табу, снимая запреты.

Игорь Бахметьев перевернулся во сне на спину. Мрозовская увидела его целиком – улыбнулась и густо покраснела. Ооооо, неееет... Это все же так интимно, это не для публичного показа на фотопортрете «Спящего героя». Ненасытный даже во сне...

Она снова окинула себя взглядом в зеркале – да, это любовь, Леночка. Свободная любовь, о которой вы столь пылко разглагольствовали на заседаниях женского эмансипированного кружка, ратуя за феминизм и равноправие полов. Ты влюбилась в него сама, а он после года и шести месяцев разлуки, после страшной катастрофы прислал тебе с курьером четыре тысячи рублей и попросил снова приехать фотографировать. А потом оказалось, что он тоже любит тебя... Он так сказал. И соблазнил тебя в темноте, как наивную пастушку из романса. И ты отдалась ему. Вы теперь на равных. Вы равны. Вы свободные любовники. Радует ли это тебя, Леночка?

Радует.

Елена Мрозовская дотронулась до зеркала. Радует. Потому что это такое наслаждение и счастье, за которое можно и жизнь отдать. Вот сейчас, в этот миг. И потом. И всегда. И бедные, бедные, обделенные судьбой те, кто не знает этого, кто боится любви. Кто изгоняет из своего бытия всю радость, всю эту горячку, страсть, порыв чувств, прикрываясь религией и моралью как щитом.

«Как он обнимал меня крепко, так что захватывало дух...

И я ощущала себя в его сильных руках пушинкой, легкокрылой нимфой, я, которая таскает на плечах тяжелые треноги для фотоаппарата и еле утягивается в тесный корсет...

Как он шептал мне «Леночка, счастье...» и целовал соски...

Как я кричала от наслаждения, потому что невозможно было сдержать эти вопли – так было хорошо... Сладко, когда он меня любил сильно и глубоко.

Принести бы сюда фотоаппарат, поставить на треногу и сфотографировать нас, как есть – влюбленных, нагих, жадных, счастливых, свободных. Да, возможно, сбившихся с праведного пути, но получивших гораздо больше...

Сфотографировать и выставить. Пусть смотрят. Пусть завидуют. И пусть орут, бросают свои камни, осуждают.

Но все равно завидуют.

Это жизнь, как она есть. И она бывает счастливой. И теперь я знаю это наверняка. На своем женском опыте».

Он что-то прошептал во сне. Елена Мрозовская смотрела в его лицо. Она бесконечно любила его и была ему благодарна.

Надо помогать ему во всем. И отбросить свои глупые мысли. И подозрения. Надо закончить работу для медицинского освидетельствования этой сумасшедшей. И пусть ее не отправят на каторгу, пусть запрут здесь на веки вечные под врачебным надзором. А все остальное...

Все остальное надо просто беспристрастно изучить. Взглянуть на все под прагматичным углом, по-современному. И снова вернуть в их семейный архив.

Она подняла с пола парчовое покрывало и закуталась в него, как в тогу. Обозрела свои вещи, раскиданные по полу – чулки, панталоны, туфелька, мятая юбка... А вон его рубашка... «Если одеваться здесь, он проснется. Пусть спит. А я...»

Она нашла на полу ключи от фотолаборатории и выскользнула из спальни. На секунду задержалась на пороге. А чья это спальня? Неужели

та, брачная?.. Нет, нет, он бы не принес ее в ту спальню на руках. Здесь в углу книжный шкаф и бюро со сложенными стопкой кожаными grossбухами и тетрадями. Может, здесь жил Савва? Или их отец – старый Шубников? В этом доме десятки комнат и спален.

В фотолаборатории она сначала зажгла красный свет в лампе. Проверила – все в порядке. Потушила красный и открыла ставни узкого окна. Немного солнца не помешает даже здесь. Надо все закончить.

Она погрузилась в работу, то и дело поправляя свое нелепое одеяние, сползающее с полных плеч.

И внезапно...

Она ощутила, что он рядом.

Надо же, как тихо вошел – ни звука шагов, ни скрипа двери.

Он стоял перед ней так близко, что его широкая грудь почти касалась ее груди.

– Бросила меня одного...

– Не бросила, – она улыбалась радостно и смущенно. – Надо сделать. Это же моя работа.

– Какая ты красивая... Хочу тебя опять...

Она снова оказалась в кольце его рук. Он тоже пренебрег одеждой. Замотал вокруг бедер полотенце. Он был похож на египетского воина, которого она видела на раскрашенном барельефе в Лувре. И Мрозовская при виде его обнаженного торса ощутила знакомую дрожь в коленях. Трепет...

Превозмогая себя, она повернулась к проявочному столу. Он не отпускал ее, целовал сзади в шею в завитки волос. Целовал ей ухо.

– Мои фото вышли недурно. Ее... Глафиры тоже. Она Аглаю фотографировала в детстве. Это ведь Аглая в зимнем саду?

– Да.

– А остальное? Игорь, что это, по-твоему?

Он смотрел на изображения из-за ее плеча.

– Это, наверное, из книг переснято.

– Их каких книг?

– Их отца. Ее свекра. После него осталось много всего. Мамонт потом сжег.

– То есть как?

– Перед тем как застрелиться. В камине в его кабинете было полно золы и каких-то ошметков, обгорелых страниц. Я сам видел, когда я... когда мы вошли туда с полицией. С приставом.

– Здесь фото гравюр и надписи на латыни, только разобрать

невозможно. Эти фигуры на циферблатах... И это поразительное фото Глафиры с лупой и башней с часами! Совмещенное изображение. Она словно хочет всем этим что-то сказать. Зачем же Мамонт сжег книги своего отца?

– Я не знаю. На него тоже накатывало. Порой я не узнавал его – словно другой человек. Он изменился. У него тоже были свои странности.

– Какие? – Мрозовская спрашивала, а руки ее ловко делали свое дело.

– Ну, он вбил себе в голову разную чушь.

– Что, например?

– У них были разные спальни с Глафирой. Он мне сказал – она настояла после рождения Прасковьи.

– Это обычное дело. Возможно, ей нездоровилось.

– И я ему это говорил. Но он... Он мои слова пропускал мимо ушей. А когда появилась собака...

– Собака? Что за собака?

– Та, что на фотографии с Глафирой. Ты фото сделала с пластин, что нашлись здесь, в фотолаборатории, – тогда, полтора года назад, помнишь?

– Да. А при чем тут собака?

– Она привезла ее с собой. Ездила в Москву за покупками. Наверное, там и приобрела. Черный здоровый кобель. Кажется, дог. Я не разбираюсь в породах. Она с ним не расставалась. Он всюду за ней ходил – без поводка, в ошейнике. И спал в ее спальне, охранял. А Мамонт...

– Что Мамонт? – она обернулась к нему.

– Он... Когда Глафира объявила, что беременна снова... А потом родилась Аглая...

– Так что Мамонт?

Игорь Бахметьев взял ее лицо в свои ладони.

– Это все горячечный бред. Они все были больны. Это как чума... Мамонт тоже не смог этому противостоять.

– Чему? Игорь?

Поцелуй. Он приник к ее губам, сжал ее так, что у нее снова перехватило дыхание. Он затыкает ей рот... опять... целует... ооооо, целует, целует, раздвигает коленом ее ноги.

– Игорь, не здесь, пожалуйста...

– Умираю без тебя... Леночка, королевна... Хочу тебя здесь, сейчас...

Он прижал ее к проявочному столику, одновременно обнимая все крепче и медленно стягивая с ее плеч, груди, бедер парчовое покрывало. Дернул резко свою набедренную повязку – полотенце упало на пол. Он приподнял ее, раздвигая ее ноги, и вошел так стремительно и сильно, что

она пронзительно закричала и почти сразу кончила, потому что она сама так сильно и страстно хотела его в этот миг.

Полетела на пол какая-то склянка с химикатами. Перед глазами Мрозовской все плыло, вспыхивали огни, она слышала его стоны, он не контролировал себя, он шел к цели...

В дверь лаборатории громко постучали. Потом загрохотало забарабанили.

– Что там еще? – прошептал Бахметьев, – Что?!

– Барин! Ваше благородие! Беда!

– Пошли все к черту!!!

– Ваше благородие! Беда!

Кричали сразу несколько голосов – лакеи, другая прислуга – горничные, повара.

Он толкнул так глубоко, что она кончила еще раз. И он выплеснулся весь без остатка, она ощутила жар его семени у себя внутри. Они еще не могли оторваться друг от друга, он подхватил ее под колени одной рукой, понес к двери, не отпуская. Мрозовская плохо соображала, не могла прийти в себя, она трепетала от восторга и наслаждения, все по-прежнему плыло, кружилось, переливаясь то радугой, то вспыхивая синими молниями.

Он открыл дверь так, что было видно лишь его лицо, скрывая ее – свою сладкую ношу. Но прислуга, сгрудившаяся за дверью, все равно узрела ее руку, обвившую его шею.

– Что за базар?! – рыкнул он, как лев.

– Беда, ваше благородие! Горничная Варька... Варвара... прибежала оттуда... там... О господи! Да вы взгляните на нее!

Игорь Бахметьев захлопнул дверь у них перед носом. Коснулся лица Мрозовской, лаская кожу, и отпустил ее.

– Надо взглянуть, что там стряслось.

Поднял с пола полотенце, снова замотал вокруг бедер и ринулся из фотолаборатории.

Через пять минут Елена Мрозовская на нетвердых ногах, все в той же нелепой парчовой тоге, вышла за ним следом.

Голоса, шум где-то в холле или в людской... или в кухне...

Она шла полураздетая, пытаясь собрать в кулак всю свою гордость. Прислуга теперь все знает... Стыд? Долой стыд? Ооооооо!

Но в следующую минуту все ее мысли были унесены прочь – настолько увиденное ужаснуло ее.

В холле, возле парадной мраморной лестницы, у витражей с изображением павлинов, собрались все: слуги, полуголый Игорь

Бахметьев. Тут же был и молодой кучер Петруша.

Он стоял возле молоденькой горничной – той самой перепуганной девочки, что открывала им дверь в Доме у реки. Он поддерживал ее под мышки, не давая упасть, осесть на пол.

Лицо горничной, вся левая сторона ее форменного платья и белый передник были залиты кровью. Мочка левого уха то ли оторвана, то ли откушена. И кровь капала на мраморный пол холла. Волосы горничной свисали окровавленными сосульками, слева виднелась алая проплешина – видно, из скальпа вырвали клоч волос с мясом.

Она не могла говорить, только протягивала к Бахметьеву измазанные кровью руки и пронзительно скулила, словно раненая собачонка.

Сквозь этот вой и бульканье Мрозовская различила лишь: «Она... они вошли... утро ж... убрать... а она... они все... только я...»

– Окажите ей помощь. Перевяжите. И немедленно пошлите за доктором, – распорядился Игорь Бахметьев. Кивнул кучеру. – Готовь коляску! Пошлите на фабрику за управляющими. Возможно, надо будет собрать людей в помощь. Я сам еду туда, в дом...

Он увидел Мрозовскую.

Крепко взял ее за руку – как товарища, соратника, как свою женщину – на глазах у всех.

– Лена, я сам с этим разберусь. Сейчас. Черт, только надо одеться!

Глава 30

Скрытое

Полковник Гуцин уединился в одном из свободных кабинетов розыска, как только спрятал конверт со штампами в сейф. После этой находки в ожидании приезда квалифицированных экспертов-криминалистов он начал звонить по разным телефонам. И Катя понимала – эти звонки, эти каналы, по которым Гуцин пытался собрать хоть какую-то информацию, не для чужих ушей.

Кабинет капитана Первоцветова им с Анфисой тоже пришлось освободить. Начальника ОВД осаждали сотрудники с документами на подпись – по текущим делам и увольнению со службы. Первоцветов погряз в этом бумажном болоте. Затем он куда-то уехал на патрульной машине.

Катю и Анфису он переселил в крохотный кабинет рядом с дежурной частью – насквозь прокуренный, однако украшенный пышными зелеными цветами в горшках на подоконнике. На двери каморки еще сохранилась табличка «Старший оперуполномоченный Мурин». Инициалы. Катя поняла: они в бывших владениях отделовского мизантропа, почти совсем

уже ушедшего на пенсию.

Фотографии – все, кроме странного конверта, – им тоже оставили. И они разложили их на столе, зажгли лампу.

Анфиса поколдовала над ними, рассортировала: это фото Елены Мрозовской, а это другие, сделанные Глафирой Шубниковой, как утверждалось в записи Мрозовской.

Они начали разглядывать каждый снимок детально, стараясь увидеть то, что, возможно, пропустили раньше.

– Это, конечно, страшно. – Анфиса указала на фото дикой Аглаи с оскаленным окровавленным ртом. – Но знаешь, Катя, я все смотрю на эти снимки. Да, убийство сестры сестрой. А до этого такая домашняя пасторальная идиллия. Их мать Глафира... Бесспорно, она увлекалась оккультизмом. Ну, тогда время было такое – восьмидесятые, девяностые годы девятнадцатого века. Тогда все повально занимались столоверчением, спиритизмом, вызывали духов, откапывали в старых библиотеках колдовские средневековые трактаты, сочиняли романы и поэмы в оккультном духе, основывали ордена черной магии. Мода была на это. И Глафира вполне отвечала модным требованиям своего времени. И у нее все это к тому же причудливо переплеталось с увлечением передовой по тем временам технологией фотографирования. Это тоже было ново тогда и модно. Это так же объяснимо, как нынешняя мода на социальные сети, лайки, когда сам себе и фотограф, и комментатор, и критик, и спорщик – фолловер. Как раз это меня не удивляет. Меня настораживает другое.

– И меня настораживает другое, – согласилась Катя. – А что *тебя* настораживает?

– Под всем этим, – Анфиса указала на снимки, – что-то кроется. Что-то скрыто там. И мы пока никак до этого не дойдем.

– Третий слой. И в здешних убийствах – то же самое, – Катя кивнула. – Что-то кроется за всем этим. Что-то такое, что показывается лишь на мгновение и ускользает. А мы не можем расшифровать узор. Все распадается, хотя многие логические связи вроде бы вполне убедительны.

– Меня интересует, как ко всему этому относилась она... Елена Мрозовская.

– А мне жаль, что нет ее снимков всех остальных. Ну да понятно, эти все Шубниковы – Мамонт, его брат, Глафира, – они умерли задолго до ее приезда в Горьевск. Но Игоря Бахметьева она могла бы сфотографировать. Она же снимала его невесту Прасковью. А где же жених? Давай в интернете посмотрим, что про Горьевск, про фабрику с башней и про купцов написано?

Они погуглили на планшете. Полное разочарование. Все это они уже знали. Об этом им рассказали в музее. Ничего нового.

Начали гуглить еще. Увлечлись, не слышали даже, как в кабинет вошел капитан Первоцветов, вернувшийся в отдел.

Катя решила «посмотреть на него пристально». Поначалу она вообще мало обращала на него внимания, отметила лишь то, что он в розыскном деле не профи, но вроде и не профан. Но раз уж душечка Анфиса в глубине души увлеклась этим одиноким холостым капитаном, надо как-то его прояснить. Понять. Предостеречь. Чтобы и этот Анфисин блин не вышел комом, как ее прежний роман с «полицейским героем».

– Борис, пойдете с нами обедать? – самый нейтральный вопрос. – Или ужинать, за окном-то уже смеркается.

– Идемте, я вас до пиццерии провожу. Пройдусь, проветрюсь.

– А вы совсем ничего никогда не едите, да?

– Ем достаточно.

– Только рис и зеленый чай? Вы буддист?

– Мне нравится буддизм, дзен. Но я не буддист.

– А мы с Анфисой сто лет в Тибет и Непал собираемся. Поедете с нами, капитан?

Анфиса под столом больно наступила ей на ногу.

– Поеду. Если пригласите.

– Анфиса, слышишь? Он поедет. – Катя как ни в чем не бывало повернулась к подруге. Ее уже забавляла эта комедия положений. – Вам говорили, что у вас очень изменчивое лицо?

– Изменчивое?

– Ну, меняется все время, очень подвижное. Как у актера Майкла Фассбендера. Один человек – сто образов. Анфиса, а капитан на него похож.

– Да, – сказала Анфиса. – То есть... возможно. Кать, прекрати. Давай одевайся, пойдем поедем.

Катя встала, ища в этом новом пристанище свою куртку. Капитан Первоцветов открыл дверь. Голос Гущина – опять на кого-то разоряется – на местных экспертов, что ли, или оперов? Чем-то ему снова не угодили два с половиной оставшихся дееспособными в профессиональном плане сотрудника.

– Я тут навел кое-какие справки, – сказал капитан Первоцветов, обращаясь и к ним, и к подходящему к дежурной части Гущину. – Вы просили выяснить про врача из роддома Ульяну Антипову.

– Та, что интересовалась браслетом с фальшивыми камнями? –

вспомнила Катя.

– Она известный в городе врач. Я разговаривал с сотрудницами нашей картотеки и канцелярии – многие сами получали от нее помощь при родах, у других дочери рожали, всегда хотели, чтобы она и ее бригада роды принимали. Славится она. Она дочь подруги Маргариты Добролюбовой. Я так понял, в восьмидесятых они вместе были сосланы сюда из Москвы на сто первый километр. Доктор Антипова, кажется, страшно стыдится, что ее мать когда-то... ну, слыла женщиной легкого поведения. Они тоже осели здесь, в Горьевске, как и Добролюбова. Сейчас Ульяна Антипова – респектабельная дама. И еще о ней говорят... Она любовница Андрея Казанского. Ее несколько раз видели в городе вместе с ним. И в отель «Бережки-Холл» они часто на выходные ездили, их видели там в ресторане, в зимнем саду.

– Любопытно, – заметил появившийся на пороге кабинета полковник Гущин, он все слышал. – А что про Казанского говорят?

– Ну, он действительно давний знакомый Марии Молотовой. Точнее, она знала его семью, его мать, ныне покойную. Еще во время своей ссылки. Та ее опекала здесь, в городе, помогала ей. Казанский тогда еще ребенком был. А наш свидетель Вакулин Александр, он, по городским слухам, – давний любовник Марии Молотовой. Опять же еще со времен ссылки. Он старше Казанского, тогда был еще зеленым юнцом. И по слухам, влюбился в красавицу-актрису, борца с режимом, насмерть. Не скажешь по нему, да? Вроде простой совсем мужик, грубоватый. Они и сейчас дружны. Там все уже давно перегорело, но Вакулин к Молотовой относится с большим уважением.

– Любопытно, – снова повторился Гущин. – Ну а что в соцсетях болтают про судью Репликантова?

– В соцсетях ничего. Он соцсетям неинтересен, Федор Матвеевич. Он уже стар для соцсетей. Это больше похоже на сарафанное радио. Мне в трех местах сегодня сказали про судью: он скоро в ящик сыграет. Ему, конечно, все желают здоровья и выздоровления, однако... То же самое подтверждают, что и бывшая начальница его судебной канцелярии: одной ногой в могиле судья. Якобы врачи от него уже отказались. Он раньше все по больницам лежал, еще когда работал, а сейчас больницы кончились. Были экстрасенсы. Говорят, даже куда-то в Сибирь он летал к какому-то шаману-целителю. Но сейчас и это все заброшено. Разуверился в шаманах. О нем в городе говорят: вот и денег полно у Окорока, свиноферма, счета в банке на имя дочери, а смерть на пороге. Что угодно, мол, отдашь, чтобы или выздороветь, или отсрочить. В любую чертовню поверишь, чтобы

желание исполнить.

– В любую чертовню? – Гушин почесал нос. – Любопытно. Ладно. Кто тут обедать-ужинать собирался? Есть в этой дыре хоть какое-то место, где первое варят? Суп?

– За супом – это в «Горьевские дали», к Вакулину. Там просто и дорого: лапша по-домашнему и харчо, с бодуна после праздников им опохмеляются.

– Вы же пьете только зеленый чай, – съязвила Катя.

Первоцветов не отреагировал. Он смотрел на Анфису. Она встретила с ним взглядом и порозовела от удовольствия.

Они все вчетвером вышли на улицу. Было совсем еще рано – начало шестого, но уже смеркалось. И в Горьевске зажглись фонари.

Глава 31

Невероятное

Они медленно брели по Горьевску. Катя наблюдала любопытное явление: вечерний час пик в провинциальном городке. Главная улица оживилась – народ после работы заходил в продуктовые магазины, в булочную. Покупали от безденежья всего понемногу, словно мыши, не делающие запасов. Из бесчисленных аптек (кроме них и магазинов «Цветы», особо ничем и не торговали) выползали пенсионеры. Заметно прибавилось машин на проезжей части. Они со свистом рассекали по городу.

Капитан Первоцветов вел их к «Горьевским далям» за вожделенным харчо для Гушина. Они свернули с главной улицы на Фабричную. А затем случилось вот что.

Этот звук.

Катя впоследствии много раз пыталась восстановить его в памяти и описать как можно точнее – не удар, не скрежет металла (это все раздалось после, через несколько секунд). А этот звук скорее напоминал какой-то утробный, глубинный механический стон. Будто старый ржавый корабль-призрак, севший на мель у побережья, гудел, как пустая бочка, под ударами волн.

А потом слышались глухой удар и звон битого стекла. Машина, стоявшая первой на светофоре узкой улицы, тронулась и сразу с визгом затормозила. А ей в багажник с размаху врезалась другая. Третья тоже ткнулась в них бампером.

Ее шофер гневно заорал. Но водитель первой машины выскочил из салона точно ошпаренный и застыл на месте, вперившись взглядом куда-то

вперед. Водитель второй машины тоже выскочил наружу и тоже мгновенно впал в ступор.

Кто-то удивленно закричал позади Кати. Она увидела, как полный мужчина в болоньевой куртке и кепке, вышедший из супермаркета с сумками, уронил их на тротуар и кричал жене: «Смотри, смотри!» – и указывал куда-то в конец улицы.

А улица эта шла под уклон, и сквозь нее, словно сквозь горное ущелье, отлично были видны корпуса фабрики и башня с часами.

И с башней творилось нечто невероятное.

Снова этот звук – механический стон, гулкий, протяжный, скрипучий.

Мертвые стрелки на циферблате, остановившиеся бог знает когда, медленно... очень медленно стронулись с места. Поползли синхронно назад, дрожа и дергаясь, словно их тянула невидимая глазу сила.

И вдруг – словно с цепи что-то сорвалось.

Стрелки бешено дернулись и резко описали круг по циферблату – назад.

И еще один раз.

Полный круг назад – резко и быстро, падая вниз под силой собственной тяжести и снова вползая, точно на гору, к отметке двенадцать. И снова вниз.

Катя от неожиданности застыла на месте, как и водители машин.

Она увидела вытянутое лицо полковника Гущина, его отвисшую челюсть.

Анфиса... Она всплеснула руками и... бросилась вперед по улице – туда, к башне с часами.

Капитан Первоцветов что-то предостерегающе крикнул. Катя не разобрала. Это был порыв – она ринулась вслед за Анфисой.

Они налетали на прохожих, остановившихся посреди улицы, за их спиной тормозили машины. Народ высыпал горохом из крохотных лавочек. Кто-то из прохожих уже обогнал их – все устремлялись туда, к башне.

Катя ощутила, что ей не хватает воздуха. В боку закололо. Она порой бегала по утрам в парке в Нескучном саду рядом с домом, но то ни в какое сравнение не шло с этим безумным спринтом, в котором она никак не могла угнаться за полной Анфисой.

Стрелки часов остановились, но звук не смолкал – механическое гудение, словно башня с часами вибрировала от натуги. Или то пытались подать голос старые колокола, но у них не получалось пробить время?

Скрип тормозов сзади. Катя в этот миг нагнала Анфису – тоже красную, задыхающуюся, но как пуля летящую вперед, отталкивающую с

дороги зевак.

Вой полицейской сирены оглушил.

И еще завывала полицейская сирена – на этот раз в отдалении.

– В машину! Быстро!

Капитан Первоцветов остановил рядом с ними патрульный «Форд». Он был за рулем, Гуцин сидел рядом.

Катя поняла: в общем хаосе, когда они с Анфисой побежали к фабрике, до которой все же было далеко, капитан не растерялся – он повернул назад, к отделу полиции, и взял патрульную машину.

Катя буквально на лету поймала ошалевшую от бега Анфису. Затолкала ее на заднее сиденье, села сама.

Через пять минут они уже остановились перед башней. Первоцветов высунулся в окно – стрелки снова замерли почти в том же положении, что и раньше. И механический гул стихал. Но сзади, со стороны города, накатывала волна шума: к башне устремился народ – пешком, на автомобилях, велосипедах. Выла полицейская сирена – это ехало подкрепление из ОВД.

Первоцветов нажал на газ, обогнул башню, они промчались вдоль фабричного корпуса.

И в этот миг Катя уразумела одну вещь: они видели все так отчетливо – и вращающиеся стрелки, и циферблат в сумерках, что уже сгустились как морок, именно потому, что в этот момент башня с часами была ярко освещена. Те самые прожекторы подстветки на открытой площадке под шпилем...

Весь свет был сконцентрирован наверху. А здесь, у корпусов, было темно и пустынно. Ни машин, ни людей.

Первоцветов остановился у фабричного корпуса. Катя вспомнила, как они пришли сюда в прошлый раз. На башню можно попасть лишь через это здание.

И первое, что бросилось ей в глаза, – дверь, хорошо укрепленная массивная дверь, которую в прошлый раз при них сотрудник городского отдела культуры запер на замок, теперь была распахнута настежь.

– Оставайтесь в машине! – крикнул Анфисе Первоцветов. – *Я сам с этим разберусь!*

Он в этот момент лучше владел собой и лучше соображал, чем потрясенный Гуцин. Катя никогда такого не замечала за шефом криминальной полиции. Она еще подумала в тот миг, что Гуцин не говорит им всего того, что он думает об этом деле в глубине души.

Но в фабричный корпус они вошли плечо к плечу – вместе. И, конечно

же, Катя и Анфиса следовали за ними!

Они бежали по этим отремонтированным, подготовленным для аренды офисным помещениям. Достигли перехода в здание башни, лестницы. Бегом начали подниматься.

Первоцветов на пятом лестничном пролете указал на стену – на белой девственно чистой поверхности ярко выделялась широкая алая полоса.

Кровь.

Следы крови были и на ступенях. И пролетом выше. Смазанный след. Словно что-то волокли здесь наверх.

Они одолели еще два пролета, еще один – уже дыша, как загнанные лошади.

Дверь, которая была здесь три года назад, а теперь отсутствовала, отделявшая нижние этажи с окнами от верхнего глухого помещения, где располагался часовой механизм...

Катя в тот миг подумала: *эту дверь специально убрали, чтобы можно было легко войти... Ну да, пожарная служба распорядилась открыть доступ... кабели высокого напряжения... свет...*

Свет...

Свет в комнате часового механизма горел. Его кто-то включил.

И в этом ярком электрическом свете Катя увидела, как и тогда, огромный часовой механизм под высоким потолком. Круглые часовые колеса с зубьями, шестеренки. Медную трубу, покосившуюся, словно перечеркивающую собой всю эту механику. Трубу, похожую на рычаг.

На этой трубе, на длинной веревке, почти у самого пола в петле висело тело.

Оно все еще медленно вращалось. А труба под его тяжестью дергалась и дрожала, и ее конец, теряющийся где-то в глубинах часового механизма, издавал отрывистый стук. И там, внутри, «в часах» что-то гудело, стонало. Но уже тихо, еле слышно, словно умирая.

Анфиса испуганно вскрикнула.

Повешенный повернулся, повинуясь силе вращения. Явил им свое лицо.

Багровое от удушья. Страшное.

В первый миг Катя даже не узнала его...

– Это же Макар! Макар Беккер! – воскликнул капитан Первоцветов.

Юноша висел в петле на фоне часового механизма. Руки его были сведены судорогой. Волосы на лбу слиплись от крови.

На его джинсах в промежности виднелось темное пятно.

Глава 32

Манекен

12 апреля 1903 года. 7.30

Елена Мрозовская побежала в свою комнату. Больше всего она боялась, что Бахметьев, желающий «разобраться во всем сам», уедет без нее. Ее вещи и белье остались в спальне, она открыла кофр и вытащила другую одежду, которую привезла с собой, – натянула платье без корсета, тот остался на полу в спальне, надела чулки, зашнуровала крепко высокие ботинки. Платье – бархатное, с вырезом – больше подходило для парадного ужина, но она махнула рукой на свой вид. Подколола наспех волосы, надела пальто, плотно застегнулась. Она готова.

Заскочила в фотолабораторию за пресс-камерой, взвалила треногу на плечо, проверила пластины – все ли в порядке.

Она бежала с тяжелой треногой по мраморной лестнице вниз. Утреннее солнце наполняло витражи с павлинами парадного холла изумрудным светом.

– Игорь! Я с вами!

Он, уже одетый, сидел на заднем дворе в шарабан. Молча взял у нее тяжелую треногу, помог забраться в экипаж. Все молча. Лишь снова крепко, до боли стиснул ей руку.

Кучер Петруша направил шарабан к Дому у реки. Со стороны фабрики их догнала пролетка – туда набились фон Иствуд, немец Пенн и два приказчика – из прядильного цеха и со склада. Домчали быстро.

Рысак галопом ворвался во двор Дома у реки и внезапно заржал, захрапел испуганно, встал на дыбы, едва не опрокинувшись на шарабан и седоков.

Жуткая картина предстала их взору: дверь дома настежь, а прямо на пороге валяется труп лакея с разmozженной головой. Ступени, порог – все было алым от крови.

Они выскочили из шарабана. Игорь Бахметьев первым ринулся к несчастному.

– Мертв!

А дальше было еще хуже. Они прошли внутрь, стараясь не наступить в кровавые лужи.

Одна из сиделок лежала на полу, тоже с разбитой в лепешку головой, возле распахнутой двери камеры-палаты. Обиталище Аглаи опустело. Рядом с убитой сиделкой на полу валялся манекен. Вся его верхняя часть – голова-болванка – была багровой и липкой от запекшейся крови. Кровавые отпечатки пестрели и на деревянной «ноге». Мрозовская не верила своим

глазам. Невероятно, чтобы эту тяжелую дубовую вещь – портновский манекен – кто-то схватил за «ногу-подставку» и орудовал им, словно чудовищной палицей, разбивая своим стражам головы, как орехи.

– Это невозможно... Как она сумела?.. Надо иметь нечеловеческую силу, чтобы так...

На манекене все еще сохранился корсет, пропитанный кровью. А вот нарисованная «маска» оплыла. И жемчужный браслет пропал.

– Они открыли дверь, чтобы убраться у нее утром, как обычно. Я приказал забрать манекен. А она напала на них, – Игорь Бахметьев прислушивался к чему-то в доме. – Где же она?

Хрип... стон...

Они побежали через комнаты. В кухне царил дикий разгром, кастрюли, банки, горшки – все сброшено на пол. И везде пятна крови. В узкую щель между плитой и дубовым буфетом забились сиделка – она еле втиснулась, вжимаясь в стену, пытаясь укрыться – лишь ее ноги высывались наружу. Платье задралось до ляжек, и можно было увидеть, что голени и стопы несчастной раздроблены тяжелыми ударами чудовищной палицы. Сиделка была в шоке от боли. Она не могла говорить, только хрипела, смотрела на них выпученными глазами.

– За доктором, быстро! – крикнул Бахметьев приказчику. – Я не знаю, можно ли ее двигать с места, у нее все сломано! Оставайтесь здесь, с ней. Я должен найти ее.

Мрозовская указала ему жестом на камеру – снимать это?

– Нет времени. Это дело полиции. Мы должны найти ее как можно скорее!

– Здесь станция близко, Игорь Святославович, – сказал фон Иствуд. Обычно бесстрашный, он растерял все свое английское хладнокровие. – Она могла побежать туда. Она хитрая. Там вагоны с мануфактурой. Склады. Там грузовые поезда. Просто спрятаться в вагоне и уехать из города.

– Со станции и начнем! – объявил Бахметьев.

На улице у шарабана Мрозовская не выдержала:

– Игорь! Она убила двоих и еще двоих ранила! Она изувечила инженера! Она убила свою сестру!

– Чего ты хочешь от меня, Лена?!

– Невозможно так в один миг сойти с ума! Быть обычной милой барышней – и превратиться в чудовище. Я не верю! Так не бывает!

– Чему ты не веришь?

– Тебе! – Она выкрикнула это ему в лицо. – Она росла на твоих глазах! Вся эта история развивалась на твоих глазах – их жизнь! Невозможно,

чтобы все случилось так вдруг, чтобы раньше не было ничего... никаких признаков!

– Я их не видел! Может, Мамонт видел, но он... Лена, это невозможно даже обсуждать, что он вбил себе в голову!

– Почему ее мать Глафира начала фотографировать? Что означают ее странные фотографии? Почему снимала ее девочкой?

– Она... Мамонт был уверен... он подозревал, что Глафира хочет заснять метаморфозы.

– Какие метаморфозы? Что происходило с Аглаей?

– Ничего! – выкрикнул он зло и отчаянно. – Мы взрослые нормальные люди, я не стану повторять бредни разных суеверов и мракобесов! Глафира видела признаки душевной болезни, она же ее мать... Пусть Мамонт называл все это в припадке ослепления как угодно. Но это была душевная болезнь! И это тоже. – Бахметьев ткнул в залитый кровью Дом у реки. – Результат болезни, сумасшествия! Профессор Бехтерев это подтвердил. Какого черта тебе еще надо, Лена? Какого подтверждения, какого авторитета от медицины?!

– Не ори на меня! Не смей меня оскорблять!

– Мы должны ехать, найти ее!

– Пока она еще кого-то не убила? И ты снова спрячешь ее под замок? И постарайся все замять с помощью денег, даже в полиции?!

– Почему ты так со мной разговариваешь? – спросил он. – Кто дал тебе право?

– Ты сказал, что любишь меня. Почему же ты не говоришь мне всей правды, Игорь?

Он шагнул к ней вплотную.

– Правды? – Он спросил это тихо, его лицо кривилось, словно от боли. – Ты желаешь, чтобы я повторил тебе то, что говорил мне Мамонт, мой друг по Кембриджу? Отчего он потерял все, что имел, – семью, веру, жизнь? Отчего он превратился в гнусного убийцу-отравителя, а потом выстрелил себе в голову из ружья, которое я подарил ему на их свадьбу? Ладно, Лена. Выбор за тобой. Ты моя королева, я твой раб, как в постели. Я скажу тебе все, что слышал от него. И что я думаю по этому поводу. Все мои догадки о том, что здесь случилось. Сейчас, здесь скажу тебе. А потом ты сядешь в коляску и уедешь отсюда. Уедешь из Горьевска. Навсегда. Выбирай, ну?!

Он крикнул ей это так, что бедный рысак в шарабане снова встал на дыбы, и они едва не попали под его копыта.

Елене Мрозовской в этот миг показалось: пусть лучше конь убил бы ее

своими копытами здесь, на месте, чем... слушать... выбирать... смотреть, как он ждет ее слов... Ее выбора...

И в этот миг во двор Дома у реки влетела пролетка – там сидел еще один приказчик. Он заполошно заорал:

– Барин! Игорь Святославович! Часы! Часы встали!!!

Игорь Бахметьев прыгнул к нему в пролетку.

Елена Мрозовская не удержала в руках треногу, и она грохнулась в пыль. И тут он оглянулся. Их взгляды встретились.

Он снова выпрыгнул из экипажа. Подхватил треногу, подхватил Мрозовскую, буквально впихнул ее в шарабан, сел рядом с ней и заорал кучеру:

– Петруша, гони на фабрику! К башне!

– Часы встали, ваше благородие! – кричал позади них приказчик. – А до этого загудело все! Как вы не слышали? И стрелки назад обернулись! Вспять! *Все как мамаша мне в детстве рассказывала – точь-в-точь!*

Кучер Петруша гнал что есть мочи. Мрозовская... она окончательно потерялась. Лишь крепко прижимала к груди пресс-камеру. А другой рукой цеплялась за него... Как плющ – страстно, нерасторжимо, как в ночь их любви.

Во дворе фабрики, когда они въехали туда, их окружила толпа – рабочие выбегали из цехов, привлеченные криком товарищей. Все было похоже на стачку, но никто не бунтовал, все смотрели на Башню с часами, где стрелки застыли на отметке двадцать минут четвертого, хотя была половина восьмого утра.

Толпа сгрудилась и в прядильном цехе среди станков, напирала на выход к лестнице на башню. Многие хотели подняться, чтобы посмотреть, что же стало причиной поломки часов. В дверном проеме рабочим преграждали путь приказчик и смотритель башни. По их испуганным лицам Елена Мрозовская поняла: они знают, что там внутри, и это вселяет в них страх.

Игорь Бахметьев и кучер Петруша начали прокладывать дорогу сквозь толпу по цеху, Бахметьев нес треногу. Мрозовская еле поспевала за ним с камерой.

– Ваше благородие, Игорь Святославович, полиции бы дожждаться, пристава. Уже послали, – тихо сказал Бахметьеву смотритель. – Нехорошо там наверху. Дрянь дело.

Игорь Бахметьев оттолкнул его с дороги, устремился к лестнице, они все ринулись за ним.

Быстро поднимались по пролетам лестницы. Елена Мрозовская

чувствовала, как сердце колотится у нее в груди – вот-вот выскочит. Она была готова ко многому после ужаса в Доме у реки, она была готова к чему угодно...

Но не к тому, что открылось им в душном, лишенном окон зале под шпилем башни!

Тишина.

Было так тихо там, возле этого часового механизма, который обычно громко тикал, стучал – ведь внутри него всегда, с начала постройки фабрики и башни, работало множество деталей.

Теперь же здесь царила гробовая тишина.

А под самым потолком, на фоне медных колес и шестеренок, медных валов, колоколов и труб, висело в петле тело Аглаи Шубниковой.

Ее длинные светлые волосы закрывали лицо, струились по плечам. Руки были вытянуты вдоль тела. На ней было лишь белое кружевное платье, измазанное кровью. Ноги босы.

Тело в петле медленно вращалось под силой собственной тяжести, кружило, словно в танце, вперед-назад.

Они застыли в дверях, пораженные этим зрелищем.

Елена Мрозовская не знала, сколько минут они стояли вот так – оглушенные, ослепленные. Она опомнилась первой.

Водрузила пресс-камеру на треногу, приготовилась.

Вспышка!

Смотритель часов хрипло испуганно вскрикнул за ее спиной. Вспышка напугала его.

И словно от исполоха магния и от человеческого вопля тело повешенной резко дернулось в своей петле. Узел веревки, закрепленной наверху, заскользил вниз по медному валу. Тот со скрежетом выскочил из пазов и ударил по зубчатым колесам.

С грохотом на пол осыпалось множество медных деталей – болты, маленькие шестеренки.

Петля заскользила по медному валу вниз, Аглая словно спускалась, продолжая вращаться.

Кучер Петруша ринулся к повешенной и схватил ее голые ноги своими руками.

– Мертвая погань! – закричал он. – Барин, мертвая она! Удавилась!

По приказу Игоря Бахметьева рабочие снизу из цеха притащили большую лестницу. Кучер Петруша с ножом для разрезания тюков с хлопком взобрался по ней к потолку и перерезал веревку, не трогая петли.

Тело Аглаи шлепнулось на пол.

Игорь Бахметьев подошел и перевернул ее на спину.

На лице не было признаков, характерных для асфиксии, – вытаращенных глаз, вывалившегося языка. Лишь посинение кожи.

В этот момент на лестнице внизу слышались громкие голоса – приехал пристав с полицейскими.

Игорь Бахметьев и приказчик пошли его встречать. На короткий миг Елена Мрозовская со своей камерой осталась одна.

Нет, еще был кучер Петруша. Он сунул нож за голенище сапога.

– Как она тут очутилась? – спросил он смотрителя башни. – Ты-то где был?

– Через цех, наверное, незаметно прошмыгнула. Смена ночная кончилась, утренняя еще не началась. Я замки отмыкаю. Как вот только она туда влезла, в часы, без лестницы?

– Как таракан по стенке. – Кучер Петруша наступил сапогом на им же обрезанный конец веревки. – А канат-то фабричный, джутовый, в цеху прихватила, с тюка с хлопком.

Елена Мрозовская наклонилась к камере. Она смотрела на Аглаю через объектив.

Глаза Аглаи были полузакрыты. Синие от удушья губы словно растягивались в посмертной улыбке.

Внезапно в зале возник запах – тот самый, прежний. Вонь жасминовой эссенции вперемешку с вонью полного ночного горшка. Видно, запоздало сработал расслабленный сфинктер повешенной.

Елена Мрозовская зажала рот рукой, борясь с позывом рвоты. Она ощутила, как в животе, внизу, что-то сжалось так сильно и больно. Спазм! Но она сделала последний снимок Аглаи Шубниковой.

Вспышка!

А потом упала в обморок рядом с трупом.

Глава 33

Конверт

Полковник Гуцин собрал всех, кого смог, в эту ночь. Всех, кто еще не уволился, не удрал из Горьевского ОВД, всех, кого смог наскрести в Главке для оперативно-следственной группы.

Группа из Главка пробилась в Горьевск по пробкам только к десяти вечера. Вместе с оперативниками, экспертами-криминалистами и патологоанатомом приехали также эксперт-графолог и специалист по делопроизводству. Они привезли мобильную кримлабораторию ЭКУ и сразу же занялись своим делом.

А осмотр башни продолжался почти всю ночь.

Анфису сразу отправили вниз, где полицейские машины образовали круг, пытаясь отсечь от подножия башни толпы любопытных горожан, что не убывали с наступлением темноты, а лишь прибывали. Весть о невероятном происшествии – о том, что старые сломанные часы «вдруг пошли назад», – всколыхнула Горьевск. Примчалась местная пресса, мелькали журналисты телеканала «Горьевский курьер». В толпе было много и местной молодежи, и пенсионеров. Они судачили сплоченными группками, выжидательно затихая, как только к ним подходил сотрудник полиции и начинал уговаривать разойтись по домам. Известие о том, что «на часах снова повесили, как и тогда», передавалось из уст в уста – гуляло по sms, обсуждалось в соцсетях. Все, у кого имелись мобильные, фотографировали Башню с часами. Многие выкладывали в интернет видео того, как стрелки вертелись назад. На фоне башни делали селфи. Имя и фамилия жертвы – Макар Беккер – тоже гуляли в толпе. В Горьевске ничего нельзя было скрыть.

Наверху, в помещении часового механизм, кипела работа. Эксперты осматривали каждый сантиметр. У Кати от духоты и царившего напряжения начала кружиться голова. Ей хотелось сесть на каменный пол.

Она видела: не только труп несчастного Макара Беккера, опущенный на пол, уложенный на пластиковую подстилку, интересует полковника Гущина, но и вся окружающая обстановка, как и в Доме у реки: стены, пролеты лестницы, отмеченные широкими мазками крови, пол и внутренность часов.

Следы крови он изучал очень долго, попросил эксперта сделать на компьютере трассологическую модель, воспроизводящую механизм образования мазков и капель.

Он также весьма пристально изучал порог некогда снятой двери между выходом на лестницу и комнатой часового механизма.

– А здесь крови нет, – сказал он близкой к полубморочному состоянию Кате. – Ни капли.

Пятна и потеки крови имелись на полу комнаты почти в самом центре. Гущин долго смотрел на них и приказал детально сфотографировать.

Патологоанатом и эксперты закончили осматривать тело юноши. Петлю с его шеи так и не сняли, оставили до прозекторской.

Гущин задал обычные вопросы: причина смерти, телесные повреждения, давность.

– У него разбита голова. Травма затылочной области. Поэтому и кровь, – сообщил патологоанатом. – Но это не смертельное ранение. Его

просто оглушили. Все признаки указывают на то, что причина смерти – механическая асфиксия. И я думаю, что вскрытие это подтвердит. Когда ему надевали на шею петлю, он находился в положении лежа. Я думаю, оглушенный и без сознания. Видите, здесь нет ни лестницы, ни каких-то подставок. Они и не потребовались убийце. Он надел на находившуюся без сознания жертву петлю, к другому концу веревки привязал металлическую шайбу в качестве груза и забросил веревку на ту трубу.

Полковник Гуцин посмотрел вверх, на часы, куда указывал патологоанатом.

– Убийца не собирался закреплять веревку на трубе, – подтвердил эксперт-криминалист, стоящий на высокой стремянке и светивший мощным фонарем внутрь часового механизма. – Была сделана скользящая петля, конец веревки с грузом забрасывался дважды, обматываясь вокруг трубы. А затем убийца просто потянул за свободный конец и вздернул свою жертву в петле. Веревка натянулась под тяжестью трупа. Но труба здесь выбита из пазов, она, опять же под тяжестью тела, начала клониться вниз. Этому способствовала и агония, так называемая «пляска смерти повешенного». Труба под двойной силой тяжести вошла между этими двумя колесами. Тут плохо видно – труба сейчас внутри часового механизма. Она нажала там на какой-то рычаг, который отвечает за вращение стрелок. Поэтому был такой эффект, пусть и кратковременный, когда часы пошли назад.

– Это случайно произошло или как-то было сделано намеренно? – спросил Гуцин.

– Непонятно. Труба застряла сейчас глубоко в часах. И не видно, куда ее конец упирается. Это надо разбирать весь часовой механизм, – эксперт буквально сам лез в часы, балансируя на самой верхней ступеньке стремянки со своим фонарем. – И тут работа для механика, для специалиста по часам-курантам, я думаю. Но есть одна вещь, Федор Матвеевич, которая свидетельствует, что это не просто совпадение.

– Что?

– Смазка, тут все в смазке, Федор Матвеевич. Все детали. Но это смазка не свежая, – эксперт щупал зубчатые колеса, растирал что-то между пальцев. – Смазка загустела, слиплась. Давность ее примерно несколько месяцев.

– Какова давность наступления смерти? – обратился Гуцин к патологоанатому, с напряженным вниманием слушававшему эксперта.

– Около двух часов на момент обнаружения тела в петле.

– То есть парня повесили, и он какое-то время болтался там, а потом

эта самая скользящая петля начала сползать по трубе, и вышло то, что мы все видели?

– Скорей всего так.

– Но петля могла и не сползти вниз, труба могла остаться на месте?

– Могла и не сползти. Хотя сила тяжести тела, когда оно билось и вращалось в агонии, способствовала...

– Так что же это – совпадение или чей-то расчет? – спросил Гуцин.

Ему никто не ответил. Патологоанатом снова занялся телом. Криминалист на стремянке начал брать образцы смазки, пыли и волокон, к нему с контейнерами по другой стремянке уже карабкались коллеги.

– Федор Матвеевич, что все это значит? – спросила Катя, собирая в кулак последние силы.

– Убийцей проделана большая работа. Две жертвы в промежутке в три года были затащены в башню и повешены. В случае с Аглаей Добролюбовой ничего не произошло. В случае с Макаром сработал старый часовой механизм.

– И что все это такое? Для чего это?

Гуцин молчал.

Катя больше не лезла к нему с расспросами. Ни когда они среди ночи ехали в машине назад в отдел, ни когда он выслушивал рапорты сотрудников полиции, искавших возможных свидетелей произошедшего.

Никого не нашли. Никто ничего не видел и не слышал. До тех пор, пока весь Горьевск не впал в шок от утробного механического гула и обратного хода стрелок.

Капитан Первоцветов привез среди ночи в ОВД сотрудника отдела культуры, который открывал для них башню.

– Я же все закрыл и запер на ваших глазах! – восклицал тот. – А ключи сдал. Они хранятся в администрации, у охраны, как и ключи от нашего здания.

Эксперт-криминалист, осматривавший замок двери башни, дал заключение, что тот был открыт либо путем подбора ключа, либо дубликатом.

– Замок не взломан. Чтобы взломать его и дверь, потребовалось бы солидное оборудование, потому что все крепкое, новое, – сказал он. – Это шумная работа, и никто ее не делал. Замок просто тихо открыли. И отмычка тут ни при чем, такой замок отмычкой не вскрыешь. Использован был либо подбор, либо дубликат, либо...

– Что? – снова глухо спросил Гуцин.

– Тот самый ключ от замка.

Сотрудника отдела культуры посадили в кабинете писать список всех, кто имел доступ к ключам от башни.

У Кати лопалась голова. Она в суматохе даже про Анфису забыла. Когда они с Гуциным возвращались в ОВД, той не было у полицейских машин. Капитан Первоцветов сказал Кате, что отправил Анфису с места происшествия с попутной машиной экспертов.

Катя была уверена – Анфиса вернулась в отель. Время три ночи!

Каково же было ее удивление, когда она застала подругу спящей за столом в комнатухе у дежурной части – той самой, с оранжереей на подоконнике, где они разглядывали фотографии до того, как отправиться ужинать!

Когда Катя тронула подругу за плечо, та мгновенно проснулась, вытаращилась на Катю, ощущение было такое, что Анфиса вот-вот закричит.

– Тихо, тихо, это я. Я думала, ты в отеле.

– Я здесь. Я что, заснула? Только на миг глаза закрыла... Снился какой-то кошмар. Катя, мне страшно... Что они здесь творят?

В кабинет вошел капитан Первоцветов. Он тоже выглядел неважно.

– Графолог и его коллега сделали предварительные выводы по конверту, – сообщил он. – Они у Гуцина сейчас. Не хотите узнать, что нас ждет по этой части?

Они шли по коридору, и Анфиса сказала:

– Я пока ждала внизу у полицейских машин, видела, как к башне подъехал черный внедорожник. Нет, не «Гелендваген». Черный джип. За рулем сидел мужчина лет сорока, он не вышел из джипа, хотя полиция перед ним сразу расступилась, дала дорогу. Я бы не обратила на него внимания в этом хаосе, просто я стояла рядом, близко. Он опустил стекло и смотрел на башню. Выглядел странно – то ли был пьян, то ли еле владел собой, пытался это скрыть, но я стояла рядом с ним. Я ведь чужая в городе, он не обратил на меня внимание. Минут через пять он уехал. Я потом спросила у патрульного, кто это был. Тот сказал – местная власть, Казанский из администрации.

– Он и на место убийства фотографа Нилова приезжал, – заметил капитан Первоцветов. – В принципе он обязан – он же фактический глава города. А тут такие дела. Трупы множатся. Эксперты сходство отметили в манере убийцы. У Макара Беккера так же, как у фотографа, разбита голова. Сильный удар по черепу. Только фотограф умер от этого, а парня оглушили, а потом повесили. У Аглаи Добролюбовой были повреждения на лице – ее тоже, видно, били, оглушили...

В тесном кабинете, занятом Гущиным, сидели он сам и двое экспертов. На столе лежали тот самый конверт и готовое заключение на нескольких листах. Конверт был уже аккуратно вскрыт. Под ним в пластиковой папке лежало что-то еще. Содержимое.

– По нашему заключению, – сказал графолог Гущину, – конверт подлинный, архивный. Штампы, грифы, печать – все подлинное. Это не подделка. Это документ, изъятый из архива УКГБ Московской области в 1991 году, что соответствует обозначенной дате выдачи. Какие-то подчистки, исправления отсутствуют. Судя по внешнему виду, конверт вскрывали не менее трех раз.

– Тот, кто изъят его в архиве. Тот, к кому он попал впоследствии, – предположительно наш пока еще не установленный Петруша. И... фотограф Нилов, – перечислил Гущин. – Он должен был поинтересоваться, что там, когда конверт попал к нему. Почему он его снова запечатал?

– Он его не запечатывал. Там просто клей липкий, – заметил эксперт. – Там мы нашли неплотное прилегание бумаги. Мы исследовали подпись лица, получившего конверт из архива УКГБ. Вот фототаблица исследований в заключении. Подпись состоит из пяти букв и весьма нехарактерных завитков росчерков, маскирующих срединные буквы. Но на аппарате все легко просматривается и читается. Это некто Кучин.

– Кучин?

– Это не сотрудник архива управления КГБ, это сотрудник, который изъят конверт с материалами из картотеки и присвоил, не вернул, потому что штампа и росписи о возвращении документов нет, – заметил эксперт по делопроизводству.

– Знакомая фамилия, – сказал полковник Гущин. – Слышали мы уже ее в Горьевске.

Он подвинул конверт и открыл пластиковую папку. Катя увидела две старые фотографии.

Она сразу узнала, кто на них изображен. Узнала и место.

Башня с часами внутри – та самая комната. И она висит в петле.

Аглая... Та, другая, первая Аглая.

Фотография была наполнена то ли серой размытой дымкой, то ли туманом – может, просто там не хватало света тогда... За спиной повешенной виднелся часовой механизм.

На другом снимке повешенную уже сняли. Она лежала на полу в покрытом темными пятнами белом кружевном платье, раскинув босые ноги. Петля толстой веревки глубоко врезалась ей в шею. Светлые волосы разметались по каменному полу. Лицо Аглаи Шубниковой не было

изуродовано удушьем, как лицо Аглаи Добролюбовой и Макара Беккера. Оно выглядело спокойным, даже довольным. Ощущение такое, что она вот-вот откроет глаза и посмотрит на них с фотографии, чему-то загадочно улыбаясь.

– Так я и знал, – сказал полковник Гуцин. – Чего-то такого я всегда ждал. Что этим дело тогда закончилось.

Он говорил о событиях столетней давности, как о преступлении, затронувшем его лично, и весьма сильно.

– Анфиса Марковна, это Елена Мрозовская снимала, как по-вашему? – помолчав, спросил он.

Анфиса наклонилась к снимкам.

– Возможно. Эти снимки снова сделаны репортерской пресс-камерой. Только здесь вот что, – она перевернула обе фотографии.

Сзади не было никаких надписей рукой Мрозовской. Зато на обоих фото расплылись старинные гербовые печати с двухглавыми орлами.

– Печать полицейская, – заметил эксперт-делопроизводитель. – Судя по всему, это снимки с места происшествия – убийства или самоубийства. И были приобщены к делу об уголовном судопроизводстве, находились в полицейском архиве. Ничего удивительного в том, что впоследствии, после революции, они попали в архивы ЧК, а затем и КГБ. Старые полицейский архивы Российской империи, которые не были уничтожены, перекочевали туда и до сих пор хранятся под грифами «для служебного пользования» и «совершенно секретно». В 1991 году был момент, когда из архивов кое-что было изъято, опубликовано, продано. Видимо, и с этими снимками произошло нечто подобное. Этот Кучин из УКГБ присвоил их, не вернул в хранилище.

Глава 34

Апокриф

Рано утром Анфису отправили в отель спать. Стало известно, что новость об убийстве в Горьевске легла на стол начальника Главка. И тот планировал немедленно лично выехать «в печально известный в плане сложившейся там кадровой и оперативной ситуации Горьевск», провести совещание и заслушать результаты работы полковника Гуцина.

Катя велела подруге пока от греха подальше удалиться из ОВД, и Анфиса подчинилась, сказав, что, может, в отеле она и «прикорнет, но все равно ни за что не уснет».

Капитан Первоцветов умылся и побрился в туалете, переоделся в свежую форменную рубашку, но выглядел по-прежнему не слишком

хорошо. Хотя Катя в этот момент к нему не приглядывалась. Она сама дико устала. События Горьевска словно выпили из нее всю прежнюю бьющую через край энергию. Время, которое она провела в городе, казалось таким долгим, а ведь всего три дня прошло!

Полковник Гуцин после всего аврала по осмотру места убийства вел себя на удивление тихо. Он о чем-то размышлял, но не делился ни выводами своими, ни идеями.

Катя застала его в кабинете – нет, он не рассматривал фотографии, не изучал конверт, украденный из архива «конторы». Он исследовал уже обработанный экспертами мобильный телефон Макара Беккера. Его нашли в кармане куртки парня. Убийца его не взял.

– Никаких звонков за сутки, – объявил Гуцин. – Ни входящих, ни исходящих. Накануне два входящих звонка с пометкой «тетка». Молотова звонила племяннику. Только она. Зато этот... как его... мессенджер Фейсбука полон мейлов от самых разных типов. Я посмотрел – все ровесники Макара. Наверное, студенты. Манера такая новая у молодых – не звонить, даже sms не посылать, это все позавчерашний день – да? А балаболить в сетях, в мессенджерах. Я в этом ничего не понимаю. Отпечатки на телефоне – только его. Убийца мобильного не касался. Я думаю, и с ДНК будет ноль. На трупе Аглаи Добролюбовой нашли лишь ДНК ее матери. Это объяснимо. На трупе фотографа Нилова – вообще ничего. Убийца ему просто голову расколол, как орех. Да и с Макаром, думаю, мы ничего не...

– Убийца же его тащил по лестнице, – заметила Катя.

Гуцин на это ничего не сказал.

На пороге появился отмытый капитан Первоцветов, он нес капсульную кофеварку.

– В дежурке позаимствовал. Кофе будете?

Они сделали себе по чашке крепкого кофе.

– Что со старухой? – спросил Гуцин.

– Я звонил в больницу. Реанимация не потребовалась. Она в обычной палате.

Катя поняла, что в ночном хаосе от нее ускользнули какие-то важные события.

– Вы о ком?

– О Молотовой, – пояснил Первоцветов. – Когда она узнала, что Макар убит, с ней стало плохо. Сердечный приступ, думали даже инфаркт, увезли на «Скорой». Но все обошлось.

– Причем увезли ее не из дома, – заметил Гуцин.

– Она приехала к музею на своей машине. Откуда – пока неизвестно. В этот момент начался весь тот хайп с часами, – продолжил Первоцветов. – Музейщики, конечно, все высыпали смотреть, как и остальные горожане. А потом пришла весть, что повешенный в башне и что это Макар. С Молотовой прямо там, на улице, приключился сердечный приступ. Ее товарки из музея вызвали «Скорую», помчались с ней в больницу. Ночь она провела в стационаре. Она и до сих пор там.

Гущин посмотрел на часы.

– Поедем в больницу сразу после врачебного обхода. У меня к ней есть вопросы.

– Какие, Федор Матвеевич? – спросила Катя.

Наивный вопрос, да? Что в таких ситуациях спрашивает полиция у родственника жертвы? Это всем известно. И тем не менее Катя ждала ответа Гущина с нетерпением и тайной... опаской.

– Она расскажет нам о скрытом смысле всего этого горьевского действия, – Гущин говорил медленно, тщательно подбирая слова. – Под всеми этими фактами, что мы насобирали из прошлого и настоящего, под всеми этими фотографиями, недомолвками и местными странностями что-то кроется. И я хочу это знать. Настало время. Старуха раньше уклонялась, запиралась, как и судья, как и музейщица, как они все тут. Но ее племянник убит, пусть и не родной. Думаю, теперь она нам расскажет. Может, и не все, но хоть что-то из того, что здесь скрыто и окутано молчанием.

Они отправились в городскую больницу втроем. И Катя жалела, что с ними нет Анфисы. Ей бы стоило присутствовать при этой беседе.

Сначала они переговорили с дежурным врачом.

– Сердечный приступ, – сообщил он. – Хотя, к счастью, кардиограмма не выявила никакой серьезной патологии. Но это же пожилой человек. И она испытала сильнейший стресс. Такое горе! Мы пока оставили ее в больнице, под наблюдением.

Он позвал медсестру, и та проводила их до палаты. В двухместной чистой палате, явно «коммерческой», Мария Вадимовна Молотова находилась одна. Она сидела на кровати, свесив ноги в шерстяных носках.

У нее была посетительница – женщина лет тридцати восьми, светловолосая, энергичная, ухоженная, с хорошей фигурой. Она выкладывала из большой сумки на тумбочку бутылки с минеральной водой и фрукты.

– Все мытое, тетя Мари.

– Ульяна, я ничего не хочу. Спасибо.

– Все равно я оставляю.

– Ульяна, как ты не понимаешь, я сейчас не могу есть!

При виде полиции обе женщины мгновенно умолкли. Катя отметила, что Мария Вадимовна Молотова очень бледна. Лицо ее без прежней обильной косметики и тонального крема – уже старческое, все в пигментных пятнах. У рта залегли две глубокие складки. Но следов слез на ее лице видно не было. Напротив, она казалась суровой и настороженной. Возможно, тому виной сердечный приступ – Молотова словно прислушивалась к чему-то внутри себя.

– Как вы себя чувствуете, Мария Вадимовна? – спросил капитан Первоцветов.

– Жива.

– Вы нас простите, вам сейчас не до нас. Но мы... Надо поговорить. Очень надо.

– Садитесь. – Молотова указала на кровать рядом с собой.

Капитан Первоцветов сел рядом с ней. И она вдруг протянула руку и взяла его руку в свою. Жест вроде бы естественный, но Катю он поразил.

– Тетя Мари, я пойду. У меня консультация в перинатальном центре. Я вечером загляну.

– Спасибо, Ульяна. Не волнуйся за меня.

Блондинка подхватила опустошенную сумку и взялась за ручку двери. И в этот момент Катя окликнула ее:

– Ульяна Антипова?

Все сложилось как мозаика, все, что она слышала о дочке подруги Молотовой, некогда тоже сосланной на сто первый километр.

– Да, это я.

– У меня к вам вопрос по поводу браслета.

Катя ждала, что Гущин сейчас, как обычно, незаметно одернет ее – молчи, мол, не мели языком! Но он не вмешался, ждал.

– Какого браслета?

– Того, который вы пытались купить в здешнем ломбарде три года назад. Золотой браслет с плетением и фиолетовыми камнями. Который владелец ломбарда потом послал на пробирную экспертизу и отказался вам продать. А вы настаивали.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Ну как же, золотой браслет старинной работы с плетением и камнями, похожими на аметисты. Впрочем, выяснилось, что, возможно, там раньше были совсем другие камни. А это подделка. Поэтому возникли сложности при продаже изделия. А вы хотели его купить. Между прочим, этот браслет после гибели Аглаи Добролюбовой ее мать продала хозяину

ломбарда. И сказала, что дочери браслет кто-то подарил. Это не вы его подарили Аглае?

– Что вы такое плетете? – воскликнула визгливо Ульяна Антипова. – Какой браслет? Я по ломбардам не хожу. И... тетя Мари, это какая-то ошибка! Я понятия не имею, о чем речь!

Молотова пристально смотрела на Ульяну.

– Это ошибка, – упрямо повторила та.

Пауза.

Катя все ждала, что Гуцин вмешается. Но он молчал. Тогда Катя пожала плечами.

Ульяна Антипова открыла дверь палаты и вышла.

Молотова тяжело оперлась на кровать, капитан Первоцветов подставил ей плечо, и она прислонилась к нему, словно путник в великой усталости. Закрывает глаза.

– Вы хорошо держитесь, Мария Вадимовна, – сказал Гуцин.

– А что еще остается? Я много чего повидала в этой жизни. И ко многому была готова. Единственное, к чему я не была готова, – это к тому, что мальчик... он уйдет так быстро. Что я его переживу. Многие скажут – он ведь был не родной мне племянник. По мужу. По третьему мужу. Но когда нет своих детей... А он был таким славным мальчиком! Добрым. Снисходительным к моим капризам и... Я виню себя в том, что зазвала его сюда, в Горьевск, хотя ему надо было остаться в Москве. А я – эгоистка – не хотела торчать тут, на даче, одна. Слишком темно вечерами, слишком много стекла в доме, окон, слишком много теней за этими окнами. Я не хотела жить одна в большом доме. Хотела, чтобы он... Макар был рядом, заботился обо мне, как я о нем в детстве. Я поставила ему условие: я оставляю ему все, что имею – квартиру, дачу, а он... пусть меня не бросает на старости лет. И он не бросил. Он даже приехал сюда в эту осень по моему капризу. И вот – поплатился жизнью.

– У вас есть подозрения, кто это мог сделать? – спросил Гуцин.

– А у вас есть подозрения? Вы полиция. У вас сила, оборудование, техника, улики. Что вы спрашиваете меня?

– Запутались мы, Мария Вадимовна. В прошлом запутались и в настоящем. Есть ведь какой-то секрет, да? Сам способ убийства. Место. Все это не случайно, ведь так? Два повешенных за три года. И сто лет назад такое уже было в Горьевске.

– Какие у вас ко мне вопросы – в больнице, в отделении кардиологии?

– Вы когда Макара последний раз видели?

– Вчера. Мы позавтракали вместе. Он взял велосипед и сказал, что

покатается по окрестностям. Тут нечего делать. Кинотеатр – и тот закрыт. Он проводил время, занимаясь спортом. Уехал, и больше мы не виделись.

– А что вы делали вчера?

– С приятельницами трепалась по телефону полдня. Потом подрезала сучья в саду. Затем поехала в музей.

– Вечером? Зачем?

– От скуки. – Молотова смотрела на них темными глазами, сухими, без слез. – У меня не было никакого предчувствия. Ничего дурного. Я и к ужину его не ждала. Я не кулинар. Он... Макар обычно сам что-то искал в холодильнике поесть.

– Мария Вадимовна, почему его повесили в башне на часах?

– Вы у меня это спрашиваете, вы, полиция?

– Да, у вас. Почему повесили там же Аглаю Добролюбову? Почему до всех этих убийств сто лет назад там же, на часах в башне, повесили эту вашу местную ведьму?

– Кого?

– Аглаю Шубникову, купеческую дочку.

– Никто ее не вешал. Она сама удавилась.

– А, знаете, следовательно, как дело было!

– А при чем здесь это?

– Я думаю, вам отлично известно, *при чем здесь это*. Значит, тогда, сто лет назад, было самоубийство.

– Да, самоубийство в форме добровольного жертвоприношения.

– Слово какое... жертвоприношение... Сто смыслов. – Гуцин потер переносицу. – А нынешние дела, нынешние убийства?

– Вы задаете вопрос, на который я не в состоянии ответить.

– Весь город высыпал на улицу смотреть, как пошли старые часы на башне. Конечно, вещь любопытная. Механизм сработал, что-то закоротило там в результате... – Тут Гуцин осекся, помолчал, осторожно подбирая слова. – Редкое явление. Но реакция здешних жителей была крайне эмоциональной. Складывается впечатление, что в городе соотносят это происшествие с какими-то вещами, о которых нам, полиции, приезжим, не говорят.

– Никто не хочет выглядеть дураком. Даже в глазах полиции.

– Так значит, в случае с купеческой дочкой Аглаей Шубниковой было самоубийство?

– Это исторически подтвержденный факт. Она страдала душевным расстройством. Убила свою сестру Прасковью накануне ее свадьбы с банкиром Игорем Бахметьевым, сыном весьма знаменитого в Горьевске

градоначальника, который построил железную дорогу вместе со старым купцом Шубниковым. Аглаю не отправили в тюрьму, потому что было заключение врачей о ее полной невменяемости. Говорят, в архиве знаменитого психиатра Бехтерева имеется черновик, набросок его статьи на немецком для психиатрического журнала Гейдельбергского общества психиатров. И в нем как раз описывается случай Шубниковой. В музее все хотят сделать запрос в медицинский архив по этому поводу. Но этот вопрос кем-то искусственно тормозится, кем-то из членов исторического общества. Аглаю Шубникову держали под присмотром взаперти здесь, в городе. Теперь мы знаем где – это благодаря вашей находке в Доме у реки. Исторически подтверждено, что она оттуда как-то сбежала, убив еще несколько человек. Поднялась на Башню с часами и там повесилась. С тех пор часы встали. Я уже говорила: их много раз пытались починить, запустить, но там все время возникали какие-то сложности.

– Это официальная версия, я так понимаю, – заметил Гуцин. – Старая смерть. Более ста лет прошло. И вот новые убийства в Горьевске. Два из трех – на Башне с часами. Одно убийство – в Доме у реки. Связь есть по месту совершения. Убийца – имитатор? Подражает Аглае Шубниковой? Не думаю. Столько усилий затрачено. Ваш племянник Макар пал жертвой... Вы должны нам сказать, что за всем этим кроется! Каков истинный смысл происходящего? О чем не хотят говорить в городе, боясь прослыть отсталыми, суеверными дураками?

– Есть еще что-то вроде местного апокрифа, – сказала Молотова.

– И о чем повествует апокриф?

– О страшном чуде.

– О каком?

– Вы, полковник, хоть раз в жизни загадывали желание под бой курантов на Новый год?

– Да. Глупость, конечно, но это... это с детства ведь... И даже сейчас, признаюсь...

– Укоренившаяся традиция, общемировая, связанная с магией времени, магией часов. Исполнение желаний. Опирается на очень древнее поверье насчет часов. Единственное, о чем не задумываются, загадывая желание под бой курантов, – это у кого именно просят, чтобы желание сбылось. У самих часов? У стрелок? У времени? Считается, что просят у Нового года. Но это сейчас. А раньше обращались к тому, кто в часах. Напрямую. К демону часов.

– Апокриф связан с этим?

– Апокриф пространный, – ответила Молотова.

Кате было странно сидеть в больничной палате и слушать, как полковник Гущин расспрашивает родственницу жертвы об этом. Вот об этом, что она слышит сейчас.

– Здешний апокриф возник как раз после событий столетней давности и пережил и революцию, и чекистов, и советскую власть, и сто первый километр, и атеизм, и возвращение к исконным традициям, и скрепы, и еще бог знает что переживет. Апокриф отсылает нас к тому времени, когда старый Шубников строил свою бумагопрядильную фабрику и Башню с часами. Никаким старообрядцем он не был, все его собрание древних старообрядческих книг и крюкового пения было лишь способом вложения денег. Он слыл, как сейчас говорят, технократом и прагматиком. Разбогател на торговле мануфактурой, а потом решил, что производство хлопковых тканей выгоднее наладить здесь, в России, чем ввозить все из-за границы. И он начал строить фабрику и преобразовать Горьевск. Он был пионер своего дела и великий новатор. И, как водится, для новаторства ему не хватило денег. Он обанкротился в самом начале. Когда цеха и башня были уже построены, когда в Англии были куплены современные станки, его средства иссякли. И ему грозили кредиторы и долговая яма. Полное разорение. Крах. И этот технократ и прагматик обратился к оккультизму. Наверное, это верх отчаяния делового человека. Пусть хоть дьявол поможет. У него имелись книги на латыни, и он заключил с демоном сделку. Апокриф особо подчеркивает, что демон купца Шубникова обитал в этих самых часах на башне. Когда это чудо строилось среди здешних болот и лесов, рязанские пейзажи лишь крестились – чур, чур, каки-таки часы-куранты? Жили, чай, и без часов, а это все дьяволова иностранщина, нечистое дело. Согласно апокрифу, демон, обитавший в часах, согласился помочь Шубникову материально, сделать его баснословно богатым с одним условием: тот отдаст ему своего первенца. Это обычное условие договора с нечистой силой, во всех сказках это есть. Но дальше, согласно апокрифу, события в Горьевске развивались весьма оригинально. У купца Шубникова родился сын Савва. И он честно хотел отдать его демону часов как обещанную жертву. Но демон часов Савву не взял, потому что тот родился больным – умственно отсталым и увечным. Не захотел взять такого ребенка. Шубникова он не наказал – не было же вины того в рождении больного первенца. Напротив, помог во всем, исполнил желание: Шубников внезапно снова разбогател каким-то тайным способом, рассчитался с долгами. И его фабрика начала процветать и вскоре стала самой знаменитой в России. Согласно апокрифу, демон часов выторговал для себя у старого Шубникова новое условие: якобы он сам выберет себе

жертву среди будущих наследников семейства. Он не взял себе ни родившегося после больного Саввы младшего мальчика Мамонта, ни старшую внучку Шубникова Прасковью. Согласно апокрифу, его выбор остановился на самой младшей – Аглае. Шубников к тому времени уже покоем на кладбище, а договор все еще имел силу. И в это время произошли трагические и страшные события в семействе фабрикантов.

– Рассказывали нам в музее официальную версию: убийство Саввы Мамонтом из-за денег, отравление. Но если он был умственно отсталый, как он мог распоряжаться капиталом и...

– Савва ничем и не распоряжался. Согласно апокрифу, все было совсем не так. Мамонт намеревался отравить вовсе не брата, а свою жену Глафиру.

– Глафиру?! – воскликнула Катя.

– Мамонт, согласно апокрифу, испугался своей жены и заподозрил ее в сношениях с демоном часов. Эти сношения зашли так далеко, что якобы демон лично предстал Глафире в образе черной собаки – дога и всюду следовал за ней. Спал с ней в одной комнате, вроде бы охраняя. А Мамонт не имел к жене доступа, не имел с ней супружеских отношений. А потом Глафира, тоже погрязшая, как и ее свекор, в оккультизме, внезапно забеременела во второй раз и, по глубокому убеждению своего мужа, родила не от него, а от демона часов, вступившего с ней в половую связь в образе черного дога. Так, согласно апокрифу, появилась на свет Аглая Шубникова. И Мамонт всего этого не выдержал. Он захотел все это прекратить. Он дал своей жене Глафире яд – то ли в вине, то ли в кофе, то ли в пирожных. Именно она была истинной жертвой отравления. А бедный безумный Савва просто случайно схватил с блюда отравленное пирожное и съел. Все с точностью до наоборот, не так, как рассказывает официальная версия, гуляющая в интернете. Глафира и Савва умерли, у Мамонта рука не поднялась убить и детей. Вместо этого он застрелился из ружья. Но демон часов получил не только жертву, как говорит апокриф, – он получил дитя, в котором текла дьявольская кровь. Этот ребенок, Аглая, обладал способностью вступать в контакт со своим дьявольским родителем, становиться частью демона часов. Исполнять желания. Но все это привело лишь к убийству ее сестры Прасковьи из ревности и палате-камере в Доме у реки, к заточению. Согласно апокрифу, Аглая была хранительницей, жрицей ритуала демона часов, и она повесилась на башне, чтобы уж окончательно соединиться со своим родителем в преисподней. Это черный оккультный мистический ритуал, который способствует исполнению одного-единственного желания, – когда демон часов получает свою жертву,

и часы вдруг ни с того ни с сего начинают идти назад, словно оборачивая время вспять. Говорят, так было однажды при старом Шубникове – когда демон исполнил его желание стать опять баснословно богатым. Стрелки часов несколько раз описали круг по циферблату назад. И это видел тогда, в 1858 году, весь Горьевск. Согласно апокрифу, благодаря смерти Аглаи Шубниковой демон до сих пор заключен там, внутри, в часах, и лишь ждет того, кто снова обратится к нему, отдаст ему очередную жертву и загадает свое единственное желание.

– Легенда, – подытожил Гуцин. – Темная непристойная сказка.

– Легенда. – Молотова выглядела бесконечно усталой, серой. – Никто, конечно, не верит. И никто такие вещи не хочет обсуждать вслух – ни всерьез, никак. Тем не менее апокриф существует. Он так же неотделим от Горьевска, как и фабрика. Это дух здешних мест. Пусть и злой, недобрый.

– Ваш племянник Макар знал эту историю?

– Отчасти. Он не слишком ею интересовался. Он увлекался соцсетями, инстаграмом.

– А дочь Маргариты Добролюбовой Аглая?

– Она знала. Это же сказка. Она родилась здесь. А в Горьевске все это знают. Кстати, есть одно условие согласно апокрифу.

– Какое? – тихо спросила Катя.

– Если кто-то захочет принести жертву ради исполнения желания, он должен выбрать ее исключительно среди местных уроженцев. Таково условие, потому что первенец Савва, обещанный его отцом, родился здесь. Поэтому Аглая Добролюбова... она подходила под критерий.

– Но ваш племянник, он же из Москвы! – воскликнул капитан Первоцветов, до этого не проронивший ни слова.

– Ошибаетесь. Он тоже местный уроженец. Они тогда приехали сюда, ко мне на дачу, здесь, на участке, кипела стройка. И его мать... В общем, преждевременные роды. Он родился здесь. И его мать умерла. Мало кто об этом знает. Считанные люди знают об этом. Но в роддоме сохранились документы, там это можно легко узнать, если кто-то интересуется подобными вопросами и вхож в роддом.

– Вы сейчас говорите об Ульяне Антиповой? – спросил капитан Первоцветов.

Молотова закрыла глаза.

– Это чья-то больная извращенная психика. – Полковник Гуцин резко поднялся. – Если за всем этим стоит вера в апокриф про дьявольщину, оккультизм, зоофилию и желания, которые могут быть исполнены с помощью ритуала и убийств, это не что иное, как новое сумасшествие. Та

же самая душевная болезнь, которую психиатр Бехтерев констатировал у Аглаи Шубниковой.

– Вы хотели услышать от меня про скрытый смысл. А теперь недовольны.

– Нам искать безумца?

– Знаете, полковник, есть на свете две вещи, перед которыми пасует все – и прагматизм, и технократия, и просвещение, и нигилизм. Первая вещь – это близость смерти. Угроза жизни, здоровью и благополучию. И второе – это то глубинное, глубоко личное, что мы получаем в детстве, первичная информация на вербальном уровне, то, во что начинаем слепо верить, потому что об этом рассказывали наши предки – бабушки, дедушки, матери, отцы. Вроде бы невероятное, но... такое семейное, такое интимное. Именно эти вещи заставляют нас верить в то, что можно найти способ, чтобы желание исполнилось. Опять же близость смерти, болезнь... Когда не к кому больше обращаться, и бог то ли не слышит, то ли его вообще нет. И уверенность в том, о чем столько рассказывали в детстве бабушка и мать: о связи поколений, о родстве, о тайном родовом то ли проклятии, то ли даре, что передается по наследству, по родству. Даре, который можно воскресить, завладеть им вновь, как чем-то ранее утраченным, но бесценным.

Глава 35

Третий слой

– Нет, – сказал полковник Гуцин, когда они покинули больницу. – Нет и еще раз нет.

Катя и Первоцветов молчали.

– Это не то. Существенная, важная часть. Но это не все. – Гуцин упрямо помотал головой.

– Анфиса про третий слой говорила, – напомнила Катя. – Мне кажется, это он и есть.

– Нет, – возразил Гуцин. – Не стоит обольщаться. Апокриф есть апокриф.

– Однако на него опирается убийца, – не сдавалась Катя. – И такое ощущение, что это действительно не имитация, не реконструкция прошлых событий. Это новый виток. Новый ритуал. Федор Матвеевич, Молотова нам косвенно на двух человек намекала, даже на трех. Ее рассуждения о том, перед чем здравый смысл отступает. Близость смерти. Намек на судью Репликантова, если все верно, что мы слышали о его здоровье. А насчет опасного дара или проклятия, о котором в семье рассказывали, – намек на

Казанского. Он не просто так объявил себя наследником Шубниковых, потомком Аглаи и Бахметьева. Он ссылался на что-то, что было в их семье. Велика ли честь объявить себя потомком убийцы и сумасшедшей? А вот соблазн позиционировать себя как потомка темных сил, почти полубога, пусть и темного, обладающего монополией на могущественный ритуал, способный исполнять желания и заставлять себе служить какого-то там демона часов, про которого по сказкам и легендам знает весь город, – этот соблазн велик. Особенно если к этому побуждают внутренние убеждения и наклонности натуры. Что это, как не дополнительная власть? А Казанский ведь власть любит, он сделал себе карьеру именно во власти. Если судью мы хотя бы допросили, пусть и мало что узнали, то Андрей Казанский пока далек от нас.

– А с чем мне к нему идти, к фактическому главе города? Со старыми сказками? С претензией на то, что он что-то там про себя вякал на заседании музейного общества, где одни старухи-музейщицы, да и то сразу же был подвергнут остракизму?

– Третий, на кого намекнула Молотова, – это Ульяна Антипова, – подхватил Первоцветов. – Вся эта сцена была странная. Как она от всего отреклась! Владельцу ломбарда я верю – чего ему врать, он ее узнал, когда она настаивала на покупке браслета. Он даже на пробирную экспертизу разорился, а она недешевая. Видимо, был уверен, что продаст ей браслет, так она настаивала. А при Молотовой она все отрицала. Учитывая слухи о ее связи с Андреем Казанским... Не с чем к нему идти, так пойдемте к Ульяне, дождем ее с браслетом.

– Звоните в перинатальный центр, узнайте, где она сейчас, и... Нет, черт... это только после совещания с начальником Главка. – Гуцин поморщился.

Капитан Первоцветов связался с дежурной частью, узнал телефоны и начал звонить. И везде его огорчили.

– Ульяну Антипову срочно вызвали с консультации, роженица, говорят, сложная, с патологией. Ульяна сейчас с бригадой врачей, занята с ней. И когда освободится, неизвестно.

Катя подумала: Горьевск сопротивляется их расследованию, словно некая сила мешает им, вставляя палки в колеса. С матерью Аглаи Добролюбовой так – они никак не могут застать ее трезвой, а теперь Ульяна и... Кто еще?

Гуцин заторопился назад на совещание к начальнику Главка, который уже приехал в ОВД.

– Молотова не плакала, – заметил он в машине. – О племяннике

Макаре – ни слезинки.

– Все же он не родной ей, – заметил Первоцветов.

– Или характер такой. Когда часы пошли назад, она ведь в городе была. Но так нам и не сказала, где именно. К музею ведь только-только подъехала откуда-то. И приступ ее сердечный не такой уж серьезный. Кардиограмма вон толком ничего не выявила.

– Вы ее тоже подозреваете? – спросила Катя.

Гущин не ответил. Он о чем-то снова глубоко задумался.

– Самое интересное, что часы действительно пошли назад, – Катя осторожно подбирала слова. – Это же факт. Пусть и непонятно, случайно там труба что-то задела в часовом механизме, или все это специально убийца рассчитал. Но часы-то пошли! И весь город встал на уши. Вспомнил сказку-апокриф. А еще это значит, выражаясь сказочно-магическим языком, что вход, те врата, снова открыт. Демон часов тут как тут. Он опять в игре, как и при старом купце Шубникове. И что за желание было загадано? Чье желание?

– В Горьевсе не знают о том, что когда-то здесь делала снимки знаменитая Елена Мрозовская, – заметил Первоцветов. – Никто из фигурантов о ней ни словом не обмолвился. И в музее об этом не слышали.

– Фотографа Нилова убили, – возразила Катя. – Значит, кое-кто в курсе фотографий. Это помимо неизвестного нам Петруши, местного уроженца, который отдал их Нилову в счет долга за наркоту.

– И тот хмырь из КГБ – надзиратель за сосланными на сто первый километр Кучин – тоже был в курсе, раз украл из архива фотографии с места убийства Аглаи Шубниковой. Зачем они ему, если он не знал всей этой истории? Только вот что он собирался с ними делать? Допросить его не допросишь, прикончили его. И меня это, в общем-то, радует, – хмыкнул Гущин. – Но для дела было бы полезнее, чтобы этот тип был жив. Я не знаю, как его прояснить – пытался по своим каналам, все пока глухо. Буду еще пытаться. Этот Кучин мертв уже почти двадцать лет. А фотографии и пакет, который он из архива УКГБ украл, до сих пор плавают. Нет, дорогие мои коллеги, в этом деле не третий слой, это дело многослойное. И пятый может быть, и десятый, учитывая такой вот расклад.

– Между прочим, фотографии Мрозовской, точнее, те, которые, по ее утверждению, были сделаны самой Глафирой Шубниковой, в чем-то апокриф подтверждают, – заметила Катя. – Сейчас приедем в отдел, Федор Матвеевич, у вас пять минут будет свободных до совещания, давайте снова на них взглянем, уже в новом свете.

И они взглянули.

– Фото, на которых пересняты старинные гравюры. – Катя низко наклонилась над снимками. – Аглая Шубникова в возрасте трех лет. Недобрый ребенок, скажем прямо. Фотография с картины – это прямой намек: «Дитя и демон». Гравюра с ободранной многорукой, многоногой фигурой на циферблате, где руки и ноги в качестве стрелок. Что это, если не намек на жертву? И, наконец, фото с гравюры, где некая тварь выползает из трещины в циферблате. Как по нотам все расписано, и теперь туман постепенно рассеивается. Что это, как не указания на ритуал?

– Даже собака есть на фотографии, черный дог. – Первоцветов указал на снимок с хохочущей Глафирой.

– Это просто пес, – хмыкнул Гущин. – Не забивайте себе голову черт знает чем. Можно допустить, что эта женщина... Глафира действительно верила в подобные вещи. И фотографировала. Но это не значит, что все так и было на самом деле. Мистику потустороннюю не сфотографируешь. Сказку можно рассказать, но сфотографировать...

– А фильмы ужасов? – усмехнулась Катя.

Гущин лишь отмахнулся.

– Не слишком понятна фотография с уменьшенной башней и Глафирой с лупой, – заметил Первоцветов. – Если только это не аллегория, не первый снимок в этой серии с приглашением повнимательней приглядеться к Башне с часами сквозь призму... Чего?

– Вы сами, Борис, сказали, что это похоже на картину Дали. А что означает его полотно с часами, где циферблат – словно яичница-глазунья? – спросила Катя. – Магия времени. Его сиюминутность и безграничность. Не это ли пытается уловить фотография? Федор Матвеевич, вы сто раз подумаете теперь, перед тем как желания под бой курантов загадывать. У кого просим? А? И что вы там такое загадывали, какое желание?

– Так я тебе и открыл, болтливой сороке. Это фото с манекеном тоже не слишком понятное. А ведь это Мрозовская снимала, не Глафира.

– Анфиса говорила, что манекен может быть аллегорией двойственности. Согласно апокрифу, Аглая Шубникова обладала еще какой двойственностью натуры, если в ней демон обитал.

Капитан Первоцветов взял снимок и поднес его близко к глазам, потом отодвинул.

– К башке манекена точно... там что-то пришпилено... белое... определенно похоже на браслет. Белые камни. Жемчуг, возможно?

– Как главковское начальство назад улимонит, пригласи Анфису Марковну сюда. Пусть еще раз посмотрит на эти снимки, когда ты, Катя, расскажешь ей о горьевской легенде. – Гущин глянул на часы. – Все, я

побежал. Борис, вы тоже со мной. Вместе будем отбояриваться.

Катя порадовалась, что Гуцин теперь так великодушно настроен к Анфисиному участию в деле. Она решила дать подруге еще немного поспать в отеле. А потом уж позвонить.

Она и представить себе не могла, что их ждет.

Глава 36

Рука и сердце

Пока с полковника Гуцина и капитана Первоцветова снимали стружку на совещании, Катя затаилась. Она опилась кофе из кофеварки, сходила в продуктовый магазин, купила плюшек и каких-то заскорузлых пирожных – они ведь так ничего и не ели со вчерашнего дня. Возможно, Первоцветов, как хамелеон, воздухом питается, но Катя в этот момент заботилась только о себе. Наелась. В половине второго решила позвонить Анфисе – хватит спать, пора и честь знать.

Но в коридоре слышались громкие голоса – она выглянула. Полковник Гуцин почтительно провожал начальника Главка до машины. К Кате подошел Первоцветов.

– Как все прошло, Борис?

– Шумно.

– Привыкайте. Нравится вам быть начальником ОВД?

– Не язвите.

– Я Анфисе звонить собиралась, будить ее. Может, хотите это сами сделать?

– Да, я хотел бы это сделать сам.

До обольстителя ему далеко, – подумала Катя. – Слово какое! Как будто из прошлого, словно его уже кто-то где-то произносил... Нет, не обольститель капитан. Но что-то в нем определенно есть. И – да, на Фассбендера-черта похож, глаза как два моря! Это Анфису в нем и зацепило.

– Будите, – она протянула ему мобильный с номером Анфисы в одно касание.

В этот миг в кабинет зашел Гуцин. И Первоцветов тут же вернул Кате телефон, оборвав вызов.

– Свяжитесь снова с роддомом, Борис, – распорядился Гуцин, кряхтя и отдуваясь. – Узнайте, освободилась ли доктор Антипова. Наша работа не должна стоять на месте.

И в этот момент у него самого затрезвонил мобильный. Звонили оперативники, отработывавшие круг общения фотографа Дениса Нилова.

– Федор Матвеевич, мы в контакте с управлением по борьбе с наркотиками. На самого Нилова по-прежнему ничего в этом плане. Он никогда с наркотой не светился, не был замечен в сбыте. Но с некоторыми людьми мог на этой почве входить в контакт. И мы это проверяем. Сами понимаете, управление по борьбе с наркотиками, когда речь идет о негласных данных и негласных мероприятиях, немо как утопленник, но мы все же попытались... Кое-что выплыло, Федор Матвеевич!

– Что там у вас выплыло?

– Было несколько мест и несколько тусовок – клубов, загородных вил, – где он работал, снимал. Вокруг этих мест крутилось несколько крупных дилеров. Мы насчет Петруши наводили справки. Так вот, речь может идти лишь об одном человеке. Это и правда крупный дилер, сбытчик героина и кокаина. Ныне уже покойный – он умер в этом году в больнице, и не от передозировки, а от обострения гепатита. Они все под ним ходят. Его в определенных кругах больше знали не как Петрушу, а как «Кучу». Кличка у него была такая. Потому что его фамилия – Кучин. Петр Кучин.

– Кучин?!

– Да, и по нему еще одна интересная информация выплыла!

– Федор Матвеевич! У нас новости! Мы исследования только что закончили.

К Гущину по коридору спешили два эксперта-криминалиста, громко что-то обсуждая.

Гущин оторвал от уха мобильный.

– Что у вас? Подождать не может?

– Вы же сразу требовали доложить, как закончим. У Макара Беккера нет в волосах следов пыли. И на одежде тоже никаких следов. Следы крови есть, а пыли нет.

Катя не знала, кого слушать. *Пыль в волосах... Это Гущин у фотографа Нилова обнаружил – строительную пыль в волосах, а потом нашел те дырки, что тот просверлил в стене. У Макара пыли нет... Но вообще при чем тут пыль в волосах?*

Оперативники по телефону начали что-то оживленно бубнить.

– Подождите секунду, не слышно. Борис, разберитесь с экспертами, что там с пылью, это очень важно. Да, да... Продолжайте, что по Петру Кучину, я вас внимательно слушаю.

Катя разрывалась от любопытства. Сначала она хотела отправиться за Первоцветовым и экспертами. Затем решила остаться послушать, что там с дилером. Фамилия... Черт возьми, ведь это же...

Когда она оглянулась, ни экспертов, ни капитана Первоцветова в

коридоре уже не было.

Она вся обратилась в слух, едва сама не залезла в мобильный полковника Гущина.

Анфиса выпалась в отеле и укоряла себя за поздний подъем. Она ощущала тяжесть во всем теле, как это бывает, когда не спишь ночь и потом спишь день. И переживала, что пропустила что-то интересное и важное. Приняв душ и одевшись, она проверила мобильный – никаких звонков от Кати, никаких сообщений. Она тут же на нее обиделась. Потом смягчилась – ее просто жалели, ей давали возможность отдохнуть, пока сами они там пахали по новому убийству.

Анфиса горела желанием снова присоединиться к друзьям. Она запихала в сумку камеры и вышла из номера.

К своему великому удивлению, она увидела в холле отеля капитана Первоцветова. Он был без верхней одежды. Только в форме.

– Привет. Вот заехал по пути. Решил сам вас разбудить.

– Привет, – Анфиса подошла к нему и сразу растеряла все слова.

Голос разума смолк. Лишь сердце билось в груди, как метроном...

– Что я проспала?

– Многое. Мы слышали местную мрачную легенду о персонажах с фотографий. Я бы поведал вам ее, да из меня плохой рассказчик сказок. Могу что-то перепутать. Вам ее лучше ваша подруга перескажет. Тут более срочное дело – эксперты обнаружили несоответствия между осмотром места происшествия и трупа. Я сейчас еду к башне. Надо кое-что снова проверить. Поедем со мной?

Анфиса закивала, потрясла сумкой, набитой камерами. Потом кивнула в сторону холла, где продавали постояльцам кофе, в том числе с собой.

– Спасибо, я кофе не буду. Я вас в машине подожду.

Анфиса устремилась за кофе. Пока он готовился, набила сообщение Кате: «Мы с капитаном к башне. Там что-то эксперты нашли. Он говорит – надо проверить. Заодно сделаю новые снимки».

До фабричных корпусов домчали в мгновение ока. Анфиса пила горячий кофе и ловила на себя взгляды капитана Первоцветова. Он хранил молчание. Глаза – как два синих озера.

У запертой двери фабричного корпуса, опечатанной и затянутой полицейской лентой, капитан остановился, вышел, сдернул ленту, достал из кармана ключ, открыл.

Они вошли в фабричный корпус. Анфиса вспомнила, как они вчера мчались здесь, как поднимались на башню.

– Тихо как сейчас! Вчера столько народу было – и на башне, и вокруг.

И вот снова никого.

Он крепко взял ее за руку. И от его прикосновения Анфиса ощутила, как кровь бросилась ей в лицо и сердце застучало.

Не смей... Возьми себя в руки... Это просто так... жест дружбы...

– Ничего не бойтесь, Анфиса. Я с вами.

Держась за руки, они направились к башне и начали подниматься наверх по лестничным пролетам. Достигли самого верхнего, под комнатой часового механизма, где на ступенях и на стенах все еще были видны широкие кровавые мазки.

Капитан Первоцветов смотрел на них.

– Что эксперты нашли нового? – спросила Анфиса.

– У парня нет пыли в волосах и на одежде. А здесь пыли полно – и на ступеньках, и на лестничной площадке.

– И что это значит?

– То, что все было не так, как мы решили вначале.

Луч багрового света, словно копье, пронзил запыленное оконное стекло и вонзился в пол у самых ног Анфисы. Она оглянулась – вид, открывающийся с башни, в эту минуту был фантастичен и великолепен. Сквозь свинцовые дождевые тучи, как иглы, проходили огненно-багровые лучи. Город внизу был темен, а небо пугало и завораживало грозной красотой.

Анфиса вытащила камеру, подошла к окну.

– Страшное место эта башня, а тянет сюда. Столько мертвецов... И они словно еще здесь, не покинули ее.

– Ворота Расемон – эта башня, я всегда думал о ней так. Все грехи, все мертвецы собираются здесь.

– Фильм Куросавы?

– Да. Помните, вы спрашивали, открывается ли окно? Оно легко открывается.

Он одной рукой сдвинул английскую фрамугу вверх. В окно ворвался холодный ветер. Капитан Первоцветов прислонился спиной к подоконнику, словно защищая, загораживая собой Анфису и от этого пронизывающего ветра, и от пустоты, что простиралась до самой земли.

– Анфиса, можно я задам вам вопрос?

Он одной рукой по-прежнему крепко сжимал ее руку, а другой мягко отвел камеру, которую Анфиса подняла, чтобы снимать вид из окна. Анфиса опустила камеру. Он сделал к ней шаг и оказался так близко, что она ощутила его всего. Его тело, такое напряженное, железное. Он был выше ее. Анфиса терялась под его настойчивым взглядом, чувствуя себя

неловкой, красной от смущения, массивной, такой неуклюжей...

– Анфиса, вам нравится Горьевск?

– Нет. И да... Он меня пугает. Но это уникальный город.

– Анфиса...

– Что?

– Выходите за меня замуж.

Сердце... удар... о, сердце мое...

– То есть как?.. Мы же... Вы меня знаете всего три дня.

– Неважно. Вы станете моей женой?

– Я... это что... Вы серьезно?

– Серьезно. Предложение руки и сердца.

– Здесь, на Башне с часами? Полной мертвецов?

– Да, здесь. Анфиса! Никто никогда не значил для меня столько, сколько значите вы сейчас. Никто никогда не заменит мне вас. Никто никогда не будет любить вас так, как я люблю вас. Сейчас. Здесь.

– Борис, вы бредите?

– Возможно. Анфиса. – Он шепнул это, наклоняясь к самым ее губам. Его руки сомкнулись в кольцо объятия. – Слушайте мой бред. Вы станете моей женой?

– ДА.

Он вобрал ее «да», ее ответ своими губами с ее губ.

Поцелуй. Долгий. Глубокий, как сон. Как сама смерть.

В эту минуту у Анфисы зазвонил мобильный телефон. Но она не слышала его, не слышала ничего, кроме ветра и шума крови. Оглушенная его поцелуем, опаленная его жаром.

– Кучу-Петрушу управление по борьбе с наркотиками дважды брало с личным на партии героина, – докладывали полковнику Гущину оперативники. – Но оба раза он избегал уголовной ответственности. Первый раз дело возбудили, а потом прекратили за недоказанность, потому что звонок был – догадайтесь откуда. С Лубянки, чуть ли не с самого верха. За Кучу заступились тамошние товарищи, его отмазали. Он внук основоположника губернской ЧК, комиссара НКВД второго ранга, впоследствии генерал-полковника МГБ Петра Кучина, ветерана службы. Этот комиссар второго ранга – единственный, переживший массовые репрессии тридцать седьмого. Говорят, он избежал расстрела потому, что лично написал рапорт-донос не только на своих коллег, но и на свою жену, с которой прожил тридцать лет, обвинив ее в участии в троцкистском заговоре. Спас свою шкуру ценой ее жизни. И пережил всех – дожил чуть ли не до ста лет и был похоронен с почестями. Его сын от второй жены

родился уже после войны, когда Кучин, будучи в солидных летах, получил звание генерал-полковника МГБ и отошел от руководства. Сын тоже много лет работал в органах госбезопасности. Кстати, в Горьевске. И в конце девяностых был убит, в его убийстве подозревали сотрудника тамошней милиции, но ничего тогда не доказали. Управление по борьбе с наркотиками посоветовало нам в министерский отдел кадров обратиться – мы так и поступили. Мать Кучи-Петруши работала вольнонаемной в информационном центре. Она развелась с мужем, у нее была другая фамилия. Куча-Петруша с ней не жил, он всегда жил с отцом. Когда того убили, ему было всего двадцать лет. И он вообще надолго пропал с семейных радаров. Но потом всплыл. В кадрах к его матери никогда не предъявляли претензий по поводу него – он же не был официально судим. Допросить мать не представляется возможным, она умерла несколько лет назад. Но в кадрах мы получили еще одну любопытную информацию.

– Какую? – спросил Гущин.

В этот момент Кате пришло сообщение. Поглощенная новостями, она мельком взглянула на него – ага, Анфиса... куда-то едет... с капитаном Первоцветовым... Куда?

– Что там такое, Федор Матвеевич?

– Незадолго до его смерти в больнице Петрушу-Кучу взяли на наркоте вторично. Но там было все зыбко, доказательства хлипкие – там группа действовала по сбыту кокаина, не он один. Так нам сказали в отделе по борьбе с наркотиками. И по нему тогда им был звонок из нашего Главка. Нет, его не пытались отмазать, просто наводили справки – что там и как, будет ли возбуждаться уголовное дело непосредственно в отношении него. И знаете, кто звонил? Его брат.

– Брат? – Гущин внезапно охрип.

– Он сотрудник полиции, работал в Главке. А сейчас временно назначен в Горьевск. Он тамошний уроженец, как и Петруша-Куча. Они оба оттуда. У них разные фамилии. Мы сначала не сориентировались. Но потом все узнали точно. Младший брат Петра Кучина – это нынешний исполняющий обязанности начальника ОВД Борис Первоцветов. Он тоже внук комиссара госбезопасности второго ранга от НКВД – разные фамилии, но одна кровь!

Катя подумала, что Гущина вот-вот хватит удар. Он побагровел. Резко дал отбой. Оглядел коридор.

– Где он?!

Ринулся к экспертам.

– Где он?! Где Первоцветов?!

– Уехал. Сказал – что-то срочное. Уехал на патрульной машине.

Катя выхватила мобильный, прочла сообщение Анфисы. Прочла снова. И еще раз. Сунула мобильный под нос Гущину. От волнения она не могла говорить.

Гущин выскочил из ОВД, на ходу отключая сигнализацию своей машины. Катя, спотыкаясь, бежала за ним. Она даже забыла взять в кабинете куртку.

– Сволочь! Лжец!

Гущин шарахнул кулаком по рулю. Нажал на газ. Внедорожник рванул с места так резко, что Катя на заднем сиденье едва не стукнулась подбородком о подголовник. Она с ужасом думала, что теперь будет. Что с Анфисой? И есть ли у полковника Гущина пистолет?

Они оторвались друг от друга, потому что им обоим не хватило воздуха. Анфиса неотрывно смотрела ему в глаза. Они оба продрогли на ветру. Но ее согревал его жар. Он был словно в лихорадке. И при этом внешне спокойный. Даже бесстрашный. Только взгляд... Синее пламя...

У нее снова затрезвонил мобильный. *Это Катя... Я сейчас не могу с ней говорить... не хочу... Я хочу только его...*

Он снова ее поцеловал. Крепко. И как-то отчаянно.

– Значит, вместе?

Анфиса кивнула.

Внизу послышался шум. Визг тормозов. Кто-то на всех парах подъехал к Башне с часами. Капитан Первоцветов посмотрел через плечо вниз.

Он улыбнулся Анфисе и снова стиснул ее в своих объятиях. А потом, увлекая ее за собой, словно драгоценную ношу, неожиданно резко наклонился спиной над подоконником и быстро перекинул сначала одну ногу через подоконник, затем другую.

Падая вниз.

Увлекая Анфису, которая...

– АНФИСА, ОТОЙДИ ОТ НЕГО!!!

– АНФИСА, ОН ОПАСЕН!!!

– Анфиса, неееееет!!!

– АНФИСА МАРКОВНА, ДЕРЖИТЕСЬ!!! ХВАТАЙТЕСЬ ЗА ЧТО-НИБУДЬ!!!

Анфиса слышала все это сквозь шум крови, сквозь шум ветра, как во сне...

Катя... Она на мгновение впала в ступор. Когда они домчали туда. Когда она увидела пустую патрульную машину и распахнутую настежь дверь фабричного корпуса. Лицо Гущина, который трясущимися руками

набирал номер Анфисы, звонил и не получил ответа. А потом она увидела открытое окно наверху Башни с часами, на той стороне, под циферблатом, что смотрела прямо на фабричный корпус и асфальтированный фабричный двор. И увидела в окне две фигуры, которые сплелись...

Нет, не в борьбе.

В страстном объятии. А потом оба вместе начали падать...

– АНФИСА, НЕЕЕЕЕЕЕТ!!! ДЕРЖИСЬ!!! АНФИСА, НЕ УМИРАЙ!!!

Катя орала так, что сорвала горло. Она помнила: это уже было в ее жизни. Этот кошмар. И то дело Пушкинского музея... И еще раньше, когда они все были еще вместе, ехали на море – и ее бывший муж, и его друг детства Серега Мещерский – и увидели высокую колокольню кирки и того, кто пытался прыгнуть вниз, чтобы разбиться о камни.

Неужели здесь, в Горьевске, все повторяется? Все происходит вновь, потому что чертовы часы на башне пошли назад, пожирая прожитое время?!

– Анфиса!!!

Там, на башне, ОНА словно очнулась от грез. От морока. Возможно, дело было в том, что она оказалась слишком тяжелой и неповоротливой. Слишком толстой. ДЛЯ НЕГО. И ТОГО, ЧТО ОН ЗАДУМАЛ СДЕЛАТЬ.

Анфиса боком застряла в узком окне и уперлась ногой в стену. Его руки соскользнули по ее телу вниз. Он уже падал. Но она крепко ухватила его одной рукой за руку, а второй за капитанский погон. Он тянул ее вниз. А она сопротивлялась, упиралась.

Внизу, на лестнице башни, грохотали шаги. Полковник Гущин не бегал так никогда в жизни. Но Катя все равно его опередила.

Когда, задышавшись, она поднялась на площадку, Анфиса уже почти сползла с подоконника – сила тяжести увлекала ее вниз, нога в кроссовке скользила по стене. И внезапно Катя поняла, что Анфиса борется вовсе не за себя, не за свою жизнь.

С треском оторвался капитанский погон.

– Хватайся за мою сумку! – хрипела Анфиса.

Он смотрел ей в глаза. Но вместо того, чтобы ухватиться за сумку, резко дернул сумку с ее плеча. Сумка с камерами рухнула вниз.

– Отпуссссссти меняяаяя.

– Нет!

– Отпусsstиии мою руку...

– Нет! – Анфиса совсем свесилась из окна, пытаясь ухватить его свободной рукой за форму.

– Отпусsstиии... Я давно хотел... Дай мне уйти!!

– Нет! Не дам!

Катя не видела, что происходит там, внизу, под окном, где он болтается. Широкая спина Анфисы загораживала от нее все. С визгом отчаяния Катя вцепилась в плащ Анфисы, клянясь в душе, что не отпустит подругу. Ни за что...

– Отпусти мою руку...

Это хрипела не Анфиса. Это он...

– Нет!

– Я тебя не люблю! Я хочу уйти!

Анфиса вскинула голову. Ее лицо побагровело от натуги и сейчас было страшным, диким. Хриплый вопль вырвался из ее горла.

– АААААААААААААААА!!!

Так кричали на поле боя раненые амазонки, бросаясь с мечом прямо в сомкнутый строй щитов и копий, так, наверное, кричала Чудо-женщина, чтобы боги Олимпа услышали ее и сделали хоть что-то, чтобы оторвали свою олимпийскую жопу и...

Катя не знала, как Анфисе удалось то, что она сотворила. Она никогда не занималась спортом, не поднимала тяжестей. А он... При всей своей худощавости и изяществе он весил никак не менее восьмидесяти килограммов – у мужиков кости тяжелые и рост...

Крича от натуги так, словно у нее лопались все мышцы, все жилы, Анфиса одним могучим движением рванула его вверх, на себя, перегнувшись, схватилась другой рукой и, крича все так же страшно и дико, поволокла его назад в окно.

Она сделала это одна. Сама.

Катя ничем не могла ей помочь в узком английском окне.

От рывка Анфисы она сама упала. Анфиса втащила капитана Первоцветова внутрь.

Они повалились оба навзничь на каменный пол. Он на Анфису, которая продолжала его удерживать – уже не за руку, а за горло. Не поймешь, то ли объятие, то ли болевой захват.

Вбежавший полковник Гуцин секунду обалдело созерцал их, распростертых. Потом подскочил к окну и с силой опустил фрамугу.

Рывком поднял капитана Первоцветова с пола и, не давая ему опомниться, поволок вниз по лестнице. Подальше от этого места.

Катя поднялась на четвереньки. Заглянула в лицо подруги.

Все еще багровое от натуги.

Анфиса медленно перевернулась на живот.

Затем так же медленно поднялась и встала на ноги. Она словно обрела

великую тайную силу. Она протянула руку ползающей по полу в шоке Кате. Она, которая была на волосок от смерти и спасла другого, помогала и Кате подняться.

Глава 37

Петруша и все, все, все

Когда Катя на трясущихся ногах спустилась вниз вслед за Анфисой, она увидела полковника Гущина, тяжело облокотившегося на капот своего внедорожника. Перед ним, прямо на асфальте, согнув ноги в коленях, сидел капитан Первоцветов. Анфиса подошла к ним, не обратив никакого внимания на свою сумку, валяющуюся в луже. Сумку подняла Катя.

– В глаза нам всем лгал с самого начала! – Гущин шипел, ярость его куда-то ушла, видно было, что он сильно испугался того, что могло произойти. – И чего ты хотел? На что надеялся? Что мы не узнаем, что он твой брат? Дело было лишь во времени. Там же, в кадрах, есть сведения! На что ты рассчитывал?

– Я не лгал. Но и правды сказать не мог. – Голос Первоцветова звучал глухо, но не дрожал и не срывался.

– Что он твой брат? Наркоман, дилер, владелец фотографий? Что ты сразу понял, о ком речь? Что прикидывался, что ты его «ищешь»?! Все равно ведь все открылось! Сколько времени мы потеряли, но все открылось!

– Я и не сомневался, что вы рано или поздно все узнаете.

– И что? И чего ты хотел? Голову себе расколоть об асфальт? Умереть? Ты нормальный, а?

– Я нормальный. – Капитан Первоцветов поднял голову. Он смотрел не на злого Гущина, а на Анфису. – Я не мог сказать вам правды.

– Почему? – спросила Анфиса.

– Потому что... я... *я просто не мог*. Зачем вы меня спасли?

– Потому что захотела.

– Помните, о чем я вас просил?

– Да.

Катя вдруг поняла: Анфиса никогда не расскажет им о том, что в действительности произошло между ними там, наверху, на башне с часами.

– Там же в кадрах все, идиот! – злобно и как-то жалостно воскликнул полковник Гущин. – И про отца твоего, и про мать. И про деда.

– И про папочку, и про дедушку. Я почти уверен, что фотографии – все, кроме двух последних, – они всегда, с самого начала, были в нашей семье. Наследство деда. Папочка просто добавил к этой коллекции недостающие,

украл из архива, когда возможность выпала. Я про фото ничего не знал. А Петька... Петруша, брат мой, он, наверное, получил их в наследство. А когда с долгами за кокаин приперло, решил расплатиться. Опять же я этого точно не знаю, но думаю, что с фотографом Ниловым все было именно так, как он сказал. – Первоцветов смотрел только на Анфису и обращался к ней. – Как фотки попали в наше семейство? Обычное дело – экспроприация. Мой дед Петр Кучин – он был кучером здесь, в Горьевске, у Шубниковых и потом у Бахметьева. Катал его на рысаках. А сразу после революции, в январе восемнадцатого, стал начальником губернской ЧК. Вы все спрашивали, интересовались: а что с ними стало, с этими людьми? Куда они делись? Так вот, про Игоря Бахметьева я вам точно скажу, куда он делся в январе восемнадцатого. Оттуда – сюда, – Первоцветов указал подбородком на башню и вниз на асфальт. – Мой дед Петр Кучин, его бывший кучер, ставший чекистом, затащил его на глазах у фабричных рабочих туда, наверх, выстрелил ему в затылок и сбросил тело вниз. Расстрелял как эксплуататора трудового народа, именем революции. Они много чего вместе повидали с барином-фабрикантом, а потом он его шлепнул из «маузера», когда время... другое время в стране настало. Здесь, в Горьевске, сейчас все ахают: Игорь Бахметьев музей городу подарил, больницу построил, хотел строить чуть ли не театр, его отец железную дорогу провел, водопровод, канализацию. Куда же они все делись – благодетели? А вот куда: с пулей в затылке – сюда, вниз с башни. Казнь именем революции. Это я должен был вам сказать? В этом признаться? В тридцать седьмом, как дедуля папочке рассказывал, когда арестовали его первую жену, когда ее допрашивали на Лубянке, он сидел в соседнем кабинете. Ее насмерть забили палкой на допросе, все признания добивались, что она троцкистка, враг народа. А она с дедулей в браке прожила тридцать лет. Она тоже отсюда, из Горьевска была, горничной служила у Шубниковых. Они много чего вместе повидали. Она была наполовину глухой, *у нее ухо было изуродовано*. Так дедуля – это известный исторический факт – не только за нее не заступился, он на нее донес как на врага народа. Фотографии к нему наверняка во время обыска, экспроприации в особняке Шубниковых попали. Оставил себе на вечную память. А папочка мой... Он вполне мог выяснить их ценность – мол, несколько снимков самой Мрозовской сделаны, остальные ее рукой подписаны. Это же деньги! Можно продать. Так и братан мой, Петя, считал.

– Ты с братом контакты поддерживал? – спросил Гуцин.

– Редко. Мы с ним встретились на похоронах отца. Он с отцом ведь остался. А я с мамой. Она нас забрала сразу, после того как... Да, и это вам

рассказать надо. Хотите послушать, да? Молотова чистую правду сказала насчет Маргариты Добролюбовой, мой папаша ее изнасиловал жестоко. Это я сам видел, на моих глазах случилось.

– Как же это?! – ахнула Катя.

– Мне было пять. Петьке десять. Он потащил меня за самогоном в садовый домик. Здесь недалеко. – Капитан Первоцветов махнул рукой за фабричные корпуса. – Тогда, в восемьдесят седьмом, была же кампания по борьбе с пьянством. Это я сейчас понимаю, что к чему, – тогда-то, в пять лет, я просто за братом хвостом. Тогда здесь горожанам давали лоскуты земли под огороды, чтобы хоть картошку с луком сажали. Папочка мой, этот самый Кучин из КГБ, держал в такой сараюшке винный склад – агентура тогда уже деньгами не брала, а только водку требовала или самогон по пол-литра за инфу. Мы с братом забрались в сараюшку через окно. Братан сразу бутылки начал открывать, пробовать. А потом мы услышали шум, кто-то замок на двери отпирал. Мы средихламы спрятались. Это был он, а с ним...

Затаившись, как мышонок, за картонной коробкой, он увидел отца – в спортивных брюках «Адидас» и тенниске.

– Ты чего опоздала? Сколько я тебя ждать должен?

Женский голос что-то возразил отцу, бессвязно забубнил. Мальчик видел только голые загорелые ноги в босоножках на танкетке, потом мелькнул подол летнего сарафана, светлые волосы, сожженные перекисью.

– Чего? Это как понимать? Ты чего там мелешь? Ты отказываешься, что ли? Работать отказываешься?

– Никогда я на вас не работала! Не стучала для вас! – Женский голос был молодой, хриплый, нетрезвый и дерзкий. – И сюда я больше не приду!

– Ах ты... Да ты что?! Ты кому в сотрудничестве отказываешь? Госбезопасности?! Органам?! Да ты знаешь, что я с тобой, дыркой рваной, могу сделать? Ты забыла, кто я здесь?! Чего? Чего ты там бормочешь? Время другое настало? Я щас покажу тебе, какое другое время настало, шлюха, проститутка! Куда пошла? Я спрашиваю, куда ты пошла?! Ну-ка назад! Я кому сказал!!!

Мальчик видел, как его отец рванул женщину сначала за сарафан, а потом за волосы, затаскивая в сумрачный садовый домик. Она завизжала, начала вырываться, укусила его за руку. И это привело его в исступление.

– Кусаться, стерва! Ах ты, шлюха вонючая! Все зубы сейчас на землю выплюнешь, потроха выблюнешь, проститутка!

Мальчик видел, как его отец ударил женщину наотмашь по лицу, не давая ей опомниться, ударил кулаком в подбородок, словно боксер.

Старший брат вцепился в мальчика мертвой хваткой, напуганный дракой.

Женщина отлетела к стене, ударилась о верстак, сползла на пол. Она поднялась на четвереньки и поползла к выходу. И в этот момент отец мальчика схватил лопату и ударил ее плашмя по спине, начал бить с такой силой, что она сначала кричала в голос, а потом просто мычала от боли, уже не двигаясь, ткнулась лицом в земляной пол. Тогда отец мальчика встал ей одной ногой на спину, схватил за волосы, запрокидывая голову, а другой рукой быстро стянул с нее желтые застиранные трусики, обнажая ее зад.

В следующий миг он пал на женщину как коршун, камнем, на ходу стягивая с себя тренировочные штаны, прилаживаясь к ней сзади, бормоча: «Узнаешь, узнаешь, сука, где раки зимуют... и никто не докажет... дырка тупая, а ну, ори теперь, давай!»

И она закричала, когда он задвигался на ней, пыхтя и отдуваясь.

И мальчик тоже закричал в своем убежище, а потом выскочил из него, хотя перепуганный старший брат пытался его удержать, и бросился к открытой двери, прочь, прочь, подальше от садового домика, от отца, потерявшего человеческий облик.

– Я убежал, – сказал капитан Первоцветов. – Я бежал, не разбирая дороги, этот момент я не помню. А потом я оказался в Доме у реки... В заброшенном доме. Я сидел на полу, среди мусора. Я сидел там до глубокой ночи. Помню лишь, как свет дня в окне догорал. А я смотрел... И слушал... В том Доме у реки... было так тихо. Но что-то все время скреблось за стеной. Крыса, что ли... Я хотел умереть в пять лет. А потом пошел дождь. И стало темно. Я подумал, что уже умер. Меня нашла там она.

– Кто? – спросила Анфиса.

– Молотова Мария Вадимовна. Брат Петька прибежал домой без меня, в слезах. Он рассказал матери. Маргарита тоже не стала молчать, когда выбралась оттуда... Грянул скандал. Но отца в городе боялись – как же, местная надзирающая шишка КГБ! Сто первый километр ведь еще никто не отменял. Меня стали искать всем городом. И она – Молотова – меня нашла в Доме у реки. Я не мог говорить. Я потом год не разговаривал. Мама забрала меня и Петьку и сразу уехала из Горьевска в Москву, к своим родителям. Сразу подала на развод. Мы жили в Москве. Но брат... Он в тринадцать лет убежал из дома и потом вернулся в Горьевск, к отцу. Не знаю почему. Могу лишь догадываться. Следующий раз мы увиделись на похоронах. И затем редко встречались. А Молотова меня узнала. Когда я к Марго приехал домой, беседовать с ней. Я еще подумал... но не был уверен. Столько лет ведь прошло. А в больнице я уже точно знал, что она узнала меня. Я-то ее никогда не забывал.

Они все молчали. Потом Гуцин сказал:

– Вставай. – Он открыл заднюю дверь внедорожника. – Садись.

Капитан Первоцветов поднялся и сел в машину. Полковник Гуцин протянул Кате ключи.

– Садись ты за руль.

– Я такие никогда не водила, Федор Матвеевич.

Анфиса молча взяла у Гуцина ключи. Села за руль внедорожника. Катя села с ней рядом. Гуцин занял место сзади, рядом с Первоцветовым.

Анфиса ехала медленно, но уверенно. В ней по-прежнему царствовала та странная тайная сила, которая так поразила Катю в башне. Что-то в Анфисе бесповоротно изменилось. И Катя не знала, радоваться этому или страшиться. Анфиса не глядела на дорогу и встречные машины. Ее взгляд был прикован к зеркалу, к капитану Первоцветову. И он тоже смотрел на нее. И Катя кожей ощущала, что между этими двумя проходят такие разряды... такие молнии... Атмосфера в салоне машины была наэлектризована до предела. И, кажется, даже толстокожий Гуцин это почувствовал.

В ОВД он молча провел капитана Первоцветова в кабинет. Главковская опергруппа и сотрудники отдела смотрели на их лица, на расхристанную форму Первоцветова с оторванным погоном. Никто не задавал никаких вопросов.

Гуцин плотно закрыл дверь и обернулся к Первоцветову:

– Если ты думаешь, что это все, сынок, то ты ошибаешься. Ключ.

Он протянул руку. И капитан достал из кармана ключ. Отдал.

– Ключи от башни у моих экспертов. Они тебе ключа не давали. Это дубликат, сынок. Когда ты его сделал?

– Когда мы ходили на башню с представителем отдела культуры. Я снял слепок.

– Зачем?

– Чтобы был выход, когда вы все узнаете о нас с братом.

– Только для этого? Чтобы выбрать место покончить с собой? – Лицо Гуцина снова покраснело от гнева. – А я вот тебе не верю. Разжалобить меня задумал своим детством, своей семейкой, своей жизнью?

– Нет. – Первоцветов покачал головой. – Какая к нам может быть жалость? С таким наследием, с такими генами, да? «Кровавая гэбня»... Чего там ботва – правозащитники – могут мне нового сказать, какие ужасы еще добавить про эту нашу «кровавую гэбню»? Когда я сам больше их знаю, я плоть от плоти и отца и деда. Я вырос в этом кагэбэшном дерьме! В этой системе я вырос. Я даже не смог выбрать иной путь в жизни – тоже в

конце концов пошел служить. Мой отец – насильник, мой дед – убийца, мой брат – наркоман. Я хотел... Да закончить все это я хотел к черту! Покончить со всем разом! Чтобы не было больше нас – ничего: ни памяти больной, ни генов, ни потомства. Я этого одного хотел всегда!

Он сжал кулаки. Но Гущина это не испугало и не остановило.

– Фотограф Нилов знал твоего брата, дела с ним вел, долги с него требовал. Он от него и про тебя мог узнать. Не ты ли его и прикончил там, в Доме у реки? А что, не повод для убийства разве – прикрыть семейный позор? Это лучше, чем с башни прыгать.

– Я не убивал фотографа Нилова. Я вообще ничего не знал о его делах с братом.

– У Макара Беккера нет пыли ни на одежде, ни в волосах. Это значит одно: никто его не волок на башню, оглушенного. Он пришел туда на своих ногах вместе с убийцей. Следы кровавые – инсценировка. Он поднялся на башню вместе с тем, кому доверял, не боялся. А ты форму носишь, капитан. Кому, как не полицейскому, мог довериться Макар Беккер?

– Он же с нами был, – вмешалась Катя. – Он же все время с нами!

– Он уезжал! – рявкнул Гущин, все больше расходясь. – И не смей за него заступаться! Иначе выгоню к черту из оперативной группы! А он... Ты, сынок, меня плохо знаешь. Я на жалость скупой. Два убийства в городе и третий труп этой девочки, Аглаи, мать которой твой отец-подонок... Ты о ней бы лучше подумал!

– Я думал. Перед кем мне каяться за мой род? Все умерли. И Маргарита Добролюбова не просыхает от водки, не соображает ничего. Перед кем мне каяться? У кого просить прощения? Я сам хотел все закончить!

– Это я тут решаю, как все закончить! – заорал на него Гущин. – Под арест посажу, понял? И суд здешний мне не указ, к черту их санкцию! Будешь сидеть у меня под замком!

Он рванул дверь кабинета, призывая оперативников. Через пару минут капитана Первоцветова уже вели вниз, в ИВС. Дежурный тоже впал в ступор, однако начал возражать – все камеры полны, он же полицейский, его надо помещать в отдельную камеру. А свободный только «обезьянник» – открытая предвариловка, туда, что ли, начальника ОВД? О господи...

Гущин все кричал: «Будет сидеть, пока не разберусь!»

А потом схватился за сердце. И брякнулся прямо там, перед «открытой предвариловкой», куда посадили под замок Первоцветова, на стул, массируя сердце под пиджаком. И дежурный принес ему столбик

нитроглицерина.

А Катя заплакала. Поражаясь тому, что Анфиса взирает на весь этот горьевский кошмар так отрешенно.

Глава 38

Пальма

После того как Гущин наелся нитроглицерина, а Катя вытерла слезы, она сказала:

– Неправильно все это, Федор Матвеевич.

Гущин шумно сопел, поглядывал на Анфису. Они вернулись в бывший кабинет капитана Первоцветова. ОВД Горьевска вновь лишился начальника, и никто уже не знал, что с этим делать. Анфиса смотрела в окно, отвернувшись.

– Он не виновен в убийствах, – сказала она.

– Никто этого не знает наверняка. – Гущин все еще злился.

– Я знаю.

– Да он вас убить хотел, Анфиса Марковна! Что вы, ей-богу, как дитя малое! Он хотел забрать вас с собой, чтобы не одному на тот свет. Я что, слепой или идиот круглый?

Катя отметила, что хотя Гущин и пререкается с Анфисой, однако тихо. И в голосе его звучит – нет, даже не уважение, а почти благоговение. Видно, и на него произвел впечатление поступок Анфисы. Ее порыв.

– Да за одно это его... что он вам вред хотел причинить... за одно это его надо... В порошок мало стереть!

– Это вас не касается, – обернулась Анфиса. – Это не вам решать.

– Я видел это своими глазами.

– Вы видели, что он... упал из окна. У него закружилась голова, а там подоконник низкий. А я его удержала. Смогла удержать. Это вы видели.

Гущин хотел что-то воскликнуть – отчаянно и гневно, но на этот раз Катя с силой дернула его за рукав. Молчи ты, старый!

После долгой паузы Гущин объявил:

– Все равно пусть сидит под замком. Мы делом заняты, розыскными мероприятиями. Что я, сторож ему, что ли? А если он снова на башню рванет вниз бросаться? Или на машине разобьется? Он же псих, Анфиса Марковна.

– Он не псих, Федор Матвеевич. Он в крайней степени отчаяния. Он считает, что пропасть перед ним. И выход лишь один – там, на ее дне. Будь у меня такая семья, такое наследство, такой шок, пережитый в детстве, я бы и столько времени не прожила, сколько он прожил на белом свете.

– Иезуитством было назначать его сюда, в Горьевск, начальником ОВД! – подхватила Катя. – Если в кадрах были сведения, что они там, не понимают, что ли?

– Он Нилова, фотографа, вполне мог убить. – Гуцин погрозил кому-то кулаком. – Нет ему пока моей веры в том, что он непричастен!

– Аглаю он точно не убивал, его вообще тут не было. – Катя сама начала злиться. Пережитый шок выходил из нее, как гной из раны. – И фотографа не было. И этого Петруши-Кучи здесь не было, он еще и долгов не наделал, и фотки не разбазаривал. И Макара Беккера у Первоцветова не было времени убить, он в отделе находился, чего бы вы там ни кричали в горячке. Он Молотовой благодарен за то, что она его в детстве спасла. Не стал бы он.

– Он тайком сделал дубликат ключа от башни. Это самое главное. А насчет Аглаи Добролюбовой... Не забывай, ее отец, возможно, застрелил его отца. Кто знает, Катя, какие пути выбирает месть? Как долго она гнездится в сердце? Если его дед был таким – этот бывший кучер, генерал МГБ, и папаша – стервец, кто даст гарантии, что он другой?

– Я дам гарантии, – тихо сказала Анфиса. – Он другой, Федор Матвеевич. Его поступок это доказывает.

Гуцин всплеснул руками и подавился ответом.

– Нам надо отвлечься. Переключиться на другое, – решила Катя после долгого молчания, повисшего в кабинете. – Надо прийти в себя. Что мы хотели сделать до? Допросить Ульяну Антипову. Федор Матвеевич, давайте на доктора переключаться.

И Гуцин со скрипом «начал переключаться». Он двинулся собирать главковскую опергруппу и раздавать ЦУ. Катя беспокоилась: как там его сердце? Помог ли нитроглицерин? Она и сама хотела бы каких-нибудь таблеток. *Башня и две падающие из окна фигуры* все еще стояли перед ее взором.

В роддоме, куда позвонили оперативники Гуцина, им сообщили, что роды доктор Антипова приняла благополучно и отправилась отдыхать... Нет, дома ее не ищите. За ней приехало такси. Доктор Антипова после тяжелых родов обычно ездит в «Бережки-Холл», в СПА – восстанавливать свои силы.

Все это было сказано медсестрой по телефону вежливо, но с великой черной завистью в голосе.

И, отправившись с полковником Гуциным в эти самые «Бережки-Холл», Катя поняла почему.

Оздоровительный комплекс в живописном месте выглядел скопищем

коттеджей из дерева и стекла. «Бережки» представляли собой странную смесь комфорта, уюта и нелепой, чисто купеческой роскоши, сочетая в себе прекрасный бассейн, стильный СПА и зимний сад с аляповатым убранством банкетных залов, декорированных с такой пышностью, что это граничило с полным безвкусием. Однако было ясно: вряд ли зарплаты акушера-гинеколога, пусть и весьма уважаемого в городе за профессионализм, хватит на частые поездки сюда на отдых и на релаксацию. И змеиный тон медсестры по телефону это лишь подтверждал. Такие вещи можно позволить себе в двух случаях: либо делая поборы с пациентов, либо имея богатого и влиятельного любовника-спонсора. И Катя приняла второй вариант: слухи о связи между доктором Антиповой и Андреем Казанским – явно не пустой звук.

В осеннее межсезонье, в будний день, народу было совсем немного. Катя, Гуцин, Анфиса (она тоже отправилась с ними, несмотря на настойчивые уговоры Гуцина «остаться передохнуть») и оперативники прошли мимо изумрудного бассейна через зимний сад, где пышно раскинулись в кадках развесистые пальмы, прямо в отделение СПА.

У пальмы с волосатым войлочным стволом они и ждали Ульяну Антипову. И она появилась – в белом махровом халате, встревоженная, усталая и настороженная.

– Что вам опять надо? – спросила она.

– Все тот же вопрос, – Катя взяла разговор на себя. – Браслет в ломбарде.

– Я уже сказала вам, я не знаю никакого браслета и никакого ломбарда.

Гуцин кивнул, и оперативники вывели из гуци зимнего сада владельца ломбарда – армянина, явно робеющего и одновременно поглядывающего на доктора Антипову с вызовом.

– А теперь как насчет браслета? – спросила Катя.

– Она хотела купить. Я послал вещь на пробирную экспертизу. Это моя обязанность. Оказалось – фальшивка. Камни – стекляшки. – Хозяин ломбарда тяжело вздохнул.

– И что скажете, Ульяна?

– Я просто забыла. Черт... Надо же, из головы вон! – Ульяна покраснела. – А что тут криминального? Ну, хотела я купить браслет, сданный в ломбард. Что тут такого? Я его на витрине увидела.

– Не выставлял я его на витрину. Врете вы, – армянин засопел. – Мне эта женщина его принесла, у которой дочку на башне повесили. Пьяная была. Я купил как хорошую ценную вещь. Но на витрину не клал. А вы пришли ко мне и сразу спросили браслет золотой с плетением и

аметистами. Вы знали, какой он. Я сам не знал – думал сначала, это не аметисты, александриты. А вы знали, как выглядит вещь.

– Потому что видели ее раньше, – подытожила Катя. – Где? У кого? Может быть, этот браслет принадлежал вам? Может, это вы подарили его Аглае Добролюбовой, впоследствии зверски убитой? Вы же знали ее преотлично. Ваша мать когда-то много чего перенесла вместе с матерью Аглаи на сто первом километре, они дружили.

– Моя мать никогда не была алкоголичкой, – отрезала Ульяна. – А браслет... Нет, нет, это не моя вещь. Меня просто попросили ее выкупить из ломбарда.

– Кто попросил?

Ульяна смотрела на хозяина ломбарда. Гущин кивнул оперативникам. Те поблагодарили свидетеля и повели его к выходу, чтобы отвезти обратно в город.

– И кто же вас попросил? – повторил вопрос Гущин.

– Андрей. То есть Казанский. Это вещь его матери. Семейная.

– А как же она попала к Аглае Добролюбовой?

– Не знаю. – Ульяна поджала тонкие губы. – Понятия не имею. Он мне не сказал, просто попросил об одолжении – сходить в ломбард и выкупить браслет.

– Дал денег на это?

– Да, не свои же я стала бы тратить.

– А вы часто исполняете для него подобные поручения?

– Нет.

– А почему он обратился к вам?

– Потому что его мать знала мою мать. Она работала в музее. Она... она помогала нашим – маме, тете Марго, Марии Вадимовне. Ну, сочувствовала. Но это было давно, я еще девчонкой была. И потом тоже, до самой смерти матери... ну, они поддерживали отношения.

– У вас роман с Казанским? – спросила Катя прямо.

– Какое вам дело? В любом случае тогда, три года назад, мы еще не... то есть он... Вообще все это вас не касается. Это моя частная жизнь. Насчет браслета обращайтесь к нему. Я ничего дурного не сделала. Просто хотела оказать услугу.

Глава 39

Навет

– Ульяна Антипова не все нам говорит. Но теперь есть хоть что-то конкретное, с чем можно подступиться к Казанскому, – ее показания про

браслет, – объявил Гуцин в машине, когда они покидали «Бережки-Холл», которые уже окутала вечерняя тьма. – Завтра с утра отправимся в городскую администрацию. Побеседуем с тем, кто до сих пор был для нас недостижим. Сегодня всем отдыхать. Не то рехнемся.

Однако сам он в отеле не остался, высадил Катю и Анфису у дверей отеля и поехал в ОВД. Катя знала: Гуцин думает о капитане Первоцветове. Об отделе полиции без начальника. О том, как поступить – писать рапорт руководству ГУВД или пока подождать.

Анфиса в номере молча села на кровать. Начала снимать ботинки. Катя подала ей ее сумку, но Анфиса даже не взглянула на нее. Тогда Катя сама открыла сумку, проверить потери. Одна из камер разбилась при падении – корпус треснул, объектив был поврежден. Вторая камера, замотанная в полосатый шарф Анфисы, внешних повреждений вроде не получила. Но как узнаешь – это ведь электроника. Только Анфиса могла понять, что там и как с ее аппаратурой.

Но Анфиса ни на что не реагировала.

Она сняла плащ, стянула свитер и, оставшись в джинсах и футболке, прилегла на кровать. Катя села рядом.

Как умела, однако подробно пересказала Анфисе горьевский апокриф, стараясь не упустить ни одной детали. И поразилась сама: как же бледно и фантастично выглядит теперь эта старая горьевская легенда, вроде полная ужасов и тайн, по сравнению с реальными событиями, свидетелями и участниками которых они стали.

Анфиса слушала, глядя в потолок.

– Ты сама говорила, помнишь, что все это словно мозаика. – Катя бережно взяла ее за руку. – Мы как угодно можем интерпретировать и фотографии, и легенду. Появляются новые персонажи, о которых мы прежде даже не думали: кучер, горничная. И оказывается, они тоже играют важную, трагическую роль, когда приходит их время. Время... Анфиса, я все больше думаю о нем. Оно тоже фигурант здешних событий. Это как в «Аркадии» у Тома Стоппарда. Мы все время идем по касательной относительно событий прошлого. И все пытаемся понять, как оно все было на самом деле тогда. Но ведь это же справедливо и к нынешним событиям, к нынешним убийствам. Мы тоже идем пока по касательной. Все наши сиюминутные выводы могут оказаться ложными. Потому что мы или что-то упустили, или прошли мимо.

Анфиса ничего на это не ответила. Повернулась на бок. Катя потеплее укрыла ее одеялом.

– Может, и правда тебе лучше вернуться в Москву? – спросила она.

– Ни за что.

Катя вздохнула. Погасила верхний свет, оставила лампу на тумбочке и пошла в душ.

Утром ее разбудила Анфиса – уже одетая, собранная.

В девять полковник Гуцин провел оперативку со своей опергруппой. Они были готовы ехать в администрацию к Казанскому, как вдруг в кабинет заглянул дежурный.

– Посетители к вам, Федор Матвеевич, вас срочно спрашивают.

У кабинета стояли Молотова и Александр Вакулин. Он ее в чем-то тихо и горячо убеждал, она отмахивалась от него.

– Вас уже выписали из больницы, Мария Вадимовна? – удивилась Катя.

– Я сама вечером уехала. Вот Шура меня забрал. Я его попросила. Я пока не могу за руль сама садиться, голова кружится. Шура меня и сюда привез.

Катя вспомнила, как Первоцветов рассказывал городскую байку о том, что пожилая актриса и бизнесмен, который моложе ее лет на двадцать, в прошлом любовники.

И испугалась, что Молотова явилась из-за того, что в городе узнали о том, что опять случилось на Башне с часами. Вроде пусто было там вчера, никаких зевак, однако... это же Горьевск.

– Мне Капитолина Афанасьевна из музея вчера позвонила, – быстро, горячо начала Молотова. – Я ее просила узнать, что искал в фондах музея судья Репликантов, что его интересовало. И она узнала.

– Вместо того, чтобы о здоровье вашем беспокоиться! – Александр Вакулин покачал круглой, коротко стриженной головой. – О чем она думает, эта старуха?! Вы только после сердечного приступа! Разве можно так волноваться, Мария Вадимовна? Больницу покинули, врач просто руки умыл.

– Макара убили! Мой мальчик мертв! Что ты городишь?! – резко оборвала его Молотова. – Если хочешь помочь – помогай. Или скатертью дорога. Я в твоих советах сейчас не нуждаюсь!

Вакулин тяжело вздохнул. Катя поняла: сплетни верны, они в прошлом и точно любовники. Но время... время все меняет.

– Помните, что я вам говорила? – настойчиво спросила Молотова Гуцина. – О том, перед чем меркнет здравый смысл? Когда торжествует самое дикое суеверие? Когда жаждешь лишь исполнения своего желания, чтобы смерть... смерть отступила, пошла на попятный?

– Помню, – Гуцин кивнул. – Это намек на судью, у которого плохо со

здоровьем.

– Часы на башне пошли назад, когда погиб мой Макар. Механизм сработал. Я просила Капитолину узнать – она ответственна за фонды, – что интересовало судью в хранилище. Так вот, она нашла, что он изучал последнее время. Это *чертежи*, понимаете? *Чертежи башни и часового механизма*. Он хотел узнать, как все там устроено. Некоторые чертежи сохранились, и он их смотрел! Он смотрел также и конторские книги фабрики времен еще старого Шубникова. Там тоже могут быть указания времен строительства башни. Вы понимаете, что его интересовало?

Гущин кивнул и спросил:

– Когда вы сказали нам, что видели Аглаю Добролюбову незадолго до ее смерти выходящей из черного «Гелендвагена», это точно был внедорожник той марки? Вы имели в виду судью Репликантова?

Молотова закусила губу.

– Нет, про марку машины ничего не могу вам точно сказать. Это метафора – просто это была большая черная машина. Но какое это имеет значение? Когда выяснилось, что Репликантова интересовали чертежи башни и часов?

– Хорошо, не волнуйтесь. Мы этот вопрос проясним, не откладывая, – заверил ее Гущин.

И Катя поняла: они на перепутье. Два следа прямо перед ними, и оба горячие.

Глава 40

Окно

13 апреля 1903 года. 12.15

Елена Мрозовская смотрела из окна своей комнаты в Доме с башнями на дождь, что поливал Горьевск щедро и бурно. Природа, страдавшая от утренних холодов, раскрывалась навстречу теплой живительной весенней влаге. В это утро кусты, деревья окутала легкая зеленая дымка. Это означало одно: весна, весна стучалась во все двери и окна.

Еще вчера город выглядел совсем по-иному – когда она, придя в себя после обморока, глотнула свежего воздуха из открытого окна на Башне с часами и взглянула в окно. С юга шли тучи, солнце словно умирало в них.

– Как вы себя чувствуете, Елена Лукинична?

Игорь Бахметьев был с ней. Это он отнес ее на руках вниз на лестничный пролет, открыл окно, чтобы она дышала, чтобы могла прийти в себя.

Вокруг клубилась уйма народа: пристав, полицейские, фабричные

приказчики. Все они ползли по лестнице вверх, туда, в комнату часового механизма, где лежало на полу тело вынудой из петли самоубийцы. Любопытные толпились на всех этажах, рабочие побросали работу в цехах и тоже лезли в башню. На улице по-прежнему шумела толпа. Все это Елена Мрозовская увидела сверху, из окна, выходящего на фабричный двор.

Она сказала Бахметьеву, что чувствует себя хорошо. Что все уже прошло. В его глазах была тревога, но разговаривали они официально – перед лицом фабричных, полиции, пристава. Бахметьева ждали неотложные дела, он позвал кучера Петрушу и поручил ему доставить ее в Дом с башнями.

– Под твою ответственность, Петруша, чтобы волос с ее головы не упал.

– Что мы, не понимаем, ваше благородие, – молодой кучер смотрел на Мрозовскую. – Не беспокойтесь. Все сделаю. Идемте, мадам.

Он бережно свел Мрозовскую вниз по лестнице, усадил в шарабан, поднял верх, затем бегом вернулся на башню и аккуратно собрал там все фотографическое оборудование. Елена Мрозовская была благодарна расторопному кучеру.

Этот день и вечер были трудными. А ночь полна горечи.

Вечером приехал пристав, тот же самый, что приезжал полтора года назад, по поводу убийства Прасковьи. События его потрясли, казалось, он плохо соображал. Однако вежливо допросил Мрозовскую, записал ее показания. А затем попросил отдать полиции негативы фотографий с места самоубийства, потому что уездная полиция своим фотографом не располагала. И Мрозовская вытащила тяжелые стеклянные пластины-негативы и вручила ему – пусть в полиции сами проявят и хранят ее последние горьевские снимки.

Пристав и полицейские уехали на завершение осмотра Башни с часами и Дома у реки, где лежали убитые слуги. О происшедшем уже узнала вся губерния. Слухи множились.

И к вечеру в Дом с башнями съехалась целая ассамблея: подрядчики и субподрядчики, акционеры, владельцы магазинов мануфактуры, банкиры. Они все приехали из соседних губерний, из Москвы. То и дело у подъезда останавливались экипажи, пролетки – деловой мир ехал и по железной дороге, и на рысаках. Все хотели видеть Игоря Бахметьева. С почты летели посылные, приносявшие телеграммы-молнии из Москвы и Петербурга.

Дом наполнился народом и гудел как пчелиный улей. Елена Мрозовская тихо сидела у себя и лишь прислушивалась к шуму этих великих волн. Она поражалась, сколько, оказывается, народу зависело от

Аглаи как от наследницы такого состояния, хозяйки фабрики. Какую огромную роль играла эта фабрика в жизни людей. Обсуждались будущие торги, аукцион, все нервничали, курили гаванские сигары, спорили, ругались, шумели, пили коньяк, наскоро закусывали. Прислуга с ног сбивалась.

И что самое поразительное – прежний страх, темные тени, весь так и не проясненный до конца оккультный морок таял, исчезал под этим бурным натиском реальной, настоящей жизни.

В глубине души Елена Мрозовская даже была этому рада. Все возвращается в свою колею. Все обыденно, все привычно.

Единственное, с чем она не могла смириться, – это с тем, что Игоря не было с ней рядом. Занятый делами, он словно забыл о ее существовании. Она в душе искала для него оправданий. И находила их – она же была умной женщиной.

Она прождала его всю ночь. Но и ночью он не пришел к ней. Дом не спал, никто не ложился – приезжие акционеры, компаньоны, подрядчики заняли все залы, все комнаты. Умом Елена Мрозовская понимала, что Игорь Бахметьев не может в такой ситуации явиться к ней и провести с ней ночь любви. Но сердцем...

Что делать с глупым сердцем?

Что делать с любовью, которая переполняет его?

Она вспоминала их прошлую ночь – всю до мельчайших подробностей. Она задыхалась от страсти. А потом перед глазами вставали страшные сцены Дома у реки, башни. И те, прежние, которые она фотографировала своим аппаратом Мите.

Она металась на кровати. Все сплеталось в единое целое.

Хотелось ли ей вот такой любви?

Было ли в этом счастье?

Утром горничная с перевязанным ухом и забинтованной головой – та самая девочка, видно, кое-как пришедшая в себя, – принесла ей кофе и завтрак.

Бахметьев не пришел. Из Москвы приехало на поезде все правление Русского Промышленного банка в полном составе. И они все вместе с ним отправились на фабрику, в цеха.

Елена Мрозовская видела это из окна. Как они садятся в пролетки под проливным апрельским дождем.

Тогда она сдвинула в сторону поднос с кофейником из саксонского фарфора, долго, очень долго смотрела на чашку... Здесь ведь отравили когда-то людей, подсыпав яд то ли в такую вот кофейную чашечку, то ли в

бокал вина...

Она пошла в фотолабораторию Глафиры и там долго и скрупулезно раскладывала все негативы по порядку – и свои, и ее, все фотографии, которые она аккуратно подписала на обороте. Она намеревалась оставить их здесь, в этом доме. Они принадлежат дому, исчезнувшей, как талый снег, семье. Никакого медицинского освидетельствования теперь не будет, значит, и фотографии не нужны. Хранить их у себя она не хотела. Пусть он хранит, если хочет.

Затем она вернулась к себе, достала кофры и начала медленно укладывать свои вещи и свое оборудование.

Глава 41

Одной ногой в могиле

Судья Репликантов еле ходил. Катя поразилась перемене, которая произошла с ним за короткое время с их первой встречи на свиноферме.

Они поехали к нему домой, узнав адрес в дежурной части. Анфису Гуцин взял с собой, ни малейшего возражения не выразил.

Судья жил в новом многоэтажном доме недалеко от банка – Дома с башнями. Кирпичная многоэтажка торчала посреди огромного пустыря, загроможденного коробками незаконченных строений. Здесь, видно, замыслили разбить новый современный микрорайон, но строительство остановилось.

Судья сам открыл им и молча сверлил их взглядом с порога. Небритый, худой, костистый, он посторонился, молча, давая им возможность войти в просторную четырехкомнатную квартиру – слишком большую для одного и захламленную с какой-то почти старческой остервенелостью.

– Опять вы ко мне? – произнес он хрипло. – Мальчишку повесили. А у вас, полиции, нет других дел, как разговаривать со мной.

Он дико закашлял, ухватился за косяк, его лицо посинело. И Катя вдруг испугалась, что он умрет прямо тут, перед ними, в прихожей. И мысль – странная – закралась в голову: *часы пошли... желание исполнилось... А что, если пошло что-то не так там, в ритуале, который он провел, если это ОН? И вместо выздоровления он получил то, что мы сейчас видим?*

Она едва не замотала головой, отбиваясь от этого бреда, словно от осы. Морок Горьевска... он все же упорно протачивал, прогрызал себе ходы из тьмы. И пусть все казалось таким диким и нелепым по сравнению с реальными событиями, но все же... *это же приходило на ум!*

– У нас есть сведения, что вы проявляли интерес к чертежам башни и чертежам часов, – прямо сказал Гуцин.

– Проявлял, – судья сверлил его взглядом. Глаза были янтарными. – И что с того? Брал в архиве, искал сам.

– Зачем?

– Просто так. Чтобы хоть чем-то занять свой разум. У меня каждые десять дней анализы, и там все ни к черту. Если постоянно об этом думать – что там и как с кровью, с гемоглобином, – можно с ума сойти. Я хотел отвлечься, думать и размышлять хоть о чем-то другом.

– О том, как устроен часовой механизм и можно ли его запустить?

– Чертежей часового механизма в архиве нет. Они не сохранились. Можете спросить в музее. Они это подтвердят. Есть лишь рисунки циферблата и кое-какие инженерные наброски, чертежи по строительству башни. А к чему все эти вопросы, полковник?

– Три убийства в вашем городе, и все связаны с Башней с часами.

– Недотепу-фотографа вы тоже считаете связанным с башней?

– У вас с ним был конфликт. И он... Он тоже имеет отношение к этой вашей местной легенде об исполнителе желаний, о демоне семейства фабрикантов.

– А, вот оно что. Если бы спросили, вам бы об этом рассказали в первый же день. Неужели в интернете эта байка не гуляет? – Судья снова зашелся в диком кашле. – И все же, какую информацию вы получили от фотографа? Что ему было известно?

– Если все это чушь, почему это вас так интересует?

– Просто так, – судья обнажил в ухмылке желтые прокуренные зубы. – Простите, но у вас очень глупый вид сейчас у всех. И у вас, полковник, и у барышень. Наша беседа... допрос... никак не может перетечь в этакую инквизиторскую, фантастичную плоскость. Потому что вы как человек умный понимаете всю абсурдность подобной ситуации. Вы никак не можете спросить у меня то, что вертится у вас на языке: не я ли прикончил всех этих бедняг с целью вызвать демона часов и склонить его к сотрудничеству, принес ему жертвы, чтобы он исполнил мое заветное желание? Это вы хотите спросить у меня?

– Любые вопросы, помогающие установлению истины, уместны, – ответил Гуцин.

– Взгляните на меня. Разве мне по силам такие подвиги? Я каждый день думаю, что не доживу до заката. Если бы я даже и хотел... Нужна же вера, полковник. Вера во весь этот бред. А у меня давно уже никакой веры ни во что нет. Я не верю. Потому что все это тщета. В реальности все очень

просто: жизнь, потом смерть. Как в природе. И никакие ужасные сказки не могут этого изменить.

– Дело не в сказках, а в психике.

– Вы меня считаете сумасшедшим? Помешанным?

– Нет, у меня нет этому доказательств. У меня есть лишь несколько фактов. Вы имели конфликт с фотографом. Вы общались с первой жертвой, Аглаей Добролюбовой, вы были ее начальником. И вас видели несколько раз разговаривавшим с этой девушкой. Ей было девятнадцать лет. Какие общие темы были у вас для беседы?

– Если скажу – рабочие, вы не поверите. Я скажу как есть: я пытался ее предостеречь, предупредить.

– О чем?

– Чтобы она хорошо вела себя, – судья усмехнулся. – Не роняла себя. Не верила мужским обещаниям. Не была дурой, короче говоря, наивной влюбленной дурой, ослепленной своими девичьими фантазиями.

Катя насторожилась: что-то новое мы слышим от судьи-циника.

– О чем конкретно шла речь?

– Я же сказал, о том, чтобы не быть наивной дурой. Мне было жаль эту девчушку. Меня попросили поговорить с ней – не как начальника, а по-отечески, по-доброму. Она все же дочка милиционера.

– Кто вас попросил?

– Дочка моей старой знакомой.

– Кто?

– Ульяна Антипова.

Катю бросило в жар. Горьевск... Вот он, истинный Горьевск... Ложь на лжи.

– Она ваша знакомая?

– Ее покойная мать. Скажем так... Я когда-то состоял с ее матерью в отношениях. Она была красивая женщина. С понятиями. Горячая штучка.

– Ее в восьмидесятых сослали сюда, на сто первый километр.

– Как ночную бабочку. И неоднократно. Ах, эти ночные бабочки-путаны! – судья ухмылялся им в лицо. – Тогда, сорок лет назад, все это было запрещено. Запретный плод. Совковая мораль. А мы были молоды здесь, в провинции, падки на столичный мед... Я тогда еще работал в прокуратуре. Мы скрывали наши отношения. Я был уже женат. Но Ульяна... Она... мы никогда об этом с ней не говорили, и она никаких тестов не проводила... умничка... Но она вполне может оказаться и моей дочерью. Поэтому... именно поэтому, когда она попросила меня об услуге, я не мог ей отказать.

– Она попросила вас поговорить с Аглаей Добролюбовой?

– Да. По-отечески строго. Предупредить ее.

– О чем?

– О том, что она, глупышка, влюбилась не в того человека.

– В кого?

– В Казанского, естественно. У Ульяны с ним давний роман. Она спит и видит, как бы замуж за него выскочить. Она тогда, три года назад, так переживала из-за юной соперницы, такая бедняжка!

– У Казанского с Аглаей были интимные отношения?

– Это вы у него спрашиваете. И что там вообще было, какой бульон он варил из этой юной дурочки.

– Почему вы нам не сказали об этом сразу, в прошлый раз?

– Потому что я... Вы бы тогда неправильно истолковали мои слова. Посчитали клеветой. Сейчас, после нового убийства... этот паренек... эта новая жертва... Я и сам теперь произвел ревизию и переоценку фактам и доказательствам, я же судья. Так вот... Помните, что я говорил вам в прошлый раз?

– Искать кого-то со сдвигом по фазе на почве оккультизма. Психопата. Причем это не вы, а кто-то другой. – Гуцин смотрел ему прямо в глаза. – Кто?

– Он.

– Казанский?

– Он в душе инфантильный фанатик. С виду – современный прагматик, чиновник, карьерист. Но в душе... Видимо, это что-то личное, возможно, впитанное с молоком матери. *Знаете, он ведь и правда верит во все эти вещи.* Его идиотские утверждения о том, что он потомок *их* рода... Разве это не доказывает его неадекватность в этом вопросе? Я не говорю, что он безумен. Просто это некий психологический сдвиг, который всегда в нем был, но с недавнего времени усугубился. Вы взгляните вокруг. На *них*, – судья помолчал. – Лишенные ориентира, лишенные прежних целей – стяжательства, накопления капитала, – они в глубокой депрессии. Все, что они накопили, обесценивается. Здесь сто первый километр, дальше еще безрадостнее картина. Земля – по бросовой цене, производство, торговля приносят одни убытки, недвижимость дешевая. Можно закупить сто домов и квартир в маленьких провинциальных городах или в каком-нибудь Челябинске или Иркутске. И не станешь богаче. Нельзя бесконечно надувать один московский пузырь. Они в Москве чужие, они там чувствуют себя не в своей тарелке, потерянными и никому не нужными даже с деньгами, потому что они глубоко провинциальны. Они родились

здесь. А здесь что им остается теперь – как и при совке – из всех развлечений? Ну, попариться в бане... в сауне... потрахать любовницу или шлюху, выпить, закусить... И все! И на этой почве возникают разные мысли, разные сумасшедшие идеи. Вы заметили, сколько сейчас развелось сумасшедших – в политике, на телевидении? Шиза-активисты, шиза-патриоты. Дерутся в телевизоре, сами устраивают шоу, теледебаты и сами же бьют в морду. Отчаяние это, глупость или мракобесие – это уж вам судить.

– Вы сами видели Аглаю Добролюбову вместе с Казанским?

– Нет, лично не видел. Но, по сплетням, ее устроили в суд по его протекции. Он звонил не мне. Он звонил в Областной суд. И просил принять ее на работу в канцелярию. Туда ее не взяли – она сама не хотела уезжать из Горьевска, отфутболили вопрос о трудоустройстве нам.

– Где вы были позавчера вечером с четырех часов до семи? – спросил Гущин.

– Дома.

– Кто может это подтвердить?

Судья Репликантов улыбнулся и снова начал кашлять. А потом вытащил из кармана бумажный носовой платок и показал им желтые пятна.

Глава 42

Побег

– Каждый указывает на другого. Молотова на судью. Судья на Казанского, – сказал Гущин. – И теперь появился новый подозреваемый в убийствах – Ульяна Антипова. Имелись у нее причины покончить с Аглаей, пусть и не оккультные, а чисто земные – ревность. Про браслет и Казанского она нам призналась со скрипом. Судья подтвердил: Казанский и Аглая были любовниками. Конечно, это он ей браслет подарил. Нет никаких сомнений.

– А ревнивая любовница Ульяна побежала после гибели Аглаи этот браслет в ломбарде выкупать? – усомнилась Катя. – Что-то опять не сходится.

Они возвращались в отдел. Полковник Гущин колебался.

– На Казанского теперь улики есть, – не унималась Катя уже в отделе. – Но Ульяна может нам еще добавить, если на нее нажать. С кого начнете, Федор Матвеевич?

– Судья, пусть и при смерти, тоже замешан, – заметила молчавшая доселе Анфиса.

– Ульяна могла в роддоме узнать, что Макар Беккер – уроженец

Горьевска. Помните, что Молотова нам говорила? Она гинеколог, она могла узнать и о крайне редком явлении – аплазии у Аглаи – либо у ее матери, либо у коллег, могла поделиться этим с Казанским, – развивала мысль Катя. – Помните, опять же, что сказала Молотова? Казанского прямо прорвало с признанием родства, когда он услышал, что аплазия уже встречалась в семействе фабрикантов Шубниковых.

– Так это Аглая тогда, по твоей логике, должна состоять в родстве с Шубниковыми, – хмыкнул Гуцин. – При чем тут Казанский?

– Бесплезно искать в этом поступке логику. Скорее всего это был сиюминутный, эмоциональный порыв.

Гуцин позвонил старшему группы оперативников из Главка, собрал всех в кабинете. Катя видела: без помощи местных в Горьевске работать очень трудно. Даже такие простейшие вещи – где «Бережки-Холл», где роддом – надо чуть ли не по навигатору искать. И все разжевывать, объяснять от печки.

За Ульяной Антиповой поехали, чтобы доставить ее в отдел. Но разговор с Казанским Гуцин решил не откладывать. Сам объявил, что отправляется в городскую администрацию.

Анфиса не просила, чтобы ее взяли с собой. Такое в принципе невозможно. А Катя...

Она загродила Гуцину путь.

– Вы один в администрации не справитесь. И я вам ничем там не помогу. И наши из Главка бесполезны там. Нам нужен Первоцветов.

– Нет.

– Мы без него в городской администрации не обойдемся! Он все равно пока начальник ОВД. Вы же не отослали рапорт? Без начальника ОВД в городской администрации делать нечего. И вы сами это отлично знаете, Федор Матвеевич.

– Я сказал – нет! – Гуцин покосился на Анфису.

– Он целую ночь просидел в этой чертовой клетке! – Катя не отступала. – Это незаконно, между прочим. Вы сами сколько раз говорили: не надо уподобляться сволочам.

– Это я еще и сволочь, по-твоему?!

– Первоцветов нам сейчас нужен.

– Он психопат. Это он психопат! Слыхала, что судья сказал: ищите психопата!

– Судья сам неадекватен. И у нас на подозрении. А он при этом обвиняет в убийствах главу города. Вы что хотите получить, Федор Матвеевич? Вы провал дела хотите получить или найти убийцу?

– Я сказал – нет.
– У него было время прийти в себя. Он нам необходим!
– Я его просить ни о чем не буду. И не пойду.
– Я, я сейчас пойду в ИВС! Вы только позвоните дежурному, чтобы он эту чертову клетку открыл!

Анфиса молчала. А Катя и не требовала от нее поддержки.

Гущин снова побагровел, но как-то быстро вновь полинял, взглянув в сторону Анфисы. Достал мобильный.

Катя побежала в ИВС.

В клетке открытой «предварилки» сидел капитан Первоцветов. Сердобольный дежурный принес из комнаты отдыха одеяло и подушку, но все это лежало свернутое. Первоцветов сидел на полу, прислонившись спиной к прутьям, согнув ноги в коленях, как и тогда, на асфальте.

Охрана ИВС, получившая ЦУ, отперла замок.

– Выходите. Пожалуйста, – сказала Катя.

Первоцветов поднялся.

– Гущин к Казанскому собрался с уликами. Вы нам нужны.

Первоцветов молча вышел из клетки.

– Не рассчитывайте, что я забуду о том, что вы хотели убить мою лучшую подругу, – тихо произнесла Катя, когда они поднимались по лестнице.

Первоцветов обернулся.

– Она не ваша теперь. Она моя.

От такой наглости Катя потеряла дар речи. А капитан Первоцветов зашел в кабинет.

Там он раскрыл шкаф. Сдернул с себя через голову грязную форму с оторванным погоном вместе с рубашкой и футболкой.

Его худощавое тело было словно свито из тугих мускулов и сухожилий. Анфиса не поднимала на него глаз. Он достал из шкафа парадную форменную рубашку с погонами – единственное, что было. И надел на голое тело.

Катя подумала, что он насмерть замерзнет на осеннем ветру.

– Табельный в сейфе? – коротко спросил его Гущин.

– В оружейной комнате.

Гущин не стал проверять. Катя вспомнила: он и не обыскал капитана, отправляя под арест. Упущение, конечно... однако...

Они с оперативниками Главка взяли две патрульные машины с мигалками. Уже садились, и в этот момент в ОВД привезли Ульяну Антипову. Ее забрали из СПА, где она по-прежнему отдыхала, проводя

свой выходной.

В городской администрации полковник Гуцин направился прямо на этаж, где располагалась приемная Андрея Казанского.

– А по какому вопросу? – спросила их встревоженная секретарша.

– В рамках расследования дела об убийствах, – ответил капитан Первоцветов как начальник городского ОВД.

Секретарша ушла докладывать.

– Через пять минут освободится. У него телефонный разговор с губернатором, – известила она, вернувшись.

Они стояли в приемной и ждали. В углу тикали большие напольные часы в дубовом корпусе, отсчитывали время.

Когда ровно пять минут истекло, полковник Гуцин открыл обитую дерматином дверь кабинета.

Они вошли вслед за секретаршей. Кабинет Казанского был пуст.

– Но где же?... И не выходил...

– Где он? – спросил Гуцин. – Куда делся замглавы города?

– Наверное, вышел через комнату отдыха. Я не знаю...

Во дворе администрации резко взвизгнули тормоза. Катя увидела из окна, как по улице на огромной скорости удаляется громоздкий черный внедорожник.

– Он от нас сбежал, Федор Матвеевич!

Они ринулись вниз, к патрульным машинам. Капитан Первоцветов связывался с ГИБДД. Гуцин лишь крутил лысой головой, озираясь – куда ехать теперь? Где ловить сбежавшего фигуранта?

Первоцветов вырулил на главную улицу.

– Он в Москву, наверное, подался, – предположила Катя. – Если с губернатором говорил. Бросился все свои связи поднимать, он...

В машине затрещала рация – гаишники докладывали Первоцветову.

– Только что проехал мимо поста, свернул.

– На федеральную трассу?

– Нет, к свиноферме!

Капитан Первоцветов нажал на газ. Патрульная машина лихо развернулась на месте, и они помчались туда, где Катя меньше всего хотела бы снова оказаться.

На повороте им преградили путь огромные закрытые фуры – свиней везли на мясокомбинат, и пришлось ждать, пока они вырулят на трассу и освободят узкую бетонку, ведущую к ферме.

Когда они наконец вырвались на дорогу и домчали до белых ангаров, странная картина предстала их взору: ворота настежь, рабочие в

комбинезонах высыпали наружу, галдя и размахивая руками.

У ангара застыл черный внедорожник с распахнутой дверью, и возле него дрались двое мужчин. Катя узнала Казанского – того, о ком они столько говорили в последнее время, но кого она лишь мельком видела в самый первый вечер в Горьевске, в Доме у реки. Крупный, склонный к полноте, с двойным подбородком, он схватил своего противника за куртку и хрипло орал ему в лицо. В его антагонисте Катя с изумлением узнала того, кого они совсем недавно оставили чуть ли не одной ногой в могиле, – судью Репликантова!

Он и не думал умирать, он схватил Казанского за пиджак и с силой возил туда-сюда, стараясь оторвать от себя.

– Что ты про меня им наплел?! – орал Андрей Казанский ему в лицо. – Они ее арестовали, она мне успела позвонить! Что ты наврал, сукин сын?! Ты и ее не пожалел! Ты никого не жалеешь!!!

– Это ты никого не жалеешь! Полоумный ублюдок! – орал судья. – Ты девчонку загубил, не пожалел! Сумасшедший! Спятивший!

Казанский поднял кулак, чтобы его ударить, но судья... Окорок... изловчился и...

Его костлявый кулак впечатался в холеное лицо Казанского, и тот как-то всхлипнул, разжал руки и шлепнулся спиной прямо в контейнер с бурой жижей, где плавали капустные листья и картофельные очистки – хлебово для свиней.

– Он на меня напал! – вопил судья. – Все видели? Все свидетели! Полиция! Вы тоже свидетели! Он явился и напал на меня. Начал угрожать! Чего вам еще надо, каких доказательств? Он сумасшедший! Он одержим своей больной идеей! Это он убил эту девочку – повесил ее ради своих бредовых фантазий и домыслов! Они спали, он ее совратил! Он и парня убил – разве вы не понимаете? Он совсем свихнулся!

– Это ты убийца! – кричал Казанский, барахтаясь в контейнере и пытаясь выбраться. – Всех утянуть за собой на тот свет хочешь! Смерти боишься, конца! Ради этого готов на все, убить готов! Старый мракобес!

– Это ты мракобес! Сумасшедший!

– Прекратить!!! – заорал на них Гуцин. – Вы что творите?!

Казанский словно очнулся, словно увидел их всех впервые. Он выбрался из контейнера, грязный, заляпанный жижей, в безвозвратно испорченном дорогом костюме. Воскресший самым чудесным образом судья тыкал в него пальцем, крича: «Убийца! Я давно его подозревал!»

Глянув на полицейских, Казанский попятился. И вдруг повернулся и рысью побежал к своему внедорожнику.

Плюхнулся за руль, дал по газам.

– Что вы рты разинули?! – завопил воскресший судья. – Он же уедет! Удерет! У него же все на лице написано!!!

Внедорожник, визжа тормозами, развернулся на асфальте и...

В этот момент капитан Первоцветов ринулся ему наперерез. Внедорожник едва не задел его, но Первоцветов оказался быстрее – он бросился прямо на капот, подпрыгнул, схватился одной рукой за «дворник», а другой с невероятной силой ударил кулаком по лобовому стеклу.

Оно сразу пошло трещинами, внедорожник протащил на себе капитана полиции еще несколько метров, а потом затормозил. Первоцветов прыгнул, рванул дверь со стороны водителя и схватил Казанского за его щегольской шелковый галстук.

– Не ссссопротивляйссся полиции, – шипел он.

Их уже окружили оперативники Главка. Подошел Гуцин.

Катя осталась в стороне. Над свинофермой по-прежнему витала тяжелая густая вонь.

Катю поразила еще одна деталь: судья Репликантов созерцал задержание замглавы городской администрации, уперев руки в бока и выпятив подбородок. Но вот он поймал на себе взгляд Кати, и лицо его болезненно сморщилось. Он снова привычно ссутулился и полез в карман куртки. Нет, не за грязным бумажным платком – на этот раз за блистером с таблетками, которые и начал выдавливать дрожащими руками из упаковки на ладонь, косясь на наблюдающую за ним Катю.

Глава 43

Только факты

– Только факты. Голые факты. Все остальное – в сторону. Легенды, апокрифы, оккультизм – все прочь, – объявил полковник Гуцин. – Итак, что мы имеем?

Задержанного Андрея Казанского привезли в ОВД. Обыскали и забрали у него мобильный. Привезли и судью, взяли с него заявление о нападении и рукоприкладстве со стороны замглавы городской администрации – чтобы имелся законный повод к задержанию. Первый шаг.

Все, кто еще остался работать в Горьевском ОВД, повысовывались из кабинетов смотреть, как фактического главу города ведут по коридору под конвоем. Откуда-то вновь появился пенсионер-мизантроп Мурин. Он скорчил непередаваемую гримасу: а что я вам говорил? Всех метут. О времена, о нравы!

Катя услышала, как капитан Первоцветов тихо приказал что-то двум сотрудникам патрульной службы – прозвучало слово «смазка». И куда-то отправил их.

Казанского пока оставили под конвоем в свободном кабинете. А в кабинете Первоцветова полковник Гуцин изъявил желание слушать «только факты». Но странная атмосфера царила в кабинете.

Анфиса по-прежнему хранила гробовое молчание. И не глядела на капитана Первоцветова. Тот к ней тоже не обращался, но взгляды бросал. И Кате казалось, что он прожжет в Анфисе дыру. Его синие глаза потемнели. Катю вновь поразило его изменчивое лицо – полно, этот ли человек собирался свести счеты с жизнью на башне? Не привиделось ли все это им в мороке Горьевска?

Полковник Гуцин с Первоцветовым тоже не разговаривал. Катя поняла: роль громоотвода и коммуникатора отводится ей.

– Федор Матвеевич, вы уж сами, – предложила она. – Вы известный реалист.

– Значит, все началось три года назад, с Аглаи Добролюбовой, – начал Гуцин. – Точнее, с доклада Молотовой в музее об аплазии плевы в роду Шубниковых – у матери другой Аглаи, повесившейся на башне больше ста лет назад. Эта новость заставила Казанского объявить, что он потомок фабрикантов. У Аглаи Добролюбовой тоже была выявлена аплазия. Казанский с Аглаей состояли в любовной связи. Появился подарок – браслет с фальшивыми камнями. Затем был устранен единственный человек, который мог ограничить свободный доступ на башню, – арендатор строительных работ Вакулин. С ним произошел странный несчастный случай. Он с переломом ноги угодил в больницу, строительство застопорилось, башня стояла открытой. Ночью Аглаю Добролюбову вызвали из дома, избили, оглушили, притащили в башню и повесили. После ее убийства Казанский фактически изъял башню из делового оборота города. Аннулировал контракт на аренду под офисы. Закрыл. Забрал в администрацию ключи.

– Легко мог сделать дубликат, – заметила Катя.

– Да, легко. – Гуцин метнул взгляд в сторону Первоцветова. – Эти дубликаты здесь прямо как амебы множатся. Три года не происходило ничего. Затем был убит фотограф Нилов. Которому городская молва упорно приписывает связь с Казанским в плане того, что тот его нанял, чтобы опозорить своего давнего противника – судью. Фотограф Нилов убит ударом по голове в Доме у реки, где он что-то искал – предположительно замурованную тайную комнату. До этого убийства произошло еще одно

событие: Казанский послал свою любовницу Ульяну Антипову выкупить из ломбарда браслет. По его распоряжению на Башне с часами была ликвидирована дверь между комнатой часового механизма и лестницей. Затем произошло убийство Макара Беккера – практически ровесника Аглаи Добролюбовой. Он был повешен, предварительно оглушен. Однако имеет место инсценировка на месте убийства с целью замаскировать то, что его туда не притащили, а он сам пришел вместе с убийцей. Андрей Казанский – давний знакомый его тетки, у Макара не было оснований его опасаться. Что он сам часто ездил на велосипеде около башни – мы сами свидетели. Так что...

– Какая цель у Казанского? – спросила Катя. – Зачем все это?

– Та же, что у судьи. Которого он на наших глазах обвинил.

– То есть ритуал. Ритуальные убийства. Этих фактов достаточно для предъявления ему обвинения?

– Пока еще нет. – Гуцин покачал головой.

У капитана Первоцветова зазвонил телефон. Он молча послушал.

– Насчет смазки часового механизма, – объявил он охрипшим от холода голосом. – Я просил узнать точно. Часовой механизм был смазан рабочими из бригады, устанавливавшей подсветку на башне по прямому приказу Казанского. Говорят, грубо все было сделано, рабочие туда масло буквально закачали. Внутрь.

– Косвенное доказательство. Но все в одну копилку. В масть, – Гуцин обращался к Анфисе, не к Первоцветову.

– Фотографии совсем из версии Казанского выпадают, – заметила Катя.

– Фотограф Нилов убит. Значит, не выпадают. Но все равно по Казанскому пока что-то не очень сходится.

– Федор Матвеевич, тогда начинайте не с него, а с Ульяны. Это она ему успела позвонить перед тем, как ее привезли из СПА. Это из-за нее он так взбеленился на судью.

Гуцин смотрел на офисные часы над дверью кабинета. Их белый циферблат и черные стрелки, казалось, приковали все его внимание.

– Ладно, давайте начнем с нее, а не с него.

Ульяну привели. Без косметики она казалась старше и одновременно проще.

– Ульяна, вы ведь врач, – совсем по-отечески обратился к ней полковник Гуцин. – Главный врачебный принцип – не навреди. Я вас настоятельно призываю не навредить в первую очередь себе. Своей жизни, своей репутации.

- Что вы от меня хотите?
- Правды и только правды.
- Какой еще правды?

– Про Андрея Казанского. Мы его в трех убийствах подозреваем. Понимаете, что это такое? Весьма резонансных для города убийствах, связанных с темным городским прошлым, о котором все у вас поголовно знают. И вы в том числе. Не отрицайте. А у нас складывается впечатление, что вы Казанского покрываете, исходя из ваших с ним близких отношений. Ульяна, тут семь раз отмерь, один отрежь. Вам надо решить, как быть дальше. Или дальше выгораживать потенциального убийцу, или же... помочь его изобличить. И тем самым снять с самой себя веские подозрения в пособничестве.

Катя подумала: если это ритуальные убийства, то полковник Гуцин сейчас говорит, как инквизитор. С теми же вкрадчивыми интонациями.

- Я никого не выгораживаю. Я просто ничего не знаю.

– Нет, вы знаете, Ульяна. Вам многое известно. И не только про злополучный браслет. Но и про остальное тоже. И мы знаем, что вы знаете. Отсюда наши подозрения, что вы пособница убийцы.

– Да вы что?! – Ульяна нервно сглотнула. – Какая я пособница? Я просто... Да, мы встречались с ним. Но мы даже вместе не жили! Как вы можете обвинять меня в чем-то? А он... Андрей... он что, правда арестован?

- Задержан при попытке напасть на судью Репликантова.
- Нервы не выдержали.
- У Казанского проблемы с психикой? Мы это уже слышали.

– Нет, но... Так значит, он арестован? У нас тут это часто в последнее время. Такой тренд. Время такое, – Ульяна грустно кивнула. – Ну что же я могу сделать... Против системы не попрешь. Я, конечно, к нему хорошо отношусь, но... С какой стати я должна страдать в этой ситуации? Раз он... раз он виновен, как вы считаете. Да, в общем, я давно подозревала, что дело не очень чисто...

Катя поняла: не надо никаких усилий, чтобы разговорить ее. Она просто его сдает. Любовница моментально линяет от бывшего чиновника, которого арестовали. Который уже теперь не глава города, не ее влиятельный покровитель и спонсор, а обычный арестант. *Такой тренд...*

– Андрей странный. – Ульяна поняла, что ее быстрое предательство не обрадовало их. – У него иногда... Ну, на него накатывает.

- Как понять – накатывает?

– Ну, он говорит странные вещи. Видит сны.

– Какие еще сны?

– Что он... *Вы верите в реинкарнацию?* Он, кажется, всерьез верит. Всегда один и тот же сон, он мне однажды его рассказал по пьянке: он идет в оранжерею, где пальмы и цветы тропические. Это не наш сад в «Бережках», это оранжерея в особняке с башнями – тоже нашем знаменитом. Он идет, и это он и не он – так он сказал мне, пьяный. И два женских голоса поют по-французски. Пианино играет. И он должен выбрать. *Ту, которая лучше поет, или ту, что старше...* Достает часы из кармана жилета на цепочке. А они стоят.

Катя ждала, что она скажет еще обо всем этом, но Ульяна умолкла.

– Аплазия плевры, – спросил Гуцин, – вам это что-то говорит? В связи с отношениями Казанского и Аглаи Добролюбовой, о которых вы знали?

– Он на нее сначала не обращал никакого внимания. Она же в дочери ему годилась. Это мы с ним росли вместе. Я не хотела ничего дурного, просто у нас на семинаре привели пример: надо же, редчайший случай в гинекологии, девчушка молодая с аплазией девственности! Сведения как-то просочились после осмотра у гинеколога, после диспансеризации. Это же редкость большая. Я Андрею и рассказала как врачебный курьез – надо же! Он посмеялся, пошутил еще едко. Но ее запомнил, отметил из-за этого. Ее, Аглаю. Она ведь дочка знакомой его матери – этой пьяницы. Может, его еще раньше заинтересовало ее имя. А потом он узнал в музее, что в роду фабрикантов тоже была эта самая аплазия. Мать Аглаи Шубниковой ее имела – там какие-то документы нашли в архиве. И он... Я не знаю, что с ним стало, что приключилось в один момент. Это было как удар молнии, понимаете? Как шок. Он же был воспитан матерью и бабушкой на всем этом.

– На чем? – уточнил Гуцин.

– Что они тоже Шубниковы и Бахметьевы. Короли в изгнании. Его мать фанатично в это верила. Она работала в музее, все доказательства искала того, что ее мать, бабушка Андрея – дочь Аглаи и Игоря Бахметьева. Мол, из-за этого она и сестру убила свою перед свадьбой, чтобы та не стала его законной женой. Я не знаю, нашла ли она какое-то подтверждение в музее – вряд ли. Но Андрею она с малых лет забивала всей этой историей голову. И всегда показывала браслет в доказательство.

– Тот самый, из ломбарда?

– Да, тот самый. Золотой, с плетением и фиолетовыми камнями. Говорила Андрею – это вещь твоей прабабушки Аглаи Шубниковой, а ты ее правнук. И бабушка это утверждала, только она уже старая была, в маразме полном. Безумная и злая. Андрей вырос на этом. Мы, когда еще в школе учились, приходили к фабрике, и он говорил мне: это все могло быть моим.

Только станки, пряжа и бумагея меня не интересуют. Есть вещи поважнее, и надо их заполучить.

– Какие вещи?

– Сила. «В чем сила, брат?» – Ульяна нервно засмеялась. – Магия. Как в Гарри Поттере. Мы про него и не слышали тогда еще. У нас тут своя магия, местного разлива. Про часы. Нам было по тринадцать лет. Я думала, это у него с возрастом пройдет. Но не прошло. Лишь приняло иные формы.

– Вы подтверждаете, что Казанский состоял в отношениях с Аглаей Добролюбовой?

– Подтверждаю. Я видела их вместе. И домой он к ней часто ездил. Она ошалела от него, как мартовская кошка, понимаете? Ошалела от его внимания к себе, от его настойчивости, обаяния, от его члена! Что я могла поделаться – ей девятнадцать, мне за тридцать. Неравный бой. Она преследовала его. Она влюбилась в него, эта примитивная, малообразованная дура. Сколько раз я видела: она сидит вечером на скамейке напротив администрации, в скверике. Дождь льет, снег идет, а она сидит. Ждет его. Чтобы возвращаться вечером вместе. Он тоже был словно околдован ею. Он ее воспринимал не только как молодую любовницу, а как ее... Понимаете? Новое воплощение. Это было как наваждение. Как психоз. Я всегда знала, что это плохо закончится. И это закончилось петлей.

– Казанский упоминал о каких-то оккультных ритуалах?

– Нет. Со мной он на такие темы не говорил. Он умный парень. Понимает, как это смешно звучит.

– Вы подозревали Казанского в убийстве Аглаи? – спросила Катя.

– Я подозревала, что все плохо закончится, – упрямо повторила Ульяна. – Мы же спали с ним. Что вы хотите от меня услышать еще? Он после ее смерти был просто убит. Раздавлен. Но мне он говорил, что это судья.

– Репликантов?

– Окорок наш. Андрей даже попросил меня раздобыть сведения о его точном диагнозе. И я через коллег... я сделала это, даже отксерила ему кое-что из медицинской карты.

– Он не говорил вам, зачем это ему?

– Нет. Они враги с судьей. И вражда эта... Это скорее соперничество, я так для себя определяю.

– Соперничество за что?

– За то самое, о чем в детстве речь шла, когда мы верили в чудеса. За силу.

– Силу заставить служить себе исполнителя желаний? – спросила

Катя.

– Я же сказала вам: на Андрея порой накатывает. Внешне этого не видно. Но меня не обманешь. Я его знаю изнутри.

– Казанский имел контакты с фотографом Ниловым? – спросил Гуцин.

– Об этом я ничего не знаю.

– Где он был в ночь убийства? Только не надо говорить нам, что он был с вами в постели.

– А он не был. Он не приехал, хотя обещал. – Ульяна смотрела на них с вызовом, опускаясь все ниже на дно предательства недавнего любовника. – Видите, я его не покрываю и не выгораживаю. И алиби ему не создаю. Он даже не позвонил мне. Он явился днем позднее, точнее, вечером. Но ничего не стал объяснять. Лежал как бревно. И ему опять приснился тот сон про оранжерею и французские песенки. Он не признался, но меня и в этом не обманешь.

– А где вы сами были в ночь убийства фотографа? – спросила Катя.

– Дома. Я ночую только дома.

– А в ночь убийства Аглаи?

– Дома! – Ульяна повысила голос. – У меня мать тогда еще была жива, она бы это подтвердила.

– В день, когда был убит Макар Беккер, вы находились до обеда на работе, – подал голос капитан Первоцветов. – Я это сам проверил через ваших коллег в роддоме. Но после трех часов вы отпросились якобы к дантисту по записи. В какую зубную клинику вы были записаны на тот вечер?

– Ни в какую. Это просто предлог. Я хотела... Ну, там у меня выпало время свободное – ничего срочного и экстраординарного. Я хотела съездить в торговый центр на МКАД, походить по магазинам, кое-что прикупить. Я ждала, что Андрей, как обычно, пришлет за мной машину.

– И что?

– Он не прислал. И снова не позвонил даже. И на мои звонки не отвечал. Потом, уже вечером, позвонил, сказал, что был занят с какой-то бумажной волокитой. А затем стало не до того – часы на башне пошли, и в городе начался хаос – все узнали о новом убийстве на башне.

– Вернемся к браслету. Почему вы согласились пойти и попытаться выкупить его? – спросил Гуцин.

– Потому что я... я Андрея люблю... то есть любила и... Знаете, парню, с которым спишь и от которого так боишься и одновременно так мечтаешь залететь, трудно отказать, даже если... если он обманщик, если он изменяет... если есть какие-то сомнения, подозрения на его счет. Этот

чертов браслет его матери и бабушки, браслет Аглаи – он же должен был подарить его мне. А подарил этой потаскушке, этому ничтожеству... После убийств ведь замечают следы, да? – она помолчала. – Он после ее смерти ринулся туда, к ним домой, наверное, хотел забрать браслет. Но Марго, она же на бутылку себе собирает, у нее никаких моральных ограничений, только водка на уме. Она браслет уже пристроила в ломбард. И он, Андрей, наверное, испугался, что все откроется, что их связь выплывет. Что его станут подозревать. Он так просил меня пойти и выкупить браслет. Так просил! И я согласилась. Я подумала: он потом отдаст его мне. Ну, что-то вроде замены обручального кольца. Но мне этот чертов браслет в ломбарде не продали. Он же оказался фальшивый.

Глава 44

Потомок?

– За что вы задержали ее? Отпустите ее немедленно! Это полицейский произвол! Я сейчас же позвоню адвокату, он придет и вытащит ее отсюда!

Андрей Казанский повышал голос, почти кричал. Катя отметила: он заступает за Ульяну Антипову так яростно, что у него вздувается жила на лбу. Заступается за ту, которая столь легко и быстро предала его, вполне в духе всеобщего нынешнего мейнстрима.

Они были в кабинете вчетвером – Казанский и они все, кроме Анфисы. Она не могла присутствовать на допросе фактического главы администрации города.

– Доктор Антипова час как ушла домой, – успокоил его Гуцин. – Она показания на вас дала, Андрей Игоревич. Не захотела ничего скрывать от органов следствия о том, что ей известно.

– То есть как? Отпущена... Ну конечно, это справедливо. А что вы подразумеваете под своей фразой? О чем ей известно?

– О вас и вашей роли во всей этой горьевской истории, что длится вот уже три года и является отголоском гораздо более давних событий, о которых вы знаете лучше меня.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Об убийствах, Андрей Игоревич. Ульяна Антипова поделилась с нами некоторыми своими... ну, скажем, догадками. И теперь мы хотим задать вам немало вопросов.

– О том, что произошло на свиноферме, я глубоко сожалею, – быстро сказал Казанский. – Я вышел из себя, не сдержался. Жалею, что все так вышло с судьей. Он подлый человек, понимаете? Он подлый злой человек. Я решил, что Ульяну забрали по его доносу.

– Бог с ним пока, с судьей, – грустно проговорил Гуцин. – Хотя зрелище было неприятное. У меня к вам другой вопрос. Как вы относитесь к тому, что старый часовой механизм на башне включился и ваши знаменитые часы пошли назад?

– Это вопрос?

– Да, это вопрос.

– Там же было убийство. Племянник Молотовой... Я потрясен, как и все в городе.

– Потрясены? И только? Это все, что вы чувствуете по этому поводу? Нет ли в глубине вашей души, которая загадка для меня, – Гуцин наклонился к нему близко через стол, – трепета? Нет ли осознания, что наконец-то цель, которую вы поставили себе, достигнута?

– Я понятия не имею, о чем вы говорите.

– Да? Но вы же объявили себя их *потомком*?

Холеное лицо Казанского пошло красными пятнами. Он сглотнул. Катя... она не ожидала такого от Гуцина. Вот о чем он думал все это время – о связях, гораздо более живучих и крепких, чем связи логические, дедуктивные. Связь времени внутри времени...

Она разглядывала Казанского. Потомок... Он действительно их потомок или все это ложь и небылица? Есть ли в его лице черты Аглаи Шубниковой? А того, кого мы так и не увидели на фото, но столько узнали о нем, – Игоря Бахметьева, убитого впоследствии собственным кучером, чей внук тоже здесь – сидит напротив Казанского и смотрит ему в глаза?

– Доктор Антипова дала показания о вашей связи с Аглаей Добролюбовой. Вы были любовниками, – заметил капитан Первоцветов.

– Она так сказала?

– И добавила еще многое. – Капитан Первоцветов тоже разглядывал Казанского так, словно видел впервые. – Сказала, что вы подарили девушке браслет – семейную реликвию, связанную с родом Шубниковых-Бахметьевых. Как расценивать такой подарок, как не свидетельство ваших чувств к ней?

Казанский молчал.

– А потом вы ее убили, – Гуцин, который не разговаривал с Первоцветовым, был вынужден подхватывать нить допроса, потому что логика вела их к цели.

– Да вы что? Да вы что себе вообразили?! Как вы можете обвинять меня?!!

– Девочку забрали прямо из дома, ночью, – перебил его Первоцветов. – Она даже оделась кое-как... Небрежно... Было ведь в ней нечто, что вас в

ней поражало, да? Не только анатомические особенности ее организма, имя, но и... Многое другое. Возможно, она сначала не подозревала ничего плохого и пошла с вами добровольно, как много раз делала, когда встречалась с вами, ездила в вашей машине – черном джипе. Но там, на башне... Когда она поняла, что вы задумали, она начала сопротивляться. И вам пришлось применить силу.

– Нет! Я ничего не делал! Я не убивал ее! Слышите вы!

– Два дня назад, когда произошло новое убийство на Башне с часами, вы отсутствовали в администрации. – Первоцветов помолчал. – Я сейчас сотрудника послал побеседовать с вашей секретаршей и работниками администрации. Вас после обеда никто в кабинете не видел. Вы уехали куда-то на своей машине. Ваша любовница Ульяна тоже напрасно вас прождала, и вы не прислали за ней служебную машину, как хотели. Где вы находились? Что вы делали с трех часов дня до той поры, когда вечером приехали к башне, где уже собралась полиция и толпа?

– Я был занят. Я глава города. У меня масса обязанностей.

– Так скажите нам, где вы находились все это время?

– Я не обязан перед вами отчитываться. Вы сами... Вы без году неделя в нашем городе! Не забываетесь! Как вас сюда назначили, так вас отсюда и уберут!

– Башня с часами и фабричные цеха после ремонта могли принести городу хороший доход. Нашлись бы инвесторы. Но вы зарубили все проекты, связанные с фабрикой. Вы под надуманным предлогом расторгли контракт с арендатором и строителем Вакулиным. Вы остановили все работы. Вы фактически законсервировали фабрику и башню, перекрыв туда доступ всем, кто хотел что-то там делать, снять помещения. Вы словно оберегали это место. Словно оставляли его для чего-то, известного лишь вам.

– Там все было незаконно. Там полно нарушений закона об охране памятников! Я не один работы останавливал, я привлек юристов, мы судились – город и...

– Да, конечно. Внешне все формальности были соблюдены. Ключи в администрации. Все закрыто. Однако никакой охраны.

– Там нечего воровать. Здания пусты.

– Дверь убрана, которая прежде вела в комнату часов. Вы ее приказали убрать.

– У меня есть предписание пожарной охраны.

– Конечно, предписание пожарных и подсветка, украсившая памятник, украсившая город. Вы ведь о городе заботились? Или о том, чтобы

циферблат и часы не тонули во тьме по вечерам? Чтобы они были отлично видны всему городу?

– О чем вы?

– О часовом механизме. О смазке маслом, которую вы приказали сделать рабочим, чтобы механизм часов не ржавел.

– Вы и в этом меня обвиняете? В том, что я как глава города забочусь о сохранности городского исторического наследия?

– Как-то все очень уж совпадает, – заметил Гуцин. – И все так близко к убийствам ложится. Кирпичик к кирпичику. И еще фотограф Денис Нилов...

– Я ни о каком фотографe ничего не знаю! Я вообще узнал о нем, лишь когда нам в администрацию сообщили об убийстве в Доме у реки.

– Нет, раньше, что вы! – уверил его капитан Первоцветов. – Здешнее маленькое цунами, потрясшее устои, – скандал после банкета судьи. Я столько слышал от самых разных людей, когда разбирался во всем этом хайпе, что это именно вы заплатили фотографу, чтобы он выложил в сеть тот ролик и опозорил судью.

– Не делал я этого. Да, признаю, я, конечно, о скандале слышал и о фотографe... Весь город говорил об этом. Но мы никогда с ним не встречались. И я не участвовал во всей этой грязной истории с банкетом.

– Не встречались с фотографом? – спросил Гуцин.

– Нет. Ну, может, однажды... Ульяна фотографировалась на новый загранпаспорт. Я приезжал вместе с ней туда – в дом быта, ждал ее. Видел его мельком.

– Мельком? А я думал, вы общались с Ниловым.

– Нет.

– Я думал, он вам сообщил о тех фотографиях.

– О каких еще фотографиях?

– Старинных, начала прошлого века. На которых они, сестры Шубниковы. И младшая Аглая, которая вроде как, по вашему глубокому убеждению, ваша прабабка. Знаменитые фото, сделанные знаменитым фотографом начала века Еленой Мрозовской.

Лицо Андрея Казанского изменилось – словно где-то глубоко внутри что-то треснуло, и трещина пошла, пошла... Он сплел пальцы, стиснул их.

– Фотографии? – Его голос сел. – И они там... все...

– И не только они. Еще там, кажется, запечатлен некий ритуал. – Гуцин не отрывал от него взгляда.

– Ритуал? Какой ритуал?

Лицо Казанского застыло. Морщины как трещины.

– Связанный с часами и тем, кто... Ну, вам больше об этом известно. Это же вроде как ваша семейная легенда, раз вы потомок.

– Что там, на этих фотографиях?

– Много всего любопытного.

– Они были у него? У фотографа?

– Да, у фотографа Нилова.

– А теперь они где? У вас?

– У нас.

– Я должен взглянуть. Дайте мне на них посмотреть!

Катя была поражена.

Что-то вырвалось из глубокой трещины. И перед ними предстал совсем другой человек. Все пропало в мгновение ока: самообладание, апломб, властность. Осталось лишь это: истеричный, ломкий, женский какой-то голос. И жадный блеск в глазах, словно у наркомана в предчувствии дозы.

– Мне надо их увидеть! Дайте мне на них посмотреть!

– Хорошо, – Гуцин кивнул, – я дам вам на них взглянуть. На все фотографии. И те, что сделаны Мрозовской. И те, что с ритуалом... Там много всего: часы, картинки... Глафира... девочка-демон... собака... Ваш апокриф городской не врет, что дело было нечисто.

– Я должен это увидеть!

– Мы совершим обмен, Андрей Игоревич? – Гуцин спросил это тоном игрока в покер.

– Какой еще обмен?

– Честный. Я дам вам взглянуть на все фотографии. А вы – вы признаетесь в убийствах Аглаи Добролюбовой, фотографа Нилова и Макара, племянника вашей знакомой.

Казанский глядел на них невыразимым взглядом.

– Фотографии в обмен на ваше признание в ритуальных убийствах на оккультной почве.

Казанский встал со стула. Катя заметила, как напрягся капитан Первоцветов. Она помнила, что тот обладает быстрой реакцией.

Казанский поднес руку к шее.

Этот жест...

Кате показалось, что он сейчас крикнет. Выплюнет им свое согласие. Свое ДА.

Дрожащей рукой Казанский поправил щегольской галстук.

– Я никого не убивал. Я невиновен.

Глава 45

Орхидеи

– Вы видели его реакцию?

Весть о том, что замглавы администрации города Андрей Казанский *тоже арестован, как и все прочие до него*, поставила Горьевск почти на грань апоплексического удара. Известие, что он подозревается в убийствах на ритуальной почве, передавалось из уст в уста. В Горьевск срочно прибыли прокурор области, несколько чинов из Следственного комитета, из администрации губернатора. Приехали адвокаты. Примчались сразу два областных телевизионных канала и один канал федеральный.

В этом сумбуре Катя тщетно пыталась сохранить трезвое, непредвзятое восприятие происходящего. Полковник Гуцин... Он, кажется, спорил сам с собой по множеству вопросов и все повторял: «Нет, вы видели его реакцию? Это все, все, все перевесит, любые нестыковки!»

Катя пыталась достучаться до него: Федор Матвеевич, так нельзя. Такой путь пройден в этом деле! Нельзя под конец полагаться вот так, чисто на эмоции, на визуальный эффект, хоть он и поразительный. Но она не могла не признать главных доводов: доказательств вины Казанского в убийствах, пусть и косвенных доказательств, и правда немало. И все складывается четко в какой-то момент. Но под натиском сомнений...

Однако факты внезапно дополнились новой важной уликой. Капитан Первоцветов вместе с сотрудниками ГИБДД отсмотрел записи всех уличных камер Горьевска – его интересовал день и вечер убийства Макара Беккера. И на двух камерах был идентифицирован черный джип Андрея Казанского. Одна из этих камер находилась у поворота на федеральную трассу, на развилке, ведущей к улице Фабричной, где располагались корпуса и Башня с часами. Вторая камера засекла его еще ближе к этому месту – у оптового товарного склада железнодорожного узла, некогда служившего фабрике пунктом отгрузки, а теперь используемого как оптовый магазин. Обе камеры зафиксировали и время: 15.50. Примерно тогда Макар и встретил свою смерть.

Сотрудники Следственного комитета вновь допросили Ульяну Антипову, и ее показания их впечатлили. Следующим гвоздем должен был стать допрос матери Аглаи. Полковник Гуцин возлагал на него огромные надежды. Без допроса Маргариты Добролюбовой картина предъявленных Казанскому обвинений не была бы полной.

Гуцин надеялся, что затяжной запой у Маргариты все же закончился. Эту беседу он хотел провести лично.

До самого вечера шли совещания, прокурор и все нагрянувшие

в Горьевск силовики знакомились с собранными материалами. И лишь к восьми часам полковник Гуцин освободился от этой бюрократической канители, после чего они рванули на улицу Труда.

Анфису взяли с собой чуть ли не тайком. Катя сидела с ней рядом в машине, сзади. Ей казалось – вот, все как прежде, они все снова вместе, и капитан Первоцветов за рулем патрульной машины. Но ничего уже не было *как прежде*.

Это сводящее с ума убийственное молчание... Оно наполняло сердце Кати болью и тревогой.

Шаткая калитка, висящая на одной петле. Тот же нищий хаос на участке. Засыпанные палой листвой грядки, ржавое железо, старые боты...

Они поднялись на крыльцо. На террасе горел тусклый свет. Входная дверь оказалась незаперта, как и в прошлый раз.

«Пьет... она по-прежнему пьет...» – так решила Катя.

И увидела Маргариту Добролюбову. Страшно опухшая, непричесанная, в засаленном махровом халате и шерстяной кофте, она сидела за столом, накрытым липкой клеенкой, и вытирала полотенцем вымытые тарелки. На столе все еще кучковались пустые бутылки из-под водки. И одна – где водки на доньшке – припасенная для опохмела.

В доме было тепло. Котел протопили, и он отдавал теперь свой жар старым чугунным батареям. По-прежнему пахло пылью, нестираной одеждой, едким потом и перегаром.

Но ко всей этой житейской вони примешивался совершенно волшебный тонкий аромат.

Катя была поражена, когда увидела его источник.

В комнатах было полно свежих цветов. Все старые, засохшие были выкинуты, и теперь на подоконниках и на комоде, вокруг фотографий Аглаи в рамках стояли цветочные горшки с бело-розовыми орхидеями – свежайшими, ароматными, потрясающей красоты.

Контраст был настолько резким и странным, что они все на минуту даже растерялись.

Затем полковник Гуцин сказал:

– Маргарита, мы нашли убийцу вашей дочери. Он задержан. Помогите нам.

Добролюбова отложила тарелку, которую вытирала полотенцем в пятнах, и уставилась на них.

– Мы задержали Андрея Казанского, – продолжал Гуцин. – Это он убил Аглаю, вашего квартиранта и племянника Молотовой. Это он в ту ночь летом, три года назад, увел Аглаю из вашего дома, завел на башню,

избил и повесил, потому что он... Он безумен. Его извращенная психика... Его мания. Его увлечение оккультизмом. Это стало причиной того, что он убил вашу дочь. Принес ее в жертву своим сумасшедшим идеям.

Маргарита Добролюбова смотрела на них.

– Он ее не убивал, – сказала она сипло.

– То есть как?..

– Ни он, ни кто другой не убивал мою Аглаю. Она сделала это сама.

– Сама? Вы хотите сказать...

– Что слышал, мент.

– *Что это было самоубийство?!*

– Она повесилась там, наверху. – Маргарита Добролюбова протянула руку к бутылке с водкой. – Мне бы очнуться, прийти в себя тогда, так нет, дрыхла я, пьяная тварь. Никто ее не убивал. А Казанский... Нельзя же его винить, что она в него так насмерть влюбилась. Он ее пальцем не трогал. Не убивал. И не спали они.

– Они не были любовниками? – спросила Катя.

– Нет. Кому знать, как не мне. Я же ее мать все-таки. Она-то этого хотела, очень хотела... Девятнадцать лет... Первая любовь. Но он не желал никакой пошлости, никакой грязи между ними. Он ей это говорил здесь, при мне.

– Я вас не понимаю, объясните. – Гуцин тяжело опустился на стул напротив Добролюбовой, наклонился к ней. – Но они же... Их видели вместе! Он ее возил на машине. Он подарил ей тот золотой браслет!

– Подарил. Сам надел на руку. Здесь это было, опять же при мне. Дома у нас, – Маргарита кивнула. – Видели в храмах, как богиням... их статуям украшения дарят? Из почитания, их благоговения. Он, Казанский... может, он и правда сумасшедший. Сдвинутый. Но он мою дочку боготворил. Он ее воспринимал не как... ну, не как они, мужики, девок воспринимают молодых, а как... как своего идола.

– Идола?!

– Как подобие. Ну, как свою... мать.

– Мать?!

– Как прародительницу. Хозяйку.

– Прародительницу?

– Как ее.

– Аглаю Шубникову? – хрипло спросил капитан Первоцветов.

– Во-во, как эту, нашу здешнюю... Рассказали вам уже о ней?

– Я с детства слышал.

– И он, Казанский, тоже с детства. – Маргарита печально кивнула. – И

дочка моя. И я ей рассказывала, и другие. И в школе страшилки. Про башню, про часы. Кто там в них живет. Кого можно попросить как бога или черта. Пожелать. Что можно с этим сделать?

– Откуда вы знаете, что это было самоубийство, а не убийство? – жестко спросил Гуцин. – Вы же пили тогда беспробудно.

– УЖ я-то точно знаю.

– Откуда?

– Я ее записку нашла. Предсмертную. Здесь, на комодке. Мне. Матери она написала. Просила у меня прощения. Писала, что делает это ради него, потому что любит. Хочет и правда во всем *быть как она*... Раз это ему так важно. Чтобы желания его исполнились и он был счастлив. Если в этом – его счастье. Так она писала в записке. Жертвовала собой. Девятнадцать лет – что вы хотите? Первая любовь, она как смерть...

– Где записка? Вы ее сохранили? Вас же допрашивали тогда после ее гибели! Где записка?

– Сожгла.

– Почему? Зачем вы ее уничтожили?!

– Затем, что... я была злая. На себя. На нее, глупую, кровиночку мою... На него, Казанского, тоже. Пусть он не виноват. Но это же все из-за него. Он ей голову задурил. Я хотела, чтобы он... чтобы он не знал, что эта жертва – ему от нее подарок. Чтобы мучился в неизвестности. Этого я хотела. Он тоже ведь думал, что ее убили. Что его кто-то опередил во всей этой их дьявольской хрени. Затем, что я самой себе не могла простить... Не кричи на меня, мент! На меня уже стооооолько в моей жизни кричали. Я крики-то не воспринимаю. Плюю я на вас и ваш ор. И на ваши угрозы. И допросы. Что вы во всем это понимаете? Ничего.

Она налила себе водки в стакан и залпом опрокинула в рот.

– Я полиции про ее записку не сказала. И Казанскому про записку не сказала. Браслет я продала. Он так всполошился! А я деньги за браслет пропила. Все ее поминала, дочку мою... Аглаю... Пропивала все, что он потом мне давал. Он ведь мне помогал материально, не хотел, чтобы я загнулась тут одна. Приходил с деньгами. Тайком.

– И с цветами? – тихо спросила Катя. – Это ведь его приношения? Все эти рамки, вазы, ее снимки... Это же как алтарь. И цветы. Они совсем свежие.

– Он тут опять привез целый ворох. – Маргарита указала на орхидеи. – Сидел тут со мной, нянчился полдня. Бульоном меня отпаивал куриным из термоса. Кормил. Чтобы я очухалась, чтобы в ум вошла. Он и раньше так делал. Заботился обо мне в память о ней. Свечки все здесь зажигал, как в

храме. Он и точно с приветом. Надо же ей было влюбиться в такого сумасшедшего! Даром что он здешняя власть.

Катю внезапно озарила догадка.

– Когда Казанский к вам приезжал? Когда точно привез орхидеи?

– Четыре дня назад.

– Во сколько?

– Часа в четыре. Я только поправляться начала. Трезветь. Когда из штопора выходишь, разве на часы глядишь?

Анфиса, присутствовавшая как тень, повернулась и пошла прочь из дома. За ней капитан Первоцветов.

Гущин оглядывался вокруг – смотрел на цветы, на фото, на грязные стены, на мать, что потеряла дочь и не винила никого в ее смерти.

Его лицо покрылось красными пятнами. Он развернулся и тоже пошел вон.

Катя осталась на террасе одна.

– Не пейте больше. Пожалуйста, – попросила она. – Хоть какое-то время. Хоть несколько дней. Вы нам нужны. Мы еще вернемся.

– Какой мне интерес вас поджидать?

– Надо все это закончить. Прекратить. Хотя бы ради нее, чтобы ее смерть... не служила местному злу.

Гущин стоял у калитки.

– Самоубийство...

– Там же кровь была ее, – тихо произнесла Анфиса. – Вы сами внимание обратили в деле. Сказали, что убийца ее избил.

– Агония в петле. – Гущин смотрел себе под ноги. – Она билась о трубы, разбила себе лицо и переносицу. Кровь хлынула из носа. Поэтому и следы кровавые на этих железках там, наверху. В часах. Поэтому на ее теле лишь ДНК ее матери. Поэтому там лестница-стремянка... А мобильный свой она сама уничтожила или спрятала, чтобы мы не узнали про звонки Казанского ей и ее к нему. Она оберегала его даже после смерти.

– Две смерти все равно остаются.

– Да, Анфиса Марковна, два убийства. Не три. Началось все не с этой девочки, – Гущин поднял голову. – Началось не три года назад. Началось этой осенью с убийства фотографа.

Он подошел вплотную к капитану Первоцветову. Его рука скользнула под пиджак, под мышку.

– Вот мы и вернулись к тому самому знаменателю, сынок. Что ты на все это скажешь? Не вспомнить ли нам снова твои семейные грехи?

Первоцветов шагнул ему навстречу.

Катя увидела это с крыльца. Подумала, что под пиджаком у Гущина наверняка кобура. Пистолет.

Она бросилась к ним, как рефери в смертельном поединке.

Глава 46

Подарок

13 апреля 1903 года. 17.01

Елена Мрозовская уложила свой багаж. Переоделась в дорожный костюм. Долго сидела, положив руки на колени. Она все еще ждала.

В доме шумели, и гул голосов все нарастал. Съехалось еще больше народа – мужские голоса заполняли Дом с башнями от холла до чердака.

Елена Мрозовская вышла из своей комнаты и позвала лакея. Тот прибежал – взволнованный чем-то.

– Что происходит?

– Уж такая радость, мадам. Барин... Игорь Святославович фабрику покупает, телеграмму с биржи ждут. И торгов не будет, барин с акционерами порешили все. Уж такая радость, – лакей истово перекрестился. – Будем жить тута как жили при фабрике, при доме. И никакого разорения. Никаких перемен!

– Пойди скажи барину, что я уезжаю вечерним поездом.

Лакей убежал. И отсутствовал долго. А она все ждала.

Лакей вернулся. Он держал в руке серебряный поднос.

– Шарабан для вас заложили, кучер ждет. Доставит на станцию. Игорь Святославович сейчас с акционерами совещается в кабинете. Вот, он просил вам передать. Свою огромную благодарность.

На серебряном подносе лежал сафьяновый футляр. Елена Мрозовская взяла его и открыла. В бархатном гнезде – браслет. В стиле ар-деко, изящный и нарядный, золотой, с плетением и крупными прекрасными аметистами. Этот браслет выглядел намного богаче и дороже того скромного, из белого жемчуга, который Мрозовская видела в узилище Аглаи и на манекене, которым убили слуг.

Лакей начал вытаскивать кофры в коридор, побежал с вещами вниз по мраморной лестнице. Елена Мрозовская застегнула пальто, надела шляпку.

Весь багаж погрузили в шарабан. Кучер Петруша восседал на козлах. Елена Мрозовская оглянулась на Дом с башнями в последний раз. Ее никто не провожал. Управляющие фабрики, немцы, англичане, приказчики, подрядчики – все ждали известия с биржи.

На станции кучер Петруша донес весь ее багаж прямо до синего вагона первого класса, который вскоре должен был отправиться из

Горьевска в Москву. Когда вещи были уложены, Елена Мрозовская достала кошелек и вручила кучеру целковый – за труды.

– Премного благодарен, мадам. – Молодой кучер смотрел на нее с прищуром, словно оценивая.

Из-за его плеча Елена Мрозовская и увидела его.

Игорь Бахметьев в расстегнутом пальто быстро шагал по перрону, оглядывая платформу и немногочисленных пассажиров. Приблизился и коротко бросил кучеру Петруше:

– Пошел прочь.

Кучер поплелся, шаркая сапогами, оглядываясь на них, стоявших друг против друга.

– Почему ты уезжаешь?

– Пора. Здесь работа закончена. Меня дела ждут в Петербурге, в фотоателье.

– Лена, почему ты уезжаешь? *Вот так?*

– Потому что я тебе не нужна.

– Ты нужна мне.

– Нет. Тебе нужна фабрика. И всегда была нужна только фабрика. Теперь ты ее покупаешь. Она станет твоей. *Это ведь было твоё заветное желание? Оно исполнено, Игорь.*

– Лена, ты мне нужна!

Елена Мрозовская достала из кармана пальто футляр, протянула ему.

– Забери.

– Это мой подарок.

– Подари это своей кухарке, или горничной, или кто там еще из твоей челяди дарит тебе неземное блаженство в постели, когда ты желаешь развлечься.

Он забрал футляр. Взвесил на ладони.

– Твое слово – закон, Лена. Как пожелаешь. Отдам браслет *портнихе-модистке. Она на сносях, ребенка ждет.* Будет наследство – приданое маленькому бастарду, кто бы ни родился. По камушку из оправы вылуцивать и продавать – и детям, и внукам хватит. И правнукам.

Елена Мрозовская была готова вlepить ему пощечину. Подняла стиснутый кулак, обтянутый лайковой перчаткой. Он шагнул к ней вплотную, словно провоцируя и одновременно закрывая от нее здание городского вокзала и любопытных.

Запах паровозного дыма...

Запах машинного масла...

Сумерки над Горьевском – серо-розово-пастельных тонов. Небо как

купол. Весна...

Она повернулась и шагнула в тамбур вагона.

Паровоз оглушительно свистнул, окутался облаком пара и дернул состав.

Перрон медленно поплыл. А с ним и Горьевск.

А с Горьевском и он, оставшийся на платформе. **Глава 47**

Брифинг

– Нет, нет, нет же! Нет! – Катя ввинчивалась между ними, с силой отпихивая их друг от друга, чувствуя под правым локтем толстое брюхо полковника Гущина, а под левым – железный пресс капитана Первоцветова. – Нет! Федор Матвеевич, нет! Пусть все началось не с Аглаи, а с фотографа Нилова всего несколько дней назад, но не фотографии были нужны убийце! Вы же сами об этом говорили. И вы еще обратили внимание, что труп Нилова оставили там, в Доме у реки, не утопили, хотя это было легко, чтобы скрыть следы. Его оставили напоказ. Словно привлекая внимание и к дому, и ко всей этой истории столетней давности. И там тоже была инсценировка, как с Макаром! Только не мазки крови использовал убийца, а инструменты Нилова. Помните, вы обратили внимание, что они убраны в сумку и молния застегнута на ней. А он ими стенку долбил и сверлил, пользовался. А убийца все убрал. Та же деталь. Вроде жест замаскировать истинное положение вещей, а на самом деле инсценировка, чтобы мы, полиция, эту инсценировку открыли и задали вопрос: а почему? Зачем?

– Ну и зачем? – Гущин опустил руки и сдал шаг назад от капитана.

– Затем, что ко всей этой истории с башней, с Шубниковыми, с повешенной, нас подводили исподволь. А в результате мы вышли на Казанского и арестовали его по обвинению в убийствах. Вы вспомните: кто нам сказал о том, что Казанский и Аглая – любовники?

– Судья.

– Не только он.

– Ульяна Антипова?

– Она сдала нам Казанского в мгновение ока. Поднесла его нам на блюдечке, заставила поверить. Но, может быть, под всем этим кроется и еще что-то? Десятый слой – вы же сами говорили!

Гущин направился к машине, демонстративно сел сзади, рядом с Анфисой.

– Надо что-то придумать, – сказала Катя. – То, что мы узнали сегодня, может нам помочь. Если за всей этой историей кто-то стоит, мы должны

попытаться выманить его. Вытащить из норы на свет.

– И как вы себе это представляете? – спросил капитан Первоцветов.

Катя помолчала, а потом спросила:

– А не устроить ли нам большой брифинг для прессы? В конце концов, я займусь здесь, в Горьевске, своими прямыми обязанностями криминального обозревателя пресс-центра.

Гущин смотрел на нее.

– Брифинг, говоришь?

– С одной маленькой инсценировкой. Раз убийца так любит эти вещи, то и мы можем сыграть в эту же игру. Надо сегодня все подготовить. Я свяжусь с шефом пресс-службы, он нам поможет все организовать, пригласит массмедиа по максимуму. Нам нужна самая широкая огласка. Телеканалы. Скандал, шумиха. Броские заголовки: «В Горьевске снова аресты! Местные элиты зачищают по подозрению в оккультизме!» Еще какой-нибудь хайп в нынешнем духе. Чтобы в городе сразу стало все известно. И нам понадобится она. – Катя оглянулась на дом Маргариты Добролюбовой, скрывающийся из виду вместе с улицей Труда. – Я пообещала ей вернуться. Я поеду к ней завтра утром. Постараюсь с ней договориться. Без ее помощи нам не обойтись.

Гущин не сказал ни да, ни нет.

Только в ОВД, когда Катя схватилась за телефон, чтобы звонить своему шефу в пресс-центр, он согласился, все еще сверкая в сторону сумрачного капитана Первоцветова глазами.

До позднего вечера Катя созванивалась с коллегами из пресс-службы, ее непосредственный шеф принял во всей этой затее самое живое участие. Мигом разослали пресс-релизы под заголовками «Сенсационное задержание главы города».

Брифинг назначили на час дня, чтобы столичные газетчики и телевизионщики успели добраться на сто первый километр.

Совсем поздно ночью в кабинете ОВД состоялся еще один крупный разговор, в котором Анфиса снова играла роль молчаливого наблюдателя, ни во что не вмешиваясь.

– Спецназ вызову, это их работа, – объявил Гущин. – Чтобы были здесь готовы по полной.

– А через пятнадцать минут о прибытии спецназа узнает весь город, – усмехнулся Первоцветов. – И ткачиха с поварихой, сватьей бабой Бабарихой... Так же как было с музейными старухами в Доме у реки. Никто не выйдет из норы на свет.

– А местных некого привлекать, все дезертировали, – Гущин снова

злился. – Наши, из Главка, в частном секторе не ориентируются совсем. Они останутся в прикрытии.

– Пусть сидят в прикрытии. Там, возле улицы Труда, все равно не спрячешься – кругом дома, люди, участки. Если полицейских в округе разместить, опять все все узнают. Там не нужно много людей. Я и один справлюсь.

– Еще чего!

– Я там буду с ней, в доме.

– В общем, да. Лучшее, что можно предложить в данной ситуации, – скромно согласилась Катя.

– Через мой труп! – Гуцин покачал головой. – Я сам пойду.

– Федор Матвеевич, там, в доме, тесно, все захламлено, бардак, – вкрадчиво заметила Катя. – Там надо действовать быстро и тихо. Раз – и все. А вам надо операцией руководить, если что-то пойдет не так. Руководить всеми нами. Мудро.

– Ты его хочешь с ней там оставить, в доме? Не забывай, ее муж, возможно, застрелил его отца!

Катя глянула на капитана Первоцветова. Он сидел, опустив голову. И казался бесстрастным, но...

– Совесть поимейте, Федор Матвеевич! – воскликнула она.

– Анфиса Марковна, да это прямо заговор какой-то против меня! – Гуцин повернулся к тихой Анфисе. – Вы-то что молчите?

Капитан Первоцветов тоже обернулся к Анфисе. Словно ждал от нее чего-то. Но она по-прежнему не произнесла ни слова. Та сила, что завладела ей на башне, смыкала ей уста.

– Чем умирать истерически и бесславно, порой лучше заплатить старые семейные долги, – сказала Катя.

Капитан Первоцветов поднялся.

– Я заплачу.

Он сразу вышел и занялся неотложными делами. Спать в эту ночь в ОВД никто не собирался.

А утром Катя снова отправилась на улицу Труда. Анфиса везла ее – они сидели в собственном «Смарте»-малыше. Синяя обезьянка болталась над приборной панелью.

– Здесь тебя подождать? – спросила Анфиса.

– Нет, пойдем. Будем говорить с ней. Может, ты найдешь самое правильное, что ее убедит.

Больше всего Катя боялась, что Маргарита Добролюбова опять ударила в запой.

Но она встретила их трезвой. Очень слабой. Гораздо слабее, чем вчера. Видно, старые болезни реагировали на пьянство.

Катя села напротив нее и начала долго, подробно и честно все объяснять. Просить помощи.

Анфиса зажгла газовую плиту. Поставила чайник на конфорку. Затем сняла свой модный плащ и шарф, засучила рукава свитера, взяла щетку, налила воды в ведро, снарядила швабру и начала убираться в доме Маргариты.

Брифинг в Горьевском ОВД начался шумно и с опозданием. Шеф пресс-центра помог – журналистов набился полный зал. Приехали телевизионщики.

Среди всей этой кутерьмы полковник Гуцин слегка подрастерял свой привычный апломб – так казалось со стороны. Катя вела брифинг, стараясь, чтобы все журналисты получили возможность задать вопросы и удовлетворить любопытство.

Полковник Гуцин делал заявление для прессы о результатах оперативной работы по раскрытию *трех убийств*. Он назвал имена и фамилии потерпевших. Кратко, но красочно описал версии, «*которыми они руководствовались вначале*» – Катя лишь диву давалась, как Гуцин может вот так складно врать, не моргнув глазом, скармливая прессе то, что надо.

А затем он перешел к личности подозреваемого в убийствах Андрея Казанского, подчеркивая, что есть «веские основания не сомневаться в его виновности».

– Глава города... градоначальник... Это как-то связано с предыдущими задержаниями чиновников и сотрудников полиции, которые происходили в городе раньше?

– Не является ли это сигналом к очередной чистке местных властных структур?

– Казанский подозревается в убийствах по оккультным мотивам. Как вышло, что такой человек возглавлял город?

– Вам не кажется, что «оккультизм» в качестве обвинения чиновника – это как-то уж чересчур даже по нынешнему времени? Перехлест?

– Когда ему будет предъявлено официальное обвинение?

Полковник Гуцин на это ответил: «В самое ближайшее время».

– Какая мера пресечения выбрана Казанскому?

Гуцин на это ответил коротко: «Содержание под стражей».

И тут кто-то из журналистов спросил:

– Полковник, а вот когда всех посадят... Всех! Театральных режиссеров, олигархов, министров, забайкальских хлебобобов, врачей,

полицейских, губернаторов, дагестанских джигитов, митингующих школьников, чиновников, бизнесменов, художника Васю Ложкина, – кто станет кормить, лечить, охранять и развлекать оставшуюся тусовку?

– Не ко мне вопрос, – ответил Гуцин.

Его ответ потонул в шуме – тут же, как водится по нынешним временам, кто-то заржал, кто-то «оскорбился в святых чувствах». И все сцепились в пылкой дискуссии, готовой вот-вот перерасти в мордобой.

Катя попыталась перекрыть ор. Она кивнула стоявшему у дверей зала для совещаний капитану Первоцветову.

Тот исчез за дверью, и через минуту на пороге зала закипела еще одна свара.

– Туда нельзя, я говорю вам, туда нельзя! Там брифинг! Пресса!

– Чего ты мне рот затыкаешь? Я право имею! Пусть все знают!

Дежурный по ОВД преграждал путь в зал Маргарите Добролюбовой. В куртке нараспашку, взлохмаченная, красная, она снова распространяла вокруг себя ядреный водочный дух, едва держась на ногах. И орала что есть сил:

– Слушайте меня, это все обман! Не виноватый он! Не убивал он мою дочку!

Журналисты прекратили гвалт, насторожились.

– Вы пьяны, покиньте помещение! Вы в стельку пьяны! – шипел дежурный, напирая на Добролюбову и выдавливая ее назад, за дверь зала, в коридор. – Уходите сейчас же!

– Не заткнешь мне рот, мне правда дороже! Чего невинного человека в тюрьму бросать? Не убивал Казанский мою дочку Аглаю! Я доказать могу! У меня доказательство есть! Я вот пойду домой и найду, докажу вам!

– Идите, идите домой! – дежурный вытолкнул ее в коридор, отсекая от нее журналистов, которые уже устремились следом, чуя новую сенсацию.

– Какие основания у вас есть говорить о невиновности Казанского?

– А кто она такая?

– Мать первой жертвы, убитой три года назад.

– Какое доказательство вы имели в виду?

– Почему вы заступаетесь за Казанского?

– Она пьяна, – увещевал журналистов дежурный. – Не пойми что болтает! Она же лыка не вяжет!

Вместе с еще одним полицейским они под руки повели упиравшуюся Маргариту Добролюбову к дежурной части, продолжая отсекал от нее настырную прессу.

Дежурный звонил по мобильному в больницу, прося приехать

«Скорую» и забрать невменяемую из отдела. Он спорил, повышал на глазах журналистов голос: как это нельзя приехать? Сделайте ей укол хотя бы! Она в сильной степени опьянения, чуть брифинг не сорвала!

«Скорая», несмотря на все пререкания, приехала на удивление быстро. Орущую матом Добролюбову запихали туда.

Журналисты валом повалили из ОВД. Полковника Гущина и Катю уже мало кто слушал. Журналисты названивали по мобильным, отправляли набитый текст статей «срочно в ленту» в мессенджерах и электронке. Местный телеканал «Горьевский курьер» делился перед камерами возбужденными комментариями:

– В деле арестованного по обвинению в убийствах замглавы Горьевска Андрея Казанского неожиданный поворот – мать первой жертвы Аглаи Добролюбовой Маргарита Добролюбова прорвалась на брифинг и заявила о невинности арестованного градоначальника! Полиция пока для комментариев недоступна. Те полицейские источники, с которыми нам удалось связаться, подчеркивают факт нахождения Добролюбовой в алкогольном опьянении и призывают не относиться к ее словам всерьез. Пусть мать первой жертвы алкоголичка, но, как известно, что у пьяного на языке, то и... Одно очевидно: дело о горьевских убийствах далеко не закончено, возможно, вскоре нас ждет обнародование каких-то новых улик и доказательств.

– Ну ладно, – тихо сказал Кате полковник Гущин, – эта часть пути нами пройдена. К вечеру новости разлетятся как пух. И весь город узнает, что произошло на брифинге, что она кричала. Нам остается лишь ждать.

Глава 48

«Время – это я»

Машина полковника Гущина остановилась возле «Скорой». Рядом стояла машина оперативников Главка. Они находились на опушке густого леса, рассеченного просекой, уводящей от Горьевска.

Капитан Первоцветов, сидящий за рулем «Скорой», скинул синюю куртку медбрата. Он успел переодеться в гражданское – черную толстовку и джинсы. Катя обратила внимание на его щегольские новые слипоны, какие носят яппи в выходные. А потом она сообразила: у этой обуви мягкая резиновая подошва, в них удобно двигаться в доме совершенно бесшумно, легче даже, чем в кроссовках.

Он распахнул двери «Скорой». Маргарита Добролюбова сидела там вместе с оперативником, тоже одетым медбратом. И пила из бутылки ягодный морс.

– В горле пересохло от ора, – сообщила она полковнику Гущину. Он подошел к «Скорой» вместе с Катей и Анфисой.

– Вы отлично справились, спасибо вам. Я даже подумал... это...

– Что я опять бухая? – Марго усмехнулась. – Капитан-красавчик мне водкой все волосы намочил и намазал меня ею, как духами. А выпить не дал. Строгий. «Речь о вашей безопасности, повремените...»

Она покосилась на капитана Первоцветова.

Катя вдохнула стылый лесной воздух и водочное амбре...

Все эти ухищрения и перемещения «Скорой» потребовались, дабы помешать журналистам, алчно искавшим контактов с «матерью первой жертвы», чтобы допросить о ее заявлении и улике, о которой она упомянула. Большая часть журналистов рванула сразу в городскую больницу. Но в регистратуре им лишь сухо сообщили, что из ОВД никого в стационар по неотложке не доставляли.

Прежде чем вернуть Маргариту домой, на улицу Труда, и сесть в засаду, полковник Гущин ждал вестей о том, что все журналисты из Горьевска уехали, а местные занялись своими делами, бросив розыски скандальной пьяницы.

Они ждали в лесу, вдали от любопытных глаз. Первоцветов на планшете нашел сайт «Горьевского курьера». Тот уже разразился сенсацией о брифинге по аресту Казанского. Маргарита Добролюбова в статье тоже упоминалась – все, что случилось на брифинге, подавалось со вкусом. Местное телевидение подготовило сразу несколько выпусков новостей.

Пока тянулось ожидание, полковник Гущин сначала обстоятельно инструктировал Маргариту о том, что она должна делать и чего ни в коем случае не должна. А потом задал вопросы, которые давно просили ответов:

– Скажите, ваш квартирант, Денис Нилов, когда пришел к вам снимать жилье, он... знал уже, что вы потеряли дочь? Или это стало ему известно от вас?

– Сначала-то я не поняла. Он все на ее фото смотрел на комоде. Ну а потом мы как-то разговорились, он вина мне купил – добрая душа. Знал он, что Аглая умерла, поэтому и дом мой выбрал, чтобы поселиться.

– А откуда он это знал? Ему кто-то в городе сказал?

– Ему сказал приятель. Покойный. Денис мне сам об этом рассказал. Приятель отсюда родом и связи не терял с городом. С Горьевском никто связи не теряет. Лишь смерть разлучит нас... – Марго горько усмехнулась. – Только Денис думал, что дочка моя убита. Повешена на башне с часами. А я ему, как и остальным, правды не открывала.

«Вот братец Петруша и снова всплыл со дна», – подумала Катя.

Капитан Первоцветов стоял позади Анфисы. Близко. Вроде бы случайно это вышло.

– Он вам говорил про фотографии? – спросил Гущин.

– Какие фотографии? Про работу, что ли, свою? Он же фотограф.

– Нет, я имею в виду другие снимки. Значит, не упоминал?

– Да какие фотографии-то? О чем? – Марго любопытно моргала.

– К нему кто-нибудь приходил? Вы его с кем-то из местных видели?

– Нет. Мы тихо жили. Он с работы придет – и сразу шмыг к себе за компьютер. С фотоаппарата там что-то перегоняет.

– А к вам кто приходил, когда он был дома?

– Мария Вадимовна. – Маргарита закрыла лицо руками. – Ох, свинья я пьяная... Горе-горе, такое горе... Макар... племянник ее... А я, свинья, так еще к ней и не сходила, не поддержала в ее беде.

– Может, кто-то еще?

– Он.

– Кто он?

– Макар, – Маргарита вытерла слезы, что начали капать, – с ней приезжал иногда, продукты они мне привозили. Мясо, кур.

– Только он и она?

– Еще с ней Ульянка раз приехала, Тонькина дочка. Они с Вадимовной на машине из Москвы по пути заскочили, опять же продуктов мне привезли. Только я Ульянку не люблю. Дрянь она девка. С Тонькой-то, ее матерью, мы дружили. А Ульянка и мать свою стыдилась, и меня презирает.

– А Казанский? Вы же говорили, он часто навещал вас?

– Он за то время, что квартирант у меня обосновался, один раз только и был, когда Денис на электричке в Москву укатил по делам. Опасался он – я ж говорила вам, опасался, что про него и Аглаю узнают. В тот раз только деньги мне дал. Цветы-то старые с чего засохли, думаете?

– Да, цветы, орхидеи, – Гущин кивнул. – Понимаете, мы мало знаем про вашего квартиранта Дениса Нилова. Так вышло, что нам не удалось собрать о нем какой-то значимой информации. А он очень важен для нас. Вы тот человек, который общался с ним все эти месяцы, вы жили в одном доме. Вы его видели в последние дни перед его гибелью. Расскажите нам о нем, Маргарита.

– Приставать он ко мне не приставал. – Марго Добролюбова неожиданно вздохнула. – Хотя я... чего греха таить... прошлое-то мое вам известно. Вежливый парень. Нарик он был – этого ведь не спрячешь. Но я его не осуждала. Кто я такая, чтобы осуждать... Он денег, конечно, хотел добыть, как они все сейчас, молодые. Деньги любил. Но жадным не был.

Вино мне покупал, продукты давал. Жалел. Да, он меня жалел. Голову свою ради меня под удар подставил. Потому что вошел в мое положение и сострадание имел.

– Как понять – голову под удар? – спросил капитан Первоцветов, вмешиваясь в гущинский допрос.

– Ну, поставил он мне как-то однажды вечером в воскресенье пол-литра, выпила я и начала ему про жизнь свою рассказывать, по пьянке делиться. Про наш сто первый... Про высылку... Про фабрику, как в прядильном цехе работала... Про то, как изнасиловал меня один гад, который потом... Который считал, что только сила, боль и страх могут заставить... Ладно, чего там, это проехали. Там уже и могила травой заросла давно. Но кое-кто ведь жив еще остался. Я квартиранту сказала, что, когда меня снасились, я заяву в прокуратуру написала, а Репликантов – молодой еще тогда – меня с этой заявой послал подальше. Чего ты, шлюха, хочешь? Чего плачешь? Пошла ты вон. Ну, я это и рассказала Денису, а он тогда ничего мне не сказал, только утешал меня. А потом я от Молотовой узнала про скандал в городе, как ролик-то с банкета у судьи в сеть выложили похабный. Это квартирант мой с Репликантовым за меня посчитался. Наказал его за меня, пусть и через столько лет.

Новые факты выплывают, как будто нам прежних мало...

Горьевск, сколько же тайн у тебя...

Полковник Гуцин посмотрел на часы. Потом кивнул – теперь все по местам.

Капитан Первоцветов помог Марго выбраться из «Скорой» и усадил ее в оперативную машину, сам сел за руль. С ними сел еще один оперативник. Он был нужен для того, чтобы отогнать машину, высадив их в сгущающихся сумерках недалеко от частного сектора. Чтобы на улицу Труда они добрались уже пешком, не привлекая внимания соседей.

Когда оперативная машина скрылась из виду, полковник Гуцин тоже вырулил на просеку. Им еще предстояло выбрать место, где лучше всего остаться в засаде.

Стемнело как-то подозрительно быстро. С северо-востока снова пришли свинцовые тучи – предвестники ноябрьских холодов. Над Горьевском, над полями, перелесками нависла серая шапка, и сумерки внизу сгустились, лишённые заката и вечернего света.

Катя вместе с Анфисой сидели в машине полковника Гуцина. Его внедорожник стоял позади Дома у реки, на вытоптанном пустыре. Ближе к частному сектору было не подобраться – слишком людное, открытое место. На шоссе тоже не припаркуешься – машины, автобусы.

Автомобиль с прикрытием из сотрудников розыска Главка спрятался в роще, в двух километрах от улицы Труда. Роща раскинулась на берегу реки, и там было сплошное болото.

Полковник Гушин выбрал место поближе. И то, что их засада снова привела туда, где все и началось, – к дому-тюрьме Аглаи Шубниковой, – Катя считала почти знамением.

– Сколько нам ехать туда, Федор Матвеевич? Если что, – спросила доселе молчаливая Анфиса.

– Десять минут. Ну, поднапрячься – семь. И вы сами видели – это не федеральная трасса. Проселочная дорога. Пробки исключены. Это уже плюс.

Катя посмотрела на подругу. Ее лицо было непроницаемо. Но Катя знала, о ком она думает.

У них в машине работала рация и беспроводная связь. Там, на улице Труда, в доме Маргариты, оперативники установили микрофоны. С видеосвязью и камерами ничего не вышло – это была долгая работа, оперативно-технический отдел Главка не успел бы все так быстро собрать, смонтировать и привезти. А микрофоны имелись среди спецтехники самого ОВД. Поэтому их и взяли в оборот.

Микрофон прикрепили Маргартите под одежду. Остальные расположили в доме. Еще один закрепили на капитане Первоцветове.

Катя слушала, как потрескивает фон передатчика. Белый шум, помехи...

За окном машины – тьма. Она посмотрела на часы на приборной панели. Всего времени-то шесть часов вечера!

И в этот момент в передатчике послышался голос Первоцветова:

– Гость. Машина подъехала.

– Ну вот, как по нотам. – Гушин протянул руку к ключу зажигания. – Недолго сидели.

Машина у ворот дома на улице Труда мигнула фарами. И свет их погас. Капитан Первоцветов, смотревший сбоку из окна темной комнаты, некогда бывшей комнаты Аглаи, узнал эту машину.

По его знаку Маргарита Добролюбова медленно двинулась на освещенную террасу. Встала в круге света, под старой люстрой. Затем открыла входную дверь.

Мария Вадимовна Молотова зашла в незапертую калитку. В руках у нее был большой пакет.

Первоцветов смотрел, как она бредет по садовой дорожке. Во дворе было темно. Крышу дома и покосившийся забор освещал лишь уличный

фонарь, светивший скупно и жутко.

Маргарита вышла на крыльцо. Это было нарушение инструкций. Они столько ее учили, как вести себя. Но...

Она их тут же ослушалась. Женщина...

Первоцветов неслышно переместился к террасе. Он был готов. Он думал: что в пакете? Что *она принесла*? Всех прежних жертв оглушали по голове. И там что-то тяжелое. Металлический штырь? Молоток?

Он не сообщил по беспроводной связи, кого видит поднимающейся на крыльцо старого дома.

В этот момент он видел другой дом – битый кирпич, горы мусора, луч фабричного прожектора, пронизывающий немытое стекло окна, темную анфиладу старых комнат, стену, за которой что-то все скреблось и скреблось, словно пыталось выбраться наружу из старой тюрьмы, не желая никак подышать...

Он услышал шум дождя, стучащего по крыше Дома у реки...

Увидел свои руки – маленькие руки маленького перепуганного мальчишки, в цыпках, царапинах, грязные как прах...

И увидел *ее, появившуюся на пороге дома, всю мокрую от дождя...*

Прекрасную женщину, темноволосую, ясноглазую, высокую и смелую, которая не побоялась ни ливня, ни ночи кромешной и пришла его защитить.

Забрать из ада...

Надо платить долги.

Всем?

– Мария Вадимовна, это вы? – тихо спросила Маргарита Добролюбова.

– Заехала по пути. – Молотова с тяжелым пакетом в руках вошла в дом. – Ты одна?

– А кто ж у меня? Квартиранта убили...

– В похоронной конторе была, в Москве, – сказала Молотова. – Похороны на Калитниковском кладбище, во вторник. Там могила деда Макара. И мой муж там похоронен.

– Такое горе, Мария Вадимовна... Вы простите меня... что я...

– На похороны-то приедешь?

– Да.

Молотова шагнула к ней вплотную.

Капитан Первоцветов ждал.

Он представил, как это произойдет. Она... она пожилая... Ударит в висок? Или подстержет момент, когда Маргарита повернется к ней

спиной? Сейчас выходить брать ее? Или подождать мгновение, чтобы убедиться наверняка и...

Надо платить долги...

Всем.

Мария Вадимовна повернулась к Маргарите спиной и водрузила тяжелый пакет на стол, на липкую клеенку.

– Вот, привезла тут тебе. Отощала ты совсем. И распухла, Маргоша. Нельзя так. Горе, оно... оно ни меры, ни края... водкой не зальешь. Надо держаться.

Она раскрыла пакет и начала выкладывать оттуда продукты: замороженную курицу, упаковку со свининой, упаковки сосисок, два пакета апельсинового сока, связку бананов, яблоки.

Выложив продукты, повернулась и медленно направилась к двери.

На пороге оглянулась.

– Похороны во вторник. Калитниковское кладбище. В одиннадцать.

Маргарита Добролюбова догнала ее уже на крыльце. Схватила за руку. Поцеловала эту сухую, но все еще твердую, энергичную старческую руку в кольцах.

– Спасибо... спасибо вам... и простите... прости меня...

А потом они обнялись на крыльце и заплакали, как ревели встарь на плече друг у друга на своем сто первом километре – ночная бабочка с «уголка» – «Националя» и диссидентка, «несгибаемый борец с советским режимом».

Капитан Первоцветов прислонился к косяку. Запрокинул голову.

– Это не она.

Полковник Гуцин, слышавший все до последнего слова по беспроводной громкой связи, тоже без сил откинулся на сиденье машины.

– Это не она, – повторил он.

Катя ощутила, как у нее взмокли ладони, взмокла спина.

Она слышала рыдания женщин. У самой глаза были на мокром месте.

Шаркающие удаляющиеся шаги.

Звук мотора, который завели...

Молотова села в свою машину и уехала.

– Сока хотите? – спросила Марго у капитана Первоцветова – там, в доме.

Может, все вообще напрасно? – думала Катя. – Все наши планы. Все ухищрения с брифингом. И ничего не сработает. Никто не придет искать ту улику, которая может разрушить все, как картонный домик. Может, мы зря здесь сидим, пялимся во тьму.

Анфиса вышла на воздух. Прислонилась к капоту машины, глядя на Дом у реки. Катя подумала: а она ведь здесь впервые. Она видит это место в первый раз. Столько слышала о нем от нас, но не была.

И камер у нее с собой нет, чтобы сделать снимки...

Она же привыкла видеть мир через фотообъектив. Как и та, другая, Елена Мрозовская.

Но камеры Анфисы разбиты.

Как и ее сердце.

И, наверное, уже не удастся собрать все это заново, по кусочкам, по осколкам...

Остается лишь надеяться, что осколки эти не поранят так глубоко, что невозможно будет уже залечить и раны, и шрамы...

Почему я думаю об этом? Почему я думаю вот так?

Потому что я боюсь, что, несмотря на все мои сомнения в том, что то, чего мы ждем, не произойдет... оно все равно случится. И кровь еще будет...

И раны...

Часы ведь пошли назад. И он, тот, кто там, на башне в часах, он до сих пор в игре. Тот, кто забирает жертвы и исполняет желания.

Он жасждет...

Время похоже на реку. И на наши сны. Оно густое, вязкое, как глина, загадочное, как ночная тьма. И словно в фотографировании, надо подобрать правильные реагенты, чтобы время явило себя с правильной стороны, показав истинную суть вещей. Время летит на крыльях. Время застывает смолой. Время тянется, как резина. Время обрывается нитью. Время умирает...

Время – это я...

Катя открыла глаза. Она не понимала, как заснула! Привалившись щекой к плечу Анфисы, она заснула, когда они сидели в засаде и ждали! Они опустошили оба термоса с кофе до этого. Они выходили из машины глотнуть воздуха ночи, размять ноги. Они делали все, чтобы не спать.

Когда они выходили, Катя не приближалась к Дому у реки. Ей все мерещилось, что кто-то из тьмы смотрит, следит за ними из его слепых окон.

И после всего этого она позорно заснула!

Часы на приборной панели показывали двадцать минут четвертого. Тот самый глухой час, который застыл на циферблате башенных часов.

Анфиса, напряженная и настороженная, вслушивалась в шипение передатчика. Катя поняла: пока она спала, Анфиса не сомкнула глаз,

вперяясь во тьму, словно часовой.

Рация шипела...

Голос Первоцветова прошептал:

– Фонарь уличный погас.

Полковник Гуцин, ословелый от долгого бдения, наклонился над рулем, стараясь уловить...

– Дверь входная. Я что-то слышу.

Шипение передатчика... белый шум...

Что-то щелкнуло.

Испуганный шепот Маргариты:

– Света нет.

Грохот!

Полковник Гуцин включил зажигание и с места рванул внедорожник. Визжа тормозами, они обогнули Дом у реки и вырулили на проселочную дорогу.

Тьма, тьма...

Огни фар...

Они мчались с бешеной скоростью.

Грохот... там что-то упало... Хриплое дыхание... Удар...

Катя знала, что это: звуки битвы в доме, где внезапно погас свет!

Гуцин еще прибавил газу, они выскочили на перекресток, где проселочная дорога пересекалась с новой бетонкой, ведущей к свиноферме.

И вдруг...

– Федор Матвеевич! Тормозите! – закричала Анфиса.

Перекресток загородил большой грузовик с деревянными бортами, полный клеток со свиньями. Вплотную позади него с бетонки на дорогу выруливала груженная фура.

В свете фар свиньи в клетках походили на каких-то фантастических существ из иного мира. Они оглушительно визжали от страха, который переполнял их свиные сердца.

Картина была столь сюрреалистична, что казалась почти нереальной.

Они едва не врезались в грузовик на полной скорости. Гуцин в самую последнюю минуту крутанул руль влево, и они сорвались с дороги в кювет, в канаву и сразу же застряли там.

Гуцин выскочил из машины, бросился к грузовику. Визг свиней оглушал, но Гуцин орал так громко, что его слышали все.

Он рванул дверь кабины грузовика, выволок за одежду водителя, крича ему в лицо:

– Почему ночью?! Почему здесь?!

– Мы это... мы свиней везем... с фермы...

Водитель-работяга испуганно моргал. От грузовика несло свиным дерьмом.

– Почему ночью?! Кто приказал?

– Хозяин.

– Судья?!

– Позвонил и приказал везти. Сказал, в открытом грузовике днем нельзя, людей это пугает. Жалобы сыпятся! Он сказал – везите сейчас, ночью. Бойня же круглосуточная. Бойня не спит...

Бойня не спит...

– Поворачивай в сторону! Дай нам проехать!

– Да не могу я, там все развезло от дождей! Грязи по колено! Я свиней угроблю!

Гущин бросил водилу у грузовика, побежал назад. Он плюхнулся за руль. Внедорожник засипел, буксуя в грязи, выбираясь на целину, стараясь объехать перегородившие перекресток грузовик и фуру.

– Судья! Репликантов... Ну, вот и встретились. Он же здесь все дороги знает. Он профи, в курсе, где можно засаду расположить. И знает, где заслон нам поставить. О, черт! – Гущин давил на газ. – Он же все просчитал заранее! И меня он просчитал, сукин сын!

Внедорожник медленно полз, утопая в глине, огибая перекресток.

Катя боялась думать, что может случиться, если они опоздают.

Там, в доме без света, капитану Первоцветову достался хитрый и страшный противник.

Судья...

Репликантов...

Он же все время был в поле их зрения.

Тот, который притворялся умирающим...

Тот, который рассматривал чертежи башенных часов и врал, врал...

– Света нет, – Маргарита просипела это из тьмы, щелкая выключателем настольной лампы.

Света не было и снаружи. Уличный фонарь, освещавший забор и палисадник, погас.

Этот звук...

Тихий...

Первоцветов услышал, как что-то хрустнуло во входной двери. Эта дверь была хлипкой и старой. И многие в городе знали, что пьяница Марго, напившись водки, вообще ее не запирает...

Там даже не было внутреннего засова, просто замок-защелка.

И вот его кто-то легко открыл снаружи при помощи или спицы, или отмычки.

В темноте, на фоне окна террасы, возникла высокая фигура.

Маргарита Добролюбова тоже увидела ее. И заполошно, испуганно закричала от страха, снова позабыв все их прежние инструкции и уговоры.

– Назад, в комнату! – крикнул ей Первоцветов, уже более не скрываясь и бросаясь к противнику, намереваясь сбить его с ног и...

Он напоролся на лезвие ножа, которое полоснуло его по туловищу. Нож вспорол бы ему живот от грудины до паха, его спасло лишь то, что он в самый последний момент, ощутив острие, повернулся, отпрянул.

Нож взмыл в воздух в умелой ловкой руке и полоснул его по предплечью, рассекая мышцы. А затем капитана Первоцветова с силой ударили ногой в колено, сбивая на пол.

Грохот...

Убийца ринулся в комнату, где спряталась Маргарита Добролюбова.

Грохот... Женский визг...

– Горло перережу, ссука! Ты чего болтала?! Что не он убил твою дочь?! Где то, о чем ты говорила? Где?! Ну?! Отдай мне... Какое еще у тебя доказательство? Отттттдай... или задавлю здессссссссь... Шшшшшшшшшш тебе, шлюхе ссстарой, сссссломаю...

Голос, похожий на шипение змеи...

Маргарита хрипела, задыхаясь, царапая руку в кожаной перчатке, что смыкалась у нее на горле, отпихивая от себя другую руку, в которой был нож.

Первоцветов поднялся с пола. И бросился к ним. Он ударил убийцу сбоку кулаком в челюсть и отшвырнул его от Маргариты. Ударил ребром ладони в грудь. Противник отлетел к стене, но когда Первоцветов ударил его, опять выставил нож и полоснул им с силой и яростью...

Нож пропорол Первоцветову бок. Он чувствовал, как тело его заливают горячая кровь. Он нанес противнику удар кулаком в челюсть. А потом схватил его руку, выворачивая ее в болевом захвате до тех пор, пока нож...

Нож со стуком упал на пол.

Противник рванулся, чтобы достать его. Но в этот миг Первоцветов ударил его ногой в бок и снова отбросил – теперь прочь из комнаты Марго, на террасу.

Они опрокинули стол, стулья. Без ножа противник чувствовал себя не столь уверенным.

Получив еще один сокрушительный удар в челюсть, он шмякнулся на пол навзничь, стона и выплевывая выбитые зубы. Перевернулся, встал на

четвереньки, словно животное, ползком, однако быстро устремляясь к входной двери.

Первоцветов налетел на него, хватая за одежду, за брезентовую куртку, стараясь не дать ему уйти. Противник ударил его наотмашь. И удар пришелся прямо по свежей ране на боку.

На миг Первоцветов потерял сознание от дикой боли. Усилием воли вернул себе контроль и над болью, и над своим израненным телом.

Убийца был уже на пороге, еще мгновение – и он скользнет с крыльца и растворится в крошечной тьме.

И в этот миг Первоцветов настиг его.

Его удар был такой силы, что...

Когда, выбравшись из глиняной трясины, они наконец помчались на улицу Труда, Катя была готова к чему угодно, но только не к тому финалу битвы, который предстал перед ними!

Внедорожник Гущина пронесся по улице, визжа тормозами, свернул и сшиб хлипкий забор и калитку Маргариты Добролюбовой. Свет его желтых фар уперся в темный дом. И тут в круге желтого света с грохотом распахнулась, ударившись о стену, входная дверь, и из ее черного провала вылетело, словно пушечное ядро, тело, распылив руки и ноги, похожие в этот миг на крылья фантастической летучей мыши.

Оно было выброшено вон.

Ударилось спиной о крыльцо, скатилось по ступенькам.

Застыло в траве бесформенной темной массой.

Гущин, Катя, Анфиса выскочили из машины. Где-то еще очень далеко от улицы Труда выла полицейская сирена.

Бесформенная масса в грязной брезентовой одежде слабо шевелилась, подавала признаки жизни, стонала от боли.

В свете фар на крыльце дома появился капитан Первоцветов.

Он спрыгнул вниз, к своему поверженному противнику.

Полковник Гущин вытер ладонью взмокшее от пота лицо.

– Как по нотам, – снова сказал он. Потом хмыкнул: – Семь лет в банке. Финансовые схемы. Аудит... Где драться-то так научился?

Капитан Первоцветов переводил дух, прижав руку к боку.

Свет гущинского карманного фонаря уперся в лежавшего ничком на земле человека. Катя увидела брезентовую куртку, камуфляжные брюки и ботинки на толстой подошве, увидела широкие плечи, костистую руку, впившуюся в пук сухой травы.

– Ну, здравствуйте, ваша честь, – сказал Гущин, светя ему в затылок. – Давай вставай. Нянек здесь нет.

Короткие рыжеватые волосы на затылке. Катя уставилась на них. Человек в брезентовой куртке со стоном повернул голову вбок и...

– Федор Матвеевич, это не судья! Не Репликантов! – воскликнула Катя.

Гущин вздрогнул, свет его фонаря бешено заметался по лежавшей фигуре. Затем он сунул фонарь в руки Кате, подскочил к поверженному, с силой повернул его на спину.

– Свети!

– Это же Вакулин! – Катя едва не уронила фонарь, когда увидела, кто щурится на его свет.

Гущин... нет, он такого не ожидал.

Капитан Первоцветов схватил Вакулина спереди за брезентовую куртку, рванул вверх, ставя на ноги.

– Вы?!

Александр Вакулин щурился на свет.

Катя пыталась вспомнить его лицо, когда они разговаривали в последний раз, когда спрашивали его про Аглаю, про башню, про травму ноги...

Она не узнавала его сейчас. Лицо Вакулина с заплывшим глазом перекошилось от боли.

Первоцветов не отпускал его куртку, схватив за грудки, прижал спиной к капоту гущинского внедорожника.

– Две жертвы на тебе, подонок. Фотограф Нилов и он, этот мальчик... ее племянник. Ты же любил ее – все в городе это знают! Ты любил Молотову много лет! Как же ты мог его убить?!

– У меня не было выбора!

– Что?! – Капитан Первоцветов с силой шарахнул его спиной о капот. – Чего ты хотел, чего добивался?!

– Того, что давно должны были сделать вы, полиция! – заорал ему в лицо Вакулин. – Посадить его! Посадить Казанского! Это он повесил эту чокнутую девку, дочь забулдыги-проститутки! Она ходила за ним хвостом, я их видел вместе! Он повесил ее там, на башне, а вы... полиция... вы ничего не сделали, вы дали ему возможность и дальше губить нас тут всех, гнобить... гнобить меня, разорять... Ненавижу его! Он отнял у меня все, что я имел, сделал меня нищепородом! Понимаешь ты это, мент?! Он сломал мою жизнь! Я в эту фабрику, в ремонт, в реставрацию вложил все, все до копейки! Я до сих пор в долгах! Завтра придут и объявят меня банкротом, отберут ресторан, и мне останется только стать бомжом! И все это сделал Казанский – одним росчерком пера, используя то, что он здесь царь и бог,

городская власть! Он отнял у меня проект всей моей жизни – фабрику! Да ты знаешь, что такое эта фабрика для Горьевска? Чем она была когда-то? Всем! Средоточием жизни! Предметом зависти! Мечтой! Мать моя на ней горбатилась и бабка! А потом все просрали! Как и сейчас опять снова все просрали и сделали нас снова нищими отщепенцами! Я хотел вернуть этому месту былую славу. Пусть не производство – черт с ним, но деловой дух, надежды, мечты, благосостояние, будущее! Я хотел снова процветания и богатства этому чертову городу, который настолько глуп и апатичен, что допускает над собой власть свихнувшегося негодяя, захотевшего стать полубогом!

– Казанский не убивал Аглаю Добролюбову, – сказал Гушин. – Она покончила с собой.

Вакулин поперхнулся бранью.

– Я его ненавижу. Я ему мстил за то, что он погубил мою жизнь! – выкрикнул он. – Эти мальчишки... оба... фотограф и Макар – у меня не было выбора. Они должны были подвести вас к нему! Я ничего не имел против них, но это судьба – их и моя, все переплелось! Фотограф влип в скандал с банкетом в моем ресторане. И весь город сразу заговорил, что это Казанский его проплатил, чтобы опозорить судью. Разве я мог упустить такой шанс, когда все указывало на Казанского – случись что с фотографом, и вы, полиция, тупые бездельники, вы бы моментально Казанским заинтересовались! И вы клюнули на мою приманку, вы сами меня расспрашивали о нем!

– А вы нам ввали, Вакулин. Это вы заманили фотографа Нилова в Дом у реки? Как? Чем?

– Он был тупой и алчный. Хотел денег. Я с ним после того скандала на банкете имел приватный разговор. Он хотел всучить мне какую-то хрень, фотки.

– Фотографии? Он хотел их продать вам? Старинные фото?

– Антикварные. Кому это нужно? Да, там на них какая-то хрень, связанная с нашей городской сказкой про башню Шубниковых и про черта в часах. Но долги мои этим не заплатишь и от банкротства не спасешься. Я хотел отомстить Казанскому, и фотограф просто сыграл свою роль. Ему не повезло. Я посоветовал ему продать фотки в какую-нибудь известную галерею, столичную. Я хотел, чтобы к этому делу сразу было привлечено максимальное внимание. Насчет Дома у реки я ему сказал, что это старый купеческий особняк, и там, по городским слухам, «нечисто» – мол, купцы, возможно, там клад прятали от революции. Там же одна стенка полая, простукивается – я ему это сказал, и он тут же схватил инструмент и ринул

туда ночью стенку ломать.

– А вы его там убили. И оставили тело как приманку. Устроили инсценировку – вроде бы хотели замаскировать его работу. А сами... Вакулин, а как вы узнали про полую стену, про замурованную комнату? – тихо спросил Гуцин.

– Я вместе с ремонтом фабрики хотел взять у города подряд и на реставрацию Дома у реки. Я там был. Я же строитель по образованию. Все там облазил сам с фонарем. Прикидывал, как сделать из этих развалин снова конфетку. Я стены осмотрел. И нашел, что одна – это фальшивая перегородка, а за ней что-то есть. Но я не успел подать заявку на подряд. Потому что и тот мой подряд с фабрикой накрылся вдруг медным тазом по распоряжению Казанского! – Вакулин скрипнул зубами. – Я ждал, что вы его сразу арестуете, едва до вас дойдут сведения о скандале на банкете и о возможной его связи с фотографом. Сейчас же всех метут! Этих... элиты, начальство сажают без разбора, по любому поводу. А я вам такой повод для ареста создал! А вы... вы его не посадили. И я подумал, что вам мало доказательств. Нужны еще. Я видел: вы увязаете во всей этой оккультной здешней хрени, как в болоте, все глубже и глубже. Я хотел, чтобы вы подоברались к Казанскому! И у меня снова не было выбора: Макар – он был идеальной кандидатурой на следующую жертву!

– Потому что тоже родился в Горьевске? – спросила Катя.

Вакулин обернулся к ней, на его грязном избитом лице отразилось недоумение.

– Потому что он был ее племянник! Племянник Марии... Она же... она так много знает о всей этой здешней оккультной белиберде, о Казанском, о его семейке, о его воспитании, его сумасшедшей бабке и чокнутой мамаше, которые клялись и божились, что они потомки Шубниковых и Бахметьевых. Я ожидал, что смерть Макара заставит Молотову развязать язык и порассказать вам все, все о нем! Я ждал, что она утопит его, что вы окончательно уверитесь в его виновности и посадите его! Но она... как нарочно... она была не в себе! Она вдруг ни с того ни с сего ополчилась на судью и помчалась к вам обвинять в убийствах его, а не Казанского! И я решил, что все пропало, что я проиграл. Но тут вы Казанского арестовали! И на этом все бы закончилось. Но вдруг вмешалась эта пьянь подзаборная! Маргоша! Оравшая на весь город про доказательство его полной невиновности!

– Как дом из песка, – сказал Гуцин. – Вы все строили, строили, а он рассыпался в прах. И вы все убивали, Вакулин, убивали. Не проще ли было пойти к Казанскому и прикончить его одного – раз вы так его ненавидите?

– А вы бы сразу пришили мне убийство из мести, потому что весь город знает, что это он, Казанский, меня разорил, отнял у меня фабрику и башню.

– И часы? – спросил Гуцин.

Но в это время к дому подрулила машина с оперативниками и патрульными, воя оглушительной сиреной. А за ней – еще одна.

Темный палисадник сразу наполнился сотрудниками полиции. И Гуцин прервал свой допрос.

Оперативники окружили Вакулина и повели к патрульному «Форду».

– Ох, да у него вся куртка спереди в крови! – тревожно воскликнул один из них. – Вы ранены?

Гуцин выхватил у Кати фонарь, осветил Вакулина с ног до головы.

– Это не его кровь.

Он направил свет на капитана Первоцветова, привалившегося к капоту внедорожника. И в желтом луче они увидели, что его черная толстовка вся раскромсана, а под ней...

– Парень, ты что это? – Гуцин как на крыльях подлетел к нему. – Ты чего? Ох, крови-то сколько... Да ты что молчишь?

– Нормально все. Это порезы.

– Ну-ка пойдем со мной! Сейчас же в больницу, держись за меня, за шею!

– Да нормально все, полковник. – Первоцветов отпихнул его от себя. – Ну, порезал меня ножом там, в доме... Наука мне – в следующий раз не открываться. Я потом съезжу в травмпункт. Сначала надо все здесь и в ОВД закончить.

– Какой потом? Какой ОВД? Ты чего... ты опять за свое? Назло нам... ей... хочешь кровью тут у нас на глазах истечь? Анфиса Марковна, да скажите ему хоть вы...

Анфиса стояла в тени, у машин.

В телевизионных мелодрамах, в любовных романах обычно в этот момент рушатся все преграды. Горячая кровь топит лед. Прощают смертные обиды. Героиня бросается к раненому смельчаку и снова, снова, снова спасает его силой вечной любви. И так до бесконечности, до оскомины...

Ничего не произошло.

Анфиса не тронулась с места. Не подошла к капитану Первоцветову. Не произнесла ни слова.

Катя подумала, что ее лучшая подруга изменилась там, на Башне с часами, так, что уже никогда не будет прежней Анфисой.

Неизвестно, что подумал обо всем этом капитан Первоцветов.

Он снова оттолкнул от себя Гущина.

– Не надо меня представлять тем, кем я в ее глазах не являюсь! Я сам о себе позабочусь! И помощи мне никакой от вас не надо!

– Пулей в больницу! – заорал на него полковник Гущин. – Или черт... Снова у меня дожدهшься – под замок посажу! Под арест! Псих строптивый! Навязался же на нашу голову!

Он сграбастал капитана Первоцветова чуть ли не в охапку, затолкал на переднее сиденье своего внедорожника, плюхнулся за руль и газанул так, что машина сшибла остатки хлипкого забора.

Катя и Анфиса остались в темном палисаднике улицы Труда.

Во дворе сновали оперативники, один копался в приборном электрическом щитке у сарая – Вакулин там что-то отключил пред тем, как забраться в дом.

И вот свет на крыльце вспыхнул. Они увидели Марго Добролюбову. Анфиса медленно направилась к ней.

Катя смотрела на пепельное утреннее небо.

Странно, но сейчас, в этом хаосе, ей хотелось лишь одного: чтобы день наконец-то выдался солнечным.

Глава 49

Пасмурно

Но день выдался пасмурным. И следующий день тоже.

При обысках в доме, офисе и отеле-ресторане у Александра Вакулина были найдены две важные улики. Связка ключей от фабричных корпусов и башни – все это сохранилось у него со времен реставрационных работ, а городу при расторжении контракта он передал дубликат.

В багажнике его машины были найдены следы крови и несколько тканевых волокон, тоже окровавленных. Экспертиза ДНК подтвердила идентичность крови Макара Беккера.

При предъявлении этого доказательства Александр Вакулин нехотя пояснил, что использовал тряпку из старых спортивных штанов, которые намочил в крови Макара после того, как нанес ему удар по голове, и при помощи этой тряпки оставил те следы якобы волочения на ступеньках лестницы и на площадке башни. Про порог он в суматохе позабыл. А тряпку убрал в пластиковую сумку и бросил в багажник. Но, видно, сумка там протекла.

Он сказал, что встретил Макара Беккера у фабрики – видел его там накануне, гонявшего по лужам на велосипеде. Предложил подняться на

башню, взглянуть на место, о котором столько разговоров в городе, изнутри. Похвастался: мол, отдел культуры выдал ему ключи для осмотра помещений – есть вероятность, что контракт ему все же вернут, так как город не хочет больше терять деньги от простоя зданий. Паренек на это купился и с радостью полез в заготовленную ловушку.

Сказав все это, Александр Вакулин добавил: «Я сожалею, что так вышло, сожалею о его смерти».

Очень лаконично. О своей прежней обожаемой любовнице Марии Молотовой он на допросе не упомянул ни разу. О своей весьма поспешной и безрассудной попытке разделаться с Маргаритой Добролюбовой, опять же очень лаконично, пояснил, что хотел найти и забрать улику невиновности Андрея Казанского, о которой та разразилась на весь город. А потом задушить Маргариту, подтащить ее к обогревательному котлу и газовой колонке и по максимуму открыть давление, чтобы дом взорвался. Мол, пьяница сама в алкогольном угаре за котлом не уследила, как многие и боялись.

Катя смотрела на него и снова думала о том, как они увидели его впервые в «Горьевских далях» – вроде как полупьяного, осипшего, красного как рак, в банном халате, в окружении шлюшек с бокалами шампанского. Этакое горьевское простеца-самородка, выбившегося в люди, нажившего капиталы и столь быстро все потерявшего по чужой прихоти. Купчик... А купчик-то оказался тонким психологом и расчетливым безжалостным убийцей-мстителем.

Вот и суди о людях с первого взгляда.

После обеда, когда у Вакулина все еще шли обыски, Катя одна отправилась к башне.

Полковник Гуцин уехал в больницу к Первоцветову. Анфиса осталась в отеле, сказала, что к башне не пойдет.

Катя и не настаивала. Но самой ей хотелось еще раз взглянуть на это место.

Сколько всего...

Сколько же всего...

И все вместилось, и переплелось, и осталось там...

Черные стрелки на белом циферблате снова напомнили ей ножницы. Вот-вот щелкнут, клацнут... отрежут какую-то нить, что не видна, но существует, связывая все.

Уже поздно вечером, когда Гуцин вернулся, он снова вызвал на допрос Вакулина. И между ними состоялся тот самый странный разговор.

Про часы.

– Как вам удалось запустить часовой механизм, Вакулин?

– Сам не знаю.

– Но вы же этого добивались.

– Ну да... в общем-то хотел. Такой эффект, а? – Вакулин криво усмехнулся. – Когда заскрежетало наверху, в башне, загудело, и стрелки начали назад вращаться... Ну и рожи были у всех городских! Я, конечно, этого хотел, потому что и он, Казанский, этого бы желал. Это как улика против него. Но я не был уверен, что мне удастся – до самого конца сомневался.

– Сомневались?

– Там же все такое старое. Металлолом. Я во время реставрационных работ туда сам лазил наверх, в часы, смотрел все с фонарем. Тогда просто из любопытства – можно ли реставрировать, чтобы завести наши городские куранты. В общем-то я увидел, что внутри – трубы, колокола. Механика не такая уж и сложная – там вал, шестеренки, труба идет медная. Она стрелки приводит вроде как в движение. Но тоже непонятно особо, потому что это же глубоко внутри. Я тогда хотел восстановить часы – такой шик. А потом с одной фирмой часовой связался, мы посчитали, прикинули стоимость работ, и я плюнул на это дело. Очень дорого. Не окупается. Просто фишка. А кто мне за нее заплатит? Так я тогда думал. Но мы там три года назад все смазали маслом. А Казанский потом еще масла добавил.

– Тогда, три года назад, вы ведь еще ничего не имели против Казанского. Фабрика была фактически вашей. Вы там все обустраивали под торгово-офисный центр.

– Да, моей была фабрика. И я был счастлив, – Вакулин помолчал. – А потом он у меня все отнял. Всю радость. Деньги... Да что деньги... Весь смысл моей жизни, мою надежду все изменить здесь, приумножить.

– Когда вы вздергивали Макара Беккера в петле, вы хотели добиться эффекта включения часового механизма? – жестко оборвал его излияния Гущин.

– Я привязал веревку к медной трубе. Она шла внутрь, я считал, что как раз до самого часового вала. Я клещами вырвал там, внутри, несколько болтов, и труба накренилась, а когда он... он там уже болтался в петле... труба съехала вбок и... Остальное я не видел, я торопился покинуть башню. Там точно рассчитать ничего невозможно – это ни один механик не сможет. Считайте, что все вышло случайно.

– Случайно? – Гущин смотрел на него. – Так просто? Совпадение?

– Совпадение.

– И вы там на башне...

– Что?

– Вы там не загадывали желание?

Александр Вакулин взглянул на него недоуменно. Потом в лице его что-то изменилось. Оно сморщилось, скривилось. Он захихикал.

Этот смех... словно скрип...

– Ну, вы даете... Полиция! И вы туда же.

Катя тогда еще подумала: такой разговор никогда не попадет на страницы официального протокола допроса.

Но полковник Гуцин все же этот разговор затеял.

Получил ли он ответ на то, о чем тайком думал?

Кажется, нет.

А потом настал день, когда они покинули Горьевск.

Они расплатились в отеле, забрали с Анфисой свой автомобильчик с отельной стоянки, пригнали его к ОВД и там, в кабинете Первоцветова, ждали, пока полковник Гуцин покончит с делами оперативной группы и подпишет все необходимые бумаги. Капитан Первоцветов покинул больницу. К счастью, рана на животе действительно оказалась лишь глубоким порезом. Рану на боку и плече ему зашили. И он вернулся к текущим делам – одетый в ту самую парадную форменную рубашку с погонами, единственное, что у него осталось из всей формы. Под рубашкой торс его был туго перебинтован.

В кабинет заглянул дежурный и сообщил:

– Доставка приехала.

Капитан Первоцветов кивнул ему.

Следом за дежурным в кабинет просочился курьер из крупного столичного магазина электроники с большой коробкой в руках.

– Доставка, оплаченная на имя Берг А. М., – объявил он. – Кто тут будет Берг? Распишитесь о получении.

Анфиса и бровью не повела. Катя взяла квитанцию у курьера, прочла и расписалась сама.

Затем она приняла у курьера громоздкую коробку, поставила на стол. Открыла.

– Анфис, там фотокамеры. Две. «Никон».

Гуцин наблюдал всю эту сцену, сдвинув очки на нос. Тяжко вздохнул.

– Ладно, пора ехать.

Анфиса направилась к машине.

– Борис, мы это возьмем. Спасибо, – сказала Катя Первоцветову и забрала коробку с камерами.

На этот раз она сама села за руль «Смарта». Смотрела в окно на

полковника Гущина – тот, отчаянно жестикулируя, тихо и настойчиво что-то говорил вышедшему их проводить Первоцветову. Совместная поездка в больницу помирила их. И теперь Гущин что-то внушал капитану, как отец внушает сыну. Положил руку ему на плечо. Потом пошел к своему внедорожнику.

Первоцветов остался во дворе ОВД один.

Катя знала, чего ждет капитан. Но что она могла сделать?

Оглянись... Ну, оглянись на меня...

Но Анфиса не оглянулась.

Катя завела мотор, их крошка-автомобиль плавно тронулся с места. И все поплыло мимо – улица, дома.

Капитан Первоцветов.

А с ним и Горьевск.

Лишь проехав почти половину пути от ста первого километра, Катя заметила хрупкие ростки, пробивающиеся сквозь железобетон: Анфиса покосилась на коробку с камерами. Отвернулась. Потом взяла ее на колени. Снова положила на сиденье.

Опять взяла и открыла.

– Камеры такие же, как у тебя были? – робко спросила Катя.

– В сто раз лучше.

Катя думала о том, что осталось позади. И как оно все сложится в Горьевске. Умрет или все же повременит с уходом на тот свет судья Репликантов? Вернется ли к себе на дачу Молотова после похорон племянника? И что теперь будет делать бывший градоначальник Андрей Казанский – освобожденный из-под ареста, но лишившийся должности? Бросит ли он свою пагубную страсть доискиваться того, чего доискиваться не следует, приведшую его едва ли не в тюрьму? Или это влечение к темным горьевским тайнам настолько укоренилось в нем с детства и овладело его душой, что он постепенно превратится в городского сумасшедшего, одержимого историей, о которой повествует здешний апокриф и которую вроде как не опровергают старинные фотографии?

И что осталось за кадром тех фотографий? Они ведь увидели всего несколько фрагментов. А что там было еще? Что было с *ней* – той, что документально запечатлела все, чему стала свидетелем? Той, что незримо присутствовала на всем протяжении их расследования? Что было с Еленой Мрозовской? И как ее собственная горьевская история закончилась?

А еще Катя с тайным трепетом думала о том, что факт остается фактом: *часы на башне пошли назад.*

Чье же желание исполнилось?

Глава 50

На матовом стекле

13 апреля 1903 года

Паровоз оглушительно свистнул, окутался облаком пара и дернул состав. Перрон медленно поплыл. А с ним и Горьевск.

А с Горьевском и он, оставшийся на платформе...

И тут он сорвался с места. Догнал вагон, вспрыгнул на подножку, влетел в тамбур, который она еще не покинула, с грохотом захлопнул дверь в вагон первого класса и преградил ей путь собой.

– Не уедешь... нет, Лена, не уедешь вот так от меня. Твоя гордость против моей. Но я свою под колеса бросил. Не уедешь вот так! Я поезд остановлю.

– У поездов свое расписание, Игорь.

Поцелуй.

Как орел на голубку, как волк на лань...

Поцелуй... его сила... жар...

Стук колес.

Стук его сердца.

Елена Мрозовская пила его дыхание.

Его сердце – тик-так, как часы.

Ее сердце... воск...

Она вскинула руки и обвила его шею. Он оторвался от ее губ, коснулся ее лица ладонью.

– Никто никогда не значил для меня столько, как ты... Никто никогда не заменит мне тебя... Никто никогда не будет любить тебя так, как я... Здесь сейчас...

– Игорь... пожалуйста... отпусти... дай мне уехать...

Он отрицательно покачал головой.

Поезд, набравший ход, теперь свой ход замедлял – они подъезжали к грузовой станции, построенной для фабрики.

– Осенью приеду в Петербург, – сказал Игорь Бахметьев. – Лена... смотри на меня... Раньше не получится. Надо закрыть сделку с фабрикой. Надо реформировать производство. Надо наладить все там, на фабрике, по-новому, как я давно желал. Да, это было мое заветное желание. Теперь я желаю другого. Лена... осенью я приеду. Я для себя все решил. Дело за тобой. Мне нужна жена, мне больше не нужен модный фотограф.

Она смотрела на него.

– Ты решишь сама. Все, что мы пережили... все, что случилось с

нами, – это уже часть нас. Нас двоих. И я хочу и дальше идти по жизни с тобой. Я хочу тебя, Лена. Я хочу тебя всю, без остатка. Но слово за тобой.

Поцелуй.

Короткий. Жгучий, как язва, полный страсти, сожалений и... вины?

Он разжал объятия и прыгнул с замедлившего ход поезда на насыпь.

Она смотрела на него. За ним вдали громоздились кирпичные корпуса фабрики.

И Башня с часами.

Елена Мрозовская оперлась рукой о стену, наклонилась.

Нет, она не питала иллюзий. *Мужчины и правда верят, горячо, искренне верят в то, что говорят здесь и сейчас, что сиюминутно обещают в лихорадке чувств. Нет, они не лгуны и не обманщики, просто они очень доверчивы сами к себе и к своим словам и обещаниям.*

Но время течет, время проходит...

Она знала, что ничего этого не будет. Он не приедет в Петербург. И они больше никогда уже не встретятся в этой жизни. Фабрика не отпустит его.

Наши заветные желания, исполняясь, крепко, фатально удерживают нас. И даже огонь в крови не в силах...

Но у нее ведь тоже было свое заветное желание, и она исполнила его сама. То, что она имеет, то, чем она владеет, то, что она любит... Все эти люди, которые на ее фотопортретах... Ее дар.

Это ведь тоже часть нее. Возможно, даже главная часть.

Как от этого отказаться?

Одно она знала: то, что они пережили вместе с ним в Горьевске, действительно стало неотъемлемой частью их обоих. И сколько бы еще ни осталось им жить на этом свете, они этого уже никогда не забудут.

Надо только как-то научиться с этим жить.

Она взглянула на свое отражение в матовом стекле двери вагона. Смутный образ... словно в начале проявки на тех венских ортохроматических пластинах негативов, которые она так любила.

Смутный образ не имел четких очертаний. Нет, он уплывал, истончался, таял... Как будто процесс проявки обратился вспять.

И с этим тоже надо как-то научиться жить. Научиться справляться – подумала Елена Мрозовская.

Снова взглянула на себя в матовое стекло.

И поправила сбившуюся на затылок шляпку с вуалью, перед тем как зайти в вагон первого класса.

1 января

Там...

Где?

На матовом стекле...

Ателье Мрозовской...

И в их числе...

Анфиса переиначила стихотворение. Она смотрела в матовое стекло увеличенной фотографии Елены Мрозовской, которую повесила у себя в галерее.

Бархатная шубка на плечах... Темные волосы... Прекрасные глаза женщины, о которой она столько думала и так мало знала.

Было первое января. Снег не выпал в Москве в эту зиму. Лил дождь как из ведра, словно вернулась осень.

Новый год Анфиса встретила в полном одиночестве. Дома. Катя звонила ей и настойчиво звала к себе. Предлагала ехать к друзьям. Но Анфиса мягко отказалась.

Она легла спать в новогоднюю ночь рано. И проснулась в полночь, когда начали грохотать петарды. Столько шума из ничего...

Она закуталась в одеяло, сидела в постели в темной спальне.

Она старалась ничего... никого не вспоминать. И, конечно, не загадывать никаких желаний. Она почти смирилась с пустотой, что ее окружала.

Сидела, вытирая слезы кулаком и кляня себя за постыдную слабость.

Кто не плакал в новогоднюю ночь – тот не жил...

Под утро она заснула. Поздно встала, глядя в окно на черный асфальт улицы, заливаемой дождем.

В три часа она решила поехать в галерею на Гоголевский бульвар.

Туда уже притащились нанятые уборщики из клининговой компании – убирать остатки шумной и многолюдной вечеринки, отгремевшей ночью, которую собрали из своих друзей и завсегдатаев галереи компаньоны Анфисы.

Проходя через оба зала галереи, Анфиса созерцала остатки чужого пиршества: бокалы с недопитым шампанским, бутылки, пластиковые тарелки, полные косточек от маслин и мандариновых шкурок. Уборщики складывали мусор в пластиковые мешки. Один, взобравшись на лестницу, менял галогенную лампу в модном светильнике.

Белые стены галереи обступали Анфису со всех сторон. На стенах – фотографии. В небольшой комнате, примыкающей к выставочному залу, Анфиса устроила выставку фотопортретов работы Елены Мрозовской. Все

это были репринты ее знаменитых работ. Анфиса скользила по ним взглядом. Все эти великие люди, оставившие свой след...

Она думала о том, что фотографии, доставшиеся ей от фотографа Нилова, она вряд ли когда выставит на публику – даже после того, как ей их вернут по окончании уголовного дела об убийствах, к которому они были приобщены как вещественные доказательства.

Пусть это так и останется тайной. Ее тайной – Елены Мрозовской.

Анфиса подошла близко к ее портрету, висящему напротив двери.

Где?

На матовом стекле...

В их числе...

Она увидела свое смутное отражение.

А потом увидела темный силуэт. Он словно возник ниоткуда и отразился...

Она резко обернулась.

Борис Первоцветов был в зале галереи. Стоял в нише у окна напротив входа в этот маленький зал. Стоял, выпрямившись, засунув руки в карманы черного пальто, расстегнутого, почти с фотографической четкостью контрастирующего с белой рубашкой. Ни шарфа, ни джемпера в зимний день, заливаемый ледяным дождем.

Анфиса смотрела на него. А он на нее.

С некоторых пор она считала себя сильной, но в этот миг ей показалось, что она вот-вот лишится чувств.

Быстро пошла прочь из зала. Он не двинулся с места. Она пересекла выставочный зал. Уборщик что-то спросил у нее – мол, кому ключи, когда закончим уборку и сдадим на охрану?

Она не ответила. Она боялась, что либо точно упадет, либо расплчется, либо того хуже – *потеряет себя в его глазах, не выдержит и заговорит с ним первой.*

Гордость... нет, это не гордость... Этому нет названия...

Нет, название есть...

Она вышла на улицу, метнулась через дорогу и быстро зашагала под дождем по Гоголевскому бульвару к метро «Кропоткинская».

Она не оглядывалась.

Первое января – день пустоты. День сонных улиц, пустых бульваров, закрытых кафе. Первый день нового года, окутанный тишиной.

Анфиса спустилась в метро. Подошел поезд, она зашла в почти совершенно пустой вагон и...

Капитан Первоцветов...

Он зашел в соседнюю дверь вагона, хотя она не видела его на платформе.

Встал напротив Анфисы, прислонившись к стеклянным дверям.

Он смотрел на нее, не отрываясь. Она тоже не могла оторвать от него взора.

Синие глаза цвета Черного моря, цвета тьмы...

У Анфисы задрожали губы, и она закусила их как от боли.

Поезд грохотал в туннеле. Остановился. Станция «Фрунзенская».

Тронулся. Тьма, свет... Грохот колес...

Метро... о боже... я люблю его... метро, ну сделай же что-нибудь...
Ну пожалуйста, метро...

Станция «Университет».

Анфиса встала, ощущая, что ноги ее не держат, схватилась за поручень. И сразу поняла, что он рядом, сзади. Подошел и встал так близко, что почти касается ее. Его рука легла на поручень рядом. Еще миг – и он накроет ее руку своей ладонью...

Анфиса выскочила из вагона и побежала по платформе, по лестнице, наверх, на улицу.

Не оборачиваясь – через дорогу, мимо трамвайных путей, к своему дому.

С улицы – во двор, где лужи, мокрые от дождя машины, мокрый асфальт...

Мокрые волосы, прядями струящиеся, как змеи...

Она откинула прядь со лба, ринулась к двери подъезда и оглянулась.

Двор был пуст.

Первоцветов не шел за ней, не преследовал ее.

Анфиса огляделась. Сердце ее замерло, а потом упало...

Она сошла со ступенек подъезда, быстро пересекла двор, озираясь.

Нет, его нет...

Она побежала через двор...

На улицу...

И там нет...

Нигде.

Он не пошел за ней следом до ее дома.

А разве она этого хотела, когда убегала от него? Как можно одновременно страстно желать – и бежать от своих желаний?

Очень медленно, потому что силы совсем покинули ее, Анфиса вернулась к дому, открыла дверь подъезда, поднялась на лифте. Открыла ключом входную дверь.

Прислонилась к стене и съехала вниз на пол.

По ее щекам текли слезы, и она уже не вытирала их гневно кулаком. Она ощущала себя больной. Она чувствовала себя так, словно что-то безвозвратно потеряла – вот сейчас, в этот миг.

Ей хотелось кричать. И она била кулаком по полу до тех пор, пока боль не стала такой острой, что...

Стены квартиры давили на нее. Взгляд ее был прикован к окну.

Вы спрашивали, открывается ли окно... Оно легко открывается...

Анфиса встала на ноги. Долго смотрела на окно своей спальни, где январский мрак уже победил первый день нового года.

От соблазна...

Пусть это не Башня с часами...

Но и здесь высоко...

От соблазна...

Она повернулась к окну спиной. Она шагнула к двери. Лучше сейчас уйти из дома – куда угодно. Лучше, безопаснее куда-то пойти, чтобы только не быть одной, оплакивая утрату, которую уже точно не вернешь.

Распахнула дверь квартиры и...

Наткнулась на него.

Первоцветов стоял за дверью, вплотную – она наткнулась на него грудью и замерла, ощущая его, преграждающего ей путь собой.

Твердый, несокрушимый под своей тонкой рубашкой, вымокшей под дождем.

Они замерли, став одним целым. Он наклонился к ней, касаясь лицом, губами ее волос. Она зарылась лицом в его грудь, ощущая губами под мокрой рубашкой его мускулы, его кожу, стук его сердца.

Миг они стояли неподвижно, а потом его руки сомкнулись вокруг нее кольцом.

Как и тогда, в их самый первый раз.

Где?

На башне с часами?

На матовом стекле?

Нет, здесь, сейчас... время уже не важно... И часы те – металлолом...

Ее разбудил солнечный свет.

Анфиса открыла глаза – потоки утреннего света лились в спальню через высокое окно...

Широкая кровать, вся влажная, со скомканным бельем, упавшим на пол покрывалом.

Второй день нового года... Или третий? А какой сегодня вообще год? Солнце, комната, мир поверх его плеча.

Но вот во сне он повернулся на бок, выбросил руку в сторону, словно отпуская ее на волю...

На его руке – обручальное кольцо. Анфиса подняла свою руку к глазам. На ее руке – обручальное кольцо. Золотой блик...

Она вспоминала, *как это было*. Их тени на стене в свете лампы. Его синие глаза, в которых она тонула, потому что он тонул в ее темных глазах. Их тела, которые были словно созданы друг для друга и сами знали, что лучше, как надо...

Волна поцелуев – он не мог сдержаться... Вот следы его губ на коже... Ее стоны, ее лепет... Его страстный бред, на который способны только такие безбашенные парни и который она помнила дословно, и даже сейчас ее щеки пылали. Ее руки, скользившие по его коже, ласкающие его плечи, его бедра, живот, касающиеся мускулов, изгибов, шрамов, что еще не зарубцевались, шрамов, которые она целовала тысячу раз в ночи. Молоко и мед, вкус такой плотский, бесконечно земной... терпкий...

И как он приподнялся на руках, прижимая ее бедрами все сильнее к постели, и его рука сжала ее кисть, а затем он открыл ладонь, на которой было обручальное кольцо. Откуда взял? Он ведь был голый и глубоко в ней. Не отпуская ее ни на миг, продолжая сладко трудиться, ведя ее за собой все выше, выше к тайной вершине, откуда открывается вид на райские долины, полные нежного обжигающего огня, он медленно надел ей обручальное кольцо на палец. А потом они взмыли с вершины к синим молниям, что вспыхивали среди ночных звезд. Сплелись в объятии, перевернулись, и он, опершись спиной о подушки изголовья постели, не отпуская ее, протянул ей свою руку. И она надела ему обручальное кольцо. Может, не так медленно и плавно, как он, потому что она уже не могла сдержать криков, что рвались из груди, когда они снова кончили вместе, уже обрученные.

Анфиса переживала этот миг снова и снова. Горячая волна радости подхватывала ее и уносила туда, где сверкали эти синие молнии. Он лежал рядом. И она поражалась красоте его тела. *Почти античная красота...*

Все же фотограф в ней был силен и даже в этот миг пытался взять верх...

Ей хотелось его сфотографировать, потому что от красоты, мощи и счастья у нее захватывало дух.

Она даже ворохнулась в постели, пытаясь выскользнуть на секунду, чтобы отыскать фотокамеру в хаосе разбросанной одежды, который начинался от самой входной двери.

Но тут он открыл глаза. И улыбнулся ей так, как никому и никогда не улыбался – только ей одной в целом мире. Приподнялся, потянулся к ней. И вот они уже снова безумно целовались.

А потом опять взлетели.

Не нужно никаких крыльев из перьев и воска, чтобы летать вот так наяву. Есть более сладкие способы полета.

Башня с часами осталась где-то далеко, далеко, далеко внизу. Маленькая и ничтожная, лишенная былой силы.

Они оставили у ее подножия все, что разделяло, все, что плодило гнев, отчаяние, печаль и боль.

И туда, в это место, с силой ударила синяя молния.

Можно строить даже на пепелище...

Только надо любить и желать.

Примечания

1

«Она совокуплялась с Антониом на сцене на ложе из роз?» (фр.)

Вернуться

2

Что хочешь? (лат.)

Вернуться

3

Я исполню. (лат.)

Вернуться